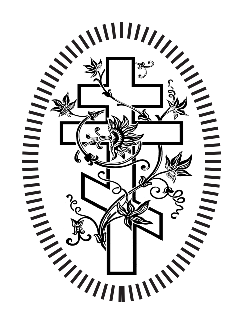
Русская цивилизация



РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Серия самых выдающихся книг великих русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения:

Св. митр. Иларион
Повесть Временных Лет
Св. Нил Сорский
Св. Иосиф Волоцкий
Москва – Третий Рим
Иван Грозный
«Домострой»
Посошков И. Т.
Ломоносов М. В.
Болотов А. Т.
Ростопчин Ф. В.
Уваров С. С.
Магницкий М. Л.
Пушкин А. С.
Гоголь Н. В.
Тютчев Ф. И.
Св. Серафим Саровский
Шишков А. С.
Муравьев А. Н.
Киреевский И. В.
Хомяков А. С.
Аксаков И. С.
Аксаков К. С.
Самарин Ю. Ф.
Валуев Д. А.
Черкасский В. А.
Гильфердинг А. Ф.
Кошелев А. И.
Кавелин К. Д.
Коялович М. О.
Лешков В. Н.
Погодин М. П.
Аскоченский В. И.
Беляев И. Д.
Филиппов Т. И.
Гиляров-Платонов Н. П.
Страхов Н. Н.
Данилевский Н. Я.
Достоевский Ф. М.
Игнатий (Брянчанинов)
Феофан Затворник
Одоевский В. Ф.
Григорьев А. А.
Мещерский В. П.
Катков М. Н.
Леонтьев К. Н.
Победоносцев К. П.
Фадеев Р. А.
Киреев А. А.
Черняев М. Г.
Ламанский В. И.
Астафьев П. Е.
Св. Иоанн Кронштадтский
Архиеп. Никон (Рождественский)
Тихомиров Л. А.
Суворин А. С.
Соловьев В. С.
Бердяев Н. А.
Булгаков С. Н.
Трубецкой Е. Н.
Хомяков Д. А.
Шарапов С. Ф.
Щербатов А. Г.
Розанов В. В.
Флоровский Г. В.
Ильин И. А.
Нилус С. А.
Меньшиков М. О.
Митр. Антоний Храповицкий
Поселянин Е. Н.
Солоневич И. Л.
Св. архиеп. Иларион (Троицкий)
Башилов Б.
Концевич И. М.
Зеньковский В. В.
Митр. Иоанн (Снычев)
Белов В. И.
Лобанов М. П.
Распутин В. Г.
Шафаревич И. Р.
Кожинов В. В.

ПРЕПОДОБНЫЙ
СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

СТЯЖАНИЕ ДУХА СВЯТОГО

МОСКВА
Институт русской цивилизации
Родная страна
2014

УДК 271.2-72
ББК 86.372
С 32

Преподобный Серафим Саровский

С 32 Стяжание Духа Святого / Сост. и примеч. А. Н. Стрижева / Отв. ред. О. А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, Родная страна, 2014. — 480 с.

В книге публикуются труды, наставления и поучения великого русского святого – преподобного Серафима Саровского (1753–1833), чьи идеи и мысли стали одной из духовных вершин русской цивилизации.

В беседе с учениками старец Серафим учил, что цель христианской жизни состоит в стяжании (обретении) Духа Святого, объяснял условия этого стяжания (трезвление души и духа, чистота плоти) и его средства (пост, молитва, добрые дела). Он говорил о том, что Бог близок каждому и лишь по всеобщей хладности к вере люди утеряли способность видеть Бога и распознавать истинные явления Святого Духа. Он показал одному из своих учеников Н. Мотовилову, что значит пребывать в полноте Духа. Кульминационный пункт беседы наступил тогда, когда по молитве старца Мотовилов телесными глазами узрел происходящее с ним самим и Серафимом чудо преображения – оба они оказались в сиянии Фаворского света.

ISBN 978-5-4261-0069-5

РАЗДЕЛ I

ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Протоиерей Димитрий Троицкий

Житие преподобного Серафима Саровского

I

Великий угодник Божий и молитвенник земли Русской преподобный Серафим, Саровский чудотворец, принадлежит к сонму подвижников XIX века, отличавшихся неутолимой духовной жаждой нравственного совершенства, благородным стремлением к истинной свободе, освобождающей человека от греха. Старец Серафим по дарованиям от Господа и чрезвычайности подъема своего духа является славнейшим выразителем этой эпохи, и потому его жизнеописание, его восхождение «от силы в силу» представляют для православных русских людей глубокий назидательный интерес.

Батюшка Серафим, в миру Прохор Исидорович Мошнин, родился 19 июля 1754 года в городе Курске, на Сергиевской улице, близ храма в память преподобного Сергия Радонежского. Родители Прохора, Исидор и Агафия, принадлежали к именитому и богатому кур-

скому купечеству. В семействе у них был еще старший сын Алексей, пошедший по торговой части, потомство которого долго сохранялось. Исидор Мошнин владел кирпичными заводами, он брал большие подряды на постройку каменных храмов и домов, но вскоре умер. Прохору и всего-то было три года, когда он лишился отца. Делами в осиротелом доме стала заведовать мать, уделявшая внимание воспитанию своих детей, внушению им страха Божия и уважению к людям.

Немного сохранилось сведений о детстве Прохора, но во всех его жизнеописаниях рассказываются два события из его ранних лет. Первое, когда семилетний Прохор на глазах своей матери упал с колокольни строящегося храма на землю и остался жив. Тогда мать в трепетном предчувствии страшного горя сбежала с высоких лесов вниз, боясь найти сына разбитым насмерть. Прохор же остался цел и невредим. В этом чудесном спасении мать увидела особое попечение Божие о ее сыне. Другое событие – чудесное явление ему Божией Матери. В ту пору Прохору было около десяти лет. Серьезно заболев, он в сонном видении сподобился лицезреть Пресвятую Богородицу. Тогда Она обещала исцелить его. И вот случилось в то время идти крестному ходу с Курской Коренной иконою по той самой улице, где стоял дом Мошниных. Обрушился ливень... Для сокращения пути крестный ход свернул через проходной двор Мошниных. Мать Прохора поспешила вынести сына к иконе, – и с этого дня он стал поправляться. Та болезнь, равно как и падение с высоты, нисколько не подорвали крепкого здоровья Прохора. Мальчик рос сильным, волевым и впечатлительным, отличался прекрасной памятью и врожденными добродетелями – кротостью и смирением.

В те времена грамоте обыкновенно обучались по Псалтири, храмы же Божии своею красотою и прекрас-

ным богослужебным обиходом одаривали детей теплотой и чистотой, возвышенными помыслами. К этим спасительным источникам и влекло юного Прохора. Любил он чтение Священного Писания сначала в храме, а затем в чтении взрослых, а когда сам выучился читать евангельское и святоотеческое слово, посещение церковных служб стали для него насущной необходимостью. Усердие к храму Божию и воспитующая сила Писания решительно повлияли на дальнейшую судьбу Прохора: он укрепился духовно и решил оставить мир, чтобы посвятить себя строгой иноческой жизни. На 17-м году мысль оставить мир и стать монашествующим окончательно созрела в Прохоре. Мудрая христиански настроенная матушка его своим материнским чутьем поняла истинное призвание сына и не мешала Прохору посвятить себя Богу и людям.

II

Надо иметь в виду, что прежняя жизнь русских людей в значительной степени наполнялась глубоким нравственным содержанием, и это содержание вызывало к жизни трогательные, торжественные и красивые в своей простоте обычаи. К примеру, вот кто-нибудь в семье собирается в дорогу. Сборы окончены... Перед тем как идти или ехать, все садились. Какая-то благодатная тишина проникала семью, отъезжающих и остающихся. Трепетно думалось в эти минуты: не забыть бы чего существенного, важного, унести бы с собой в дорогу мир и душевный покой.

В семье Мошниных сильна была эта русская привычка. Трогательно бывало прощание матери с сыном; особенно было трогательным, когда Прохор уходил поклониться киевским святыням, чтобы и там, среди монастырской тиши, вблизи святых угодников и старцев, проверить свое решение покинуть суетный мир. На про-

щание все сели, помолчали, подумав о многом, затем встали, помолились, и Прохор поклонился родительнице своей в ноги. Она велела приложиться ему к иконам Спасителя и Божией Матери, после чего благословила большим медным крестом, с ним-то Прохор и отправился в путь. Материнское благословение это свято хранил он всю свою жизнь. Крест носил поверх своей одежды открыто, с ним много лет спустя и скончался.

Напутствуемый благопожеланиями родной матери и близких, Прохор прибыл в Киев. Величественный вид храмов киевских, обилие древних русских святынь и монастырей с множеством иноков переполнили Прохора впечатлениями, неизреченной радостью духовной. Поначалу он направился к прозорливому и мудрому затворнику Досифею, который старчествовал тогда в Китаевой пустыни, что неподалеку от Киево-Печерской Лавры. С радостью, страхом и благоговейным трепетом стучался юный Прохор в дверь затворника Досифея. И когда вошел к нему, встал на колени, обливаясь слезами, открыл свою душу, свои помыслы, умиленно прося у богомудрого старца совета, благословения и указаний, куда и к кому надлежит ему идти, где искать спасительных путей, сокрушающих зло; где тот уголок, та келия и те плиты церковные, которые приютят его для духовных трудов.

Старец Досифей обласкал юношу и указал ему на Саровскую пустынь. Обрадованный и успокоенный великим затворником, юноша еще раз поклонился святыням киевским, затем ненадолго возвратился в родной Курск, в свою семью, чтобы попрощаться и окончательно уйти в глухие леса Саровской пустыни. 20 ноября 1778 года, накануне праздника Введения во Храм Пресвятой Богородицы, 19-летний Прохор пришел в Саров. С чувством трогательного умиления увидел юный странник назначенную ему Богом обитель. Была зима, но треску-

чие морозы не расхолодили горячего порыва странника... Чистый, белый зимний покров целиком соответствовал состоянию богоизбранного юноши, а зеленые громады вековых сосен и елей словно подтверждали: жизнь вечна, ее нельзя сковать и заморозить, животворные силы благодатно сообщали бору вечнозеленую красоту...

Думается, уже один внешний вид Саровской пустыни – этой раскрытой книги русского подвижничества – согревает русского человека. Пустынь расположена чрезвычайно живописно – на высоком обрыве. И купола Успенского собора далеко видны в окрестностях Сарова, привлекая усталого путника молитвенным уютом и монастырской тишиной. У подножья горы, на которой высится монастырь, Сатис и Саровка сливаются в одну реку. Кругом дремучий лес, и на далекие пространства вокруг никакого жилья.

III

Настоятельствовал в пустыни строгий, но ласковый игумен Пахомий. Родом он был тоже из курских купцов и, конечно же, знал родителей Прохора. Угадывая опытным взором всю силу и чистоту решения юноши, отец Пахомий ласково принял его, поручая на попечение казначею монастыря иеромонаху Иосифу. У этого старца Прохор состоял келейником, затем его посылали на послушание в хлебню и просфорню, после определили чистодеревщиком в столярню. Одно время его обязали будить братию к ранним службам. Впрочем, исполнением этих несложных, но утомительных занятий, конечно, не замыкался круг забот юного послушника. С величайшей ревностью привлек он свое внимание к самой сущности монашеского звания – к перевоспитанию самого себя, к наблюдению за собою и достижению нравствен-

ного совершенства. Юноша, выросший в страхе Божием, ревностно вступил на путь иноческого самоотвержения, воспитывая в себе трудолюбие, кротость, воздержание во всем, а главное, прилежание к молитве, – вот что становится теперь во главу его жизни! Он знал, что в обители, под строгим руководством старцев, ему надлежит оградить себя от соблазнов мира, что только здесь возможно подвизаться для аскетических подвигов, для полного раскрытия в себе духовных дарований. Твердо решившись на духовный подвиг, юноша с радостью взялся исполнять монашеские заветы, оставленные в назидание преподобным Иоанном Лествичником, который говорил: «Как корабль, имеющий искусного кормчего, благополучно с Божией помощию входит в пристанище, так и душа, имеющая доброго пастыря, легко восходит на небо, хотя бы и была ранее грешной... Как идущий по незнакомому пути без путеводителя легко может заблудиться, хотя бы он был разумным, так и в монашестве самовластно проходящий свое монашеское послушание легко погибает, хотя бы и знал премудрость всего мира».

Серьезное, вдумчивое отношение к иноческому устроению сказалось в рвении юного послушника неопустительно посещать церковные богослужения и неподвижно выстаивать все службы. Прохор и потом стоял всегда на определенном месте от начала до конца службы, строго исполнял он и свое келейное правило. Разумеется, были у инока Прохора и затруднения, встречались и препятствия для успешной борьбы. Помыслы, печали, скука, уныние – эти постоянные спутники греха, отравляя нашу мирскую повседневную жизнь, бывает, проходят и внутрь монастырских стен. Но как настойчиво и победоносно отражал эти диавольские козни новоначальный инок! Он побеждал постоянным наблюдением над собою, побеждал трудом и молитвой.

Дома Прохор читал священные книги и занимался физическим трудом. Евангелие и послания апостолов он читал всегда стоя. Из духовных книг читал «Шестоднев» святого Василия Великого, «Беседы» святого Макария Великого, «Лествицу» преподобного Иоанна, «Добротолюбие» и многие другие. Начитанность развила в иноке способность все сказанное в книгах применять к человеку и разным состояниям его характера – отсюда умение всякое жизненное положение прояснить истинным решением, всякое доброе дело облагоухать благодатию Божией. Физическим же трудом он занимался, участвуя на общих работах монастырской братии – на сплаве леса, заготовке дров, а во время отдыха он искусно вырезывал из кипариса крестики и раздавал их богомольцам. И все же больше всего он любил уединенную молитву и воздержание. Будущий великий подвижник, постник и труженик, инок Прохор как бы с самого начала сознавал сущность подвижничества и сладость монашества. Его монастырская жизнь – это живой, наглядный пример аскетизма, постоянного самоотречения, отказа от всего того, что мешает спасению.

Идеал святости вынашивал в своем сердце юный Прохор, к нему он направлял свои силы и свой духовный порыв. Уже в ранние годы своего иночества Прохор придерживался строгого поста. Он ничего не вкушал по средам и пятницам, а в другие дни недели принимал пищу раз в день. По благословению и с разрешения своего старца Иосифа молодой Прохор в свободные часы уходил в лес для одинокой молитвы. В чаще леса он устроил шалаш и там погружался в созерцательную молитву. В тишине, вдали от людей, он умиленно отдавался молитвенному подвигу среди немеркнущих красот природы, раскрывавшей ему величие Всемогущего Творца.

В 1780 году Прохор опасно заболел. Тело его распухло, болезнь не поддавалась никакому лечению, возможно, это была водянка. Проболел он три года, из которых полтора года пролежал в постели. Необыкновенное уважение, которое питали к молодому иноку саровские старцы и монастырская братия, еще полнее проявилось во время его болезни. Старец Иосиф, игумен Пахомий, старец Исаия находились при нем неотлучно, прочая братия возносила за него молитвы. Однажды старец Иосиф отслужил о здравии Прохора Божественную литургию. Больной исповедовался и причастился. И вот тогда в неизреченном свете явилась болящему Матерь Божия с апостолами Иоанном Богословом и Петром. Владычица, указывая Иоанну Богослову на послушника, сказала: «Этот – Нашего рода» – и возложила правую руку на его голову, а жезлом, который держала в левой руке, Она коснулась болящего. От этого прикосновения у Прохора осталось в ноге углубление, через которое и стала вытекать накопленная жидкость, причинявшая ему мучительные страдания. Так чудесным образом быстро и поправился Прохор.

Вскоре в Сарове приступили к новым постройкам. Келию Прохора, в которой совершилось это чудесное исцеление, снесли, и на ее месте построили больницу с богадельнею, а при больнице церковь в два этажа: внизу – во имя преподобных Зосимы и Савватия Соловецких, а наверху – во имя Преображения Господня.

За сбором пожертвований на эту церковь и посылали тогда инока Прохора в мир. Обходя великое множество городов и сел Матушки-России, он сподобился побывать «и у Каспия широкого, и у царственной Невы»... Зашел он и в родной город Курск, свиделся со своим братом, вспомнил дни детства и горячо любимую мать, которая в то время уже лежала в земле; ходил он на городское

кладбище и там, у могильного холмика своих родителей, простаивал подолгу в сердечной молитве. Брат Алексей уже успешно вел свое хозяйство и мог выделить от себя щедрое пожертвование на монастырский храм.

В некоторых жизнеописаниях преподобного рассказывается о внешнем его юношеском облике, когда он еще был послушником Прохором: «Росту высокого; лицо белое и полное, нос правильный и острый; светло-голубые, выразительные и проницательные глаза, густые брови; густые светло-русые волосы на голове; окладистая борода соединялась с густыми усами; он был крепок и силен, обладал увлекательною речью, необыкновенною памятью и светлым, отчетливым соображением».

IV

13 августа 1786 года Прохора постригли в монашество и нарекли Серафимом – «Пламенным». Постригавший Прохора как будто на всю последующую жизнь хотел напечатлеть на нем тот духовный пламень, которым согревался молодой послушник. Спустя год инока Серафима рукополагают во иеродиакона, и с этого дня он в течение шести лет почти беспрерывно участвует в богослужении. Усиленно занимался он и домашней молитвой: накануне воскресных и праздничных дней он все ночи простаивал на молитве, не чувствуя утомления и не нуждаясь в отдыхе. Благодаря таким подвигам отец Серафим удостоился особых откровений. Временами он видел Ангелов в белых златотканых одеждах, сослужащих братии в моменты монастырских богослужений. Особенно же знаменательного видения удостоился иеродиакон Серафим при совершении Божественной литургии в Великий Четверг. Когда после малого входа иеродиакон Серафим возгласил: «Господи, спаси благочестивыя и услыши ны»

и, обратясь к народу, закончил: «и во веки веков», то он весь сразу преобразился, не мог сойти с места и вымолвить ни слова. Служащие поняли, что ему было видение. Иеродиаконы под руки ввели его в алтарь, где он, будто онемев, простоял три часа, то разгораясь лицом, то бледнея. Когда пришел в себя, то рассказал он своим старцам Иосифу и Пахомию сие видение.

«Только что провозгласил я, убогий, – рассказывал иеродиакон Серафим, – “Господи, спаси благочестивыя и услыши ны”, и, наведя орарем на народ, окончил: “и во веки веков”, – вдруг меня озарил луч как бы солнечного света и увидел я Господа Бога нашего Иисуса Христа, во образе Сына Человеческого, во славе сияющего Неизреченным Светом, окруженного небесными силами, ангелами, архангелами, херувимами и серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных церковных врат грядущего в воздухе. Приблизясь в таком виде до амвона и воздвигнув пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих. По сем вступил во святой местный образ Свой, что по правую руку Царских врат, преобразился, окруженный ангельскими ликами, сиявшими Неизреченным Светом во всю церковь. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости любви к Богу».

После этого явления отец Серафим еще больше стал уединенно молиться, все чаще он уходил по вечерам в свою лесную келию, проводил там в молитве целую ночь и лишь к утру возвращался в Саров.

V

В почин сентября 1793 года иеродиакона Серафима епархиальное начальство вызвало в Тамбов и там ру-

коположило во иеромонаха. С этого времени, пока батюшка жил в самой пустыни, он ежедневно приобщался Святых Таин. Облеченный благодатию священства, благоговейно и с любовью проходит он служение Святой Церкви. Подобно Серафиму небесному, он всецело предает себя на служение Богу, молитвенно бодрствуя пред Ним день и ночь; забывает о пище и питье, и сожалеет, что нуждается в отдыхе и не может безпрерывно служить Богу. Задачу его жизни, по его собственному выражению, составляет теперь «окончательное устройство дома души». Отныне он «носит в своей груди сердце, как воск таявшее от неизреченной сладости посещавших его небесных видений».

В это время отец Серафим был уже достаточно подготовлен к трудному и великому подвигу – пустынножительству. Вскоре скончался настоятель монастыря, архимандрит Пахомий, перед смертью благословил он отца Серафима на подвиги в уединенной пустыни. 20 ноября 1794 года, тридцати пяти лет от роду, иеромонах Серафим удалился в пустынную келию, расположенную в 5-6 верстах от монастыря, в дремучем лесу, вблизи речки Саровки. Поводом к переселению послужил тяжкий недуг: от долгого стояния в храме и на домашней молитве у него начали опухать ноги и открылись раны. Лесная келия была простой избой с печью, сенями и крылечком. Вокруг келии разбит небольшой огород, который по весне и летом возделывал отец Серафим; был у него и пчельник. Одежда батюшки была самая простая и грубая: на голове поношенная камилавка, на плечах белый полотняный подрясник, руки в кожаных рукавицах, ноги в бахилах (кожаных чулках) и лаптях. На груди открыто висел медный крест – матушкино благословение, за спиною сумка, а в ней Евангелие.

Одна и та же одежда была у него летом и зимою. В труде обретал светлое и радостное настроение. Случалось, что во время работы лопата или мотыка вдруг выпадала из его рук, при этом лицо его принимало дивное выражение, и он, стоя неподвижно, углублялся в созерцание тайн Божиих. Взрыхляя землю, отец Серафим распевал псалмы и церковные песнопения. Особенно любил петь догматик первого гласа: «Всемирную славу...» и антифон: «Пустынным непрестанное Божественное желание бывает...» Молитвенное же правило его в пустыни бывало обширно и строго. Вместо вечерних молитв подряд клал тысячу поклонов. Ел отец Серафим одни только овощи. Сухой, черствый хлеб он брал с собою из монастыря по воскресеньям на всю седмицу, но раздавал его почти весь птицам и лесным зверям, которые подходили к нему и любили его общения. Было время, когда пустынник отказывался даже и от хлеба. В продолжение почти трех лет питался лесной травкой – снытью: варил ее в горшочке, а на зиму сушил про запас. В воскресные же и праздничные дни, а также в кануны их отец Серафим приходил в обитель, выстаивал все положенные богослужения и приобщался Святых Христовых Таин. Уветлив был, беседуя с иноками, внимавшими его мудрым наставлениям. И, побеседовав, снова удалялся в спасительную пустыню. Там пламенеющий любовию к Богу иеромонах Серафим проходил все виды самоотвержения и все подвиги молитвенного труда.

– Уединение, молитва, всепрощение и воздержание – суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо, – говорил батюшка неоднократно и прежде, но теперь он всецело следовал этому своему слову.

В годы отшельничества отец Серафим всячески избегал посетителей. Встречавшим же его в лесу людям он обычно смиренно кланялся и поспешно отходил в сто-

рону. На человека, видевшего впервые пустынножителя, эти встречи производили глубокое и неотразимое впечатление; уже один вид угодника Божия, в его убогой одежде, трогал душу, свидетельствуя о чем-то возвышенном и духовном. Этот его вид внушал благоговение не только людям, но и диким зверям. Какая дивная и трогательная картина: подвижник Серафим кормит из рук своих лесного медведя, который послушно выполняет его волю! Вглядитесь пристально в лицо батюшки, сияющее ангельским светом радости и милосердия, и вы сумеете прочесть тайну смирения и послушания медведя.

Но такая напряженная жизнь подвижника возбуждала и жестокую злобу диавола, наводящего на него разные искушения. Однажды во время молитвы отец Серафим услышал вой зверей за стенами своей келии. В другой раз какая-то шумная толпа людей начала выламывать дверь; выбила дверной косяк и бросила в жилище отшельника огромный обрубок дерева, его потом с трудом могли вынести восемь человек...

Иногда во время молитвы батюшке представлялось, что келия рушится и что к нему рвутся с диким ревом страшные звери; или он видел открытый гроб, из которого вставал мертвец. Все эти внешние видения и искушения отец Серафим побеждал силою крестного знамения. Тогда враг стал нападать на него с еще большей яростью. Он поднимал подвижника на воздух и с такою силою ударял его об пол, что кости могли бы быть сломаны, если б не охраняла его в то время Божественная помощь. Можно думать, что преподобный вполне испытал на себе искушающую силу злых духов. На простосердечный вопрос одного мирянина о бесах подвижник с улыбкой ответил: «Они гнусны. Как на сияние Ангела взглянуть грешному возбраняется, так и бесов видеть нельзя, ибо они гнусны».

В эти годы отец Серафим дважды был избираем в игумены и архимандриты монастырей, но, по своему смирению, он отказался от этих должностей. Ненавидя такую стойкость, диавол еще сильнее ополчился новою бедою, воздвигнув в его душе мысленную брань – самую ужасную из бед...

Тяжело было подвижнику. Но кто внимателен к жизни духовной, кто строже следит за движениями своего сердца, у того чувствительнее совесть, на того сильнее и нападение князя тьмы. Ведь и на обыкновенной войне враг наносит удар там, где сосредоточены главные силы, чтобы сломить и уничтожить главное сопротивление. Призвав на помощь Христа Спасителя и Матерь Божию, отец Серафим решился предпринять подвиг столпничества.

VI

В лесу, на полпути от келии к монастырю, лежал гранитный камень громадной величины. На этом камне преподобный повел жизнь столпника. Неопустительно каждый день и каждую ночь становился он на камень и стоял на нем во весь рост или на коленях, с поднятыми руками, непрестанно повторяя: «Боже, милостив буди мне грешному»... В то же время отец Серафим в келии своей поставил другой камень и в том же положении молился на нем целый день. В этом великом подвиге старец провел тысячу суток. Физическое изнурение и непрестанная молитва утешили его. Лукавый перестал испытывать подвижника, ведь подвижник закалил себя, и искушающие помыслы, страхования перестали его беспокоить. Трехлетнее стояние на камне изнурило отца Серафима, и у него снова заболели ноги. «Сил человеческих не хватило бы, – говорил впоследствии отец Серафим о своем

столпничестве, – да я внутренно подкреплялся и утешался Небесным даром, нисходящим от Отца Светов. Когда в сердце есть умиление, то и Бог бывает с нами».

Об этом своем стоянии старец открылся саровской братии лишь на склоне дней, незадолго до своей кончины. Камни, на которых отец Серафим молился, существовали до недавнего времени. От большого камня остался всего один осколок; многие почитатели святого и паломники в Саровскую пустынь откалывали себе на память кусочки от этих камней. Среди православных встречались такие семьи, где эти кусочки гранита с изображением на них молящегося отца Серафима благоговейно сберегались годами, затем их передавали потомству. Одна такая частица того самого камня хранилась в храме Преподобного Серафима в Париже (на улиц Лекурб, № 91). Это был дар мне Екатерины Сергеевны Дохтуровой, вывезшей эту частицу камня из Царского Села. Хранится в том же храме и маленькая частица мантии преподобного Серафима, то дар архиепископа Александра, восторженного почитателя всенародного святого и усердного молитвенника к нему. Обе эти священные реликвии и немного мучки, раздаваемой когда-то в Сарове, вделаны в образ старца; образ положен на аналой, и пред ним в Париже возжжена лампада угоднику Божию.

Испытания отца Серафима на этом не кончились. 12 сентября 1804 года в Саровском лесу к нему подошли трое крестьян и грубо потребовали от него денег. Отец Серафим мог бы защититься топором – держал его в руках, но батюшка опустил топор, сложил руки крестом на груди и сказал:

– Делайте что вам надобно.

Злодеи ударили отца Серафима обухом в голову; изо рта и ушей его хлынула кровь. Отшельник упал замертво. В таком состоянии разбойники потащили старца

в келию, продолжая его нещадно бить. Наконец, связав веревками, хотели его утопить в реке, но, будучи уверены, что он уже мертв, бросили в сенях, а сами занялись тщательным обыском келий. Но денег там не оказалось, обнаружили лишь икону и несколько картофелин. Разочарованные изверги, негодуя, страшно растерялись, потом и вовсе напал на них страх, и они разбежались.

Через несколько времени к отцу Серафиму вернулось сознание. Он с трудом развязал веревки, которыми его связали, и, с Божией помощью, на другой день, во время свершения литургии, пришел в Саров. Вид его в это время был ужасен: волосы на голове и бороде слиплись в запекшейся крови, запылились и были спутаны. Руки и лицо оказались в сильных кровоподтеках, выбито несколько зубов; окровавленная одежда местами прилипла к ранам на теле. Врачи, вызванные из Арзамаса, нашли, что у старца голова проломлена, ребра перебиты, легкие отбиты, и удивлялись, как он еще остался жив. В момент осмотра врачами отец Серафим уснул, и было ему видение: к постели его подошла Пресвятая Владычица с апостолами Петром и Иоанном Богословом и, указывая Своим спутникам на подвижника, произнесла: «Сей – из рода Нашего». Проснувшись, страдалец почувствовал облегчение и испытал неизреченную духовную радость. В тот же день он впервые после нападения поел немного хлеба и квашеной капусты. Чудом избавился от неминуемой смерти отец Серафим, и после пятимесячного пребывания в монастыре, по выздоровлении, возвратился в свою пустынь.

Раны, нанесенные ему разбойниками, а также последствия ушиба, полученного от свалившегося на него дерева, изменили внешний вид некогда стройного иеромонаха; отныне он стал согбенным и ходил не иначе как опираясь на топорик, мотыку или палку.

Обидчиков же отца Серафима вскоре разыскали, ими оказались крепостные помещика Татищева из села Кременки. По мольбе старца злодеев простили. Они раскаялись пред ним, обещали исправиться, тем более что уже были наказаны – молния зажгла их дома и пожар не сумели потушить.

VII

В 1807 году скончался второй со времени поступления отца Серафима настоятель Саровской пустыни – праведный игумен Исаия, которого батюшка любил и почитал. Кончина настоятеля тяжело отразилась на отце Серафиме. Три любимых им старца, с которыми было связано вхождение его в монастырь, – Иосиф, Пахомий и Исаия, лежали уже в могилах. Трогательно подвижник почитал их память: всякий раз он заходил на монастырское кладбище и подолгу молитвенно простаивал возле их могил.

Осиротелый отец Серафим задумал на себя наложить обет молчальничества. Возникло настойчивое желание – превратить этот обет в подвиг, про который так понятно и ясно говорил святой Амвросий Медиоланский: «Молчанием, я видел, многие спаслись, многоглаголанием же – ни единый».

Вспомнились и другие его слова: «Молчание – есть таинство будущего века; словеса же – орудие суть міра сего». От уединения и молчания рождается умиление и кротость, возводящие человека к благочестию, приближая его к Богу, делая его как бы земным Ангелом.

Пустынная жизнь теперь для отца Серафима казалась уже недостаточной, и он принимает подвиг молчальничества. Он избегает посетителей и никого не принимает в своей дальней пустыньке. Если же он

встречался с кем в лесу, то падал ниц, лицом на землю, и не поднимал головы до тех пор, пока около него никого не оставалось. Один из братии раз в неделю, по воскресным дням, приносил ему пищу в пустыньку, так как отец Серафим перестал в это время ходить в монастырь даже по праздникам. И вот зимой, по заметенной снегом дороге брел, бывало, утопая в снегу, к молчальнику посыльный монах и приносил ему хлеб или каких-либо овощей. Дойдя до келий, посыльный входил в сени, ставил на землю пищу. Отец Серафим брал ее, не поднимая глаз на пришедшего, и клал на лоток кусочек хлеба или капусты – того-то следует принести в другой раз.

В том и заключалось внешнее проявление молчальничества. Внутреннее же значение этого подвига, его сущность заключалась в отречении от всех житейских благ и попечений. Около трех лет провел батюшка Серафим в полном молчании, после чего он перешел к высшему подвигу – затворничеству.

Было ему тогда 50 лет. Собор старейших иеромонахов монастыря, проявляя заботу о молчальнике, дабы имел он возможность чаще приобщаться Святых Христовых Таин, решил, чтобы в воскресные и праздничные дни отец Серафим приходил для приобщения в монастырь или же просто переселился бы в Саров. Молчальник, памятуя заветы монашества, заключающиеся в отсечении своей воли и послушании, перешел в монастырь. Это было 12 мая 1810 года. В этот день после 15-летнего пребывания в пустыни затворник Серафим вошел во врата Саровской обители. Настоятель с братией удивились и обрадовались, встретив его, но удивление их возросло, когда на другой день старец Серафим, причастившись Святых Таин, направился к себе в келию, не сказав ни слова. Он затворился в своей келии, сам никуда не ходил и к себе никого не пускал.

В келии его, кроме иконы с неугасимой лампадой и обрубка дерева, служившего ему стулом, ничего не было. Ради умерщвления плоти старец под рубашкою носил толстый пятивершковый чугунный крест. Вериг же и власяницы он на себя никогда не возлагал. И на вопрос об этом отвечал так: «Кто нас оскорбит словом или делом и если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница».

В затворе подвижник питался особенно скудно: толокно да рубленая капуста – еда, а пил он лишь воду. Доставлял безхитростную провизию сосед по келии – монах Павел. Он ставил все принесенное у двери и удалялся. Бывали случаи, что отец Серафим из принесенного ничего не брал, и тогда монах Павел уносил еду обратно...

Сложно и велико было молитвенное правило подвижника Серафима. За неделю он прочитывал весь Новый Завет и, читая, толковал себе Писание вслух. Многие счастливы были прильнуть к его двери и слушать слова назидания, льющиеся из уст отца Серафима. Иногда он за книгой как бы замирал, погружаясь в созерцание, и, переставая читать молитвы, замолкал, неподвижно стоя пред иконой. Во все праздничные и воскресные дни, после ранней обедни, отец Серафим у себя в келии приобщался Святых Таин.

Чтобы памятовать о смертном часе, отец Серафим поставил у себя в сенях дубовый гроб; около него он часто молился, непрестанно подготовляя себя к вечному покою.

VIII

Минуло пять лет строгого затвора, за это время старец Серафим заметно ослаб, но сроки подвигов его еще только начинались. Старец не нарушил своего за-

творничества и безмолвия даже в момент приезда в Саров Тамбовского епархиального архиерея Ионы (бывшего потом экзархом Грузии). Преосвященный пожелал видеть старца-подвижника. Владыка подошел к келии отца Серафима в сопровождении игумена Нифонта, но дверь оказалась запертой. Желание игумена проявить некоторую настойчивость, чтобы старец открыл дверь, не встретило у владыки сочувствия. Проникнутый уважением к старцу, преосвященный сказал: «Не надо, как бы нам не погрешить через сие», – и, отойдя от келий, оставил затворника в покое.

Прошло еще пять лет. Теперь уже старец принимал братию и мирян в своей келии, охотно с ними беседовал и с любовию научал их христианской вере и благочестию.

В 1825 году, 25 ноября, было отцу Серафиму видение Богоматери. Матерь Божия повелела ему выйти из затвора и принимать всех, кто будет нуждаться в его утешении, советах и молитве. В это время батюшке было 66 лет. С богатым опытом полувековой монашеской жизни вступил он на путь старчества – духовного руководства людьми. Заметим: старчество – самый жизненный нерв истинного православного монашества, без него не воспитать духа, не отсечь собственной воли: «Старец в монастыре – это матка в улье, коей подчиняется сам игумен». В Патериках рассказано о многих трогательных примерах истинного смирения пред старцем. Где есть старец, там тепло инокам и послушникам: он и в скорби утешит, и в ссоре примирит, и в недоумениях вразумит, научит. Преподобный Серафим покойному наместнику Сергиевской Лавры архимандриту Антонию (Медведеву) говорил: «Не отцом будь, а матерью своим монахам».

И это применимо к старцу даже больше, чем к игумену, к настоятелю. Настоятель иногда должен быть формально строг, старец же всегда ласков и добр. У

игумена – власть, у старца – любовь. Игумен пригрозит: «Выгоню из обители». Старец вздохнет, задумается, скажет холодно: «Ну, делай как знаешь». И тем даст понять, что ты его обижаешь своим непослушанием, невыполнением его заповеди... Тоже угроза: «Не буду любить, живи как знаешь». А ведь это больше, чем «выгоню». Такому воплощению любви люди готовы бывают в ноги поклониться, проливать слезы покаяния – только бы простил, только бы опять приласкал.

К сожалению, мiр мало знаком с радостями иноческой жизни. Когда соприкасаешься с этой жизнию, когда сердцем познаешь радость общения с благодатными старцами, тогда всей душой стремишься в святые обители, чтобы там освежить себя, обновиться духом и почувствовать превосходство духовных ценностей над суетой мирской. Духовное, таинственное общение с такими старцами не прекращается и по смерти их: любовь ведь никогда не умирает. Достаточно вспомнить, что говорил своим духовным чадам преподобный Серафим Саровский: «Когда скорбно вам будет, приходите на мою могилку, да все мне, как живому, и поведайте, и вам станет легче»...

И к могилке своих старцев стремятся любящие их души, издалека пишут в обитель: «Батюшке родному поклонитесь, на могилку сходите, шепните ему, родному, дочка твоя, сыночек твой скорбит, – помоги, родной». В этих простых, но искренних, слезами растворенных словах чувствуется: в старце ценится его духовный опыт жизни. «Слово от опыта – живая вода, утоляющая жажду души, слово без опыта – вода, разбрызганная по стене. Слово от опыта – чистое золото, без опыта – медница. И таким-то сокровищем обладают и всех обильно наделяют старцы. Сам искушенный, может и искушаемым помочь».

Вот какая благодатная сила заключается в старчестве, и на этот путь Господь Бог благословил отца Серафима.

IX

Батюшка Серафим прежде всего любил беседовать с иноками. Он учил их точному исполнению иноческих правил, ревности к церковному служению. «На жизнь нашу – говорил подвижник, – надобно смотреть как на свечу, делаемую из воска и светильни и горящую огнем. Воск – это наша вера, светильня – надежда, а огонь – любовь, которая все соединяет вместе: и веру, и надежду, подобно тому как воск и светильня горят вместе при действии огня. Свеча дурного качества издает смрад при своем горении и угасает – так смрадна в духовном смысле и жизнь грешника пред Богом. А потому, глядя на горящую свечу, особенно когда стоим в Божием храме, вспоминаем начало, течение и конец нашей жизни: ибо тает свеча, зажженная пред Ликом Божиим, – так с каждою минутою умаляется и жизнь наша, приближаясь к концу. Эта мысль поможет нам менее развлекаться в храме, усерднее молиться и стараться, чтобы жизнь наша пред Богом была похожа на свечу из чистого воска, не издающую смрада».

Для спасения души великую силу имеет Причастие. Приступать ко Святому Причастию отец Серафим советовал во все двунадесятые праздники, и никак не упускать без говения четырех постов в году. О спасительном значении Таинства Евхаристии он говорил так: «Если бы мы и весь океан наполнили слезами, то и тогда бы не могли отблагодарить Господа за то, что Он изливает на нас жизнь и питает нас Пречистою Своею Кровию и Телом, которые нас омывают, очищают, ожи-

вотворяют и воскрешают. И приступай без сомнения, не смущайся, а веруй только».

Особенным свойством обхождения и бесед батюшки были любовь и смиренномудрие: кто бы ни был приходящий – бедняк в рубище или богач, в каком бы греховном состоянии ни находилась совесть человека, – всех принимал он и всем старался помочь и всех утешить.

Ежедневно, с окончанием ранней обедни до 8 часов вечера, келия старца была открыта для мирян, а для саровской братии она была открыта во всякое время. Эта маленькая келия освещалась лишь лампадой и свечами, горевшими пред иконами. Двумя маленькими окнами она смотрела в сторону луговой дали. На полу лежали мешки с песком и камнями – служили подвижнику постелью.

На беседу с посетителями отец Серафим обычно выходил в белом подряснике и мантии, а в дни, когда приобщался, возлагал на себя еще епитрахиль и поручи. Сила его слова заключалась главным образом в том, что все, что проповедовал, он исполнял сам; какие духовные упражнения рекомендовал другим – сам владел ими, постигнув их благодатную силу. «Учить других, – говорил старец, – это так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камешки на верх собора».

С особой любовью батюшка встречал тех, в ком видел желание исправиться и искренне раскаяться в грехах. Побеседовав с таким благоразумным человеком, он возлагал на его голову епитрахиль и правую руку, затем произносил: «Согрешил я, Господи, согрешил душою и телом, словом, делом, умом и помышлением и всеми моими чувствами: зрением, слухом, обонянием, вкусом, осязанием, волею или неволею, ведением или

неведением». После чего читал разрешительную молитву, крестообразно помазывал елеем из лампады лоб посетителя и давал ему, если то было утро, богоявленской воды и антидора. Люди уходили от него с необыкновенной отрадой в душе. Особенно же советовал и настаивал отец Серафим на том, чтобы постоянно иметь в сердце молитву Иисусову: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго».

– В этом да будет все твое внимание и обучение, – поучал он.

Кроме того, старец решительно настаивал, чтобы всякий христианин исполнял бы свое хотя бы малое молитвенное правило.

– Вставши от сна, – говорил он, – следует читать «Отче наш» трижды, «Богородице Дево, радуйся» трижды и «Верую во единаго Бога» – один раз. Затем до обеда читать, по возможности всегда, и в пути, и в труде, Иисусову молитву, а при людях повторять мысленно «Господи, помилуй». Перед обедом повторять утреннее правило. После обеда до вечера вместо Иисусовой молитвы читать «Пресвятая Богородице, спаси мя грешнаго». Перед сном опять утреннее правило. Кто же не имеет времени, пусть совершает эти правила хоть в пути или в постели, помня, что всякий, призывающий имя Господне, спасется. А имеющие время пусть читают еще зачала из Евангелия, акафисты и псалмы. Малое же это правило – высокого достоинства: первая молитва – «Отче наш» – образец молитв, дана Господом; вторая – «Богородице Дево» – принесена Ангелом с неба; в третьей – «Символ веры» – все догматы веры.

Здоровел духом и слабел телом отец Серафим. От многих трудов, стояния на камне, от затвора болели у него ноги. Сильно страдал он и головными болями. Необходимо было батюшке дышать свежим воздухом, и он

часто по ночам выходил из своей келии. А с 1825 года, после видения ему Богоматери и с благословения настоятеля, старец стал ходить ежедневно к Ближней пустыньке – ставлена в двух верстах от монастыря. Рядом с пустынькой бил родник свежей, холодной воды. У родника стоял столбик – часовенка, по народному каплица, каких так много было на просторах нашего Отечества – ставили на перекрестках дорог, у родников и колодцев. И на этот столбик старец водрузил икону святого Иоанна Богослова, поэтому и родник тот назван Богословским. Вокруг родника были устроены грядки, и старец трудился здесь, выкрывая дно родника камешками и возделывая на грядках овощи. Рядом поставили срубец, где отец Серафим скрывался во время жары; к вечеру же он возвращался в Саров. Рано утром, часа в четыре или даже в два пополуночи, батюшка уходил в эту Ближнюю пустыньку в холщовом белом подряснике, в камилавке, с топориком в руке и с сумою, наполненною камнями или песком; поверх тяжести клал Евангелие. На вопрос о суме отвечал кратко: «Томлю томящего мя».

К тому времени многие русские православные люди со всех концов Отечества стремились побывать у старца Серафима, чтобы послушать его назиданий. Имя подвижника стало передаваться из уст в уста повсеместно. Особенно торжественное и великое зрелище наблюдалось в Сарове в праздничные дни, когда батюшка Серафим возвращался из храма после принятия Святых Таин. Согбенный старец в мантии, епитрахили и поручах шел, сияя особенной светлой радостью. Тогда его старческое лицо делалось исключительно родным и приятным. По пути, в обители и в самой пустыньке – всюду его ждало множество народа. Великою духовною силою наполнялась беседа отца Серафима с посетителями. Его речь как бы снимала повязку с глаз, открывала новые дали. Он

всегда говорил то, что в конкретном случае было самым важным, самым нужным для человека. Его слова грели сердце, приводили к раскаянию, порождали желание исправиться и стать лучше; он проникал в душу человека и пробуждал у него спящую совесть.

Высокий завет оставил Саровский подвижник молодому поколению – детям – в их отношениях к родителям. Теперь, когда среди молодого поколения немало встречается юношей, забывающих свой сыновний долг по отношению к родителям, когда добрые советы и наставления родителей часто не находят отклика даже в детских душах, завет старца имеет особенную ценность. Великий подвижник внушал детям уважать родителей, хотя бы они и имели слабости, унижающие близких. Для юношей, забывающих сыновний долг, особенно поучителен такой пример. Один человек пришел к старцу со своею матерью. Она страдала запоем. Только что ее сын хотел сообщить батюшке Серафиму о слабости, как старец мгновенно своей правой рукой заградил его уста и не позволил ему далее сказывать ни одного слова. Так насыщались русские православные люди благодатным утешением у старца Серафима. Его любовь с такою силою грела всякого, что ручьями слезы текли у тех, чье сердце до времени молчало, будучи твердым и окаменелым.

Старец как великий ревнитель Православия особенно благоговел к памяти святых Отцов. Он внимательно читал творения Климента, папы Римского, а также Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова, Афанасия Александрийского, Кирилла Иерусалимского, Епифания Кипрского, Амвросия Медиоланского, любил вспоминать об их твердом стоянии в вере. Отстаивая чистоту догматов веры, старец ссылался на блаженного Марка Ефесского, который с непоколебимым мужеством защищал Православие на Флорен-

тийском соборе. Отец Серафим любил беседовать и о том, как сохранить веру православную, радовался, что наша Церковь содержит в себе Христову истину во всей ее полноте и целостности. Высоко чтил подвижник и деяния русских святых, говорил о их жизни, брал с них примеры для подражания. Вообще жития святых являлись для него готовыми проповедями, с которыми он выходил живо поучать народ.

В памяти самовидцев преподобного сохранились многие случаи поразительного влияния его простых бесед даже на равнодушного посетителя. «Мы нашли старца в Ближней пустыньке на работе, – вспоминал один посетитель, – он разбивал грядку мотыкою. Когда мы поклонились ему до земли, он благословил нас и, положив на мою голову руки, прочитал тропарь Успению: "В рождестве девство сохранила еси..." Потом сел на грядку и приказал нам также сесть, но мы невольно стали пред ним на колени и слушали его беседу о будущей жизни, о жизни святых, о заступлении, предстательстве и попечении о нас, грешных, Владычицы Богородицы и о том, что необходимо нам в земной жизни – для вечной. Эта беседа продолжалась не более часа, но такого часа я не сравню со всею прошедшею жизнию. Во все продолжение беседы я чувствовал в сердце неизъяснимую, небесную сладость, Бог весть каким образом туда переливавшуюся, которую нельзя сравнить ни с чем на земле. До тех пор для меня в духовном мире все было совершенно безразлично. Отец Серафим впервые дал мне почувствовать всемогущество Господа Бога и Его неисчерпаемое милосердие и всесовершенство.

Кроме всего отец Серафим обладал в сильнейшей степени даром прозорливости. Одному из своих почитателей он сказал: «Что мне повелевает Господь как рабу Своему, то я передаю требующему как полезное.

Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только веруя, что так мне указывает воля Божия. Своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю».

Вот это ощущение таинственного дара прозорливости, собственно, и объясняет, почему отец Серафим, не распечатывая писем, знал их содержание и давал на них ответы. После его смерти найдено много таких невскрытых писем, но ответы на них им были уже даны при жизни.

Он предвидел тяжелые годы Крымской кампании и говорил, что на Россию восстанут три державы и много изнурят ее, но за Православие Господь помилует и сохранит нашу страну.

Своим праведным взором старец провидел прославление святителя Митрофана Воронежского и письменно поздравил архиепископа Антония Воронежского с открытием мощей, в то время когда еще не было ни откровений, ни явлений у гроба святителя. Духом отец Серафим знал многих подвижников и был с ними в общении, несмотря на то что они жили далеко от него и он их никогда не видел. Известны, например, его полные изумительной прозорливости устные послания к затворнику Задонского Богородицкого монастыря Георгию, у которого тайно возник помысл – не переменить ли ему своего места на более уединенное. Причем никто, кроме него, не знал этого тайного смущения. И вдруг приходит к затворнику Георгию какой-то старец и говорит ему: «Отец Серафим приказал тебе сказать: стыдно-де, столько лет сидевши в затворе, побеждаться такими вражескими помыслами, чтобы оставить свое место. Никуда не ходи: Пресвятая Богородица велит тебе здесь оставаться». Ту же духовную близость проя-

вил прозорливец отец Серафим к пространственно далекому затворнику Даниилу Ачинскому в Сибири.

А вот как старец прочитал своими духовными очами, в чем семейное счастье одного офицера – помещика Рязанской губернии. Тот приехал в Саров и просил у старца благословения на вступление в брак. Отец Серафим указал ему невесту, назначенную Богом. Жила она неподалеку от этого помещика, и старец назвал ее по имени. Но тот объявил старцу, что женится на другой. «Тебе сия не принадлежит в радость, а в печаль и в слезы», – ответил ему старец. Офицер женился по своему выбору, но не прошло и года, как овдовел. Вдовым он был еще раз у старца, потом женился на особе, указанной в первый раз старцем, и жил с нею счастливо.

Отец Серафим обладал также даром исцелений. Приходивших к нему больных он помазывал маслом из лампады, горевшей у него в келии пред иконою Богоматери «Умиление», названною им «Всех радостей Радость». Когда его спросили, зачем он это делает, то обычно отвечал: «Мы читаем в Священном Писании, что апостолы мазали маслом, и многие больные от сего исцелялись. Кому же следовать нам, как не апостолам?»

И помазанные им получали исцеление. Такое же благодатное свойство, по молитвам отца Серафима, сообщалось и воде из родника его Ближней пустыньки. Эта вода годами не портилась, ею омывались болящие во всякое время года, даже в холода, и получали исцеление. В жизнеописаниях старца рассказывается много случаев чудесного исцеления этой благословенной водою.

Вот мимо Сарова проезжает в 1830 году по делам службы молодой кавалерийский офицер. Слышал он по дороге рассказы о старце, хотел заехать к нему, но не решился, боясь, что старец обличит его перед другими в его грехах, особенно же за его отношение к иконам.

Офицеру казалось, что произведение рук человеческих не может вместить в себе благодати и быть предметом почитания. Вскоре ему снова, с командой нижних чинов, пришлось проезжать мимо Сарова, и теперь, по совету отца, он решил повидать старца. И вот что произошло. «Около келии стояло уже много народа, пришедшего к отцу Серафиму за благословением. Он, благословляя прочих, взглянул на меня, – пишет позже офицер, – и дал мне знак рукою, чтобы я прошел к нему. Я исполнил его приказание, со страхом и любовью поклонился ему в ноги, прося благословения на дорогу и на предстоящую войну и чтобы он помолился о сохранении моей жизни. Отец Серафим благословил меня своим медным крестом, который висел у него на груди, и, поцеловав его, начал исповедовать меня, сказывая грехи мои, как будто бы они были совершены при нем. По окончании этой утешительной исповеди он сказал мне: "Не надобно покоряться страху, который наводит на юношей диавол, а нужно тогда особенно бодрствовать духом и помнить, что хотя мы и грешные, но находимся все под благодатью нашего Искупителя, без воли Которого не спадет ни один волос с головы нашей". Вслед за тем он начал говорить и о моем заблуждении относительно почитания святых икон. "Как худо и вредно для нас желание исследовать Таинства Божия, недоступные слабому уму человеческому, например как действует благодать Божия через святые иконы, как она исцеляет грешных, подобных нам с тобой, – прибавил старец, – и не только тело, но и душу, так что и грешники, по вере и по находящейся в них благодати Христовой, спасались и достигали Царства Небесного".

Слушая отца Серафима, я забыл о земном своем существовании. Солдаты, возвращающиеся со мною в полк, удостоились также принять его благословение, и

он, делая им наставление, предсказал, что ни один из них не погибнет в борьбе, что и сбылось действительно. Уходя от отца Серафима, я положил подле него на свечи три рубля. Но враг мне вложил такую мысль: "Зачем святому отцу такие деньги". Эта мысль смутила меня, и я поспешил с раскаянием к отцу Серафиму. Я вошел с молитвою к старцу, а он, предупреждая слова мои, сказал мне следующее: "Во время войны с галлами надлежало одному военачальнику лишиться правой руки; но эта рука дала какому-то пустыннику на святой храм, и молитвами Святой Церкви Господь спас ее. Ты это пойми хорошенько и впредь не раскаивайся в добрых делах. Деньги твои пойдут на устроение Дивеевской обители, за твое здоровье". Потом отец Серафим опять исповедал меня, поцеловал, благословил и дал мне съесть несколько сухариков и выпить святой воды. Вливая ее мне в рот, он сказал: "Да изженется благодатию Божиею дух лукавый, нашедший на раба Божия Иоанна". Старец дал мне и на дорогу сухарей и святой воды и, сверх того, просфору, которую сам положил в мою фуражку. Наконец, получая от него последнее благословение, я просил его не оставлять меня своими молитвами. На это он сказал: "Положи упование на Бога и проси Его помощи. Да умей прощать ближним своим, и тебе дастся все, о чем ты ни попросишь". В продолжение Польской кампании я был во многих сражениях, и Господь везде меня спасал за молитвы праведника Своего».

А вот приходит к старцу генерал и рассказывает: «Вашими молитвами я спасся во время Турецкой кампании. Окруженный многими полками неприятеля, я оставался только с одним своим полком. Не было никакой надежды на спасение. Я только твердил непрестанно: "Господи, помилуй молитвами старца Серафима", ел сухарики, данные мне Вами в благословение, пил воду,

и Бог охранил меня от врагов невредимым». Старец на это отвечал: «Великое средство ко спасению – вера, особенно же непрестанная, сердечная молитва».

Были случаи, когда отец Серафим являлся настоящим миротворцем в семейной жизни уже разошедшихся супругов.

По его молитвам мать, потерявшая из виду своего сына и припавшая к ногам старца, находит его через три дня там же, в Сарове.

Самая обстановка Серафимовой келии была в то время как бы иконостасом. Стояли образа, много горело лампад, и теплились сотни восковых свечей, поставленных за живых и умерших христиан. Сам старец объяснял такое множество лампад и восковых свечей у себя так: «Я имею, – говорил он почитателю своему Мотовилову, – многих особ, усердствующих ко мне и благотворящих моим сиротам (сестрам Дивеевского монастыря). Они приносят мне елей и свечи и просят помолиться за них. Вот, когда я читаю правило свое, то и поминаю их единожды. А так как по множеству имен я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует, – тогда и времени мне недостало бы на совершение моего правила, – то я и ставлю свечи за них в жертву Богу, за каждого по одной свече; за иных – за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно теплю лампады; и, где следует на правиле поминать их, говорю: “Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за них же души возжег Тебе аз, убогий, сии свещи и кандила”. А что это не моя, убогого Серафима, человеческая выдумка или усердие, ни на чем не основанное, то я приведу вам в подкрепление слова Божественного Писания. В Библии говорится, что Моисей слышал глас Господа, глаголавшего к нему: “Моисее, Моисее, рцы брату твоему Аарону, да возжигает предо Мною кандилы во дни и в нощи. Сие

бо угодно есть предо Мною, и жертва благоприятна Ми есть". Так вот почему Святая Церковь приняла в обычай возжигать во святых храмах и в домах верных христиан кандила, или лампады, пред иконами».

Приближаясь к концу своей жизни, преподобный не смягчал своего строгого образа жизни. Вкушал однажды в день, надевал на себя подрясник из толстого черного сукна, а от дождя и жары накидывал на плечи полумантию из толстой кожи, с отверстием для головы и рук. Поверх одежды опоясывался белым чистым полотенцем и надевал свой медный материнский крест. Один богатый человек спросил его: «Зачем ты носишь такое рубище?» Старец отвечал: «Святой Иоасаф-царевич данную ему пустынником мантию счел выше и дороже царской багряницы».

Спал он сидя на полу, прислонившись спиной к стене и протянув ноги. Часто же укладывался на кирпичах и на поленьях, а в самое последнее время становился ниц и спал лицом к полу, поддерживая голову руками. Это помогало особому напряжению созерцательного настроения у подвижника. Он как будто уже отделялся от земли. Характерным был тогда и ответ подвижника одному офицеру, который спросил старца, не надо ли передать от него чего-либо курским его родственникам. Батюшка, указывая на лик Спасителя и Богоматери, ответил: «Вот мои родственники, а для живых родных я уже живой мертвец».

В то время отца Серафима чтила уже вся Россия, а современные ему подвижники смотрели на него как на великого духовного наставника. Даже епископы писали ему и спрашивали у него совета. Особенно почитал его Воронежский святитель Антоний, которого старец Серафим называл великим архиереем Божиим. И действительно, у архиепископа Антония был неистощимый

запас милосердия к людям. Это он сказал и нз деле подтвердил свою мысль: «Скорбь о ближних для души иногда полезнее собственной скорби».

Старческие немощи уже настолько ослабили отца Серафима, что он не мог каждый день ходить в свою Ближнюю пустыньку, чтобы там принимать посетителей. Но внешний вид старца был светлым и радостным. До самых последних дней своей жизни он сохранил ясный и пронзительный ум. Люди основательно образованные отзывались о батюшке как о человеке одаренном чрезвычайно, они чувствовали в старце могучий дух и живое творческое начало. Лицо белое, приятное, глаза проницательные, светло-голубые, и детский румянец на щеках под густыми седыми волосами – таков внешний облик нашего подвижника.

Наступали последние месяцы жизни старца, он стал готовиться к смерти. Часто видели его в сенях у дубового гроба, приготовленного для себя. Так размышлял он там о загробной жизни, и земной путь казался ему столь несовершенным, что он горько сокрушался и плакал. Прощаясь с людьми, старец говорил: «Мы не увидимся более с вами». Когда некоторые высказывали желание приехать в Саров Великим постом, старец отвечал: «Тогда двери мои затворятся. Вы меня не увидите».

В августе, всего за 4 месяца до кончины отца Серафима, его посетил Тамбовский преосвященный Арсений, впоследствии митрополит Киевский. Старец поднес архиерею четки, пук восковых свечей, обернутых в холстину, бутылку деревянного масла и шерстяные чулки. Затем отдельно передал ему бутылку церковного вина. Все это означало, что старец просит помянуть его по смерти своей... Свечи, масло и вино, сбереженные преосвященным, затем были употреблены на ту литургию, которую он совершил об упокоении старца, когда полу-

чил известие о его кончине. Батюшка Серафим приказал послать некоторым лицам письма, приглашая их поспешить приездом к нему, а другим поручил после смерти своей передать полезные для них советы. «Сами-то они меня не увидят», – объяснил старец.

Трогательна и чрезвычайно содержательна была его последняя беседа с одним мирянином. Эту беседу особенно следует помнить всем православным христианам, почитающим память нашего родного русского угодника: «Добро делай, укоряют – не укоряй, гонят – терпи, хулят – хвали, осуждай сам себя – так Бог не осудит; покоряй волю свою Воле Господней; никогда не льсти; поминай в себе добро и зло: блажен человек, который знает это. Люби ближнего: ближний – плоть твоя. Если по плоти поживешь, то душу и плоть погубишь, а если по-Божьему, то обеих спасешь. За уступки миру многие погибли: аще кто не творит добра, тот и согрешает. Надобно любить всех, и больше всего Бога... Подчиненных храни милостями, облегчением от трудов, а не ранами. Напои, накорми, будь справедлив, Господь терпит, может быть, и еще потерпит. Ты так делай: аще Бог прощает – и ты прощай... Что приняла и облобызала Святая Церковь – все для сердца христианина должно быть любезно. Не забывай праздничных дней; будь воздержан, ходи в церковь, разве немощи когда; молись за всех: много этим добра сделаешь. Давай свечи, вино и елей в церковь – милостыня много тебе блага сделает. По постам скоромного не ешь: хлеб и вода никому не вредны. Как же люди по сто лет жили? Не о хлебе едином жив будет человек. Что Церковь положила на семи Вселенских Соборах – исполняй. Горе тому, кто хоть слово одно прибавит к сему или убавит. Что врачи говорят про праведных, которые исцеляли от гниющих ран одним прикосновением? Господь при-

зывает нас, да мы сами не хотим. Смирение приобретай молча. Бог сказал пророку Исаие: “На кого воззрю, токмо на кроткого и молчаливого и трепещущего словес Моих”. Кто приобщается, везде спасен будет; а кто не приобщается – не мню».

Эта беседа происходила 25 декабря 1832 года, в день Рождества Христова. Старец в этот торжественный праздник выстоял литургию, которую совершал игумен Нифонт. Отец Серафим по обычаю причастился Святых Таин и после литургии долго беседовал с игуменом. Он просил его попещись о молодых иноках. Тогда же старец напомнил, чтобы его по смерти положили в дубовом гробе, сделанном собственными руками. В тот же день подвижник передал иеромонаху Иакову финифтяный образ «Посещение Богоматерью преподобного Сергия Радонежского», с просьбой, чтобы сей образ возложили на него по кончине и с ним же опустили в могилу. Этот образ был в свое время прислан старцу из Троице-Сергиевой Лавры архимандритом Антонием (Медведевым), бывшим саровским послушником.

Прошли последние дни 1832 года. Новый, 1833 год начинался тогда в воскресенье. В последний раз пришел старец к литургии в дорогую для него больничную церковь Соловецких чудотворцев, где раньше стояла его келия и где он сподобился чудесного исцеления явлением Божией Матери. На постройку этого храма он сам ходил по сбору средств, и престол этого храма сработан из кипарисового древа его же собственными руками. Пришел отец Серафим в храм, обошел все иконы, поставил пред ними свечи и приложился. Выстоял всю литургию, приобщился Святых Христовых Таин, а затем стал прощаться со всею братией, благословляя и обнимая со словами: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте. Нынешний день нам венцы готовятся».

По прощании с братиею старец приложился ко кресту и к образу Богоматери, затем обошел вокруг престола и вышел из храма северными дверями, как бы в знамение того, что человек входит в жизнь рождением, а уходит смертию. После литургии батюшка принимал Ирину Васильевну – сестру Дивеева монастыря, которой передал двести рублей ассигнациями на покупку хлеба для девической общины. Затем старца посетил иеромонах Высокогорской Арзамасской пустыни Феоктист. Прощаясь с ним, подвижник сказал: «Ты уж отслужи здесь».

Не имея времени задерживаться в Сарове и не поняв значения слов старца, иеромонах отправился в путь. Но батюшка опять напомнил ему: «Ну, так ты завтра в Дивееве отслужишь».

И действительно, иеромонах Феоктист в Дивееве получил известие о кончине отца Серафима, там он и отслужил по нем панихиду.

Была еще в тот день у старца одна из дивеевских сестер, которой он сказал: «Матушка, какой нынче будет Новый год. Земля постонет от слез». Инокиня не поняла, что старец говорит про свою кончину.

Как провел отец Серафим последний вечер своей жизни, известно лишь со слов его соседа по келии, инока Павла. Покои отца Павла соединялась общими сенями с покоями старца Серафима, но самые келии разделялись глухою стеною. Отец Павел был монах смиренный, никого не осуждал, и старец доверял ему, отзываясь о нем так: «Брат Павел за простоту своего сердца без труда войдет в Царствие Божие. Он никогда никого не судит и не завидует никому, а только знает собственные грехи и свое ничтожество». Этот инок, собственно, не был келейником, так как келейника у батюшки Серафима никогда и не было, но отец Павел, случалось, как добрый сосед, помогал и оказывал ему какие-то услуги. Этот

же отец Павел не раз предупреждал старца, что от его привычки оставлять без надзора много горящих свечей может случиться пожар. На это подвижник давал такой ответ: «Пока я жив, пожара не будет. А когда умру, кончина моя откроется пожаром».

Отец Павел заметил, что 1 января батюшка Серафим три раза выходил из келии к тому месту, которое им было выбрано для своего погребения. И, стоя там, он долгое время смотрел в землю, а вечером у себя старец пел пасхальные песнопения: «Воскресение Христово видевше... Светися, светися новый Иерусалиме... О Пасха велия и священнейшая Христе».

Эти торжествующие песнопения, перемежаясь другими победными молитвами, свидетельствовали, что дух отца Серафима возносился к тем небесным чертогам, которые для него в то время уже уготовлялись. Утром 2 января инок Павел, выйдя из своей келии и направляясь к ранней обедне, почувствовал запах дыма в сенях. Шел запах из покоев отца Серафима. Инок попробовал отворить дверь, она была заперта изнутри крючком. Отец Павел сотворил обычную при посещении келии молитву – ответа не последовало. Тогда инок вышел на крыльцо и, заметив в темноте проходивших в церковь братий, позвал их, чтобы проверить свои догадки насчет пожара, полагая, что старец ушел в Дальнюю пустыньку. Один из проходивших, послушник Аникита, бросился к двери отца Серафима и, сильно рванув, сдернул ее с внутреннего крючка. Поскольку рассвет еще не наступил, а в келии свету не было, то ничего и разобрать нельзя было в темноте; чувствовался лишь запах гари от тлеющих холстов – лежали у двери. Старца не было ни видно, ни слышно. Монах Павел и послушник Аникита стали наощупь отыскивать батюшку, потом зажгли свечу и увидели его на обычном месте, пред аналоем, – стоял ко-

ленопреклоненный с открытою головою, с медным крестом на груди. Глаза его были закрыты; руки, сложенные крестообразно, лежали на аналое, поверх книги, по которой он совершал свое молитвенное правило пред иконой Божией Матери «Умиление». Склоненная в молитве голова покоилась на руках.

Собравшиеся было подумали, что старец уснул. Его даже слегка побудили, потом братия уже сообразила, что старец Серафим почил о Господе и что его душа переселилась в другой, вечный мир. Лицо почившего подвижника продолжало свидетельствовать о возвышенной его молитве и духовной радости.

В эту ночь подвизавшийся в Глинской пустыни старец Филарет, выходя от утрени, указал братии на необыкновенный свет, видимый на небе. При этом он произнес: «Вот как отходят души праведных. Ныне в Сарове душа отца Серафима возносится на небо».

Старца обмыли, облачили, положили в дубовый гроб, туда же вложили его финифтяную икону с изображением преподобного Сергия. Новопреставленного сразу же вынесли в собор. Быстро разнеслась в разные концы весть о кончине дивного старца. Множество народу сошлось и съехалось в Саров. Если принять во внимание, что взаимная привязанность старца и людей была безгранична, то станет понятно все то горе, которое доставила его кончина. Предсказание батюшки «Земля постонет от плача и рыдания» сбылось в полной мере. Восемь дней его тело стояло открытым. Ко дню отпевания толпы народу собрались в Саров, чтобы совместно в молитве о нем еще сильнее почувствовать духовную близость к нему, уже в вечности живущему, озаренному Божественным благословением.

Уставное совершение чина монашеского отпевания, глубокое содержание церковных песнопений и

умилительные звуки похоронных напевов достойно увенчивали погребение в Саровской пустыни останков старца Серафима. Гроб опустили в могилу у стены Успенского собора.

В Киевском Князь-Владимирском соборе, по поясу купола кистью Виктора Васнецова написана картина «Преддверие рая». Это замечательное произведение искусства с чрезвычайной силою передает стремление души святых угодников к Богу, радость соединения их с Богом навеки. Вот в таком радостном и устремленном к Господу настроении и вознеслась душа Саровского праведника в небесные чертоги, чтобы после явить миру, и прежде всего нам, русским людям, неисчерпаемое море чудес и великое заступление пред Богом. Все это затем вылилось в торжество прославления угодника Божия, преподобного Серафима.

Прославление

В 1901 году Святейший Синод Русской Православной Церкви поручил архиепископу Тамбовскому Димитрию обследовать могилу, гроб и останки старца Серафима, собрать весь материал к предстоящему прославлению угодника Божия. Архиепископ Димитрий в начале следующего, 1902, года в сопровождении духовных лиц и лиц гражданской администрации прибыл в Саров и приступил к обследованию захоронения. Напомним: могила батюшки Серафима находилась с правой стороны Успенского собора. Усердием почитателей над могилой была поставлена прекрасная часовня и воздвигнуто тяжелое чугунное надгробие над склепом.

Когда разобрали надмогильный свод, перед архиепископом Димитрием и членами Комиссии предстала

совершенно неожиданная картина: могила подвижника оказалась затопленной, и вода полностью покрывала крышку гроба. Архиепископ Димитрий решил немедленно прекратить дальнейшее освидетельствование, составил по этому случаю акт и с пояснениями отправил Святейшему Синоду о сем донесение. Авторитетные хозяйственники и саровские старцы пришли к мнению: вода попала в могилу преподобного при водопроводных работах, происходивших здесь лет сорок тому назад. Так что гроб отца Серафима стоял в воде длительное время; это побудило архиепископа Димитрия испросить дальнейших указаний Синода.

Пока происходил обмен мнениями, еще сильнее в верующей среде проявилась Божественная милость к людям, с верою призывавшим на себя заступление великого старца. Синод решил продолжить обследование честных мощей и сделать все необходимые приготовления к достойному их прославлению. Вскоре Тамбовского архиепископа Димитрия перевели нз Казанскую кафедру, а в Тамбов поставили преосвященного Иннокентия (Беляева).

17 декабря 1902 года Император Николай II приказал Комиссии по устройству Саровских торжеств продолжить обследование. В ее состав входили: митрополит Московский Владимир (Богоявленский), архимандрит Серафим (Чичагов) и Алексей Александрович Ширинский-Шахматов. В состав этой Комиссии со специальным поручением также входил князь Михаил Сергеевич Путятин, архитектор сооружаемой раки. Для охраны порядка в Саров откомандировали капитана Д. Н. Ломана с командою Гвардейского батальона. Все эти лица выехали 9 января 1903 года из Петербурга и 10-го уже были в Дивееве, откуда, переночевав, с рассветом выехали в Саров.

Пленительным зимним утром прибыли петербуржцы в монастырь. Благоговейно помолились в храме, исповедались, причастились Святых Христовых Таин, затем в келии игумена Иерофея приступили они к уточнению программы занятий. Во всем этом непосредственное участие принимали высокопреосвященный Иннокентий и приехавшие с ним из Тамбова протоиерей кафедрального собора Тихон Поспелов и епархиальный архитектор. В три часа пополудни Комиссия перешла в часовню-усыпальницу и, по совершении соборне панихиды, приступили к разборке чугунного надгробия. Когда каменные работы исполнили, ключарь Тамбовского собора и князь Ширинский-Шахматов с зажженными восковыми свечами спустились в могилу, наполненную водою. С помощью заведенных под гроб холстов и веревочных снастей, усилиями монастырской братии гроб-колоду подняли наверх и поставили на деревянные балки, опиравшиеся на края могильного склепа. Поставили гроб с небольшим уклоном вперед, так что головная часть его несколько возвышалась и вода, скопившаяся в нем, могла вытечь через отверстия. Позже всего этого гроб покрыли заранее приготовленным дощатым чехлом и парчовым покрывалом, поверх водрузили образ, затеплили пред ним лампаду и в головах установили большой серебряный подсвечник. Без промедления отслужили панихиду, составили протокол о действиях Комиссии, после чего митрополит Владимир благословил совершение ежедневных панихид по старце Серафиме. Вот отчет протокола.

«Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. В лето тысяча девятьсот третье от Рождества Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа, января в одиннадцатый день, митрополит Московский и Коломенский Владимир, епископ Тамбовский и Шацкий Димитрий, епископ

Нижегородский и Арзамасский Назарий, архимандрит Суздальский Серафим, архимандрит Вышенский Аркадий, игумен Саровский Иерофей, казначей Саровский иеромонах Климент, ключарь Тамбовского кафедрального собора священник Тихон Поспелов и прокурор Московской Святейшего Синода конторы князь Алексей Ширинский-Шахматов приступили к исполнению поручения Святейшего Правительствующего Синода по делу освидетельствования честных останков приснопамятного Саровского старца иеромонаха о. Серафима. По выслушании поздней литургии, а затем отслуженной епископом Димитрием панихиды по в Бозе почившем старце призванные к освидетельствованию лица вступили в часовню, устроенную над могилой иеромонаха Серафима, при юго-восточном выступе летнего собора во имя Успения Пресвятыя Богородицы. Находящийся среди сей часовни надгробный чугунный памятник являет собою подобие гробницы, установленной на чугунной же подставке, которая, в свою очередь, основана на тесанном из камня цоколе. Этим надгробием совершенно убедительно определяется место упокоения блаженного старца о. Серафима. На памятнике имеется следующая надпись:

“Под сим знаком погребено тело усопшего раба Божия иеромонаха Серафима, скончавшагося 1833 года генваря 2 дня, который поступил в сию Саровскую пустынь из Курских купцов на семнадцатом году возраста своего, скончался семидесяти трех лет. Все дни его посвящены были во славу Господа Бога и в душевное назидание православных христиан, в сердцах коих и ныне о. Серафим живет”. В возглавии надгробия, с западной стороны, помещено выпуклое бронзовое изображение блаженной кончины о. Серафима с надписью: “Блаженная кончина о. Серафима, Саровской обители иеромонаха и пустын-

ника. 1833 года генваря 2 дня". С южной стороны памятника, внизу, на высоте двух с половиной вершков от пола, видно круглое отверстие, через которое чтущие память о. Серафима брали песок с его могилы. По распоряжению высокопреосвященнейшего митрополита Владимира в часовню в полдень призваны были для изнесения описанного надгробия несколько человек из проходящих в обители различные послушания. Надгробие и подставка к оному вынесены были во вновь сооруженный храм над келией о. Серафима. По изнесении памятника затворена была входная дверь, и несколько умелых работников, под наблюдением сведущего каменщика, разобрали тесаный каменный цоколь, а затем выбрали весь песок, на глубине одного аршина до свода, выложенного над могилой приснопамятного старца Серафима. Свод очищен был к 4 часам пополудни. Посредине, с северной стороны, свод оказался разобранным на пространстве одного квадратного аршина, и место это заложено тремя кусками толстой доски. Отверстие это было проломано в своде по распоряжению преосвященного Димитрия, епископа Тамбовского, производившего в августе прошлого, 1902, года, предварительное освидетельствование гроба и останков о. Серафима по особо доверительному поручению Святейшего Синода. Засим разобран был самый свод, сложенный из весьма крупного одномерного кирпича, легко рассыпавшегося на слоевидные куски. Внутри склепа присутствующие увидели гроб-колоду из дубового дерева. Ввиду невозможности произвести тщательный осмотр честных останков старца Серафима на глубине 1 аршина 14 вершков признано было необходимым поднять гроб из склепа, что и было исполнено с особенною осторожностью, причем под колоду подведены были холсты, которыми гроб был поднят и установлен с северной стороны могилы на особом приуготованном

столе. После сего присутствующие приступили к тщательному осмотру внешнего вида гроба-колоды, причем оказалось, что таковой имеет следующие размеры: в обхвате – в головах 2 аршина 12 вершков с половиной, в ногах – 2 аршина $10^3/_8$ вершка и длина 3 аршина $^1/_2$ вершка; цвет гроба почти черный. Дно гроба в ногах, с правой стороны, а также верхняя часть крышки несколько истлели, и во многих частях наружной оболочки при испытании дерево оказалось мягким и сырым. Тем не менее в целом гроб оказался крепким. По снятии крышки гроба внутренние его стенки также оказались сырыми, в трех местах покрытыми плесенью, хотя при этом никакого запаха ощущаемо не было. В гробу присутствующие увидели: ясно обозначенный остов почившего, прикрытый остатками истлевшей монашеской одежды. Тело приснопамятного о. Серафима предалось тлению. Кости же его, будучи совершенно сохранившимися, оказались вполне правильно размещенными, но легко друг от друга отделяемыми. Волосы главы и брады, седовато-рыжеватого цвета, сохранились, хотя и отделились от своих мест. Подушка под главою приснопамятного о. Серафима оказалась наполненной мочалой. На ногах имеются лычные "ступни". Под руками приснопамятного о. Серафима обнаружен медный литой крест размером приблизительно в 3 вершка. По освидетельствовании останки в Бозе почившего были накрыты глазетом, а гроб-колода обвязан в головах и ногах прочным шелковым шнуром, концы которого на особой доске были припечатаны именною печатью высокопреосвященнейшего Владимира, митрополита Московского. Засим гроб опущен был в могилу, покрыт парчовым покрывалом, а склеп задвинут деревянным щитом, поверх которого положен ковер и установлен облаченный в белый глазет стол, нз коем утверждена икона Пресвятыя Богородицы, именуемая "Умиление",

и возжжена лампада. Производившие освидетельствование покинули часовню в шесть часов пополудни.

Подлинный акт подписали все поименованные в начале протокола лица».

На другой день, 12 января, члены Комиссии, оставив часовню с гробом преподобного на попечение монастырского начальства, выехали из Сарова. В течение почти полугода, с 11 января до начала июля 1903 года, гроб находился в том самом положении, в котором оставили его члены Комиссии; вода по каплям вытекала из гроба, падая на дно открытой могилы, благодаря чему ко времени, назначенному для переложения мощей в новую раку – 3 июля гроб уже достаточно обсох.

Как было упомянуто, сооружение раки поручили князю М. С. Путятину. Нужно было, во-первых, устроить и установить каменную гробницу на ступенчатом помосте в правой арке саровского Успенского собора, во-вторых, сделать наподобие старой дубовой колоды – новую, значительно легче старой, затворяющуюся на ключ и приспособленную для помещения в каменной гробнице, в-третьих, сделать из тонких кипарисовых досок новый гробик для положения в нем честных останков и, в-четвертых, установить бронзовую сень на четырех каменных колоннах, которая должна завершить собою все это новое сооружение. Работы предварительно выполнялись в Петербурге, в Москве и самом Сарове.

Все последующие действия Комиссии совершались под непосредственным и личным руководством высокопреосвященнейшего митрополита Петербургского Антония (Вадковского).

3 июля в часовне в 9 часов утра у гроба о. Серафима митрополит Антоний с сонмом духовенства отслужил панихиду, по окончании которой гроб был поднят назначенными для сего лицами из духовенства и торжествен-

но перенесен в больничную Святых Зосимы и Савватия церковь, в алтаре которой и предположено было совершить омовение честных останков о. Серафима. Надо заметить, что это перенесение не ускользнуло от взоров скопившихся в Сарове паломников. По внесении в храм гроб был установлен посредине храма на том надгробии, которое ранее находилось над могилою преподобного. По неотступной просьбе усердствующих богомольцев, желавших видеть и хотя бы прикоснуться к гробу преподобного Серафима, митрополит Антоний благословил допускать народ на некоторое время ко гробу преподобного, и люди в течение часа непрерывною толпою шли в храм, дабы видеть и поклониться драгоценной для них святыне. По выходе народа из храма гроб со всечестными останками преподобного внесен был иеромонахами через северные двери в алтарь, и здесь митрополитом Антонием совместно с епископами Назарием и Иннокентием и другими лицами было совершено омовение честных останков о. Серафима и переложение их в новый кипарисовый гроб. Между престолом и северной стеной алтаря поставлен был особый стол, на который и выложили потом честные останки о. Серафима. Участие в омовении принимали: архимандрит Серафим (Чичагов), о. ключарь Тамбовского кафедрального собора, священник Т. Поспелов, благочинный монастыря, саровский иеромонах, под личным руководством владыки-митрополита и в присутствии князя А. А. Ширинского-Шихматова и князя М. С. Путятина.

Присутствовавшие при открытии крышки гроба свидетельствуют, что честные останки преподобного были завернуты в момент погребения в монашеский куколь. Отец Серафим лежал в гробу на дубовых стружках. Все содержимое гроба, ввиду дубильных свойств стружки, и самые честные останки, и седые волосы на

голове, бороде и усах, и все одеяние преподобного – белье, холщовый подрясник, мантия, епитрахиль и куколь – все окрасилось в один цвет, напоминающий корку черного ржаного хлеба. В целях соблюдения тишины и безмолвия в храме пред особым аналоем назначенный иеродиакон читал канон из вновь составленной службы преподобному Серафиму Саровскому.

Известно также, что с самого начала омовения честных мощей в алтаре стало распространяться ясно ощущаемое всеми присутствующими благоухание, запах цветов гвоздики и свежего липового меда. Июльский день был ясный, солнечный, жаркий, и церковные окна были открыты настежь. Думалось, что где-нибудь поблизости косят траву и этот аромат исходит от скошенных цветов и свежего сена. А владыка митрополит, проходя по церкви, обратился к присутствующим даже с такими словами: «Братие, братие, а какое же это у вас мыло, что-то уж очень душистое». Но, оказывается, мыло было то самое, которое привез для омовения святых мощей ключарь Тамбовского собора, и то самое, которое в России называлось «грецким» и употреблялось для омовения престолов при освящении храмов. Тогда владыка митрополит осенил себя крестным знамением, и всем присутствующим стало ясно, какое благоухание разливалось по церкви.

Надо заметить, что честные мощи преподобного Серафима Саровского относятся к разряду мощей неполного нетления, то есть неполность заключается в том, что при совершенной сохранности костей соединительные ткани сочленения или суставов подверглись тлению, вследствие чего конечности в локтях и коленях легко разнимались. Голова преподобного, с уцелевшими на ней волосами, бровями, усами и бородою, по личному впечатлению автора, прекрасно сохранилась.

Верхние кожные покровы тоже частично хорошо сохранились и плотно облегали скелет, как бы к нему присохли, вследствие чего кисти рук в запястьях и ступни в щиколотках остались на своих местах не отделенными, а лик преподобного сохранил следы сходства с иконографическим его изображением.

На груди, поверх епитрахили, лежало молебное Евангелие, а в кисти левой руки (сильно прижатой к груди) держался бронзовый крест – материнское благословение, с которым преподобный никогда не расставался. Этот крест владыка митрополит сам лично с осторожностью и благоговением вынул из руки преподобного и бережно отвез его в Царское Село, самолично вручив его Государю Императору.

Императрица Александра Феодоровна, благоговейно чтившая память преподобного, от царственных щедрот своих изволила соорудить для этой святыни драгоценный ковчег с золотою цепью и, по прибытии в Саров на торжество открытия мощей и прославления отца Серафима, 18 июля, по окончании вечерни в Зосимо-Савватиевской церкви, возложила свое усердное приношение на честные мощи преподобного в присутствии Саровского игумена Иерофея и архимандрита Серафима (Чичагова).

После переложения святых мощей преподобного в новую гробницу высокопреосвященнейший митрополит Антоний на некоторое время отбыл из Саровской пустыни. За время его отсутствия в Сарове к предстоящему торжеству заканчивались с особою поспешностью строительные и разные другие работы. Для приема богомольцев выстроили в двух верстах от стен обители целый город из более ста вместительных бараков и целый ряд различных лавок для продажи съестных припасов. И хотя до начала торжеств оставалось более недели,

городок уже полнился торжественной жизнью. Множество богомольцев разместилось в бараках. Чрезвычайно пеструю и живописную картину представляли простые люди, пришедшие насладиться духовным торжеством. Здесь собрались представители едва ли не всех народностей, населяющих Великую Россию. Большинство богомольцев, конечно, составляли великороссы и малороссы; но было между ними много и белорусов, мордвы, корелов, зырян и разных других народностей. Все эти люди, живущие у себя дома в далеко не одинаковых условиях, составляли здесь как бы одну семью, одушевленную одною мыслию – поклониться святым мощам преподобного Серафима и в простосердечной, но пламенной молитве пред ними найти своей душе отраду и утешение.

А какое множество людей собралось здесь, чающих получить предстательством преподобного Серафима благодатную помощь и исцеление от разных обдержащих их недугов. Хромые, слепые, расслабленные и другие убогие встречались на каждом шагу. И многие из них, благодарение Богу, по вере своей исцелялись. О случаях исцеления приходилось постоянно слышать, да и не только слышать, но и видеть самих исцеленных, славящих и благодарящих Бога, явившего над ними, молитвами преподобного Серафима, Свою милость. У источника преподобного Серафима – этого кладезя исцелений, постоянно проявляются знамения милости Божией. В один из дней здесь было более десяти случаев исцелений хромых. Последние, как бы в доказательство чудесно явленной над ними милости Божией, собрали свои костыли и в присутствии множества народа на берегу реки Саровки предали их сожжению. Кроме этого источника, привлекающего постоянно стечение богомольцев, другим таким излюбленным местом являлась обширная монастырская площадь в стенах самой обители, где расположены хра-

мы и келии иноков. Здесь до начала торжеств особенное внимание богомольцев привлекал двухэтажный каменный храм во имя преподобных Зосимы и Савватия. Пред этим храмом постоянно приходилось видеть коленопреклоненных богомольцев, хорошо знавших, что здесь сокрыто до времени драгоценное для них сокровище – святые мощи батюшки Серафима.

Числа с 10 июля начали наполняться приезжими богомольцами и многочисленные, специально сооруженные к предстоящему торжеству гостиницы. 10 июля в Саров приехал из Казани высокопреосвященнейший архиепископ Димитрий, назначенный Святейшим Синодом к участию в предстоящих торжествах. На следующий день прибыл товарищ обер-прокурора Святейшего Синода, сенатор В. К. Саблер, а в субботу, 12 июля, в 6 часов вечера – высокопреосвященнейший митрополит Санкт-Петербургский Антоний. Кроме того, в это же время прибыли в Саров для участия в богослужениях и крестных ходах на торжестве открытия святых мощей и некоторые представители столичного духовенства: ректор Духовной семинарии архимандрит Сергий, наместник Александро-Невской лавры архимандрит Корнилий, ризничий Лавры архимандрит Гедеон, правитель дел лаврского духовного собора архимандрит Макарий, архидиакон Лавры Иоанн, два иподиакона, иеродиакон Лавры Илларион и 60 человек певчих митрополичьего хора. Кроме того, из белого духовенства, в качестве народных проповедников, – протоиерей Философ Орнатский и священник Александр Рождественский.

Распоряжением преосвященного Иннокентия, епископа Тамбовского, сделан к этому времени целый ряд приготовлений церковного характера. Дело в том, что положение Саровской пустыни исключительное, далеко не похожее на положение других обителей, расположен-

ных среди населенных пунктов и городов. Саровская пустынь приютилась в глухом лесу. Самая ближайшая от нее деревня в 12 верстах. Вокруг монастырских храмов расположены лишь братские корпуса и за пределами монастырской ограды четыре гостиницы. Понятно, все собравшиеся богомольцы не могли найти себе приют в монастырских гостиницах. Не хватило и городка, выстроенного в двух верстах от обители. Поэтому для удовлетворения этой насущной нужды в разных направлениях, за пределами обители, близ дорог, устроены были гражданской властью бараки. Епархиальная же власть признала нужным для каждой группы бараков воздвигнуть по часовне, снабдив каждую из них всем необходимым для совершения панихид и молебных пений. В часовне всегда находились чередной священник и певцы для совершения молитвословий. Здесь же раздавались народу иконки с изображением преподобного Серафима, «Троицкие листки», брошюры религиозного содержания. Для обслуживания часовен преосвященный Иннокентий вызвал до 30 иеромонахов из монастырей Нижегородской, Тамбовской и Харьковской епархий, столько же священников из северных уездов Тамбовской епархии и до 150 послушников и причетников. Из дальних бараков ежедневно устраивались крестные ходы к стенам обители, где совершались на особом возвышении торжественные всенощные и молебные пения.

В воскресенье, 13 июля, по просьбе сестер Дивеевской обители высокопреосвященнейший митрополит Антоний совершил здесь, в соборном храме во имя Святыя Троицы, Божественную литургию в сослужении преосвященных: Нижегородского Назария и Тамбовского Иннокентия. Обитель Дивеевская сохраняет в себе много предметов, бывших в личном употреблении отца Серафима. Сюда сестры обители вскоре после кончины

преподобного перенесли Ближнюю и Дальнюю подвижнические его келии-пустыньки. Первая находится в том виде, в каком была при жизни блаженного старца, а вторая обращена в алтарь в храме Преображения Господня. В этом храме устроены четыре витрины, в них хранятся вещи преподобного: епитрахиль, мантия, богослужебные книги, скуфейки, полумантия, мотыка, топорик, лапти, рукавички, завязанные в узелок волоса преподобного, часть камня, нож, чулки, чоботы и другие вещи. В алтаре хранится табурет, стоявший в келии преподобного. Образ Царицы Небесной «Умиление», написанный на полотне, натянутом на кипарисовую доску и стоявший в монастырской келии преподобного, помещен в особом киоте и в драгоценной ризе у столба, на левой стороне Троицкого соборного храма. В этом храме из четырех его приделов один с 1875 года хранился неосвященным, потому что вера дивеевских сестер в святость отца Серафима и в его прославление была так сильна и жива, что они терпеливо ждали этого всероссийского церковного торжества для посвящения придела его имени.

15 июля, в день памяти просветителя земли Русской святого равноапостольного князя Владимира, в монастырском храме Живоносного Источника высокопреосвященнейший Димитрий, архиепископ Казанский, совершил Божественную литургию, а после нее было совершено высокопреосвященнейшим митрополитом Антонием с архиепископом Димитрием и епископами Назарием и Иннокентием молебствие святому равноапостольному князю Владимиру. За литургиею священник А. В. Рождественский произнес назидательное поучение. На следующий день, по благовесту в большой колокол, в соборном Успенском храме монастыря в 12 часов дня была совершена торжественная панихида с поминовением: Благочестивейших Государей и Госуда-

рынь, от Императрицы Елизаветы Петровны до Александра III включительно, Владимирского епископа Виктора, рукополагавшего преподобного отца Серафима во иеродиакона, епископа Тамбовского Феофила, совершившего хиротонию преподобного во иеромонаха, и всех почивших архипастырей тамбовских, родителей преподобного Серафима – Исидора и Агафии, а также всех почивших игуменов и строителей саровских, при которых подвизался преподобный. Одновременно со служением торжественной панихиды в Успенском соборе совершались панихиды и в других монастырских храмах и часовнях, устроенных у источника, пустынек, бараках и т.п. В Успенском соборе владыке митрополиту и преосвященным сослужили одиннадцать архимандритов и девятнадцать протоиереев, священников и иеромонахов. Собор заполнился молящимися. Пели два хора: митрополичий, под управлением г. Тернова, и хор тамбовских архиерейских певчих. Панихида продолжалась более полутора часов.

В тот же день, в 6 часов, в Успенском соборе и в храме Живоносного Источника, а также и в других монастырских храмах, где не велась исповедь богомольцев, совершено заупокойное всенощное бдение. В Успенском соборе совершали богослужение высокопреосвященнейший митрополит Антоний и преосвященный Иннокентий, а в храме Живоносного Источника высокопреосвященнейший архиепископ Димитрий и преосвященный Назарий. На ектениях поминалось имя приснопамятного иеромонаха Серафима.

17 июля богомольцы с раннего утра наполнили монастырскую площадь внутри и вне стен монастыря. В этот день ожидалось прибытие в Саров крестных ходов из двух Серафимовских обителей – Дивеевской и Понетаевской. Ровно в 7 часов утра при ясной солнечной погоде из

ворот Саровской обители вышел крестный ход навстречу ожидаемым крестным ходам. Кресты, иконы и хоругви несли прибывшие на торжество из разных мест представители общества хоругвеносцев. Сопровождал крестный ход преосвященный Иннокентий с многочисленным монашествующим и белым духовенством. Перейдя реку Сатис, крестный ход остановился в ожидании встречных на так называемом лобном месте, во временно устроенной здесь открытой со всех сторон деревянной часовне. Около 8 часов показался из Саровского леса крестный ход из названных женских обителей. Крестные ходы соединились в один общий и, направляясь к воротам обители, образовали величественное и торжественное шествие. По всему пути следования стояли несметные толпы богомольцев. Благолепию шествия много способствовали прибывшие на торжество из разных мест Московской, Ярославской, Владимирской, Тульской, Нижегородской и Рязанской губерний представители хоругвеносных обществ. Все они несли от своих обществ в дар обители по одной или по две хоругви, из которых многие отличались ценностью и художественностью работы. В 9 часов раздался благовест к литургии. Особенным благолепием отличалось это заупокойное богослужение в Успенском соборе, где литургию совершали высокопреосвященнейший митрополит Антоний и епископ Назарий, который и произнес слово, посвященное памяти преподобного Серафима. Преосвященный Назарий говорил:

«Итак, возлюбленные братие, мы достигли светлых дней великого торжества прославления преподобного и богоносного отца нашего Серафима. Собрались мы из разных, близких и самых отдаленных, мест в эту обитель, в этот храм, к месту молитвенных подвигов преподобного и его упокоения, – собрались, движимые теми же чувствами благоговейного почитания и любви

к нему, с какими почти в течение столетия, при жизни и по блаженной кончине его, устремлялся к нему православный русский народ. Мы притекли сюда, чтобы, приобщившись к сему великому торжеству Церкви, войти в духовное радостнейшее общение с самим виновником его, братом нашим по вере во Христа, достигшим благодатию Божией славы небесной. Юноша, воспитанный в старозаветной русской семье в страхе Божием и в тесном общении с Церковью, жаждущий иноческого подвига, оставляет мать и родину, приходит и поселяется под сенью пустынной Саровской обители. Бодро и радостно вступает он здесь на путь иноческого самоотвержения, "как железо ковачу" отдает он себя и свою волю Богу; послушание в труде, кротость, воздержание, а главное, молитва – "царица добродетелей" – становятся его жизнию. Облеченный благодатию священства, с каким благоговением и любовью проходит он служение Святой Церкви. Подобно Серафиму небесному, он всецело предает себя на служение Богу, молитвенно бодрствуя пред Ним день и ночь; забывает о пище и питье и сожалеет, что нуждается в отдыхе и не может беспрерывно служить Богу. "Иметь ум, совлеченный всего земного, и, сколько позволяет человеческая немощь, соединиться со Христом" – вот что составляет теперь задачу его жизни, "окончательное устройство дома души", по его собственному выражению. Отныне он "носит в своей груди сердце, как воск, таявшее от неизреченной радости посещавших его небесных видений".

Нет конца совершенствованию духа человеческого, созданного по образу и подобию Божию; нет предела любви, коей обязан человек Богу, своему Творцу и Спасителю; нет границ и подвигам самоотвержения, коих устрашился бы истинно любящий Бога христианин. И вот пламенеющий к Богу Серафим, чтобы всецело жить

с Богом и в Боге, удаляется в пустыню и здесь проходит все виды самоотвержения, все подвиги молитвенного труда. “Уединение, молитва, любовь и воздержание – суть четырехсоставная колесница, возносящая дух на небо”, – говорил он неоднократно, поучая других, и сам здесь особенно и неуклонно следует своему слову. Крепко закрывает он лесную тропу, ведущую к его пустынной келии, и весь погружается в молитву, богомыслие, чтение слова Божия и писаний Святых отцов, – молится тысячу дней и ночей на камне, с удивительным терпением переносит нападение разбойников, едва не до смерти избивших его, и, прощая их, просит лишь об одном – не преследовать их. Подвиг же воздержания преподобный Серафим выражает в труднейшем, но и плодотворнейшем из всех подвигов воздержания – молчальничестве. “От уединения и молчания рождается умиление и кротость, – говорил он потом. – Они возводят человека к благочестию, приближают его к Богу и делают его как бы земным Ангелом”. Многочисленны, разнообразны, но и последовательны были все подвиги блаженного старца в пустыне и в монастырской уединенной келии. Это ступени, по которым, руководимый благодатию Божией, Серафим неуклонно, шаг за шагом шел и возвышался на высоту той святости и чистоты, которой в удел дано видеть Бога. И он видел Господа, видел и беседовал с Его Пречистою Матерью, видел святых ангелов. Прозирал он и человека в тайниках его ума и сердца и с поразительною ясностью проразумевал его будущее; входил в духовное общение с людьми независимо от расстояния, в каком они находились по отношению к нему. Когда же, по повелению Божией Матери, ослабил подвиг затвора и молчальничества и отворил двери своей келии для беседы сперва с иноками, а затем с мирянами – какую любовь к человеку явил отшельник миру! День и ночь шли

к нему – кто со своими сомнениями, кто с нуждой и горем, кто с болезнями, и он одних утверждал в вере, других утешал, направляя мысли к Богу – Подателю мира и радости, третьих чудесно исцелял от недугов телесных. Православный русский народ увидел в нем избранника Божия, великого праведника; признал его святым при жизни, стал почитать таковым и по блаженной кончине его. Как при жизни святого старца тысячные толпы направлялись к его пустыньке, чтобы видеть его, получить благословение, утешение или исцеление, так и по смерти еще бо́льшие толпы с теми же нуждами стали притекать к его могиле, к месту его пустынных подвигов, на источник, который он ископал. В своем сознании верующие люди не различали живого и умершего отца Серафима, как и у Господа нет различия людей по сим состояниям (Рим. 14, 8).

Не изменил своих отношений к людям по кончине своей и сам преподобный Серафим. И теперь, как и прежде, он усердный пред Богом молитвенник за них; и теперь он участлив и отзывчив к нужде и горю людскому и спешит к притекающим к нему со своею благодатною помощию – утешает, спасает, исцеляет; и теперь он жив и близок ко всем, кто чтит и любит его. Вот он входит к больной дивеевской монахине и говорит: “Я пришел навестить своих нищих: давно здесь не был”, осеняет больную крестным знамением, и та выздоравливает; является другой такой же больной монахине, и когда та спрашивает: “Ты ли это, батюшка?” – он говорит ей: “Какая ты, радость моя, неверующая, сама просила меня и не веришь”. Других многочисленных больных или их родителей и близких он утешал, с лаской и любовью говоря: “Не плачь, не убивайся, дочь твоя будет жива и здорова”; “Не бойся, дочь моя, сейчас тебе будет великая радость: ты увидишь образ Божией Матери”; “Радость

моя, я всегда с тобою, мужайся, не унывай...” Вот пред нами дорогое детище преподобного Серафима – Дивеевский монастырь. Обитель эта есть поистине чудо милости Божией по молитвам преподобного, ее основателя. Сколько притеснений, бед и огорчений понесла она за время своего существования. Страдала она от голода, претерпевала пожары и, несмотря на это, расширялась и увеличивалась в числе своих насельниц и украшалась их добродетелями. Чем же живы “дивеевские сироты”? Живы они тем, что жив среди них отец, питатель и молитвенник их, батюшка Серафим. Скажите кому-нибудь из них, что в монастыре их то или это устроено хорошо, и они ответят вам: “Так благословил батюшка; все у нас по молитвам его”. Спросите настоятельницу, как она думает поступить в том или другом деле: “Как благословит батюшка Серафим; как уж он укажет” – таков обычный ответ ее на подобные вопросы. Спросим и самих себя: разве не вера, что преподобный Серафим жив и непрестанно молит о нас Бога, собрала нас на это торжество? В этом храме, где возносилась ныне Безкровная о нем Жертва, где некогда и сам он совершал Божественную литургию, кто из нас не чувствует присутствия и молитвенного с нами общения его? Кто духовными очами не видит озаренного небесным Светом образа его? Кому не слышится его дышащее любовию слово? А многочисленные исцеления больных, на наших глазах совершившиеся: эти недвижимые – вдруг восставшие, эти слепые – вдруг прозревшие, – о чем свидетельствуют, как не о том, что он, батюшка, здесь, среди нас невидимо возлагает свои руки на недужных и испрашивает им от Бога благодать исцеления. Дивный во святых Твоих, Господи, и в наше время, когда некоторая часть наших братий оставляет Церковь святую Твою, пренебрегает Таинствами, учением и преданиями, Ты воздвиг во славу

Свою, к великой радости верных Твоих, новый светильник Церкви, да светит всем неверующим и малодушным в лице преподобного Серафима. Ты показал веру и ту силу веры, для которой ничего нет невозможного, которая как в области духа, так и материи преодолевает все препятствия, способна и горы переставлять по слову Твоему (Мк. 11, 23). Людям себялюбивым, гордым и злопамятным Ты явил в нем пример самоотречения, красоту и величие смирения и истинное благо в совершенном незлобии и любви. Невоздержным всякого рода в подвигах отца Серафима Ты показал дивный образец терпения и полное осуществление слова Твоего о власти живого и бодрого духа над немощною плотию и о силе Твоей, в немощах совершаемой (Мф. 26, 41; 2 Кор. 12, 9). Показал нам Ангела в условиях земного быта и человека, уже на земле вкусившего сладость Небесного Царствия, даровал нам нового великого молитвенника пред Престолом Твоим о наших нуждах, скорбях и болезнях и нового чудотворца Русской земли. За столь великое видимое и для слепотствующих – знамение благодати Твоей, изобильно ныне излиянной на нас, приносим из глубины сердец наших благодарение Тебе, Промыслителю нашему, Отцу и Сыну и Святому Духу. Аминь».

В храме Живоносного Источника литургию совершал высокопреосвященнейший архиепископ Димитрий. Здесь также было произнесено слово протоиереем Ф. Н. Орнатским. А по окончании литургии в обоих храмах были совершены панихиды по приснопамятном иеромонахе Серафиме.

Окончилось богослужение... Но народ не расходился, не покидал монастырской площади ни внутри обители, ни вне ее, так как получили весть: Его Величество Государь Император, в сопровождении Государыни Императрицы и других Высочайших особ, изволил при-

быть в Арзамас и следует в Саров. Тысячи богомольцев по пути царского следования расположились плотною стеною. За вратами обители впереди народа виднелись стройные ряды монахинь Дивеевского и Понетаевского монастырей. Взоры всех устремились на величественный Саровский лес, откуда вот-вот должны показаться экипажи с Августейшими путниками. Около 4 часов пополудни с монастырской колокольни разнесся могучий благовест большого колокола, возвестивший о скором прибытии в обитель Их Императорских Величеств. В 5 часов начался трезвон во все колокола. Около 5.30 показался из лесу первый экипаж, запряженный четверкою лошадей, в нем находились Государь Император и Государыня Императрица Александра Феодоровна. Могучее «ура» многотысячной толпы огласило окрестность. Восторг народа был неописуемый. В следующем экипаже находилась Императрица-мать Мария Феодоровна, а затем великий князь Сергий Александрович с супругой великой княгиней Елизаветою Феодоровною, великая княгиня Ольга Александровна с супругом принцем Петром Александровичем Ольденбургским, великие князья Николай Николаевич, Петр Николаевич с супругою великой княгиней Милицею Николаевною и князь Георгий Максимилианович с супругою Анастасией Николаевною.

У Святых ворот обители Государь Император и Государыня Императрица вышли из экипажа. Владыка-митрополит с преосвященными и всеми духовными лицами, участвовавшими в Саровских торжествах, встретил Их Величества во Святых вратах и приветствовал краткою речью следующего содержания: «Святая обитель Саровская радостно встречает Тебя, Благочестивейший Государь, прибывшего ныне сюда принять молитвенное участие в торжествах прославления великого

ее подвижника, приснопамятного старца, иеромонаха Серафима. И все великое множество собравшегося здесь народа православного радуется лицезреть Царя своего, с ним вместе молящегося и разделяющего светлое его торжество. Гряди же с миром, Государь, в обитель сию, и молитвами прославляемого угодника Божия да будет благословенно от Господа вхождение Твое».

От святых ворот Их Императорские Величества с Высочайшими особами по устланной красным сукном дорожке, в предшествии владыки митрополита проследовали в Успенский собор, где их появление вызвало восторг народа. После краткого молебствия Их Величества посетили церковь святых Зосимы и Савватия. Войдя в церковь вместе с владыкою митрополитом и другими бывшими здесь преосвященными, их Императорские Величества и Высочества поклонились всечестным останкам преподобного. После этого Их Величества пошли в так называемый игуменский корпус, где в верхнем этаже приготовлены были для них покои. В нижнем этаже помещались великий князь Сергий Александрович с супругою. Для Государыни Императрицы Марии Феодоровны покои приготовили в так называемом архиерейском корпусе, там же поместилась и великая княгиня Ольга Александровна с супругом. Помещение для прочих Высочайших особ назначено было вне стен обители, за рекою Сатисом, около леса, во вновь сооруженном здании.

Непосредственно после встречи Их Величеств владыка митрополит вместе с участвовавшими во встрече преосвященными архиереями и духовенством направился в Успенский собор и совершил благодарственное молебствие о благополучном прибытии Их Величеств. В 7 часов вечера во всех монастырских храмах особо назначенные священнослужители совершили заупокойные всенощные бдения.

В одиннадцатом часу ночи, когда площадь монастырская была свободна от народа, особо назначенные архимандриты молча перенесли из Преображенской церкви старый дубовый гроб-колоду преподобного Серафима и поставили его на прежнее место пребывания, в могилу, к которой и был устроен по небольшой каменной лестнице спуск. Могилу к тому времени обложили тонкими мраморными плитами и с одной стороны сделали открытою, так что стоящий в ней за стеклянною перегородкою гроб был хорошо виден. Над могилою поставили прежний чугунный памятник.

18 июля, в 5 часов утра, начался благовест к ранней литургии. Литургия совершалась во всех храмах обители. Государь Император и Государыни Императрицы были на литургии в Антониевском приделе Успенского собора, причем Их Величества там причастились Святых Таин, а исповедовались они накануне вечером, у иеросхимонаха Симеона. Причастников в этот день стояло великое множество. В 8.30 начался благовест к последней заупокойной литургии по приснопамятном иеромонахе Серафиме. Совершали литургию в Успенском соборе священнослужители по особому назначению. По окончании литургии редкий благовест призывал верующих в собор помолиться на панихиде в последний раз об упокоении души приснопамятного иеромонаха Серафима. В собор на эту панихиду прибыли Их Императорские Величества и Высочества. Пред панихидою митрополит Антоний вышел на амвон и произнес речь следующего содержания:

«Дивен Бог во святых Своих. Всем нам, здесь присутствующим и молящимся, Господь даровал великую милость быть участниками светлого торжества прославления приснопамятного подвижника иеромонаха Серафима. Слава и благодарение Господу, тако о нас благоде-

ющему. Красуйся и радуйся, обитель Саровская, славою преподобного своего прославляющаяся и прославленная. Сейчас мы совершим последнее моление о нем, как об усопшем рабе Божием, а потом уже во все времена православные христиане будут обращаться к нему с молитвою, как к прославленному угоднику Божию. И его пречистые останки, семьдесят лет почивавшие в недрах земли, теперь износятся к поставлению в эту раку для благоговейного поклонения верующих, молитвенно притекающих к нему за помощию, исцелением и утешением. Воистину в этом прославлении просиявает нам образ Воскресения. Настойчиво приходят на мысль слова Апостола: “Сеется не в честь, восстает в славе, сеется в немощи, восстает в силе”. В самой видимой мертвенности останков святых благодатию Божиею сокрывается сила жизни. Через посредство их даруется людям от Господа многоразличные исцеления от недугов и болезней. В этих же чудесных исцелениях слава и преподобного отца Серафима. Его молитвенное дерзновение пред Богом и прежде всегда собирало в обитель Саровскую множество богомольцев. Теперь же Господь прославил его пред всем православным миром, собрав сюда многие десятки тысяч людей со всех концов России и даже далекой Сибири, от запада и востока, от севера и юга, возглавив это великое множество народа молитвенным участием в торжестве самого Царя православного, благочестивых Цариц и многих членов Царствующего Дома. В этом многолюдном, но единомысленном и единосердечном собрании богомольцев у святых мощей преподобного выражается исконный, основной смысл жизни русского народа. Он знает свое Отечество и свою историю не столько по политическим или военным событиям, сколько по подвижникам веры и правды, любви и добра. Он знает Киев по преподобным Антонию и Феодосию Печерским, Троицкую Лавру и

Москву по преподобному Сергию и святителям Московским, свой север и Соловки по преподобным Зосиме и Савватию, Сибирь – по Симеону Верхотурскому и святителю Иннокентию Иркутскому. Из года в год, из века в век он посещает прославленные подвигами угодников Божиих святые места, поучаясь в них правилам жизни святой и утверждаясь в вере и правде, добре и любви. И теперь в лице преподобного Серафима воздвигает Господь новый светильник, нового учителя, новую духовную твердыню народа русского. Буди же слава Богу нашему, дивному во святых Своих. По молитвам преподобного совершаются здесь ежедневно многочисленные чудеса. И если бы кто вопросил нас о них, мы таковому вопрошающему ответили бы с благоговейным дерзновением, в полном соответствии с действительностью, словами Спасителя ученикам Иоанновым: “Слепые прозревают, хромые ходят, глухие слышат, нищие благовествуют”. Помолимся же усердно, благоговейно и с теплою сердечностью в последний раз об упокоении раба Божия, приснопамятного иеромонаха Серафима, и воздадим славу Богу, дивному во святых Своих. Аминь».

Затем началась панихида при участии всех присутствовавших на торжестве архипастырей, при дивном пении митрополичьего хора. Панихида закончилась литиею на могиле преподобного Серафима, куда вышел из собора крестный ход. По возвращении в собор владыка митрополит освятил сооруженную усердием Их Императорских Величеств драгоценную раку для святых мощей преподобного Серафима. Эта рака-гробница обращает внимание своей необыкновенной красотою. Сама рака каменная, как бы в воспоминание великого подвига моления преподобного на камне в Саровском лесу. Сделана она из русского «вазалемского» мрамора, который добывается в окрестностях Гапсаля Эстляндской губернии.

Цвет мрамора желтовато-серый, а при высечке беловатый. Рака имеет форму продолговатого, четырехугольного надгробного памятника, высотою 1 аршин, длиною 2 аршина 12 вершков и шириною 1 аршин 2 вершка. Она сложена из четырех массивных плит, утвержденных на возвышенном каменном помосте, к которому с двух сторон ведет по три ступеньки, сделанных из того же мрамора. Рака вся кругом украшена одною резьбою, без шлифовки и позолоты, в ознаменование убогой простоты преподобного и отречения его от благ мира.

На стенке, в головах раки, на круглом щите изображен узорный четырехконечный равносторонний крест византийского образца. На правой и левой боковых стенах, в углубленных кокошниках, иссечено точное подобие медного литого восьмиконечного креста с изображением Распятия, в продолжение 70 лет хранившегося среди прочих священных вещей, оставшихся после преподобного Серафима в его келии. В ногах гробницы, на стенке, в круглом, выпуклом щите, под шапкою Мономаха иссечены славянские начальные буквы имен державных создателей настоящего сооружения – Государя Императора и Государыни Императрицы. По углам гробницы выступают пилястры с восьмиконечными крестами древнейших форм, а по верхнему и нижнему фризам рака украшена каймою с изображением пальмовых ветвей. Все четыре стенки раки имеют вырезанные по камню соответственные надписи, сделанные на церковнославянском языке. На стенке, в головах гробницы, по обе стороны четырехконечного креста, иссечены два стиха из Священного Писания: «Праведницы же во веки живут и в Господе мзда их, и попечение их у Вышняго» (Прем. 5, 15) «Хранит Господь вся кости их: ни едина же от них сокрушится» (Пс. 33, 21). На обеих боковых (продольных) стенках раки помещена летопись о глав-

нейших событиях жизни преподобного Серафима. На левой стенке, по обе стороны креста-распятия, иссечена следующая славянская надпись:

«Святый преподобный отец наш Серафим, Саровский чудотворец, родился в граде Курске, в лето от создания мира 7267, а от Рождества Христова 1759 месяца Июля в 19 день.

Во святую Саровскую обитель вступи лета от Р.Х. 1778 месяца Ноемврия в 20 день.

Иноческое пострижение приятлета 1786 Августа в 13 день.

Во иеродиакона рукоположен месяца Октоврия лета 1786.

В сан иеромонаха рукоположен лета 1793 Септемврия в 2 день».

На стенке, в ногах гробницы, по обе стороны круглого щита помещена следующая надпись, представляющая собою молитву преподобного Серафима, написанную им собственноручно на одной из оставшихся после него богослужебных книг: «Спаси, Господи, и помилуй раба (имярек) и просвети ему ум светом разума святаго Евангелия Твоего и настави его на стезю заповедей Твоих и научи его, Спасе, творити волю Твою, яко Ты еси Бог наш».

Крышка раки серебряная, весом около $3^1/_2$пудов, и представляет собою широкую покатую раму, в которую вставлено под стеклом иконописное на цинке изображение преподобного Серафима, во гробе лежащего. По углам крышка священной раки украшена чеканными изображениями шестокрылых серафимов, а между ними, по всем четырем сторонам крышки, славянскою вязью написан тропарь общий преподобным. Крышка запирается на замок. На внутренней стороне крышки награвировано: «При державе благочестивейшаго ве-

ликаго Государя Императора Николая Александровича, Самодержца Всероссийскаго, создася рака сия повелением и усердием Их Императорских Величеств Государя Императора и супруги Его, благочестивейшия Государыни Императрицы Александры Феодоровны, в лето от Рождества Христова 1903 июля в 19 день».

В описанную каменную раку поставлен был дубовый гроб, художественное воспроизведение дубовой колоды, в которой 70 лет хранились всечестные останки преподобного, и уже в этот гроб-колоду вставлен был кипарисовый гроб со святыми мощами. Дубовая колода, длиною в 2 аршина $8^1/_2$ вершка и в диаметре 14 вершков, окована тремя железными обручами, с разветвлениями в виде дубовых листьев, и снабжена по сторонам десятью подвесными скобами из витого железа, для несения гроба на руках. Кроме того, для несения гроба со святыми мощами в крестных ходах устроены еще особые носилки, в виде помоста, покрытого зеленым бархатом и украшенного позументом. В несении гроба на этих носилках могут принимать участие до двадцати человек. Вокруг гробницы поставлена бронзовая, чеканной работы решетка с изображениями двуглавых орлов по углам и шестокрылых серафимов по сторонам.

Четыре колонны из киевского лабрадора поддерживают сень, которая, возвышаясь над гробницею на 12 аршин, имеет в общем вид часовни над колодцем со стрельчатою кровлей, в старинном владимиро-суздальском стиле. Сделанная из позолоченной бронзы тонкой чеканной работы сень увенчивается пятью луковичными главами. В арках и кокошниках купола сени находятся следующие иконописные изображения святых и событий из жизни преподобного Серафима.

В четырех главных кокошниках сени помещены иконописные изображения: на западной стороне – лик Спа-

са Нерукотворенного, с надписью по фризу славянскою вязью: «Иисус Христос вчера и днесь тойже, и во веки» (Евр. 13, 8); на северной – ночное моление преподобного на камне, с надписью по фризу слов молитвы мытаря: «Боже, милостив буди мне грешному» (Лк. 18, 13); на южной – явление преподобному Серафиму Богоматери с двенадцатью венценосными девами в день Благовещения, 25 марта 1831 года, с надписью по фризу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, молитвами Богородицы помилуй нас грешных», и на восточной стороне – блаженная кончина преподобного Серафима с надписью: «Честна пред Господем смерть преподобных Его» (Пс. 115, 6).

В окнах среднего купола сени находятся иконы святых, с коими преподобный Серафим пребывал в духовном общении, творениями коих сам назидался и притекающим к нему за утешением советовал проникаться: вселенские учители и святители – Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, Исаак Сириянин, Макарий Великий Египетский, Иоанн Лествичник, Амвросий Медиоланский, преподобные Антоний и Феодосий Киево-Печерские, Зосима и Савватий Соловецкие, Сергий Радонежский и другие.

По углам архитрава помещается 8 иконописных изображений пламенных шестокрылых серафимов, а между этими изображениями и кокошниками поставлены иконы святых Исидора и Агафии, имена которых носили родители преподобного Серафима, Прохора – мирское имя преподобного, и тех дневных святых, память которых празднуется церковью в дни рождения и кончины преподобного Серафима – 19 июля и 2 января.

Над капителями колонн находятся иконы святых, тезоименитых Государям Российским, способствовавшим делу прославления новоявленного угодника Божия, и семьи Государя Императора – святителя Николая Мир-

ликийского, святого благоверного великого князя Александра Невского, святой мученицы царицы Александры, святой равноапостольной Марии Магдалины, блаженной великой княгини Ольги, святой мученицы Татьяны, святой великомученицы Анастасии и Ангела Хранителя.

Вокруг раки во всех четырех арках сени идет ряд лампад, а на восточной стороне площадки-помоста утвержден большой свещник. Там же в арках сени утверждено всего 36 лампад, среди которых пять лампад – дар Высочайших особ. Все эти лампады утверждены на стороне, обращенной к главному в Успенском приделе собору. Лампада Государя круглой формы, золотая, украшенная драгоценными камнями из сибирских горных пород в натуральном виде, без шлифовки. Ободок лампады имеет ажурную надпись, сделанную славянскою вязью: «Ты Сам, Господи Боже, избрал его и нашел сердце его верным пред Тобою. Дар Их Величеств Государя Императора Николая II и Государыни Императрицы Александры Феодоровны. 19 июля 1903 года». В ободок вставлена фарфоровая чашка сферической формы и в нее – лампада из красного стекла. Вся лампада висит на четырех цепочках, составленных из чеканных изображений головок шестокрылых серафимов и крупных драгоценных камней. Внизу к лампаде подвешены четыре кисти из жемчуга; драгоценные камни – ими украшена лампада, трех цветов: белого, зеленого и розового.

Под лампадою Государя и Государыни помещается лампада Их детей, украшенная так же, как и первая, с тем лишь отличием, что четыре цепочки сделаны из чеканных изображений государственного герба и прикреплены вверху к императорской короне. На ободке вырезана следующая надпись: «Свет Христов просвещает всех. Дар Их Императорских Высочеств Ве-

ликих княжон Ольги, Татьяны, Марии и Анастасии. 19 июля 1903 года».

Справа от этой лампады на шелковой ленте фиолетового цвета прикреплена лампада великого князя Сергия Александровича и великой княгини Елизаветы Феодоровны. На золотом ободке лампады находятся художественно сделанные из мозаической эмали миниатюрные иконы святого благоверного и великого князя Александра Невского и Марии Магдалины. Между святыми иконами вырезан славянскою вязью следующий текст: «Богом прославленному святому старцу Серафиму Саровскому с теплою верою приносят сию лампаду Великий князь Сергий Александрович и Великая княгиня Елизавета Феодоровна. 19 июля 1903 года». Четыре цепочки лампады составлены из ажурных листьев с жемчужиною на каждом листке; внизу лампады подвешен продолговатый крест из белой эмали; вся лампада украшена жемчугом. Слева от лампады великих княжон находится лампада великого князя Петра Николаевича и великой княгини Милицы Николаевны. Лампада состоит из двух ободков, соединенных между собою тремя цепочками из драгоценных камней – жемчугов, рубинов, александритов, хризолитов; на такой же цепочке внизу к лампаде подвешено чеканное из золота изображение шестокрылого серафима. Вверху лампада прикреплена на шелковой фиолетовой ленте; нижний ободок имеет металлическое дно, и на нем утверждена красного цвета стеклянная лампадочка; на ободке славянскою вязью надпись: «Не может град укрытися вверху горы стоя. Кто сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии Небеснем». Верхние края обоих ободков лампады украшены крестиками из драгоценных камней, а нижние – подвесками из таких же камней. На лицевой стороне нижнего ободка лампады

помещена небольшая, писанная на фарфоре эмалевыми красками художественная икона «Умиление Божией Матери». Лик Богоматери по обе стороны окружен следующим изречением апостола Павла: «Слово мое и проповедь моя не в убедительных человеческия мудрости словесех, но в явлении духа и силы, да вера ваша не в мудрости человечестей, но в силе Божией будет».

С противоположной стороны этой лампады помещается лампада великого князя Николая Николаевича, представляющая собою круглый венчик из белой эмали, украшенный крупными аквамаринами. На ободке надпись золотыми буквами: «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят». Большинство из этих лампад сделаны по рисунку великого князя Петра Николаевича, который известен был как знаток древнехристианского стиля и орнаментики.

Общий характер настоящего сооружения, весь материал для которого употребляется исключительно русский, – отличается стройностью и строгостью линий. Общая стоимость раки с сенью около 35 000 рублей; вес гробницы с сенью около 2000 пудов, а одной раки – до 100 пудов. Составление проекта всего сооружения, а также наблюдение за производством работ и установкою на месте. Высочайше было возложено на князя Михаила Сергеевича Путятина (1861–1938). Соответствующие части гробницы и сени изготовлялись в разных мастерских С.-Петербурга и Москвы: мраморные работы – Гвиди, серебряная крышка – Овчинников; бронзовые работы – Брагин; железные – мастерская Зембека, столярные – Н. Ф. Свирского, железный каркас для гробницы сделан Орешниковым, а все иконописные работы – у московского иконописца Василия Гурьянова (1866–1920).

В 4 часа того же дня в Успенском соборе была совершена малая вечерня, а в 6 часов вечера начался бла-

говест большого колокола, созывавший богомольцев ко всенощному бдению. Это была первая церковная служба, на которой преподобный Серафим стал ублажаться и прославляться в лике святых Божиих и на которой его святые мощи были открыты для всенародного поклонения. Ввиду такой важности предстоящего богослужения ко вратам обители устремились десятки тысяч богомольцев. Так как монастырская площадь в самой ограде обители не могла вместить в себе такого великого множества народа, то допущена была в ограду монастыря только часть, и притом в таком количестве, которое не могло бы стеснять крестного хода в момент перенесения святых мощей. Владыка митрополит со славою проследовал в Успенский собор, за ним вскоре вошли в собор Их Императорские Величества и Высочества и стали около правого клироса. Началось всенощное бдение. Богослужение отправлялось уже по вновь составленной «Службе преподобному отцу нашему Серафиму Саровскому, Чудотворцу». Начинается лития... Все зажигают свечи и стоят с возжженными в руках свечами. Литийные стихиры поет митрополичий хор, и в это время начинается крестный ход из собора к храму Святых Зосимы и Савватия. Идут Высочайшие особы, за ними министры – внутренних дел В. К. фон Плеве, Императорского Двора барон Фредерикс, путей сообщения князь М. М. Хилков, граф И. И. Воронцов-Дашков, сенатор В. К. Саблер и многие другие высокопоставленные лица. Отворяются двери храма святых Зосимы и Савватия, и туда входят владыка митрополит с преосвященными архиереями, Высочайшие особы, священнослужители, назначенные к несению гроба со святыми мощами, и несколько других лиц, шедших в крестном ходе. При виде стоящей посреди храма святыни все преклонили колена. Владыка митрополит совершает каждение вокруг гроба, и затем

гроб износится Государем Императором и великими князьями при участии священнослужителей, к тому назначенных. При выносе из храма гроб устанавливается на носилки и на них поднимается высоко над головами всех, будучи отовсюду хорошо виден. Момент появления гроба со святыми мощами вне храма был чрезвычайно трогателен. Слышится плач женщин, некоторые рыдают, на пути шествия гроба расстилаются крестьянками куски холста, полотенца, мотки пряжи. По сторонам пути лежат разного рода больные и убогие. У западных ворот Успенского собора произносится первая литийная ектения, затем следуют еще четыре остановки у других сторон собора, с произнесением литийных ектений. По прочтении у западных врат литийной молитвы шествие вступает в собор, и гроб со святыми мощами устанавливается посреди его на особом возвышении. Служба продолжается. Между кафизмами преосвященный Иннокентий (Беляев) произнес соответствующее совершающемуся торжеству слово, следующего содержания:

«“Восхвалятся преподобнии во славе” (Пс. 149). Пред этим гробом со святыми мощами преподобного человеческая мысль невольно устремляется в область веры. Лишь отсюда она видит, как различно, иногда до противоположности, значение одних и тех же предметов в обыкновенной жизни и в области веры. В жизни для всех нас гроб – источник горя и скорби, причина сетования и слез... При виде гроба мы невольно предполагаем созданное им несчастие, тяжелую разлуку, сиротство. Но в области христианских упований, для человека-христианина, гроб – место покоя до общего Воскресения, а для его веры он становится иногда, по милости Божией, источником небесных откровений, свидетельством силы Божией, ясным знаком небесной награды за земную праведность, причиною возвышеннейших хри-

стианских чувств. Это именно настроение светлой радости, умильных слез и благоговения рождает в каждой верующей душе предлежащий гроб. Окружая его во славе Благочестивейшим Государем и Государынями нашими, все мы знаем, что он сокрыл в себе честные останки праведника, угодившего Господу, мужа молитвы и подвига, великого в своей простоте, увенчанного смирением и кротостию, пламеневшего Христовой любовию ко всякому человеку. Церковь трех веков, преследуемая и гонимая, знала своих мучеников и исповедников, страдавших за имя Христа. Она с почестями хоронила тела их, тщательно собирала кости их. Церковь наших дней, мирная и спокойная, знает своих молитвенников и подвижников; она также почитает гробы своих праведников, поклоняется святым останкам их. Когда был замучен и растерзан зверями епископ Смирнский Поликарп, смирняне отправили другим церквам послание, в котором извещали, что они собрали кости мученика в сосуд и будут хранить и почитать эту святыню как самое драгоценное сокровище. Последуя примеру этой древней Церкви, этих первых христиан, наша Церковь Православная извлекла из недр земных кости своего молитвенника и подвижника преподобного Серафима и отныне окружит их благоговением, песнословием и поклонением, как драгоценную святыню свою.

Но значение сего святого гроба открывается для нас, чад Православной Церкви, еще с иной стороны. В нем мы познаем глубокую правду нашего Святого Православия. Не погрешает, но стоит твердо на правом пути та Церковь, для которой горний небесный мир святых Божиих – постоянный руководитель настроений, вдохновитель в молитве, источник благодатных утешений, помощь и защита. В этих святых мощах нового молитвенника за Церковь Русскую мы чувствуем биение жизни

нашей Церкви. Ибо не мертва, не застыла, не окаменела, а живет, юнеет и цветет та Церковь, которая украшается новыми праведниками и святыми Божиими. В этом гробе источник света и радость веры нашей. Холодна и тускла была бы она, если бы не получала ясного ободрения, что молитва и подвиг всегда будут награждены и прославлены Господом. В этих святых мощах – новое знамение милости и благости Божией к русскому народу и Церкви Православной, как бы разверзается небо, и встает у Престола Господня новый молитвенник за нас недостойных, новый предстатель и ходатай. И мы ясно видим плоды этой молитвы его ко Господу: слепые прозревают, глухие слышат, немые говорят, расслабленные восстают. Еще мгновение – и откроется крышка этого спасительного гроба, явятся нам благодатные останки его: новые токи чудес потекут от них, еще яснее станет пред нами образ ныне дивного во святых Божиих Серафима, но кроткого, смиренного и убогого в земной жиани. И умиленной радости веры нашей, под впечатлением его чудного образа, воспоем ему: "Ублажаем тя, преподобне отче Серафиме!" Аминь».

Читают еще одну кафизму, и при пении «Хвалите имя Господне» все служащие сходят на средину храма. Сойдя с облачального амвона к гробнице преподобного, митрополит Антоний отпирает замок и отворяет крышку гробницы. Все преклоняют колена, а священнослужители поют величание преподобному. По прочтении Евангелия митрополит Антоний и прочие преосвященные архиереи прикладываются ко святым мощам. Затем прикладываются к ним Их Императорские Величества и Высочества. Далее подходили священнослужители и все прочие находившиеся в соборе молящиеся.

По окончании всенощного бдения собор оставлен всю ночь открытым для поклонения мощам преподобно-

го. Богомольцы всю ночь подходили один за другим ко гробу, прикладывались ко святым мощам и принимали помазание святым елеем от назначенных священнослужителей. При крестном ходе со святыми мощами было несколько случаев исцелений. Так, одна девушка села Промысловка Астраханского уезда и губернии, Вера Чернышева, 29 лет, находившаяся 5 лет в параличном состоянии, со сведенными ногами, сама встала и начала ходить без посторонней помощи. Другая женщина, Феодора Слежева, 26 лет, получила исцеление от постоянно бывших с ней припадков эпилепсии.

Всю ночь во всех храмах и часовнях служились молебны, а на следующий день в 5 часов утра священнослужителями, по особому назначению в обоих соборных храмах и в храмах Святых Зосимы и Савватия, Святого Иоанна Крестителя и кладбищенском служились ранние литургии, за которыми тысячи верующих приобщались Святых Христовых Таин.

Поздняя литургия в Успенском соборе началась в 8 часов утра. Богослужение совершал митрополит Антоний вместе с другими участвующими в торжестве преосвященными. В соборе присутствовали Государь Император с Государынями Императрицами и великими князьями. На малом входе с Евангелием, при пении «Приидите, поклонимся» архимандриты подняли стоявший посредине собора гроб со святыми мощами и обнесли его вокруг святого престола, а затем положили в уготованную раку. При этом произошел случай исцеления. Среди молящихся в соборе находилась приехавшая из Москвы госпожа Масленникова, из купеческого сословия, с больною двенадцатилетней дочерью, страдавшею каталепсией и два уже года ни слова не говорившею. При прохождении больной мимо гроба со святыми мощами мать коснулась платком гроба и отерла им лицо

больной дочери, которая тотчас же после этого на глазах у всех произнесла имя своей матери и начала говорить. Исцеленная девочка была потом сподоблена владыкою митрополитом причастия Святых Таин. По окончании литургии архиепископ Казанский Димитрий произнес слово в честь и память преподобного и богоносного отца нашего Серафима, Саровского Чудотворца:

«Какой великий, высокознаменательный, глубоко поучительный день переживаем мы все ныне – это величественное, благочестивое собрание сынов и дщерей нашей Святой Православной Церкви Российской. А с нами празднует и радуется и вся православная Россия. Уединенная подвижническая обитель превратилась временно в многолюдный город. Всегда пустынный, молчаливый лес Саровский полон ныне волнения и говора, движения и шума. Но это не волнение обыденных забот и мелких зачастую интересов; это не шум житейской суеты. Это – по местам шепот глубокого душевного умиления; это – перебегающий из уст в уста рокот житейской радости духовной; это – громкий взрыв благоговейного изумления, восторга пред совершающимся. Это – могучий подъем и неудержимое шумное проявление сильного и здорового духа благочестия, которым дышит и живет Святая Православная Русь. Хромые – ходят. Слепые – видят. Немые – заговорили. И блажен есть, иже не соблазнится о сем. Блажен, чье сердце не осталось незатронутым в самых глубоких тайниках своих всем чудным, совершающимся пред нашими глазами. Да будет благословен дивный во святых Своих Бог, промыслительно явивший нам во дни сии дивное и славное. Да будет прославляем Христос Господь, мудро даровавший Святой Своей Церкви благодать сию именно теперь, – во благо время.

Кому на Святой Руси не было издавна уже ведомо имя великого старца Саровского Серафима? Многие

души благочестивые, чуткие ко всему возвышенному и святому, еще во время земной жиани старца стремились к нему в пустынь, искали у него, и в его вере и любви находили утешение в скорбях сердца, разрешение тяжких недоумений и сомнений духа, указание доброго, правого, истинного пути среди нравственного смятения, среди колебаний, уклонений. А семидесятилетие, протекшее со дня блаженной кончины приснопамятного, обратило сюда, – к могиле, скрывшей честные останки свято почившего, – молитвенные взоры всех, в ком сильна вера во внутреннее непрерывающееся общение скончавшихся праведников и людей, совершающих еще свой путь нравственного возрождения и обновления духа; – тех, в ком крепка надежда на молитвенное ходатайство пред Богом святых, пребывающих во свете Лица Божия. Многочисленные дивные знамения благодатной помощи по молитвам ко блаженно почившему старцу показали всем верующим православным, что и в наши дни Господь даровал людям доброго молитвенника и скорого помощника. Святая Церковь всенародно удостоверила и утвердила эту общую веру в святость и ходатайственную силу пред Богом великого подвижника благочестия. И вот, ныне мы умилительно ублажаем преподобного отца нашего Серафима и торжественно прославляем святую память праведника, которого с глубоким умилением и благоговением давно уже ублажают и прославляют вси роди земли Российской. Отныне высоко поставлен на свещнице Церкви Православной дивный светильник, согревший сердца своим неземным уже светом, просвещающий умы и верно озаряющий неложный путь, по которому должны идти ищущие духовного возрождения, стремящиеся к нравственному совершенству.

Настоящее торжественное прославление памяти преподобного да послужит в назидание и тем, кто, ис-

кренно и нелицемерно, стремясь в недоумении и смуте нравственной уяснить себе и другим смысл и цель жизни человека, готов стать на добрый путь истины, ведущий за пределы времени, в вечность. Ублажаемый нами ныне преподобный Серафим, совершая земное течение, взор свой всецело и неуклонно устремил на небо, потому что "житие наше на небесех есть". Свое устремление к небесному он любил воспевать словами церковной песни: "пустынным непрестанное божественное желание бывает"». Земной ангел и небесный человек, наставник монахов и собеседник ангелов, он в своей светлой душе соединил о Господе небесное и земное. И еще здесь, на земле, он наслаждался высокими радостями потусторонними, небесными.

Да будет же он, верно прошедший правый путь, указанный человеку Божественным путеводителем, – да будет он для нас яркой путеводною звездою, освещающей путь и рассеивающей туман, который ныне начинает все гуще и гуще застилать этот путь. Своим молитвенным предстательством пред Богом да поможет он и нам без преткновений и падений совершить наш путь земной для неба, в любви, радости и мире о Господе Иисусе Христе, Спасителе нашем».

После этого начался молебен преподобному Серафиму. Когда пропели тропарь, архимандриты подошли к раке и вынули из нее гроб со святыми мощами. Из собора последовал крестный ход вокруг монастырских храмов. Гроб со святыми мощами несли Государь Император и Их Высочества при участии архимандритов. Народ так же, как и накануне, живою стеною стоявший по пути хода, был охвачен сильным религиозным воодушевлением. Плач и рыдания женщин раздавались повсюду. По возвращении крестного хода в собор владыкою митрополитом, с преклонением колен молящихся, была прочи-

тана молитва преподобному Серафиму, и затем молебен окончился обычным многолетием. Государь Император и Их Высочества, приложившись ко святым мощам, вышли из собора. Так закончилось церковное богослужение главного дня Саровских торжеств.

На следующий день Саров провожал своего Государя в Дивеевский женский монастырь, находящийся в 14 верстах от Саровской пустыни, и преосвященный Иннокентий, епископ Тамбовский и Шацкий, в напутствие Государю сказал следующую речь:

«Благочестивейший Государь!

Русский народ, собравшийся на великое торжество милости Божией, явленное в Саровской обители, пережил знаменательные дни тесного общения с Тобою: православный Царь был на богомолье вместе со своим народом в святой обители. И народ видел, как пешим его Царь-батюшка посещал святые места Сарова, как нес он на своих плечах святые мощи новоявленного Саровского чудотворца; народ видел, как с ним вместе на коленях и со слезами молились угоднику Божию Царь и Царица. Он пойдет теперь в разные концы Святой Руси и будет с восторгом рассказывать в селах и деревнях виденное, а слушающие будут умиляться душой и благословлять в сердцах своих имена своих Государя и Государыни, бывших на народном богомолье в Сарове. Сама же обитель Саровская переживает ныне две радости: небесную – в ниспосланном ей заступнике и молитвеннике всей Русской земли преподобном Серафиме, – и земную, видя Тебя, Государь, благочестивых Цариц и членов Царствующего Дома в стенах своих. За небесную радость, ей посланную, она усердною молитвой благодарит Господа и Его угодника, а за радость земную, за счастье видеть Тебя, Государь, своим дорогим гостем, она приносит Тебе свой земной поклон.

Спаси, Господи, и сохрани Тебя, Государь, благочестивых Цариц и членов Царствующего Дома, на всех путях жизни Вашей, молитвами преподобного Серафима, чудотворца Саровского. Да будет благословенно исхождение твое, как было радостно твое вхождение в святую обитель сию. Благословен грядый во имя Господне».

Надо заметить, что Дивеевский монастырь основан и живет заветами отца Серафима. Оттого дни торжеств Саровской обители стали временем духовной радости и в Дивеевском монастыре. Духовные торжества той и другой обители усугубились участием в них Высочайших особ.

Ко времени приезда Государя весь путь в обитель украшен был зеленью, флагами, триумфальными арками; крестьяне, местные и из далеких губерний, в праздничных костюмах, с восторженными лицами встречали Царя и Царицу. В монастырской ограде, по пути царского следования, выстроились шпалерами до собора инокини обители, а впереди них – ученицы церковно-приходских школ. Около 10 часов утра царские экипажи при несмолкаемом одушевленном «ура», при звоне колоколов приблизились к Дивеевскому собору. Высочайшие гости встречены были при входе их в собор преосвященным Назарием, епископом Нижегородским, в сонме священнослужителей, со святым крестом и святою водою. Владыка приветствовал Государя речью. После обычной ектении и многолетия Государь молился пред иконою Божией Матери «Умиление», пред которою в молитве скончался в Сарове отец Серафим, и пред местночтимою иконою «Нерукотворенный Образ Спасителя» и прикладывался к ним. Затем осматривали северный придел собора, приготовленный к освящению в честь преподобного отца Серафима, и в особенности живопись собора, обладающую высокими достоинствами; вся она есть духовная жертва дивеевских подвижниц, несущих «живо-

писное» послушание в обители. Высочайшие гости слушали литургию в домовом храме при игуменских покоях. В помещении игумении приготовлен был чай и завтрак, а затем обозревали монастырские достопримечательности и учреждения. Посетили церковно-приходскую школу с приютом для девочек-сирот. Эта школа помещалась в прекрасном двухэтажном здании, при ней были две классные комнаты, очень поместительные, квартиры для учительниц и жилые помещения для девочек-сирот. Обучение в школе велось «за святое послушание» образованными подвижницами обители (монахиня Рафаила и послушница Надежда Садовская, внучка того самого священника Василия Садовского, который был другом и почитателем преподобного Серафима), были особые учительницы пения и рукоделия.

При посещении монастырской школы Государь спросил одну девочку-сироту, знает ли она что-нибудь наизусть, и девочка-малютка прочитала стихотворение «Сиротка», а на вопрос Государыни, знает ли она наизусть какую-нибудь молитву, эта крестьянская девочка 4 лет прочитала молитву Господню «Отче наш», после чего Государыня, как мать, наклонилась к малютке и поцеловала ее.

Были Высочайшие гости и в Преображенской кладбищенской церкви, там хранилось несколько памятников, оставшихся от преподобного Серафима. Алтарь храма сооружен из его келии, взятой из Дальней пустыньки отца Серафима. Ее устроили когда-то те самые разбойники, которые избили его и которых он простил. Из Сарова после смерти отца Серафима келию перенесли в Дивеев и обратили, по указанию преосвященного Иеремии Нижегородского, в алтарь. Необделанные бревна оставлены в неприкосновенном виде, а для более надежного сохранения этого памятника подвигов пре-

подобного алтарь включен в наружную церковную стену, от которой отделен коридором, и под особую крышу. В этой же церкви хранятся: Евангелие с Псалтирью, с ними отец Серафим не разлучался при жизни и обыкновенно носил их в котомочке за спиной, его епитрахиль и поручи, часть камня, на коем он молился 1000 дней и ночей, и другие предметы его обихода: подсвечник, скамья, стул и прочее – все в эти торжественные дни хранилось в новых витринах и составляло предмет чествования со стороны богомольцев.

В Дивеевской пустыньке – название прежней келии – есть еще маленькая избушка отца Серафима, вырубленная им самим на его Ближней пустыньке в Сарове, у источника, около реки Саровки. После кончины его эту келию тоже перенесли в Дивеев и сохранили в том самом виде, какою она была у преподобного. И этот памятник для более надежного сохранения заключен в футляр, в наружную постройку. В келии хранятся часть того же камня – свидетеля молитвенных подвигов отца Серафима – и обрубок дерева, заменявший ему стул. В келии совершалось непрестанное чтение Псалтири. Все богомольцы считали обязательным для себя побывать в этой келии, ведь в ней возносилась чистая, святая молитва праведника Божия.

В три часа дня Высочайшие особы выехали из обители. Инокини, ученицы и народ стояли по пути царского следования. При колокольном звоне и несмолкаемых криках «ура» они оставили святые места.

Саровские торжества – открытие святых мощей преподобного Серафима – завершились освящением двух храмов имени преподобного.

Первый в России Серафимовский храм освящен в Сарове, над монастырской келией преподобного Серафима. Освящение храма совершено в понедельник 21

июля. Накануне этого дня, в 7.30 вечера, благовест большого колокола призвал множество молящихся в новоосвященный храм к первому в нем всенощному бдению. Всенощная служилась, как обыкновенно бывает в таких случаях, на средине церкви, пред столом, на котором положены были все священные принадлежности престола и жертвенника, покрытые шелковою голубою пеленою.

На литию и величание преподобного Серафима выходил преосвященный Иннокентий Тамбовский.

На следующий день, 21 июля, освящение храма совершил Санкт-Петербургский митрополит Антоний. По облачении престола и жертвенника к Успенскому собору направился торжественный крестный ход во главе с митрополитом Антонием, архиепископом Димитрием и епископом Иннокентием. Из Успенского собора владыкою митрополитом были перенесены на голове частицы святых мощей преподобного Серафима.

Новоосвященный пятиглавый храм представлял собою красивое, оригинальное сооружение в русско-византийском стиле. Архитектурный проект Серафимовского храма выработан и составлен профессором архитектуры А. С. Каменским. Размеры храма: в длину 22 сажени, в ширину 8 саженей, а в высоту от земли до креста 17 саженей, а внутри – от пола до сводов – 10 саженей.

Средства на постройку храма собирались среди благотворителей и почитателей преподобного Серафима. Одна благотворительница пожертвовала 50 тысяч рублей на сооружение величественного бронзового вызолоченного иконостаса, а вся ценная утварь для храма пожертвована разными лицами. В этом храме собраны все хоругви, числом 42, принесенные в дар обители к 19 июля от восемнадцати обществ хоругвеносцев.

Одна из главных святынь Саровской обители – каменная келия преподобного Серафима, в которой он

жил, подвизался и в молитвенном подвиге скончался, – помещается в западной части храма, между хорами и средней его частью, и имеет вид часовни с четырехскатною чешуйчатою кровлей из светлой бронзы, с рядом кокошников по нижнему краю и золотым крестом на главе ее. Вокруг этой келии-часовни можно пройти. Всю северную стену келии снаружи занимает художественно написанное священное изображение явления Богоматери преподобному Серафиму. У входа в келию находится изображение преподобного Серафима благословляющего и над низенькою дверью – икона Божией Матери «Умиление».

Внутри священной келии небольших размеров, в левом ее углу, поставлен массивный бронзовый с чеканкою киот, высотою до потолка, под зеркальными стеклами которого находятся: образ Спасителя в золотой ризе и копия иконы Богоматери «Умиление», пред которой, коленопреклоненный, восприял свою блаженную кончину преподобный Серафим. Пред киотом большой подсвечник и неугасимая лампада. Здесь же стоит аналой со святым крестом и Евангелием для служения молебнов новоявленному угоднику Божию.

В келии собраны сохранившиеся вещи преподобного Серафима. Здесь имелась печка с лежанкою, облицованная зелеными изразцами с изображением цветка; здесь же находились: мантия, шапочка в виде камилавочки и кожаные четки преподобного, два шейных креста из кипарисового дерева, вырезанные руками его, камень, на котором днем молился преподобный в своей дальней пустыньке, зуб его, волосы с головы преподобного и Евангелие, обгоревшее во время пожара в келии при его кончине. Все эти предметы заключены были в футляры-витрины из светлой бронзы с зеркальными стеклами, устроенные усердием Общества московских хоругвеносцев.

Освящение второго храма во имя преподобного Серафима Саровского совершено 22 июля в Серафимо-Дивеевском женском монастыре. Здесь, по глубокой вере сестер обители в святость и скорое прославление основателя ее, с 1875 года был устроен в честь его левый придел соборного храма, но оставался неосвященным до открытия святых мощей преподобного Серафима.

Накануне освящения в соборе монастырским духовенством были совершены церковные службы: малая вечерня, параклисис, повечерие и всенощное бдение, причем на литию и величание во время всенощной выходил преосвященный Назарий, епископ Нижегородский. Стечение богомольцев по случаю торжества было необычайное: обширный храм далеко не вмещал молящихся и снаружи был окружен живою стеною народа. Непрерывная исповедь продолжалась от 3 до 12 часов ночи, и причастников на следующий день было более тысячи человек.

Торжество же освящения храма началось в 7 часов утра. После облачения святого престола и жертвенника преосвященным Назарием было совершено перенесение на голове частиц святых мощей из алтаря главного придела соборного храма, и затем крестный ход направился вокруг собора. В новоосвященном Серафимовском храме была совершена архиерейским служением первая литургия, а по окончании – торжественный молебен. В иконостасе новоосвященного Серафимовского храма, на храмовой иконе преподобный Серафим изображен в длинной монашеской мантии и со взором, обращенным к небу; у ног преподобного раскинут вид Саровской пустыни. Рядом помещается икона с изображением апостола из числа семидесяти, Прохора (мирское имя преподобного), и святого Сильвестра, папы Римского, память которого празднуется 2 января – в день кончины

преподобного. На северных боковых дверях изображен огненный шестокрылый Серафим, Ангел преподобного Серафима в иночестве.

Так закончилось величайшее событие в истории Российской Церкви – прославление святых мощей преподобного Серафима Саровского. Об этом угоднике Божием и о его прославлении будет много написано нашими русскими богословами позднейших времен.

Этот материал далеко не исчерпывает всего, что следует написать о преподобном Серафиме, но если наш труд хоть в самой незначительной степени облегчит понимание угодника Божия Серафима и поможет мысленно воспроизвести картину Саровских торжеств 1903 года, мы будем считать нашу скромную задачу выполненной.

Жизнь, подвиги и кончина Саровской пустыни иеромонаха и пустынножителя отца Серафима, родившегося в 1754 году, скончавшегося в 1833. В монашестве подвизался 47 лет, всей же жизни сего добродетельного мужа было 74 года

Читая житие Св. Отцев, невольно дивишься чистоте и святости жизни подвижников первобытной Церкви. Ангельское прохождение жизни их и высокие откровения, которых они удостаивались зреть, невместимы для ума грешного человека, неопытного, блуждающего в грехе. Непросвещенный духовно ум дерзает за отдаленностию времен или опровергать все писаное, или утверждать, что таковые явления благодати только и могли проявляться в христианстве первых веков. Но мы видим, что избранные Божии рабы не пресекаются, Господь и доныне являет их миру. Пример сему Саровский

Старец Серафим, недавно еще сиявший дивною звездою в пустынном жительстве Саровской обители.

Кто не знал сего любвеобильного Старца, мужа, преисполненного благодати? Его сердце горело любовию, оно любило все человечество, оно было отверсто для всех. Я знал его и верю, что он велик пред Господом, почему и решил, благоговея к памяти просветленного благодатию Старца, по возможности собрать некоторые черты из его жизни, переданные многими учениками его и некоторыми лицами; состоящие из достоверных сведений о рождении его, вступлении в монастырь, о монашеских подвигах, поучении, прозорливости и высоких видениях, которых он удостоился зреть. И наконец о кончине его. хотя все это не составляет полной жизни святого мужа, по по крайней мере, достаточно будет, чтобы видеть, как высока была любовь и добродетель сего любимца Божия, Старца Серафима.

Местом рождения сего великого подвижника Божия был губернский город Курск, родился он 1759 года июля 19 дня от благочестивых родителей, принадлежащих к купеческому сословию: родитель, спустя немного лет по рождении его, кончил жизнь, и младенец Прохор (так назывался он в свете) до 15-летнего возраста воспитывался под надзором одной матери своей, – в продолжение этого времени по многим случаям уже видно было, что юный Прохор просияет высокою святостию.

Однажды, неся на руках маленького Прохора, мать его встретилась на улице с одним блаженным, Христа ради юродивым, который, подойдя к ней, предрек высокую будущность младенца сими словами: «Блаженна ты, вдовица, что имеешь такого сына, который будет сосуд избранный Святаго Духа». Подобно сему и многие другие случаи, переданные о его младенчестве, что можно видеть особенно в напечатанной книжке под на-

званием «Сказание о жизни и подвигах блаженной памяти отца Серафима»[1], показывают ясно, что сей высокого жития старец еще в младенчестве предназначен был подвизаться в делах добродетели. Когда же минуло ему 13 лет, будучи сгораем любовию к Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери, не мог он перенести светской жизни и, несмотря на свои юные лета, подговорив одного из знакомых ему извозчиков и тайно оставив дом родительницы своей, в одну темную ночь вышел через сад в калитку и уехал в Саровскую пустынь, где, хотя в скором времени и был открыт матерью своею, но никакие убеждения со стороны ее не могли возвратить его в мир, так что и она сама, по благочестию своему, не воспротивилась его желанию и благословила на вступление в монашество, почему на 18-м году и получил от Курского общества увольнение в звание иночества[2], где

[1] Имеется в виду одна из первых публикаций о Преподобном: *Игумен Георгий*. Сказания о жизни и подвигах Старца Серафима, иеромонаха Саровской пустыни и затворника, извлеченные из записок ученика его. – Маяк, журнал современного просвещения, искусства и образованности в духе народности русской. СПб., 1844. Т. 16. Разд. «Словесность». С. 59–95. Отдельное изд. в 1845 г.

[2] Родители Прохора Исидоровича Мошнина (в монашестве о. Серафима) принадлежали к купеческому сословию. Поэтому для ухода из мира в обитель представителю сословия надобно было получить на то согласие, в данном случае Курского купеческого общества.

По церковным правилам, никакая прежняя жизнь не может служить препятствием ко вступлению в иночество, ибо, по учению Св. Отцов, законоположников иночества (43-е правило VI Вселенского собора), иночество есть жизнь покаянная, а монастырь – лечебница.

Поступивший в монастырь первоначально находится на испытании, чтобы определить, насколько искренне и серьезно его намерение посвятить себя монашеской жизни. Убедившись в искренних стремлениях испытуемого, настоятель благословляет ему ношение подрясника с поясом и скуфьи. После годов послушания новоначального инока постригают в рясофор, с правом носить рясу и камилавку. Это еще не настоящее монашество, а только «начаток святого образа». По истечении срока узаконенного испытания, обыкновенно трех лет, рясофорный монах принимает уже настоящий постриг с произнесением обетов.

в короткое время и превзошел в подвигах монашеских своих товарищей. Будучи в юных летах, в понедельник, вторник и среду он не вкушал ничего, в четверток только что обедал, в пятницу и до вечера субботы также не ел, но в воскресенье ел два раза по положению, чтобы в субботу и в воскресенье не поститься. Это был всегдашний его пост, что же касается молитвы, он одной церковной службой не был доволен, хотя она всякий день занимала время 11, а в праздничные дни 16 часов.

Он всю ночь простаивал на молитве, а сон его был середи дня не более 2-х часов. Таков был юный Прохор еще в послушническом своем звании! Сверх сих подвигов он имел различные послушания, которые проходил все с величайшим смирением и ревностью; 1786 года августа 13-го дня был пострижен в мантию[1] с наименованием Серафим, и по принятии ангельского образа он совершенно предался Господу. С мужским полом говорил очень мало, и то по необходимости, а на женский пол даже и не взирал. В 1787-м году отец Серафим был посвящен в иеродиакона, тут он стал удаляться в пустыню, но церковного служения не оставлял, и в одно время при служении литургии, когда возглашал: «Господи, спаси благочестивыя», – удостоился узреть дивное видение. Он видел, как сам впоследствии передавал, посреди храма на воздухе Спасителя, облеченного всею славою в огненных лучах, и при пении «Святый Боже» все сие Божественное видение приблизилось к иконо-

[1] Существуют две ступени иноческого звания: низшая – малая схима, или мантия, и высшая – великая схима, или великий ангельский образ. Чин пострижения в мантию совершается на Божественной литургии после входа с Евангелием, но может это происходить и в конце всенощного бдении. Мантия – «риза спасения», без рукавов, как бы показует иноку, что он не имеет своей воли, нет у него рук для того, чтобы творить дела ветхого человека, дела непотребные, злые. Камилавка – «шлем спасения». Более подробно см.: *Игумен Аверкий*. О монашестве. Джорданнвилль, 1985.

стасу и, наконец, соединилось с местным образом Спасителя. О. Серафим так много испуган и поражен был сим явлением, что не в силах был продолжать служения и долго не мог прийти в себя. Братия вся заключила, что с ним сделалась просто дурнота от приключившейся внезапно болезни. Отец Серафим оставил ее в сем мнении и уж спустя много времени открыл это некоторым из братий, с которыми более имел духовного общения. В 1793 году Отец Серафим был посвящен в иеромонаха, приняв священство. Он стал более уединяться и наконец совершенно предался Богомыслию и заключил себя в затворе, где находился 5 лет, и уже по убеждению некоторых лиц или, вероятно, по воле Господа он оставил затвор и стал принимать к себе всех приходящих к нему пользы ради душевной. Потом стал уединяться в пустыне, где утруждал свою плоть стоянием на коленях на двух камнях, на одном, который был в дальнем расстоянии от его пустыни, 1000 дней, а на другом, находящемся в самой пустыни, 1000 ночей. И таким образом, удручая свое тело, приводил его в повиновение духу, как писал и сам говаривал, когда его спрашивали, для чего он без всякой надобности таскает на себе каменья: «**Я убиваю убивающаго меня**», –ответствовал всегда о. Серафим. В это время враг, не в силах будучи переносить святую жизнь Старца, ополчился на него со всею адскою своею силою, поднимал его на воздух и ударял так сильно, что только высокая святость Старца в силах была переносить эти язвы от врага. Как и сам говорил: «**В монастыре жить, что с голубями, а в пустыни, что со львами**» – и, показывая однажды ученику своему Иоанну превеликую на шее шишку, наподобие куриного яйца, сказал: «**Вот это я получил от беса, на молитве за ближняго**. Я видел одну душу, потерявшую всякое упование на благость Божию, в совершен-

ном отчаянии. И враг человеков представил этой душе безнадежное падение и что для нее уже не существует милость Божия и никакое раскаяние не очистит ее от прегрешений ея, тогда как бесконечная благость Божия и неизследимая пучина милосердия Его беспредельна: "**На сие с небес снидох не ради праведников, но ради грешников**" (Мф. 9, 13). Видя ужасное падение и последнюю степень отчаяния, ведущую душу эту прямо в челюсть ада, пал я в прах пред Врачом душ и телес, пред Господом милосердным, Отцом Небесным, моля Его о взыскании сей погибшей души, да явит Свое милосердие и причтет ея к избранному Своему стаду, молил я Царицу Небесную, Ходатаицу всего человеческого рода. Господь послушал убогого Серафима, посетив истинным раскаянием погибшую душу, водворив в ней надежду и возвратив на истинный путь. Посрамившийся враг с злобой своей ударил меня в шею, удар был так ужасен, что мне казалось, будто бы все тело мое возгорелось как в огне, рассыпалось по всем составам, и если бы не помощь Божия, то человеческим силам, мыслю, невозможно было бы перенести сей удар. Но, впрочем, – прибавил батюшка, – если уж стоять, так надобно не хромать, а то и малый из них победит. И вооружась, надобно мужественно противу врага стать, да и за ближнего, по слову Спасителя, душу положить довлеет».

Такова была любовь его к ближним, и таковые терпел он искушения и нападения от врага. Но зато и Господь не оставил Своего любимца, и он неоднократно удостаивался зреть Пречистую Божию Матерь, являвшуюся ему. И вот одно из сих святых явлений. Отец Серафим страдал от побоев, причиненных ему разбойниками, пришедшими к нему ночью в пустыню, которые, не найдя у него денет, в досаде и злобе излили на него всю ярость свою и до того терзали и мучили его,

что едва оставили живого. В столь страдальческом состоянии он найден был в пустыни своей одним усердствующим к нему послушником, который немедленно объявил о сем в монастыре, и игумен приказал привести Отца Серафима для пользования в монастырскую его келью, где от сильных побоев и произошла впоследствии водяная болезнь. Прибегнуть к медицинским пособиям он никак не соглашался, хотя настоятель несколько раз и предлагал ему, на что он всегда отвечал: «**Я предал себя Господу, следовательно, он лучше знает, как поступить со мною**; нужно, чтобы я был болен – буду страдать, угодно Его Благости, чтоб я был здоров, Он исцелит меня». И, таким образом, имея все тело опухшее, он лежал на болезненном одре своем и ждал Пресвятую Исцелительницу, о посещении Которой с апостолами Петром и Иоанном и с некоторыми мученицами он, кажется, был предуведомлен, что можно заключить из самого рассказа Отца Серафима. «В одну ночь, возлюбленный Иоанн, – так говорил старец своему ученику, – я, убогий Серафим, лежал удрученный болезнию, как вдруг внезапно вся моя келья стала освещаться каким-то необыкновенным светом. Я знал, что это Матушка Царица Небесная грядет ко мне с апостолами и девятью мученицами (которых и имена всех назвал) излечить меня. Несмотря на тягость моей болезни, я не помнил себя от радости, в восторге ждал Небесную Пресвятую Посетительницу. Свет постепенно увеличивался, и наконец озарилось все таким блеском, что казалось мне, будто все солнышко поместилось в моей келье. И в сем-то Божественном свете, облеченная всею Небесною славою, предстала предо мною Матушка Царица Небесная с апостолами и мученицами и, обернувшись к близ стоящему к ней апостолу Иоанну, изволила милостиво проговаривать, указывая на меня, убогого

старца: "И сей, лежащий здесь, из Нашего же рода". Потом приблизилась ко мне, возложив на голову мою пречистую Свою руку, сказала: "Я пришла исцелить тебя". Потом изволила коснуться рукою до моего бока, где по прикосновении немедленно открылась рана, чрез которую и истекла вся вода и материя, наполнившие мое тело, почему я с той же минуты и почувствовал в себе легкость совершенно здорового человека. По исцелении же моем Матерь Божия изволила скрыться, и сие видение прекратилось. Я же почувствовал себя совершенно здоровым, и самая рана в боку по истекании из нея всех жидкостей, от которых я страдал, закрылась, почему я и отправился опять на свое пустынножительство».

Засим показывал своему ученику место в боку, к которому прикасалась рукой Пречистая, где, как будто для подтверждения сего чудесного явления, осталась навсегда довольно глубокая впадина. После сего Божественного явления Отец Серафим по большей части пребывал в пустыни, в беспрерывном богомыслии и сердечной молитве ко Господу Иисусу Христу и Пречистой Его Матери. И там-то, как передает ученик его о. Иоанн, открыл он ему дар силы молитвы своей, по которой свершилось непостижимое знамение. Послушаем этот дивный рассказ!

– Я часто употребляем был Батюшкою на некоторые послушания до Дивеевской общины, которые по любви и усердию моему к Старцу я с радостию всегда и выполнял. Отец Серафим сам никогда не хаживал в Дивеево для учреждения порядка в новоустрояемой общине, но всегда с приказаниями посылал меня, где по распоряжению Старца все и было мною выполняемо, почему и угодно было ему назначить меня по себе быть довершителем устроения Дивеевской общины. Но враг не оставил и меня без искушений. игумен и

многие из братий, зная мое усердие к Батюшке, стали гнать меня. А более отец игумен гневался за то, что я по приказанию Старца своего отлучался в Дивеево, что много меня возмущало. Раз, идучи по монастырю, встретился я с одним послушником, который, остановив меня, начал мне говорить об Отце Серафиме много дурного: и, по его мнению, он живет более всем на соблазн, чем в назидание, что не только он, но Игумен и многие из братии так находят; и, наконец, как будто принимая участие во мне, сказал, что он дивится, как я, видя все это, прилепился к Отцу Серафиму, за которого еще терплю гонение. Сколько я ни старался прекратить с братом этот неприятный разговор, но, видя, что он не останавливается, а все продолжает хулить образ жизни Отца Серафима, принужден был наконец уйти от него и, уединившись в своей келье, невольно стал размышлять о моем разговоре с братом, и все слова его пришли мне на мысль, хотя я и находил их лживыми и вполне был уверен в святости жизни моего Старца.

Но не менее того разговор этот много поколебал мою веру, и я решился, чтоб избавиться от всех неприятностей, не только отказаться от отца Серафима, но даже оставить и монастырь. Между тем, по какому-то невольному чувству желая повидаться с Батюшкой, чтобы проститься с ним и принять его последнее благословение, пришел я к нему в пустыню и, приняв благословение, хотел только говорить о моем намерении оставить пустыню, как Батюшка, не дав мне сказать ни одного слова, рукою своею зажал мне рот и сказал: «Огради уста свои молчанием, я знаю, зачем ты ко мне пришел». И начал подробно рассказывать мне все, что со мной случилось, начиная с разговора, который я имел с братом, потом о моем смущении, малодушии и, наконец, о моем решении отказаться от него, оставить

обитель. Высказав все, что только было у меня в мыслях, и открыв, так сказав, тайны моего сердца, спросил меня: «Это ли причина твоего прихода?» – «Точно так, Батюшка», – отвечал я в трепете, будучи поражен до невозможности прозорливостью Старца. «Итак, видишь ли, –сказал отец Серафим с видом гневным, – какие мы младенцы. Лишь чуть на нас откроются какие наплеты, мы и назад, а дороги-то нет».

Это его собственные слова: «Если мы делаем все ради Бога, то для чего же нам смущаться? А если братия нас гонят, то должны осмотреться, нет ли в самом деле за нами вины? Не правда ли, что святые велят жен бегать?» – И, указывая на двух девиц из Дивеева, трудящихся в огороде, а оне всегда при нас: «Правильно ли мы это делаем? Подумай и скажи мне, что говорит об этом Священное Писание? И как поступали в подобных случаях Святые Отцы?»

Надобно сказать, что отец Серафим имел и сам всегдашним правилом всякую мысль свою согласовать с Св. Писанием и с жизнью Св. Отцев, отчего дух его никогда не возмущался, и он, по слову апостола Иакова[1]: ведущему добро творити и не творящему грех ему есть, – был всегда тверд в своих действиях и никогда не изменял ему. И если что раз было им предпринято, то уже никакие скорби, противности и искушения не могли остановить его в выполнении оного. Почему он и требовал непременно, чтобы я ему доказал из Св. Писания или жития Св. Отцев, должны ли мы покровитель-

[1] Св. Иаков – брат Господень по плоти, прозванный из 70 апостолов Праведным. О нем см.: Лебедев А. П., проф. Братья Господни; обзор и разбор древних и новых мнений по вопросу. М., 1904. Приведенные в пересказе слова взяты из «Соборного послания апостола Иакова», входящего в новозаветный канон (гл. 5, ст. 17: «Кто разумеет делать добро и не делает, тому грех»). Церковное Предание приписывает ап. Иакову создание протоевангелия «История Иакова о рождении Марии». См.: Апокрифы древних христиан. М., 1989. С. 117–127.

ствовать дивеевским или нет? Будучи этим требованием совершенно приведен в замешательство, я не знал, что сказать ему, но, видя гневный вид Старца, решился наконец проговорить:

– Батюшка, я верую, что все, что вы ни делаете, угодно Богу, и если печетесь о сиротах, то это, конечно, по воле Божией. Так какого же ответа требуете от меня, грешного, и можно ли в гнилом источнике испить светлой воды? – Но о. Серафим не был доволен моим ответом. Вид его сделался еще гневнее, и он, трепля меня за рукав, требовал настоятельно, чтобы я объяснил, как Св. Отцы говорят об этом. Совершенно оробев и не зная, что сказать, я стал говорить, что мне пришло на мысль в эту минуту.

– Батюшка, попечением о бедных и сиротах многие из угодников Божиих занимались, даже и пустынножители. Феодосий Великий[1] поставлял несколько трапез каждый день для нищих.

Отец Серафим как будто не внимал этим доказательствам и, желая, чтобы я говорил согласно его заботливости о дивеевских, сказал:

– Все святые жен-то велят бегать, а оне всегда при нас. Что, угодно ли это Богу?

Боясь более разгневать Батюшку и чувствуя, что не могу придумать ничего, я вынужден был мысленно прибегнуть к Господу и просить Его, чтобы Он вразумил меня. Вдруг пришло мне на мысль, конечно, по внушению Божию, сказать ему:

– Батюшка! Жена с девицею имеет большую разницу, как Св. Отцы и Писание утверждают.

[1] Феодосий Великий (скончался около 412 г.) – подвижник первых веков христианства. Выходец из знатной семьи в Антиохии, он с юных лет оставил богатый дом родителей и вступил на путь подвижничества, поселившись в малой келии на берегу Исского залива, где и основал монастырь.

– А кто говорит об этом? – спросил Отец Серафим.

– Апостол Павел так рассуждает, – отвечал я, – ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам. – Это самое толкуя, писатели Церкви так объяснили: девствующих уподобили солнцу, вдовиц луне, а брачных звездам. Святитель Николай[1] первый был ревнитель девственности, не хотел и взирать на женский пол до смерти своей, но, когда потребовалось, чтобы сделать помощь трем девицам, дабы избавить их от худого намерения, отверг всякое замечание, пошел в необыкновенное время, ночью, дать сокровенную им милостыню, дабы чрез то иметь случай приобрести их души. Великий Пахомий[2] никогда не хотел видеть даже и родной сестры своей, но, когда пожелала она посвятить себя иноческой жизни, удостоил ея не только своего лицезрения и бесед, но еще в окрестностях своего монастыря устроил ей келью, где впоследствии составилась целая община девиц, о которых имел он отеческое попечение. Да и святитель Димитрий Ростовский девиц уподобляет ангелам Небесным. «Отними, – говорит он, – у Ангела крылья и приставь

[1] Святитель Николай – архиепископ Мир Ликийских (IV в.), чудотворец; наиболее чтимый на Руси угодник Божий. Жизнеописания св. Николая свидетельствуют о его великой любви к ближнему, о постоянной заботе о страждущих. Так, известно, что, узнав однажды о горькой нужде и нищете одного ранее богатого человека, святой Николай спас его от большого греха: имея трех взрослых дочерей, отчаявшийся отец замыслил отдать их на блудодеяние для спасения от голода. Святитель, скорбя о погибающем грешнике, ночью тайно бросил ему в окно три мешочка с золотом и тем спас семью от падения и духовной гибели. Милостыню он творил тайно.

[2] Пахомий Великий (292–346) – основатель общежительного монашества, или киновийства. Св. Пахомий построил на Тавеннском острове реки Нила и в Фиваиде (Верхний Египет) по монастырю. Он обнес стеной келии иноков и ввел крепкий устав, предусматривающий целомудрие, отречение от всего земного и беспрекословное послушание настоятелю. Его уставные правила подчиняют жизнь насельников обители суровым нормам. Они ставят в прямую обязанность монахам труд и молитву: через запрещение приема внешних лиц Пахомий Великий старался обособить, уединить монастырь от мира.

к деве, то дева будет Ангелом, а Ангел – девою»[1]. По мере доказательств моих вид Батюшки приметно изменился и из гневного преобразовался в кроткий, совершенно Ангелу подобный. И когда я сказал, что дева подобна Ангелу, Отец Серафим совершенно был этим утешен и уж с любовию начал говорить мне так:

– Видишь ли, мой возлюбленнейший, мы напрасно унываем о том, что поносят и оскорбляют нас за попечение о Дивеевской общине. И сколько я тебя ни просил не смущаться, а ты все, как младенец, хромаешь. Но чтобы нам более не сбиваться, знаешь ли, что мы сделаем: помолимся Господу, чтобы он сотворил нам знамение.

И, указывая на одну огромную ель, промолвил: «Видишь ли это дерево, я думаю, что оно растет лет 150. Итак, если угодно будет Господу, чтобы мы устроили дивеевских сирот, то оное дерево преклонится в эту сторону, – показывая рукою, куда именно, – а если нет, то мы оставим сирот на волю Божию и память об них не будем творить».

Изумившись странному предложению и находя это невозможным, я мысленно начал жалеть о Дивеевской общине, зная характер Батюшки, что если это не выполнится и дерево останется на своем месте, то бедные сироты непременно будут им покинуты и останутся без пищи душевной и телесной. Решился просить его, чтобы он отменил свое намерение. Но Батюшка, как будто понимая мое сомнение или, лучше сказать,

---

1 Димитрий Ростовский (1651–1709), в миру Даниил Саввич Туптало, – святитель, выдающийся церковный писатель, автор поучительных, полемических, исторических и драматургических сочинений, составитель житий святых (Четиих Миней) и других книг. «Написав жития святых, сам в лике оных вписан быть удостоился» (Михаил Ломоносов. Надпись на серебряной раке святителя. 1757). Наиболее известная книга о нем: Шляпкин И. А. Св. Димитрий Ростовский и его время. СПб., 1891.

Данное выражение взято из творения Димитрия Ростовского «Алфавит духовный» (В русском переводе еп. Иустина. М., 1909).

неверие, не обличая меня, сказал: «Молюсь о тебе, да не оскудеет вера твоя, и поверь мне, когда ты и убогий Серафим преклонят колена, то дерево непременно ПРЕКЛОНИТСЯ на показанное мною место».

Засим, оградив меня крестным знамением, отпустил в монастырь, сказав еше: «О чем мы говорили (то есть о дереве), то уже сотворим». Я приложился к распятию Христову, носимому им всегда на груди, и отправился в свою келью совершенно успокоенный в моей скорби, о которой хотя ни слова не говорил, но прозорливость Старца все открыла и уничтожила мои пустые предприятия. Пришедши же в монастырь, я по нерадивой своей жизни совершенно забыл о сделанном условии Батюшкою, то есть помолиться Господу о явлении знамения. И вдруг посетило меня благое чувство, приведшее душу мою в совершенный восторг. Тут только я вспомнил, что должен был молиться. Но, будучи преисполнен радостию свыше, я не стал молиться, а бросился бежать к отцу Серафиму. Подходя к его пустыни, я был поражен до невозможности, увидя дерево, вырвавшееся со всеми корнями своими и лежащее именно к той стороне, куда ему назначено было преклониться. А Батюшка, которого вид на этот раз был совершенно ангельский, встретил меня и, поклонившись до земли, сказал: «Что ты, мой возлюбленнейший Иоанн, ко мне пришел?»

Распростершись у ног его, я более ничего не говорил, как только просил неотступно помолиться обо мне. Батюшка, подняв меня, обнял, потом подвел к лежащему дереву и сказал: «Вот видишь ли, мой возлюбленный, Апостол Павел говорит: вся могу о укрепляющем мя Христе (Фил. 4, 13). Мы с тобою не Павел, а убогие люди, но Бог и нас слушает. Теперь видишь ли ты это знамение? Оно не ради нас, но ради сирот». И, желая

скрыть свое смиренномудрие и святость, прибавил: «Однако же, прошу тебя, до успения моего о сем никому не объявлять».

Потом начал убеждать меня, чтобы я имел более веры к нему и его деяниям, укрепляя меня в терпении. Говорил, что без терпения монах «что храмина без основания». И, таким образом наставив меня, не только остановил в глупых моих предприятиях, но, искоренив во мне всякое искушение, утешил в малодушии. И, насадив во мне непоколебимую к себе веру, с благословением отпустил в монастырь.

Пришед из пустыни Старца в обитель, сердце мое преисполнено было радости. И сколько я ни старался, несмотря на данное обещание Батюшке, передать мою радость одному брату, но всякий раз, как с ним виделся, забывал. Так что наконец удостоверился, что это неугодно Господу, чтобы я нарушил приказание Старца, почему и сохранил это втайне, до кончины отца Серафима. А по преставлении его открыл это явление Преосвященному Арсению, епископу Тамбовскому, который и видел сие дерево, еще лежащее на месте своего падения. И с тех пор преосвященный Арсений всегда благоговел к памяти отца Серафима.

Так сильна была вера и молитва сего преисполненного благодатию Старца. И так велик был сей дивный муж в очах Божиих, что Господь во время молитвы удостоил его восхищением на Небо, подобно апостолу Павлу. И это высокое откровение известно было весьма немногим из братии, усердствующим к отцу Серафиму, а при жизни Старца сохранялось в большой тайне. Но по преставлении его отец Иоанн раз в беседе со мною спросил меня: «Что, отец Серафим ничего не говорил тебе о восхищении его, подобно апостолу Павлу в Царство славы Господа?» – И когда я ответил, что ничего не

знаю, то он сказал мне так: «Знай же, что эта милость и любовь Господа Иисуса Христа действительно была ему явлена, хотя Батюшка и держал это в тайне, но я подлинно то знаю».

Услышав сие и зная добродетельную жизнь брата, я уверен был в справедливости сказанного мне, почему невольно оскорбился тем, что Батюшка, который знает мое усердие и любовь к нему, мог до сих пор скрывать от меня это высокое милосердие Божие, явленное ему. Но вместе с тем, чувствуя свое недостоинство, находил, что я, может быть, и не заслуживаю, чтобы он мне передал оное. Но не менее того желание слышать от самого Отца Серафима о его восхищении на Небо было так велико, что немедленно по разговоре моем с братом пошел к Старцу в пустыню, в надежде, что, может быть, он и сообщит мне свою радость. Батюшка принял меня с любовию, посадил возле себя и много говорил об обязанностях инока, о любви ко Господу, о вере – словом, о всем том, что возвышает человека в очах Божиих. А более всего советовал мне стяжать дух мирен, что ничто так не любезно Господу, как сохранение в себе духа мира. Для такового нет ничего невозможного. И наконец, как будто предвидя мое желание и чтобы утешить меня, сказал:

– Вот я, убогий Старец, раз читал Евангелие, и, дочитав до того места, где милосердный Спаситель наш говорит о вечных обителях (Мф. 20, 1–16) Своею Отца, при чтении сем возгорелось сердце мое, и убогий Серафим, возжелав узреть сии прекрасные обители, дерзнул молить Господа своего Иисуса Христа, чтоб Он показал их рабу Своему. Господь милосердный послушал меня, и я, убогий старец, удостоился узреть то, чего, радость моя, не могу тебе исповедать, и даже не знаю, в теле я был или вне онаго, Господь уж то знает. Но только я

видел такую красоту и чувствовал такое наслаждение, что язык мой не в силах сие выразить. Скажу тебе одно: если бы келью мою наполнили червяки, которые беспрерывно, до самой кончины точили бы тело, и тогда все эти страдания, как бы велики ни были, были бы нечувствительны при воспоминании тех радостей, которые нас ожидают в обителях Господа.

После сих слов он наклонился, закрыл рукою глаза и полчаса был в молчании. В продолжение этого безмолвного состояния лицо его стало просветляться и наконец просияло так, что я не смог смотреть на него. Мне казалось, что он облечен был каким-то непостижимым светом. И в то же время, как я ни был поражен этим видением, но чувствовал в душе моей такую радость, которую не могу изъяснить, таковое имело влияние просветление Старца и на меня грешного. После чего отец Серафим, как будто пробудившись от сна, поднял голову и много мне говорил о милосердии Божием, о сладости будущей блаженной жизни. Таким образом назидая меня и утешив много, отпустил с миром в монастырь.

Не одно сие Божественное откровение и не одне дивные видения, которые он удостаивал зреть, были удостоверением в святости жизни отца Серафима. Оно проявлялось и в поучениях его, которые хотя были и просты, но превышали всякую человеческую мудрость. В каждом слове его Истина открывалась во всей своей полноте. Любовь и снисхождение к человеческим немощам видны были во всех его словах. Он не гремел в своих поучениях и даже в самих обличениях. Сладостное утешение изливалось из уст его так, что и самые грешники находили отраду в наставлениях сего преисполненного любви Старца. И, несмотря на то, что сердца их были уязвлены и обезображены грехом, получали вну-

треннее облегчение, И восхитительное покаяние не замедляло проявляться там, где прежде и тени не было.

Приведем в пример одно из сих замечательных наставлений, которое ученик его Иоанн передает таким образом.

– Однажды пришел я, – так говорил Иоанн, – к батюшке Серафиму просить его благословения носить вериги. И как я только располагался о сем ему говорить, Батюшка, предупредив, открыл мое намерение сими словами: «Вот, батюшка, сироты Дивеевские приходят ко мне с просьбами, иныя просят вериги, власяницу, иные затворов, а все младенцы. Хотел я спросить тебя, как ты мне посоветуешь, позволить ли им или нет? Ведь Святые-то Отцы носили власяницы, вериги и в затворах-то живали, все по разуму с благословения Божия или чрез откровения Богоугодных мужей, сообщаемые им. Мы же по силам еще младенцы, а также хотим, как и они, быть на высшей степени; азбуки порядочно не научились, а сочинять хотим, то как же думаешь, разрешить ли им это или нет?» Выслушав сие, я с радостию сказал ему: «Простите меня, Батюшка, я было и сам пришел просить Вашего благословения на вериги». На это он отвечал мне с большою кротостию: «То-то, мой батюшка, ведь я это говорю тебе. Послушай меня. Вот если кто без причины, без вины заушит тебя по ланито, а ты подставишь ему и другую; если укорит кто, а ты ради Христа снесешь незлобиво, да еще и поблагодаришь Господа, удостоившего тебя быть сообщником страстей Его, это значит: духовные вериги ты носишь. А если кто плюнет тебе в лице, а ты перенесешь эту обиду со смирением и любовию для Господа Иисуса Христа, это будет означать, что ты власяницу носил. А затвор состоит в том, чтобы затворить пять чувств, дабы ими ничего не видать и не слыхать и не пленяться, кроме любви Иисуса, а то мы,

ни плоти не покоривши, ни воли своей не отрекшись, ни смиренномудрию не обучившись, ни одной первоначальной степени иночества делом не испытавши, хотим быть на высшей степени. Как бы кроме сего нам ничего к исправлению не осталось. Так-то, батюшка. Совсем оставь эти мысли, а если хочешь власяницы, вериги и затвор, то принимай с любовию заушение, оплевание, презрение, уничижение и всякое невинное гонение, терпи все это Господа ради. Вот тебе вериги, власяница и затвор! И это еще вменится тебе в великие подвиги, и ты причтен будешь к мученикам. Преподобный Феодосий Печерский предавал свое тело насекомым, комарам и оводам, но это уже тогда, когда все испытал и, будучи свыше укрепляем Благодатию Божиею, как к последнему оставшемуся ему приступил к умерщвлению своей плоти[1]. Так, возлюбленный мой, гряди с миром на предлежащие тебе подвиги, взирай на образ Христа Спасителя, образ, данный нам, да последуем стопам Его. Глаголет бо Господь, призывая нас к себе: «Аз есьм кроток и смирен сердцем, возьмите иго Мое на себе, и обрящете покой душам вашим, иго бо Мое благо и бремя Мое легко есть. Вот где наш покой! Научит бо кротким путям Своим!» (Мф. 11, 28–30)

[1] Феодосий Печерский – инок, а с 1057 года игумен Киево-Печерского монастыря, древнерусский чудотворец. Основатель общежительного монастырского устава и родоначальник монашества на Русской земле. Исполняя самые трудные послушания, преподобный Феодосий работал в обители более других и нередко брал на себя часть обязанностей братии: носил воду, рубил дрова, молол рожь и относил каждому иноку муку. По свидетельству современников, Феодосий Печерский предавал свое тело комарам и оводам: «Иногда же, когда было особенно много оводов и комаров, ночью садился на склоне возле пещеры и, обнажив свое тело до пояса, сидел, прядя шерсть для плетения обуви и распевая Давидовы псалмы». Причислен к лику святых в 1108 году. Его житие написал в 80-х годах XI века монах той же обители – летописец Нестор. Текст жития см.: Памятники литературы Древней Руси. XI – начало XII века. М., 1978. С. 305–391.

Описав, что только мне было известно из преисполненной святости, добродетельной жизни сего великого подвижника Божия, Богоугодного Старца Серафима, скажем и о кончине сего праведника, которая так же была непостижима и дивна, как и все Божественные явления, которые он удостаивался зреть при жизни своей. Преставление сего Старца, как передает о сем тот же ученик Иоанн, было таким образом.

– Я пришел к Батюшке, – так говорит Иоанн, – что было за 11 месяцев до его кончины. Отец Серафим много говорил мне поучительного, потом вдруг начал говорить о кончине своей сими словами: «Жизнь моя сокращается, мой возлюбленный Иоанн! И хотя духом как бы сейчас родился, но телом уж мертв». Слыша эти странные слова, я смутился духом и с величайшею горестию стал ему говорить: «Как, Батюшка, неужели Вы хотите нас оставить? Что будет с бедными сиротами Дивеевскими? Как перенесут оне эту скорбь, будучи привязаны к Вам Божественною любовию, как к отцу и пастырю?» Батюшка, видя мое сокрушение, стал меня успокаивать, но вместе с тем неотступно просил меня, грешнаго, обратить все свое внимание на Дивеевских сестер и устроить их общину. Чувствуя себя неспособным, я стал отказываться, говоря, что я никаких средств не имею для этого и не предвижу, чтобы мог быть в чем-нибудь полезен. Батюшка весьма оскорбился моим отказом и сказал мне: «Я тебе говорю – по Бозе все у них устрой. Старайся подражать Афанасию Афонскому[1], как он устроил на Афонской горе, так и ты все устрой в Дивеевской общине, о сем прошу я тебя». Я поклонился, просил его молитв и сказал: «Если Господу будет угодно, и молитвами вашими укрепит мои

[1] Преподобный Афанасий Афонский – первый главный основатель и устроитель монашеской жизни на Афоне (вторая половина X века). Скончался в 1000 году. При Афанасии Афонском управлял так называемый протат – собрание всех афонских игуменов.

силы, и подаст мне разум и средства, то я употреблю все силы свои, чтоб быть полезным для сирот».

Батюшка смиренно утешал меня, стал опять напоминать о своей кончине, сказав, что жизнь его сокращается, и с сими словами подал мне пук свеч, приказав взять из оных 11-ть. Я по невниманию своему и на этот раз не понял, в каком значении давал он мне эти 11-ть свеч, и взял 9-ть. Отец Серафим, заметив это, сказал: «Возьми счетом 11-ть». Спустя 2 месяца дал мне 9 свеч и с этими же словами: «Жизнь моя сокращается, я очень слаб». Потом через 3 месяца дал 6 свеч, еще через 3 месяца – 3 свечи. По прошествии еще 2 месяцев Батюшка подал мне одну свечу. И говорил мне прямо о своей кончине и болезни, особенно в ногах, сказав, что если б не помощь Господа и Царицы Небесной, то не человеческим силам выносить эти страдания. И опять повторил просьбу свою, чтобы я не оставил Дивеевских. Наконец за неделю до его кончины я был у него в келье, в это время на гробе его, который он устроил для себя и который всегда находился при его келье, горело множество свеч. Он указал мне на один малый огарочек, приказал затушить его и взять себе. Потом, сделав мне много наставлений, стал прощаться со мною и, тут уж решительно назначив день своей кончины, приказал мне после себя терпеть все любви ради Господа. И ни под каким видом не оставлять Дивеевских, непременно устроить их жизнь и, как священную обязанность полагая это на меня, требовал, чтоб я ни по какому прискорбию не оставлял сие возлагаемое им на меня послушание. И при этом завещании был очень грустен. Последний день моей беседы с ним был в церкви, накануне его кончины.

Батюшка всякое воскресенье у ранней обедни приобщался в больничной церкви. И по крайней мере за

час, а иногда и за два до обедни приходил в церковь и всегда садился на полу в уголке на правом крылосе для отдохновения. Знавши это, я и сам всегда спешил поранее в церковь, чтобы до обедни воспользоваться его назиданием. Батюшка очень обрадовался. Увидев меня, встал с полу, обнял и, поцеловав в голову, стал сажать возле себя и сказал мне: «Мой возлюбленный, ты пришел к убогому Серафиму!»

Я упал ему в ноги, просил его благословения и молитв. Благословив меня, Батюшка стал мне говорить, чтобы я ни под каким видом не оставлял Сарова, никуда бы не выходил и держался отеческих преданий, о чем он и прежде мне говаривал. И таким образом не переставал увещевать меня до тех пор, как началась обедня. В продолжение этого разговора я неутешно плакал и просил его молитв. Батюшка взял меня за руку и подвел к местным образам Спасителя и Божией Матери, сказав мне, указывая на них: «Я буду молить Господа Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь, чтобы не оскудела вера твоя и чтобы в сердце твоем запечатлелись все слова мои, которые сейчас говорил я тебе». Тут началась обедня, и Батюшка сказал мне: «Ну, теперь прости, мой возлюбленный, я уже тебя совсем отпускаю. Я пойду в алтарь». Я тоже вошел за ним. Батюшка начал прощаться со служащим иеромонахом и, увидевши меня, поклонился мне до земли и повторил прежние завещания. На другое утро, 2 генваря, во время ранней обедни, кто-то вбежал в церковь и спрашивал отца Павла, келейника Батюшки[1]. Это меня удивило, знавши, что Батюшка никогда его не требовал. Спрашиваю, что за причина и на что ищут о. Павла. Мне говорят, что у отца Серафима в

[1] Отец Павел – келейник пр. Серафима. Ему старец предсказал о своей кончине, которая должна открыться пожаром. О. Павел первый вбежал в келию Преподобного после ето кончины. Он же с послушником Иоанном и потушил начавшийся пожар.

келье пожар. Надобно сказать, что келейник Павел всегда упрашивал Батюшку не зажигать в келье много свеч, ибо от великого огня легко может произойти пожар, тем более что вся келья была завалена разным хламом. На что отец Серафим успокаивал его, говоря всегда: «До успения моего в моей келье пожара не будет». Услышав, что у Батюшки в келье горит, я поручил крылос другому старцу, а сам бросился бежать к Батюшке. Прибежав, нахожу в келье отца Серафима с отцом Павлом и еще трех братий, которые, разломав дверь, тушили огонь, происшедший действительно от догоревших прилепленных к столу свечей, от которых загорелся холст и некоторые книги. Вбежав в келью, я глядел, где Батюшка, и увидел его стоящего на коленях пред иконой Божией Матери с закрытыми глазами и сложенными крестообразно руками. Он не был покрыт дымом, которого по разломании дверей более было в сенях, чем в келье, почему мне и показалось, что Батюшка, вероятно, от великого Богомыслия находится в таком молитвенном подвиге, что даже и не чувствует, что происходит в келье его, почему долго и не смел нарушить молитву. Наконец осмелился сказать ему: «Батюшка! Вы не почувствовали, что могли сгореть». Но как не было никакого ответа, я решился подойти к нему. И тут с величайшей горестью удостоверился, что вчерашнее прощание его со мною не было напрасно – великого нашего Старца уже не было с нами, святая душа его отлетела ко Господу своему, в одну из тех обителей вечных, которые он удостоился еще при жизни своей зреть. Взяв на руки в Бозе почившего Батюшку, я обливал тело его слезами и наконец вынес на двор. Отец игумен прежде думал, что это обморок, но после и сам удостоверился, что наша обитель лишилась столпа. 9 дней тело его было в храме, и не только в продолжение этого времени были какие-

нибудь изменения, но, напротив того, он всем казался просто почивающим. К погребению его съезд был так велик, что ни одного номера в гостинице не было свободного и в некоторых номерах по нескольку семейств помещались вместе за недостатком покоев. Тело сего подвижника Божия положено подле холодного собора, на правой стороне, со схимонахом Марком[1].

Так кончил жизнь сей преукрашенный добродетельный Старец. То был живой пример для всех монашествующих. Его постническая жизнь, кротость и терпение, высокое смирение, снисхождение ко всем, самоумерщвление и молитвенные подвиги были неимоверны. Он был Ангел на земле! Нет сомнения, что, предстоя у Престола Божия, по великой любви своей, какую он имел ко всем во время жизни своей, перенес и в Горнюю обитель, где и теперь ходатайствует за всех человеков.

Житие старца Серафима (современный извод)

I

Не ведали еще люди, какою радостию посетил Господь землю Свою, но возрадовались Ангелы, ибо явился на земле подобный им пламенеющий человек – Серафим. Местом рождения его избрал Господь в земле Русской город Курск, а родителями его – купца Исидора Мошнина и жену его Агафию. Всю жизнь свою занимался Исидор постройкой каменных зданий, много постро-

[1] Схимонах Марк (скончался 4 ноября 1817 г.) – саровский пустынножитель и затворник: преподобный Серафим погребен подле его могилы. Подробнее: Иеромонах Сергий. Краткое начертание жизни старца Саровской пустыни, схимонаха и подвижника Марка. М., 1839.

ил он храмов Божиих, а на склоне дней своих предпринял постройку храма во имя преп. Сергия Радонежского. И в то время как трудился он над сооружением этого храма, обрадовал его Господь радостию великой, даровав ему сына, младенца дивного, которому нарек он имя Прохор, в честь св. апостола. Через десять лет после начала постройки храма, в 1762 г., когда готова была уже нижняя церковь во имя преп. Сергия, исполнилась мера жизни купца Исидора и отошел он к Господу, оставив Прохора трехлетним младенцем на руках матери. Боголюбивая вдовица Агафия продолжала труды мужа по строительству Сергиевского храма, верхняя церковь которого была освящена в честь Казанской иконы Пресвятой Богородицы. Сама смотрела она за всеми работами, с усердием и молитвою трудясь для Господа. Не книжными только словами, но и всей жизнью своей, Богу угодной, поучала она сына благочестию, и чистоте, и страху Божию. И благодать Божия была на младенце, с ранних лег охраняющая его. Однажды повела его с собой мать на постройку Сергиевского храма; взошел вместе с нею 7-летний отрок на самый верх колокольни, оступился и упал с высоты на землю. Не думала уже мать увидеть своего сына живым, но, когда спустилась она вниз, отрок стоял на земле, цел и невредим. Дивились все чудесному спасению его и видели руку Божию на нем. Один же юродивый, живший в городе том, сказал Агафии: «Блаженна ты, вдовица, имея сие детище, ибо будет оно крепким предстателем пред Св. Троицею и горячим молитвенником за весь мир». Исполнилось слово мужа того, и рос отрок, осеняемый славою Божией. Уже разумел он грамоту и к чтению Писания имел великое усердие, когда внезапно должно было прерваться учение его: недуг нежданный приковал его к одру, и не стало уже надежды на его выздоровление. В это время явилась

больному отроку в сонном видении Царица Небесная и обещала его посетить и даровать исцеление. Поведал о сне том Прохор своей матери, и оба стали с верою ожидать его исполнения.

В ту пору несли крестным ходом по городу Курску чудотворную икону Знамения Божией Матери, именуемую «Коренной», ибо при корне дерева была она явлена. Когда проносили икону по Сергиевской улице, где жила Агафия, у самого дома ее разразилась гроза, и внесли икону в Агафьин двор. Немедля вынесла она больного сына своего, приложила к иконе Божией Матери, и святую икону пронесли над отроком. С того часа восстал отрок от одра болезни и в скором времени исцелел совершенно,

II

Чудесно воздвигнутый Богоматерью, с еще большим рвением продолжал отрок Прохор свое учение. Ежедневно читал он Часослов и Псалтирь, Библию, жития святых угодников и прочие духовные книги, – не прилежало сердце его ни к чему мирскому, а только к Божьему. Более всего возлюбил он постоянное пребывание в храме, неоскудеваюшую молитву и, в часы уединения, непрестанное размышление о Боге. Любил он также собирать к себе детей, сверстников своих, говорить с ними о Боге и вместе читать духовные книги. И дети любили чудного отрока и с охотою приходили послушать его, потому что всегда бывал он весел и радостен.

Были у Прохора старшие брат и сестра. Брат Алексей имел в Курске свою лавку; он стал приучать к торговле своего юного брата по мере того, как тот начал приходить в возраст. Уже не мог Прохор, как раньше, ежедневно посещать литургию и вечерню, потому что

весь день должен он был проводить в лавке, помогая своему брату. Но не приходил он от этого в уныние: вставал на рассвете, а зимою и до света, и ходил в церковь молиться за утреней; в праздничные же и воскресные дни продолжал усердно заниматься духовным чтением. Через молитву и чтение все более настраивалось сердце юноши на духовное бодрствование, открывались очи его на духовное видение и разгорался дух его огнем Божественным. Среди суетного мира начал ходить он как в области райской; когда глаз его видел какую-либо вещь мирскую, ум созерцал в ней истину духовную, и от всего мирского, что ему было поручено, собирал он сокровище небесное. В купле и продаже и в приобретении земных товаров усматривал он образы жизни человеческой, через которые устрояет Господь дело нашего спасения. В зрелом возрасте и даже до самой смерти любил он вспоминать эти образы и в беседах рассказывать все то, что открылось ему через них в это малое время, когда юношей служил он приказчиком у своего брата. В ту пору юности его, когда возрастал и креп его дух в стоянии пред Богом, послал ему Господь в собеседники того самого юродивого, который еще давно предсказал матери его о нем. Этот Божий человек стал его другом и советником, много способствуя сердечному желанию Прохора всю жизнь свою отдать на служение Господу и посвятить ее иноческому подвигу. В этом стремлении своем юноша Прохор не таился ни от матери, ни от сверстников, – не могла свеча возжженная сокрыть света своего, и не мог быть незримым пламень, огненным столбом из сердца его возносимый. Мать знала о заветном желании сына и не противилась ему, свыкаясь с мыслью о разлуке с ним. Знали и сверстники, к чему прилежало сердце его, ибо не избегал он бесед с ними о том.

III

На много верст кругом сияла Саровская пустынь. Слава ее доходила до Курска – немало было в ней и курских людей; сам настоятель Сарова, отец Пахомий, был из числа их. Много лет слушал юноша Прохор рассказы о той пустыни, и к ней много лет устремлялся он духом. Настало время, и Прохор испросил благословения от матери на иноческий путь. Мать благословила его медным крестом с Распятием, и Прохор положил носить тот крест открыто на груди и никогда, до самой смерти, с ним не расставался. Юного Прохора влекла к себе Саровская пустынь, но ему хотелось сперва проверить свое решение о выборе места для подвигов. Для этого отправился он в Киев, чтобы в Печерской Лавре – колыбели русского иночества – помолиться у святых мощей первых русских иноков Антония и Феодосия, а затем принять наставление, благословение и указание от какого-либо старца, опытного в духовной жизни. Вместе с ним пошли и его друзья.

В Киеве Прохор узнал об одном дивном подвижнике, старце Досифее, который спасался в Китаевской пустыни, верстах в 10 от Лавры, и он отправился к нему за советом. Увидя юношу и провидя в нем избранника Божия, старец одобрил его намерение принять иночество и указал ему на Саровскую пустынь как на место его подвигов. «Гряди, чадо Божие, и пребуди тамо, – сказал он юноше, – место сие будет тебе во спасение; с помощью Божией скончаешь там земное свое странствование; только старайся стяжать непрестанную память о Боге, в постоянном призывании имени Божия, и вселится в тебя Дух Святый и управит жизнь твою во святыни».

С великой радостью вернулся юноша в Курск и здесь провел еще малое время с матерью и родными. По вре-

менам ходил он в лавку брата и вел там беседы с теми, кто приходил поговорить с ним, узнать о святых местах и послушать чтение. Торговлей он уже не занимался, отказавшись от своей части наследства.

Когда пришел час его, взял он котомку на плечи и посох в руки и с благословением материнским поспешил туда, куда указал ему идти прозорливый Досифей. Было ему в ту пору 19 лет. Согласились идти вместе с ним и двое из его друзей, ходивших с ним в Киев; двое других ушли еще ранее.

IV

Был вечер накануне праздника Введения во храм Пресвятыя Богородицы, 20-го ноября 1778 г., когда Прохор вошел в Саровскую обитель. Обитель стояла далеко от больших дорог и проездных путей; долог и труден был путь к ней через дремучие леса. Строителем в Сарове был в то время старец Пахомий, инок святой и богоугодной жизни. Родом из Курска, он знал в молодые годы родителей Прохора и возрадовался, увидя сына их во вратах обители. Узрев в нем истинное желание иночества, он с любовью принял его, определил в число послушников и поручил руководству иеромонаха Иосифа, казначея обители. Сначала Прохор находился в келейном послушании о. Иосифа. С усердием исполнял он как свое послушание, так и все монастырские правила и уставы и вскоре назначен был сначала в хлебню, потом в просфирню, а затем в столярню. В столярне нес он послушание несколько лет, вырезая кипарисные кресты и делая кресты для могил. Усердие его было так велико и умение настолько искусно, что за ним установилось прозвище Прохора-столяра. Был он силен телесно и крепок здоровьем, а потому выполнял и общие для всей братии

работы – заготовлял дрова для монастыря, рубил лес и вместе с братией сплавлял его по реке. Во время этих послушаний или келейного рукоделия на устах его и в сердце была постоянно молитва Иисусова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». Бесед с братией Прохор старался избегать, чтобы внешним молчанием достигать внутреннего мира. Соединяя молитву с трудом, он вел непрестанно беседу с Самим Господом. Теплотою благодати Божьей наслаждался и питался дух его и согревалось его сердце.

После послушания в столярне был он сделан будильщиком, а после того переведен на послушание пономарское. К церковной службе приходил он раньше всех и уходил последним, во время богослужения проливая источники слез. Стоял он всегда неподвижно на определенном месте, с глазами, опущенными вниз, сопровождая слышимое пение и чтение умной молитвой. Вне храмовой молитвы у себя в келии выполнял он положенное на каждый час дня и ночи правило преп. Пахомия Великого[1]. Это правило, по заповеди Ангела св. Пахомию, следовало совершать двенадцать раз днем и двенадцать ночью. По наставлению старца Иосифа Прохор совершал это правило с самого поступления в Саровскую пустынь. По совершении правила, если не было рукоделия, он занимался чтением. Главным образом читал он Евангелие. Апостольские послания и Псалтирь, а затем и творения Св. Отцов: Василия Великого, Макария Великого, преп. Иоанна Лествичника, Четьи инеи Димитрия Ростовского и др. Читал он, всегда стоя перед иконами, в молитвенном положении и называл это бдением. Бдение это совершал он всегда в уединении для того, чтобы весь ум углублен

[1] Правило, «еже даде Ангел Господень Великому Пахомию», составляют след. молитвы: *Трисвятое* по *Отче наш. Господи помилуй* 12 раз. *Слава и ныне, Приидите поклонимся* (трижды). Псалом 50-й, *Верую*, 100 молитв Иисусовых, *Достойно* и отпуст.

был в истины Писания и принимал от него теплоту. С самого поступления в обитель Прохор соблюдал крайнее воздержание в пище, но не изнурял своего тела до того, чтобы оно потеряло способность быть другом и помощником душе. Пищу он принимал один раз в день, в среду и пятницу же пребывал вовсе без пищи. Спал в ночи 4 часа – 10-й, 11-й, 12-й и час за полуночь.

Видя таковые его подвиги и труды, начальные старцы обители, Пахомий и Иосиф, радовались о нем и почтили его особым доверием, редким в монастырской жизни для новоначального послушника, каким был тогда Прохор. Они не только усердно пеклись о том, что было полезно его душе, но и ничего от него не утаивали. Когда заметили они все более возраставшую ревность Прохора к уединенному и безмолвному пребыванию, то благословили его в свободные от послушания часы оставлять обитель и уединяться в лес. В глухом Саровском лесу спасались в то время многие подвижники: игумен Назарий, иеромонах Дорофей, схимонах Марк и др. Возжелав также всем сердцем пустынного жития, юный Прохор выбрал в лесу уединенное место, построил себе шалаш и в нем, как бы в пустыне, предавался молитве и богомыслию. Позавидовал враг чистому житию юного послушника и начал искушать его печалью и скукою, унынием и малодушием. Скука особенно нападала на инока около полудня, и диавол внушал ему помыслы выйти из пустыни и с кем-нибудь поговорить, представляя, что не иначе можно избавиться от скуки, как беседуя с другими, или развлекать ум его во время молитвы и чтения для того, чтобы сделать его праздным и бесплодным. Когда же не удалось то диаволу, старался он навести на него уныние, наполняя всю душу его безотчетным и мучительным страданием. Но когда и этим не удалось ослабить его, диавол насылал тогда на него беса

малодушия, стараясь тем отлучить ето от Бога и ввести в исступление. Но чем больше восставал враг, тем сильнейшую брань воздвигал на него Прохор и тем пламеннее становился его дух. И отходил враг от святого инока, подвизавшегося непрестанной молитвой и постом. Чтобы еще более укрепить дух праведника Своего, Господь подверг тяжкому испытанию и плоть его и допустил напасть на нее лютой болезни, именуемой водянкой. Три года страдал Прохор, сперва перемогаясь на ногах, а потом уже слегши на одр. Тело его распухло и лишилось движения. Но ни единого слова ропота никто не слыхал от него. Лишь слова молитвы шептали уста его, а ложе свое он орошал обильными слезами. Ему казалось, что по делам его послал Господь эту болезнь, дабы чрез нее ослабели его человеческие страсти. И не будучи уже в состоянии понудить тело свое на поклоны, он старался с терпением и благодарением переносить свою болезнь, чтобы она вменилась ему вместо подвига. Неотлучно находился при нем строитель обители, о. Пахомий, а о. Иосиф, духовный руководитель его, прислуживал ему, как послушник. Со страхом видели саровские старцы, что болезнь Прохора все усиливается, и, опасаясь за жизнь его, предлагали позвать врача. Но Прохор, все упование возложив на Господа и на Пречистую Матерь Его, отвечал им: «Я предал себя истинному Врачу душ и телес, Господу нашему Иисусу Христу и Пречистой Его Матери; если же любовь ваша рассудит, снабдите меня, убогого, Господа ради, Небесным Врачеством», – и просил его причастить Св. Тайн. Тогда старцы оставили мысль о помощи земных врачей. О. Иосиф отслужил о здравии больного всенощное бдение и литургию, и вся братия собралась в церковь, чтобы помолиться о нем. Затем Прохора исповедали и причастили Св. Тайн, которые принесли в келию к одру его. После причаще-

ния больной сподобился чудесного видения. Царица Небесная, чудесно исцелившая его в раннем детстве и приведшая его в канун Праздника Своего Введения во храм в святую Саровскую обитель, услыхала мольбы верного раба Своего, все свое упование на Нее возложившего, и Сама пришла, чтобы вновь исцелить его. В несказанном свете явилась Она с апостолами Петром и Иоанном Богословом и, указывая ап. Иоанну на больного, сказала: «Этот Нашего рода». Потом Она правую руку положила ему на голову, а в левой руке держала жезл и этим жезлом коснулась правого бедра Прохора; на том месте сделалось у него углубление, и вся вода вытекла. После этого видения здоровье его стало быстро поправляться, и братия немало тому дивилась, ничего не зная о чудесном явлении.

Место же того явления навсегда сделалось для преп. Серафима достопамятным. Когда келия, в которой лежал он, была снесена и было приступлено к устройству на ее месте монастырской больницы с церковью при ней, Прохор взял на себя новое послушание – сбор пожертвований на построение храма – и отправился странствовать по России. Много городов обошел он в ту пору, побывал и в родном своем городе Курске, посетил могилу своей матери и виделся с братом Алексеем, от которого принял подаяние на храм. И тогда уже, при свидании с братом, 22-х летний подвижник проявил дар прозорливости, открыв брату время его кончины.

Возвратившись в свою обитель, Прохор своими руками изготовил для больничного храма во имя св. Зосимы и Савватия престол из кипарисового дерева. Этот храм он больше всего любил посещать до конца дней своих и в нем всегда причащался Св. Тайн, памятуя свое чудесное исцеление и явление Царицы Небесной на месте сем.

V

Прошло восемь лет с того времени, как Прохор вошел в Саровскую обитель, и было ему уже 27 лет. Он был росту высокого и сложением весьма мужествен. Лицо имел белое, нос прямой и острый, глаза светло-голубые под густыми бровями, взгляд проницательный, волосы светло-русые, усы длинные и густые и густую окладистую бороду. Имел он ум светлый, память острую, сердце милостивое, волю твердую и дар слова живой и обильный, а речь столь действенную, что слушатели получали от нее всегда душевную пользу.

Он был всеми в обители любим и от всех почитаем, особенно же строителем обители, о. Пахомием, который любил его как свою душу. Когда увидел о. Пахомий, что Прохор прошел достойный искус послушания и наступила для него пора принять иноческий обет, он постриг его 13-го августа 1786 г. и нарек ему имя Серафим[1]. Восприемниками его были старцы Иосиф и Исаия. В октябре того же года он был посвящен в сан иеродиакона и со дня посвящения в продолжение 6 лет и 10 месяцев всегда находился в служении. Без него о. Пахомий не совершал ни одной службы. Ночи накануне служения преп. Серафим проводил в бодрствовании и молитве, а по окончании каждой службы долго оставался в храме, приводя в порядок священную утварь и ризницу. Господь, видя его усердие, подавал ему необычайную крепость, так что он не чувствовал трудов и, уходя в келию для краткого отдыха днем, жалел, что человек не может беспрерывно, подобно Ангелам, служить Богу. При этом он был всегда ве-

[1] Слово «Серафим» в переводе с еврейского значит «пламенный», а по Дионисию Ареопагиту – «согревающий». Серафимы, как носители чистого огня Божественной любви, занимают первое место в первой степени ангельских чинов.

сел. «Веселость, – говорил он, – отгоняет усталость, а от усталости ведь уныние бывает, и хуже его нет. Оно все приводит с собой». Поэтому всегда, даже в церкви на клиросе, он был веселым; когда братия уставали и уныние нападало на них, так что и пение не ладилось, он подбадривал их веселым и ласковым словом, и они переставали чувствовать усталость. «Ведь дурное что говорить ли, делать ли нехорошо, и в храме Божием не подобает, а сказать слово ласковое, приветливое да веселое, чтоб у всех перед Лицом Господа дух всегда весел, а не уныл был – вовсе не грешно», – говорил он. И в такой непрестанной благодатной радости и духовном веселии проходил он свой диаконский подвиг. Часто во время служения видел он Ангелов, сослужащих и поющих с братией. Они имели вид молниеобразных юношей, облеченных в белые и златотканые одежды, а пению их не было ничего подобного на земле. И сердце Серафима таяло, как воск, от неизреченной радости. «Не помнил я ничего от такой радости, – говорил он, – помнил только, как входил в св. церковь да выходил из нее». Однажды удостоился он лицезреть Самого Господа Иисуса Христа, о чем он так рассказывал впоследствии: «Случилось мне служить с о. Пахомием в Святый и Великий Четверток. Божественная литургия началась в два часа пополудни, и обыкновенно вечернею. После малого входа и паремий возгласил я, убогий, в царских вратах: “Господи, спаси благочестивыя и услыши ны…” и, вошедши в царския врата, навел на предстоящих орарем и возгласил: “…и во веки веков”. Вдруг озарил меня луч как бы солнечного света. Взглянув на сияние, я увидел Господа Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына Человеческого в славе, сияющего неизреченным светом и окруженного, как бы роем пчелиным, небесными силами: Ан-

гелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами. От западных церковных врат Он шел но воздуху, остановился против амвона и, воздвигши Свои руки, благословил служащих и молящихся. Затем Он, вступив в местный образ Свой, что близ царских врат, преобразился, окруженный ангельскими ликами, сиявшими неизреченным светом во всей церкви. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа на воздухе, удостоился особенного от Него благословения. Сердце мое возрадовалось тогда чисто, просвещенно, в сладости любви ко Господу».

От этого видения о. Серафим мгновенно изменился видом и не мог ни с места сойти, ни слова проговорить. Тотчас подошли два иеродиакона, взяли преп. Серафима под руки и ввели его в алтарь. Около двух часов стоял он там неподвижный. Лицо его изменялось поминутно: то покрывала его белизна, подобная снегу, то переливался на нем румянец. И долго еще он не мот ничего проговорить, созерцая в душе дивное посещение Господа. Только через некоторое время рассказал он старцам Пахомию и Иосифу о своем видении.

VI

Ограждаемый Божией благодатью, праведный Серафим восходил из силы в силу, и исполнилось ему 34 года. Видя его подвиги и труды, о. Пахомий испросил благословение епархиальной власти и возвел иеродиакона Серафима в сан иеромонаха. В этом сане о. Серафим непрерывно продолжал священнослужение, ежедневно приобщаясь Св. Таин. Через год после его посвящения Саровская пустынь лишилась своего строителя, о. Пахомия, который призвал к себе о. Серафима, преданного своего ученика, и сказал ему: «Я скорблю

о сестрах Дивеевской общины[1], кто их будет назирать после меня?» По желанию умирающего преп. Серафим принял на себя попечение о дивеевских сестрах и обещал о них заботиться.

Похоронив своего старца, преп. Серафим через две недели после его кончины испросил у нового строителя, иеромонаха Исаии, благословение на пустынножительство.

Наступил канун праздника Введения во храм Пресвятыя Богородицы. В этот день, шестнадцать лет тому назад, Царица Небесная ввела Преподобного в обитель, и теперь Она повела Своего избранника на другой, уединенный подвиг, в глубину пустыни, где, по словам свят. Василия Великого, возносится фимиам совершенного умерщвления и кадило непрестанной молитвы.

Пустынная келия, или Дальняя пустынька, как любил называть преп. Серафим свое новое жилище, была деревянная избушка, состоявшая из печки, сеней и крыльца; ее окаймлял небольшой, огражденный забором огород, в котором преп. Серафим сажал картофель, свеклу и лук; поблизости находился и введенный им пчельник. Келия эта стояла в глухом сосновом лесу, на берегу реки Саровки, на высоком холме, верстах в 5–6 от мона-

[1] Основание Дивеевской общины, из которой образовался Серафимо-Дивеевский монастырь, положила около 1780 г. помещица Агафия Семеновна Мельгунова. Отправившись на богомолье в Саровскую пустынь, она остановилась для отдыха в 12 верстах от нее в селе Дивееве; там в сонном видении явилась ей Божия Матерь и указала на этом месте воздвигнуть храм Ея имени. По совету саровских старцев Пахомия и Исаии она устроила здесь женскую обитель. О. Пахомий, руководивший духовной жизнью сестер и посещавший обитель, взял однажды с собой о. Серафима, бывшего тогда иеродиаконом. Мать Александра (Агафия Семеновна) была больна и, получив от Господа извещение о своей скорой кончине, попросила ее особоровать: прощаясь с о. Пахомием, она слезно умоляла его не оставлять ее послушниц. О. Пахомий обещал, что при своей жизни он не оставит их, а после него позаботится о них о. Серафим. По кончине игумении старец Пахомий свято исполнял принятую на себя обязанность духовного окормления сестер и материального их обеспечения.

стыря; все это место преп. Серафим называл Афонской горой. Холм, на котором поселился преп. Серафим, был окружен другими холмами, а с одной стороны кончался крутым обрывом. Всем этим окрестностям преподобный дал имена св. мест Палестины для того, чтобы они живо напоминали ему события земной жизни Спасителя. На все эти места он любил ходить в соответственные событиям часы и, ощущая присутствие Самого Господа, предавался там богомыслию и молитве. В своем мысленном Назарете, в память Благовещения Архангелом Пресвятой Деве Марии, он пел акафист; в Вифлеемской своей пещере он созерцал умными очами Предвечного Младенца, поклонялся Ему с пастухами и вместе с небесными силами воспевал: «Слава в вышних Богу». Нагорную проповедь любил читать на одном возвышенном холме близ реки. Спускался он часто и под гору к реке, «на пол потока Кедрона», и там вспоминал прощальные беседы Господа с учениками. Часы третий, шестой и девятый вычитывал в глухом уединенном месте, именуемом им Голгофой, где он мысленно зрел Господа Спасителя, гвоздями пригвождаемого ко кресту. Были у него и град Иерусалим, и свой Фавор.

Находясь в своей келии, преп. Серафим ежедневно совершал иноческое правило по чину строгих пустынножителей. Около полуночи он вставал от сна, выполнял правило преп. Пахомия Великого, читал утренние молитвы, пел полунощницу и утреню и прочитывал первый час. При наступлении девятого часа утра он принимался за чтение третьего, шестого и девятого часов и последования изобразительных. Вечером читал вечерню и малое повечерие; при наступлении ночи творил монастырское правило с молитвами на сон грядущий. Часто вместо вечернего правила преподобный полагал по тысяче поклонов за один раз. Кроме того, он пел псалмы,

сперва по уставу Пахомия Великого, а потом по чинопоследованию, им самим составленному и известному под именем «келейного правила о. Серафима»[1].

Кроме молитвы преп. Серафим усердно занимался чтением Св. Писания и особенно Евангелия, которое всегда носил при себе. Чтение Св. Писания о. Серафим считал чрезвычайно важным делом в духовном совершенствовании и называл «снабдением души». «Очень полезно, – говорил преподобный – заниматься чтением Слова Божия в уединении, прочитать всю Библию разумно». Надо «так обучить себя, чтобы ум как бы плавал в Законе Господнем, по руководству которого до́лжно устроять и жизнь свою». Часть своего времени преп. Серафим посвящал трудам телесным: работал на огороде, на пчельнике и рубил дрова в лесу.

Накануне воскресных дней и праздников о. Серафим приходил в обитель, слушал вечерню и всенощное бдение, за ранней литургией причащался Св. Таин в больничной церкви Св. Зосимы и Савватия, а потом, захватив с собой хлеба на неделю, удалялся в свою пустыньку. Этим запасом хлеба св. пустынник делился с разными обитателями саровского леса – зверями и птицами, которые собирались к его келии. «В полунощное время, – рассказывает послушник Иоасаф, – к келии его собирались медведи, волки, зайцы и лисицы и вообще разные звери; подползали даже змеи, ящерицы и другие гады. Подвижник выходил из келии и начинал кормить их». Самовидец этого зрелища, саровский инок-пустынножитель о. Александр, с удивлением спросил раз св. Серафима, как достает у него хлеба для такого множества животных, на что преподобный ответил ему, что в лукошке у него всегда столько хлеба, сколько нужно для их насыщения. Не раз

[1] Келейное правило преп. Серафима, данное им дивеевским монахиням, устанавливает последовательность сотворения молитв и поклонов.

видели, как преподобный кормил из своих рук огромного медведя, который исполнял его приказания и служил ему. И особенно чудным было тогда лицо преподобного; светлое и радостное, как у Ангела.

Воздержание и постничество преп. Серафима дошло до величайшей степени. Уже перед кончиной, в разговоре с одной дивеевской сестрой, преподобный сообщал, что эти три года он питался одной травой снытью: «Я сам себе готовил кушанье из снитки[1]. Ты знаешь снитку? Я рвал ее, да в горшок клал, немного вольешь, бывало, в него водицы – славное выходит кушанье. На зиму я снитку сушил и этим одним питался, а братия удивлялась, чем я питался. А я снитку ел... И о сем братии не открывал».

Иноков, желавших с ним пустынножительствовать, преп. Серафим не гнал от себя, но принимал ласково и благословлял на подвиг; однако ни один из них не мог вынести тягостей этого подвига, и все возвращались назад в монастырь. Сам преподобный неохотно давал благословение удаляться в пустыню, и особенно селиться в одиночку, а советовал отходить на подвиги вместе двум или лучше трем единомысленным братьям, зная по собственному опыту, какие тяжелые испытания и искушения от врага приходится претерпевать в уединении. «Живущие в монастыре – говорил преподобный, – борются с противными силами, как с голубями, а живущие в пустыни – как с львами и леопардами».

И действительно, враг нападал на него с такой страшной силой, что порой слышался ему за стенами келии то вой зверей, то шум, и рев, и хохот. Однажды были выломаны косяки двери и к ногам молящегося подвиж-

[1] Снитка – народное название сныти обыкновенной (Aegopodium podagraria) – травянистого растения семейства зонтичных. В изобилии встречается под пологом леса. Молодые побеги сныти съедобны, их заготавливают сушкой.

ника упал кряж дерева, такой большой и тяжелый, что его с трудом могли вынести восемь человек. Неоднократно поднимал его дьявол на воздух и, сотрясая, с силой ударял о землю. «Подобные искушения дьявола, – говорил о. Серафим, – подобны паутине: стоит только дунуть на нее, и она истребится, так то и на врага дьявола: стоит только оградить себя крестным знамением – и все козни его исчезают совершенно». Впоследствии на вопрос одного мирянина: «Батюшка! Видали ль вы злых духов, каковы они?» – преподобный ответил: «Они гнусны».

Особенно ополчился враг на преп. Серафима после того, как смиренный подвижник отказался от почетного места игумена одного монастыря. Он воздвиг на преподобного одно из величайших испытаний – мысленную брань – и поддерживал ее с ожесточением. В этом тяжком обстоянии, когда душа повергается в уныние от ужасных хульных помыслов, преп. Серафим день и ночь взывал к Господу Иисусу Христу и к Пречистой Его Матери, и от непрестанной молитвы и великого труда плоти мысленная брань утихла.

VII

Мало было диаволу душевных страданий преподобного, он подверг праведника и телесной скорби, наслав на него злых людей с оружием. Было это 12 сентября 1804 года, на одиннадцатом году его пустынножительства и на 45-м году жизни. Когда он занимался рубкой дров, пришли к нему три человека и, угрожая ему смертью, стали требовать денег. Преп. Серафим, хотя и обладал в то время еше большой телесной силой, опустил на землю топор и сказал им: «Делайте, что вам надобно». Тогда злодеи свалили его на землю, ударив обухом топора по голове с такой силой, что у старца хлынула

кровь изо рта и ушей, потом связали его по рукам и ногам и, добив его, как им казалось, до смерти, бросились в келию, думая найти в ней богатства. Но ничего, кроме иконы и немного картофеля, они в келии не нашли и в ужасе бросились бежать прочь. Через некоторое время преп. Серафим пришел в себя и, с трудом развязав руки и ноги, возблагодарил Господа за то, что сподобился безвинно понести страдания.

На другое утро, с большим трудом, он добрался до монастыря. Братия, увидев о. Серафима в таком положении, ужаснулась и глубоко опечалилась. Первые восемь дней преп. Серафим очень страдал; обеспокоенный этим настоятель о. Исаия послал за врачами в Арзамас. Пока собравшиеся врачи совещались между собой в его келии, преподобный Серафим уснул и в тонком сне удостоился дивного видения. Как и в первую его болезнь, ему явилась Царица Небесная в царской порфире в сопровождении апостолов Петра и Иоанна Богослова и, подойдя с правой стороны к одру больного, сказала в сторону врачей: «Что вы трудитесь?», а потом, взглянув на подвижника, произнесла: «Этот Нашего рода». Когда о. Серафим очнулся, то, к немалому удивлению окружающих, отклонил от себя всякую врачебную помощь, прося предоставить его жизнь на волю Господа и Пресвятой Богородицы. Врачи удалились, преподобный же Серафим от дивного сего посещения исполнился неизреченной радости. Придя же через некоторое время в обыкновенное состояние, он почувствовал облегчение болезни и к вечеру вкусил пищи. Но еще около пяти месяцев пробыл он в монастыре, пока вновь не почувствовал себя способным к дальнейшему прохождению пустыннической жизни. После побоев и болезни о. Серафим сделался совершенно согбенным старцем и стал ходить, опираясь на палку или на топорик. Настоятель и братия убеждали его остаться в монастыре,

но уговорить не смогли. О. Серафим испросил благословения строителя Исаии и возвратился в свою прежнюю пустынную келию. Между тем были найдены и избившие его злодеи. Узнав об этом, преп. Серафим ходатайствовал о прощении их, что и было исполнено. Они же, не наказанные судом человеческим, со слезами раскаяния пришли к о. Серафиму просить у него прощения и молитв.

VIII

Вернувшись в свою пустыню, преп. Серафим взошел на новую ступень духовного подвижничества, усилив свой молитвенный подвиг до столпничества. На полпути от обители до его келии лежал большой гранитный камень. Вечером, на закате солнца, подвижник оставлял свою пустынную келию и приходил к этому камню для молитвы. Стоя на нем до рассвета с воздетыми к небу руками, он повторял слова мытаря: «Боже, милостив буди мне грешному». Когда же ночь проходила и наступало утро, о. Серафим возвращался в свою келию и в ней, чтобы уравнять ночные подвиги с дневными, вставал на другой малый камень и оставлял молитву лишь для редкого вкушения пищи. Это моление продолжалось 1000 дней и 1000 ночей, во время которых шла невидимая для мира борьба подвижника с князем тьмы. Только при конце дней своих преподобный открыл свою тайну некоторым инокам. Один из них, изумляясь такому подвигу, сказал, что это выше сил человеческих. На это о. Серафим со смирением отвечал: «Св. Симеон Столпник сорок семь лет стоял на столпе, а мои труды похожи ли на его подвиги?» – «Но, конечно, для тебя была ощутительна при этом помощь благодати укрепляющей?» – спросил инок. «Да, – сказал дивный старец, – иначе сил человеческих не хватило бы. Внутренно подкреплялся и утешался я тем

небесным даром, который свыше нисходит от Отца Светов... Когда есть умиление в сердце, – продолжал он после некоторого молчания, – тогда Бог бывает с нами».

IX

В конце 1807 г. глубокая скорбь поразнла сердце о. Серафима: почил его духовник, отец и начальник, старец Исаия, который таковую любовь имел к о. Серафиму, что, по болезни не будучи в состоянии сам ходить за пять верст к нему в келию и не желая отвлекать его от пустынножительства, просил братию иногда привозить его в тележке к келии подвижника для беседы с ним. В лице старца Исаии уходил из жизни последний духовный руководитель Преподобного, восприемник ето и духовный друг. О. Серафим считал его великим подвижником и называл, как прежних своих руководителей, о. Пахомия и Иосифа, «огненным столпом от земли до небес». О упокоении своих старцев о. Серафим усердно молился и часто ходил на их могилы поклониться их священному праху, говоря про себя: «Простите, отцы святые, и помолитесь обо мне». И другим внушал о них молиться.

По смерти старца Исаии, преп. Серафим принял на себя новый подвит молчальничества и в нем, как и в подвиге столпничества, пребывал три года. «Паче всего до́лжно украшать себя молчанием, – поучал он потом, – вот и св. Амвросий Медиоланский говорит: молчанием многих видел я спасающихся, многоглаголанием же ни единого. И паки некто из отцов говорит: молчание есть таинство будущего века, словеса же орудия суть мира сего». Взявшись за этот подвиг, старец не выходил уже к посетителям. Когда же случайно встречал кого в лесу, то падал ниц и не вставал до тех пор, пока встречный не проходил мимо. По болезни ног он уже не мог посещать

обитель, и пищу ему приносил по воскресеньям один инок, которого старец встречал со сложенными крестообразно на груди руками и потупленной долу головой и отпускал, не взглянув на него и не произнося ни одного слова. Этот подвиг состоял не во внешнем только воздержании языка, а в безмолвии ума, в отречении от всех житейских помыслов и полной сосредоточенности ума в Боге, погружении в Него и посвящении Ему всех своих мыслей и чувств. «Совершенное безмолвие, – говорил о. Серафим, – есть крест, на котором человек должен распять себя со всеми страстями и похотьми. Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, зачем он пришел, чтобы не уклонялось сердце его к чему-либо другому». Когда многие из братии сожалели об удалении старца от общения с ними, чем он лишал их своего руководства и советов, преподобный отвечал словами Св. Отцов: «“Праздность безмолвия предпочтительней насыщения алчущих в мире”, – сказал св. Исаак Сирин. И св. Григорий Богослов рек: “Прекрасно богословствовать для Бога, но лучше всего, если человек себя очищает для Бога”». Впоследствии он говорил еще: «Молчание приближает человека к Богу и делает его как бы земным ангелом. Ты только сиди в келии своей во внимании и молчании и всеми мерами старайся приблизить себя к Господу, а Господь готов сделать тебя из человека ангелом». «Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание».

Но и молчальничество не было последним подвигом старца. Получив через него большое совершенство и не прекращая его, преп. Серафим перешел от него к высшему подвижничеству, называемому затвором. Со времени смерти старца Исаии преп. Серафим, наложив на себя подвиг молчания, жил в своей пустыньке безвыходно, и некоторых из братии соблазняло то, что было

неизвестно, кто его причащает Св. Таин. Тогда новый строитель обители, о. Нифонт, созвал собор из старших иеромонахов, и они решили предложить о. Серафиму, ввиду его болезни ног и невозможности ходить в обитель по воскресным и праздничным дням причащения Св. Тайн, перейти на жительство в монастырскую келию. Инок, приносивший пишу преп. Серафиму, передал ему решение Саровского собора, которое старец выслушал безмолвно. При повторении этого предложения в следующее воскресенье преп. Серафим благословил брата и вместе с ним отправился в обитель. Это было 8 мая 1810 г., после 15-летнего пребывания о. Серафима в дальней пустыньке, на 51-м году его жизни.

X

Вновь увидела Саровская обитель молитвенника своего, пустынника и молчальника и великого подвижника, преп. Серафима. Вступив во врата монастырские и не заходя в свою келию, прошел преподобный прямо в больницу, а оттуда на всенощное бдение в храм Успения Божией Матери. На другой день он причастился Св. Таин в любимой своей больничной церкви, построенной на месте явления ему Божией Матери, и отправился к настоятелю, о. Нифонту, принять от него благословение на новый подвиг. После этого пошел он в свою прежнюю келию и затворился в ней. Началась жизнь в затворе. Келия ето была узкая, тесная – в 5 квадр. аршин. Два маленьких окна ее выходили на овраг. Постелью служил мешок с песком и камнями, обрубок пня заменял сиденье. Кучка дров лежала перед печкой, которая никогда не топилась. Для себя о. Серафим не употреблял огня, и только перед иконой Божией Матери «Умиление», которую он называл «Всех радостей Радость», горела неугасимая лампада.

В узких сенях, примыкавших к келии, стоял сколоченный преподобным для себя дубовый некрашеный гроб, около которого он часто молился, вспоминая о часе смертном.

Одеждой преподобному служил неизменно один и тот же белый холщовый балахон и черная крашеная шапочка. На труди его висело медное распятие, благословение матери, а на плечах под балахоном он носил для умерщвления плоти поддерживаемый веревками большой пятивершковый железный крест. Вериги и власяницы он никогда не носил и говорил впоследствии вопрошавшим его о пользе ношения вериг: «Кто нас оскорбит словом или делом и если мы переносим обиды по-евангельски – вот и вериги наши, вот и власяница». В глубокой тайне и безмолвии совершал преподобный свой многотрудный подвиг. Никого к себе не принимал и сам никуда не ходил. Когда сосед его по келии, на которого возложено было послушание доставлять ему пищу, приносил ее и ставил у двери, о. Серафим накрывал себя большим полотном, чтобы никто не мог его видеть, отворял дверь и на коленях принимал пищу от брата, не произнося ни одного слова. «Словеса – орудие суть мира сего, молчание же есть таинство будущего века», и сего-то таинства возжелала душа преподобного еще на земле. Как проходила его жизнь в затворе, никто не знал, и поведал он об этом лишь при конце дней своих. Больше всего открыл он о том послушнику Ивану Тихоновичу (впоследствии иеромонаху Иоасафу).

От него мы и знаем о молитвенных трудах преподобного в затворе и о дивных видениях, которых он в это время удостаивался. Как и в пустыньке, о. Серафим совершал все ежедневные службы, кроме литургии, и выполнял свое келейное правило. В остальное время он предавался подвигу умной молитвы, творя попеременно то молитву Иисусову, то Богородичну. Иисусову молит-

ву преподобный считал светильником стезям нашим и путеводною звездою к Небу.

С большой ревностью занимался также о. Серафим и чтением Св. Писания «для того, чтобы дать духу своему свободу возноситься в Небесныя обители и питаться от сладчайшей беседы с Господом». В течение недели преподобный прочитывал весь Новый Завет: в понедельник – Евангелие от Матфея, во вторник – от Марка, в среду – от Луки, в четверг – от Иоанна, на остальные дни он разделял Деяния и Послания апостолов. Кроме того, еженедельно он прочитывал Евангелие дневное и святому. Во время чтения Св. Писания подвижник часто погружался в продолжительное созерцание Господа умом и удостаивался от Него дивных видений. Так, подобно ап. Павлу, он сподобился непостижимого восхищения в небесные обители.

«Однажды, – говорит преподобный тому же послушнику Ивану Тихоновичу, – я услаждался словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: *в дому Отца Моего обители многи суть* (Ин.14, 2). На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные Небесные обители и молил Господа, чтобы Он показал мне их. Пять дней и пять ночей провел я в бдении и молитве, прося у Господа благодати сего видения, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Он исполнил мое желание и прошение: я был восхищен в эти обители, только не знаю с телом или кроме тела, – Бог весть, это непостижимо, – и видел неисповедимую красоту райских селений и живущих там». И дивный тайновидец описывал блаженство святых; Предтечи Господня Иоанна, св. апостолов, вселенских святителей – Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоуста, преподобных Антония Великого, Павла Фивейского, Саввы Освященного, Онуфрия Великого, Марка Фраческого и

др., красоту и торжество св. Февронии и многих других мучениц, сияющих в неизреченной славе и радости. Но вполне рассказать о райском блаженстве святых о. Серафим не мог. «Ах, радость моя, – говорил он, – там такое блаженство, что описать нельзя. Если бы ты знал, какая сладость ожидает душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келия наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. О той радости и сладости небесной, которую там вкушают, сказать тебе невозможно».

Беседуя с послушником, «о. Серафим замолчал, склонился вперед, голова его с закрытыми глазами поникла долу, и простертою дланью правой руки он тихо водил против сердца. Лицо его постепенно изменялось и издавало чудный свет и наконец до того просветилось, что невозможно было смотреть на него: на устах же и во всем выражении его была такая радость и восторг небесный, что поистине можно было назвать его в это время земным ангелом и небесным человеком. Во все время таинственного своего молчания он как будто что-то созерцал с умилением и слушал с изумлением».

По прошествии пяти лег строгого затвора преп. Серафим по особому, ему одному ведомому откровению ослабил затвор свой и открыл дверь своей келии для желающих видеть его. Не обращая внимания на приходящих, старец продолжал свои духовные занятия и на вопросы не отвечал – не кончился еще срок, положенный ему Господом для безмолвия. И так продолжалось еше пять лет, в течение которых преподобный лишь одним примером своего безмолвного жития поучал приходивших к нему.

После пяти лет этого подвига явилась преподобному Царица Небесная в сопровождении Онуфрия Великого и Петра Афонского и разрешила ему отверзать уста его для поучения и утешения приходящих к нему богомольцев. С тех пор окончился молчальнический подвиг его, но затвора своего старец еще не оставлял. С ранней литургии и весь день до вечера стекались к нему алчущие духовной пищи, и не знало сердце преподобного различия между ними. Всех он принимал с одинаковой любовью, всех встречал земным поклоном и целованием, всех приветствовал словами «Христос Воскресе» и каждого называл «радость моя». Со всех концов России шли к нему люди, и не вмещала келия старца всех желавших принять от него благословение. Тогда начал он просить у Господа соизволения на открытое окончание затвора, чтобы самому выходить к людям и служить им. И услышана была его молитва. После пятнадцатилетнего его пребывания в затворе, 25 ноября 1825 г., вновь явилась ему Богоматерь в сопровождении Климента Римского и Петра Александрийского – их же был день, и повелела возлюбленному Своему избраннику оставить затвор и идти сначала в пустыньку. В тот же день, после утреннего правила, старец отправился к настоятелю обители и, получив от него благословение, в первый раз за время своего затворничества вышел в лес и направился к своей дальней пустыньке, как повелела ему Богоматерь. Но, не дойдя до нее, верстах в двух от обители, недалеко от Богословского родника, там же, где стояла на столбике икона апостола и евангелиста Иоанна Богослова, он увидал на пригорке шедшую к нему Владычицу, а позади нее двух апостолов – Петра и Иоанна Богослова. Пречистая ударила жезлом в землю, из которой пробился «источник фонтаном светлой воды»; преподав Свое благословение водам изведенного Ею источника, Божия Матерь даровала им силу исцеления от

болезней. Преподобный Серафим остался на этом месте, где стояли пречистые стопы Царицы Небесной, и начал трудиться над устройством и отделкой чудесного источника. Вода его никогда не портилась, хотя бы долго стояла в сосуде, а больным, пившим или омывавшимся ею, подавала исцеление. Преп. Серафим ходил к реке Саровке, собирал там камни и носил их к источнику, который стали называть Серафимов и обкладывал его ими со всех сторон. Видя труды преподобного, братия построила ему на той же горке около родника небольшую келию без окон, в которой он мог бы укрываться от дождя и стужи, и все это место получило название Ближней пустыньки. В этой Ближней пустыньке, среди неустанной умной молитвы, преподобный работал то около источника, то в огороде, который тут же возделал, то рубил дрова; здесь же за работой он принимал приходивших к нему за советом и помощью. Иногда видели его и в Дальней пустыньке, куда он уходил для более уединенной молитвы; видели, как он, сидя у своей старой келии, кормил огромного медведя. Ходил он, опираясь на палку, неся в руке топорик, а за плечами суму, наполненную песком и камнями, поверх которой неизменно лежало св. Евангелие. Когда его спрашивали, для чего он носит такую тяжесть, преподобный отвечал словами св. Ефрема Сирина: «Томлю томящего мя». Сверх белого балахона, опоясанного белым же полотенцем, старец накрывался во время дождя или жары выделанной кожей вместо мантии и на вопросы, зачем он так убого одевается, отвечал: «Иоасаф царевич данную ему пустынником Варлаамом мантию счел выше и дороже царской порфиры».

И на сего-то праведника, подобного тем, которые, по словам апостола Павла, *проидоша в милотех и в козиих кожах, в пустынех скитающеся, скорбяще, озлоблени, – их же мир не бысть достоин* (Евр. 11, 37–38), воздвигли

гонение некоторые из монастырской братии, с тайной завистью смотревшие на его подвиг. Им казалось соблазнительным, что преподобный, оставив затвор и выходя из своей келии, не ходит в церковь. Вследствие их доносов пришло распоряжение из Тамбова, от епархиального архиерея, чтобы о. Серафиму больше не приносились Св. Дары в его келию, а чтобы он сам приходил в церковь для принятия Св. Таин. Со смирением принял св. старец распоряжение преосвященного и сказал: «Хоть бы на коленочках пришлось мне ползти для исполнения послушания, но все-таки не оставлю приобщаться животворящих Таин Тела и Крови Христовых».

С тех пор преп. Серафим стал неопустительно во все воскресные и праздничные дни ходить в больничную церковь для причащения. Это обстоятельство только способствовало привлечению все большего и большего количества усердствовавших ко св. старцу. Не могла вместить малая больничная церковь всех богомольцев в день причащения о. Серафима, и бо́льшая часть народа стояла вне храма, ожидая его выхода. На пути из храма в свою келию преподобный обыкновенно ни с кем не вступал в беседу и как бы никого не замечал вокруг себя. И только уже пришедши к себе, о. Серафим благословлял народ и начинал прием. Чем больше посетителей приходило к нему, тем больше возрастало число свечей, горевших перед иконами в монастырской келии преподобного, так что в ней, несмотря на то что печь никогда не топилась, и в холодное время было жарко. «Они приносят мне елей и свечи, – говорил преподобный, – и просят помолиться за них. Вот когда я читаю правило свое, то и поминаю их сначала единожды. А так как по множеству имен я не смогу повторять их на каждом месте правила, где следует – тогда и времени мне недостало бы на совершение моего правила, – то я и оставлю все эти свечи за них в

жертву Богу, за каждого по одной свече, за иных – за несколько человек одну большую свечу, за иных же постоянно теплю лампады и, где следует на правиле поминать их, говорю: “Господи, помяни всех тех людей, рабов Твоих, за их же души возжег Тебе аз, убогий, сии свещи и кандила”». Молитву за людей преподобный избрал теперь особым подвигом своей жизни, ибо он вступал на новую ступень трудничества – служение ближним.

Положены были ему и видимые знаки от Господа во время его молитвы за людей: если свеча, возжженная им за какого-либо человека, падала – это было знамением, что человек тот впал в грех, и тем пламеннее тогда становилась молитва подвижника.

Это неотступное огненное борение с грехом человеческим, неустанное стояние на страже за души людские пред Богом, духовное водительство этих душ на пути к спасению возводило о. Серафима на новый и трудный подвиг старчества, которым Господь положил завершение жития Своего дивного избранника.

XI

«Как железо ковачу, так я передал себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую; своей воли не имею, а что Богу угодно, то и передаю», – говорил преп. Серафим в ответ вопрошавшему его строителю Антонию о том, каким образом может старец, даже не выслушав пришедшего к нему со своей духовной нуждой человека, ответить на его скорбь. «Он шел ко мне, – говорил старец, – как и другие, как и ты шел, яко к рабу Божию; я, грешный Серафим, так и думаю, что я грешный раб Божий; что мне повелевает Господь, как рабу Своему, то я передаю требующему полезного. Первое помышление, являющееся в душе моей, я считаю

указанием Божиим и говорю, не зная, что у моего собеседника на душе, а только верую, что так мне указывается воля Божия для его пользы».

Эта вера, величайшее смирение и пламенная любовь к Господу преп. Серафима соделали его вещественным и драгоценным сосудом, вмещавшим в себе Божественный огонь.

Сам он в жизни сей уже как бы не существовал, весь изменившись в любовь к Богу, став живым пламенником, горящим светильником и носителем небесного огня на земле. Сила молитвы его была такова, что сама собою зажигалась лампада в его келии, и не раз видели его во время молитвы стоящим в воздухе. «Идем это мы лугом, – передавала одна дивеевская сестра, – трава зеленая да высокая такая... оглянулись, глядим, а батюшка-то и идет на аршин выше земли, даже не касаясь травы. Перепугались мы, заплакали и упали ему в ножки, а он говорит нам: “Радости мои, никому о сем не поведайте, пока я жив, а после моего отшествия от вас, пожалуй, и скажите!”»

В пустыни, в лесу, преподобный принимал, сидя на завалинке своей хижины. Иных он водил в свою келию и молился там с ними перед образом Божией Матери. Творил он также молитву и в лесу перед ликом Богоматери, поставленным им на вековой сосне. Вместе с ним молились и богомольцы. «Люди не мешали ему, – пишет Аксакова, – как не мешали непрестанной его беседе с Богом ни работа топором, ни сенокос, ни жар, ни холод, ни ночь, ни день»[1].

---

[1] Анна Федоровна Аксакова (1829–1889), урожденная Тютчева, в своих записках «При дворе двух императоров» рассказывает о почитании старца Серафима в Августейшем доме. Сначала записки печатались в «Русском архиве» (1903, № 5), затем отрывок из них «Святой Серафим Саровский в Царской семье» был выпушен отдельной книгой (СПб., тип. М. Акинфиева. 16 с.). Рассказы о преподобном фрейлина Аксакова слышала от Лукерьи Занятовой (1812–1893), дивеевской послушницы, впоследствии первоначальницы Серафимо-Понетаевской обители, расположенной в 43 верстах от Сарова.

Лик праведника был всегда светлым и радостным. «До́лжно стараться иметь дух радостный и отгонять от себя уныние, чтобы сохранить душевный мир, – говорил преподобный Серафим, ибо стяжание мира он считал самым важным делом в жизни христиан.

«Радость моя! – говорил он одному собеседнику, – молю тебя, стяжи дух мирен, и тогда тысячи душ спасутся около тебя».

Один саровский брат, находясь в унынии, близком к отчаянию, просил другого разделить с ним несколько минут скорби. Вышли эти два брата из монастыря после вечерни и пошли вокруг ограды, утешаясь взаимной беседой. Подошли к конному двору, около которого лежала дорожка к Серафимову источнику. Скорбящий брат хотел своротить в сторону, чтобы в таком болезненном состоянии духа не повстречаться с Серафимом. Но прежде чем успели они отойти от дороги, вдруг увидели вблизи себя старца, идущего навстречу им. Старец явился им в довольно странном наряде. Часть белого его балахона была поднята, по обычаю рабочих, под кушак, а полы опущены. На нем был огромный зеленого цвета левантиновый платок, у которого один конец тащился по земле, а другой обвивал шею. Оба брата упали ему в ноги. Старец же, как чадолюбивый отец, с необыкновенной ласкою благословил их, потом пропел следующий стих 9-й песни канона, поемого во всякой душевной скорби и обстоянии: «Радости исполни мое сердце, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляющи». Потом топнув ногою, старец сказал: «Нет нам дороги унывать, потому что Христос все победил». Душевное состояние старца как бы перелилось в души скорбящих братий, и они, оживотворенные его радостью, возвратились в обитель в мирном и благодушном расположении сердца. И всякого приходящего к препо-

добному Серафиму касалось пламя заключенного в нем Божественного огня, и зажигалось сердце человеческое. Благословляя пришедшего к нему, старец возлагал на него руки и читал тропарь Успению Божией Матери «В рождестве девство сохранила еси»[1].

Сам величайший девственник, преподобный Серафим усердно увещевал и других блюсти девство. «Ради будущего блаженства, – говорил он, – храните девство. Если девство кто хранит – Дух Божий таких принимает». Много иноков приходили к преподобному, как своих, саровских, так и из других обителей. Особенно важным в духовной жизни преп. Серафим полагал держать в устах и в сердце молитву Иисусову. «В этом да будет все твое внимание и обучение, – говорил о. Серафим, – ходя и сидя, делая и в церкви до богослужения стоя, входя и исходя, сие непрестанно держи в устах и в сердце твоем. С призыванием таким образом имени Божия ты найдешь покой и вселится в тебя Св. Дух». «Без молитвы, – говорил он еще, – монах умирает, как рыба без воды». «Тот монах не имеет печати, который не знает делания Иисусовой молитвы». «Бог внемлет уму, а потому те монахи, кои не соединяют внешнюю молитву с внутренней, не монахи, а черные головешки». Одному монаху он дал такой совет: «Каждодневно выметай свою избу да имей хороший веник. Станови утром и вечером самовар да грей воду, подкладывай углей, ибо горячая вода очищает и тело и душу. Учись умной молитве сердечной».

К преп. Серафиму приходили за советом и наставлениями настоятели монастырей и монахи, умудренные опытом духовной жизни: «Трудно управлять душами человеческими, – говорил им преподобный, – учить других

[1] Тропарь празднику Успения Пресвятой Богородицы (отмечают 15 августа ст. ст.): «В рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси Богородице, преставилася еси к животу, Мати сущи Живота, и молитвами Твоими избавляеши от смерти души наша».

так же легко, как с нашего собора бросать на землю камешки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камешки на верх собора». Несмотря на это, преп. Серафим не считал возможным для пастыря уклоняться от Богом возложенного на него подвита: «Сей, отец, – говорил он, – сей, всюду сей данную тебе пшеницу. Сей на благой земле, сей и на песке, сей на камени, сей при пути, сей и в тернии: все где-нибудь да прозябнет и возрастет и плод принесет, хотя и не скоро».

Отличительным характером настоятеля, по наставлению о. Серафима, должна быть его любовь к подчиненным. «Матерью будь, а не отцом к братии», – говорил преп. Серафим строителю Высокогорской пустыни о. Антонию. И сам преподобный имел попечение о своих духовных чадах подобно заботливой матери. Особенными заботами его пользовалась Дивеевская обитель, за которую просила перед кончиной ее основательница и первая игумения Александра (в миру Агафья Семеновна Мельгунова), когда о. Серафим, еще в сане иеродиакона, сопровождал в эту обитель своего старца Пахомия. Более тридцати лет прошло со дня ее блаженной кончины. Умерли и старцы Пахомий и Исаия, руководившие духовной жизнью общины. «Я ведь теперь один остался из тех старцев, коих просила матушка Агафья Семеновна о заведенной ею общине», – говорил преп. Серафим.

По условиям своего пустынножительства преп. Серафим не мог раньше взять на свое попечение женскую обитель, хотя заботы о ней проявлял неоднократно. Перед выходом же его из затвора Божия Матерь Сама напомнила ему взятое на себя обещание: «Зачем ты хочешь оставить заповедь рабы Моей Агафьи?» – сказала Царица Небесная старцу при явлении ему у источника. Тут же Она повелела преп. Серафиму разделить оби-

тель на два отделения. Сама указала место для основания второго отделения для одних только девушек. «Как я сам девственник, – говорил преподобный, – то Царица Небесная благословила, чтобы в обители моей были только одне девушки». «Дева, хранящая свое девство ради любви Христовой, имеет честь с ангелами – и есть невеста Христу».

Для прокормления этих 8-ми девушек, которые были взяты из обители матери Александры и имена которых указала Сама Царица Небесная, преп. Серафим выстроил мельницу, а вокруг нее поставил келии. По указанию Божией Матери, Которая обещала быть всегдашней Игуменьей этой новой обители и назвала ее Своим уделом на земле, преп. Серафим дал сестрам новый устав, молитвенное правило и некоторые заповеди. Постоянно, денно и нощно сестры попеременно читали Псалтирь; церковные должности дьячка, пономаря, ризничей и церковницы должны были исполнять сами сестры, но только девицы. Перед образом Спасителя в церкви неугасимо горела свеча, а перед иконой Богоматери всегда теплилась лампадка. Жить сестры должны были по две в келии, и никогда по одной, точно так же во время богослужения не оставаться по одной и никуда не выходить по одной. Послушание, которое преп. Серафим полагал в основу всякого иноческого подвига, он и для сестер новой основанной им Мельничной общинки ставил выше всего.

Служение церкви преподобный считал высшим послушанием. «Нет паче послушания, как послушание церкви! – говорил он. – Если только тряпочкой протрешь пол в дому Господнем – превыше всякого другого дела поставится у Бога! И все, что ни творите в ней и как входите и исходите, – все до́лжно творить со страхом и трепетом и никогда не престающей молитвою».

XII

Подвиг старчества, взятый на себя под конец жизни преподобным Серафимом, вызывал среди саровской братии неодобрение и прямое осуждение. «Странной и соблазнительной» находили жизнь его иноки и упрекали его, что принимает он к себе всех без различия и ведет частые беседы с дивеевскими сестрами. «Тобою соблазняются», – сказал ему игумен Нифонт, встретив преподобного по дороге из пустыни в монастырскую келию. Упав ему в ноги, преподобный ответил: «Ты пастырь, не позволяй же всем напрасно говорить, беспокоить себя и путников, идущих к вечности. Ибо слово твое сильно и посох как бич для всех страшен». «Положим, что я затворю двери моей келии, – говорил другим лицам о. Серафим, – какое оправдание я могу тогда принести Богу на Страшном суде Его?» «Как нам оставить тех, о коих просила меня, убогого Серафима, матушка Агафья Семеновна!»

Печать дивного и чудного лежала на всех отношениях о. Серафима к Дивеевской обители. Никогда не посещавший Дивеева с тех самых пор, когда 30 лет тому назад он был там проездом в сане иеродиакона, преп. Серафим знал там все до самых малых подробностей, и из его слов видно, что все указания для управления обителью он получал свыше. «Исповедую и Богом свидетельствую, что ни одного камешка я по своей воле у них не поставил, ниже слова единого от себя не сказал им и ни единую из них не принимал я по желанию своему, против воли Царицы Небесной». По свидетельству преподобного, Сама Богоматерь обошла обитель Своими пречистыми стопами, и по месту ее прохождения о. Серафим велел сестрам проложить канавку. Однако, по словам сестер, они «все откладывали исполнить батюшкино приказание, и вот

тут-то произошло чудесное событие. Раз одна из нас ночью вышла зачем-то из келии и видит – батюшка Серафим в белом своем балахончике сам начал копать канаву. В испуге вбегает она в келию и всем нам это сказывает. Все мы, кто в чем только был, бросились на то место и, увидав батюшку, упали ему в ноги, но, поднявшись, не нашли его, лишь лопата и мотыжка лежали на ископанной земле». Так сам о. Серафим положил начало канавке. «Канавка эта, – говорил преподобный, – стопочки Божьей Матери. Тут ее обошла Сама Царица Небесная. Эта канавка до небес высока. И как Антихрист придет, везде пройдет, а канавки этой не перескочит».

Удостоенный неоднократных явлений Богоматери, особенно в конце своей земной жизни, преп. Серафим усердно просил Царицу Небесную за дивеевских девушек. И однажды во время такой его молитвы Божия Матерь явилась ему и сказала: «Любимче мой! Проси от Меня, чего хощеши!» «А убогий-то Серафим, – рассказывал об этом сам преподобный, – Серафим-то убогий и умолил Матерь-то Божию о сиротах своих! И просил, чтобы все, все в Серафимовой-то пустыни спаслись бы сироточки! И обещала Матерь Божия убогому Серафиму сию неизреченную радость!»

Но не одна только Дивеевская обитель обязана своим устроением молитвенному содействию преподобного Серафима: от его горящего светильника зажигались всюду огни, и во многих местах зарождалась жизнь молитвенного подвига и иноческого труда. Монастырь Дальне-Давыдовский, о возникновении которого преп. Серафим сделал предсказание еще в молодые годы, обители Ардатовская и Зеленогорская вырастали по благословению преподобного и под его духовным воздействием. Большая часть из этих монастырей являлись новыми ветвями Дивеевской обители, насель-

ницами которой преп. Серафим дал некогда радостное обетование: «Духом я всегда с вами».

«Грядите ко мне, грядите!» – радостно звал преп. Серафим, видя толпы людей, идущих к нему ради душевной пользы. Он не тяготился ни количеством посетителей, ни их душевным состоянием. Он принимал всех, как отец детей, и для каждого находил особое слово.

«Живи так, как живешь; в большем Сам Бог тебя научит», – говорил преподобный Серафим одной молодой особе, просившей наставления, как ей спастись. Сам великий подвижник и ревнитель иночества, он с лаской, приветливостью и снисходительностью относился к каждому, в ком видел искреннее стремление к добру. «Для тебя и в мире немало добрых дел найдется, если захочешь творить их от доброй души своей, – говорил он одной, желавшей поступить в монастырь. – В мире угоднее творить Божьи дела, потому что на миру их труднее совершить, как дар, приятный Господу нашему. И такие дела людей зачтутся им по милости Божией сторицею». Снисходя к немощам человеческим, старец не возлагал на людей бремена неудобоносимые и преподавал всем следующее молитвенное правило: «Вставши от сна, всякий христианин, став пред св. иконами, пусть прочитает молитву Господню "Отче наш" трижды, в честь Пресв. Троицы, потом песнь Богородице "Богородице Дево, радуйся" также трижды и наконец Символ веры единожды. Совершив это правило, пусть занимается своим делом, на которое поставлен или призван. Во время же работы дома или в пути куда-нибудь пусть тихо читает: "Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго (или грешную)", а если окружают его другие, то, занимаясь делом, пусть говорит умом только: "Господи, помилуй", и продолжай до обеда. – Перед самым же обедом пусть совершает вышесказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, читает тихо: “Пресвятая Богородица, спаси мя грешнаго” или же: “Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешнаго (или грешную)”, и это пусть продолжает до самого сна. – Отходя ко сну, всякий христианин пусть снова прочитает вышеуказанное утреннее правило; после того пусть засыпает, оградив себя крестным знамением». – «Держась этого правила, – говорит о. Серафим, – можно достигнуть меры христианского совершенства: первая, как молитва, данная Самим Господом, есть образец всех молитв; вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Деве Марии, Матери Господа; Символ же вкратце содержит в себе все спасительные догматы христианской веры». Тем, кому по разным обстоятельствам невозможно выполнять и этого малого правила, преп. Серафим советовал читать его во всяком положении: и во время занятий, и на ходьбе, и даже в постели, представляя основанием для того слова Св. Писания: «Всякий, кто призовет имя Господне, спасется». Очень важным и необходимым для спасения души каждого христианина есть, по наставлению преп. Серафима, причащение Св. Таин, и «чем чаще, тем лучше». Смущаться своим недостоинством и под этим предлогом уклоняться от причащения Св. Тайн преп. Серафим находил неверным. «Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что Он изливает на нас туне»[1], – говорил он. Всех приходивших к нему Старец благословлял, давал прикладываться к

[1] Но одной вдове, сокрушавшейся о том, что муж ее перед смертью не исповедался и не причастился, о. Серафим сказал в утешение: «Не сокрушайся об этом, радость моя, не думай, что из-за этого одного погибнет его душа. Бог только может судить, кого чем наградить или наказать. Бывает иногда так: здесь на земле и приобщается, а у Господа остается неприобщенным; другой же хочет приобщиться, но почему-нибудь не исполнится его желание, совершенно от него независимо, – такой невидимым образом сподобляется причастия через Ангела Божия».

образу Божией Матери или ко кресту, висевшему у него на груди, предлагал для питья св. воду, благословлял частицами антидора, давал красного вина, почти неизменно всем посетителям, особенно при прощании, раздавал сухарики. «Кушайте, кушайте, светики мои», – говорил преподобный, оделяя своих посетителей пригоршнями сухариков и еще предлагая им на раздачу усердствующим. Некоторым о. Серафим помазывал крестообразно чело св. елеем от иконы «Умиление», иным возлагал на голову руки. Иногда преподобный, по просьбе своих посетителей, исповедовал их, сказывая даже сам грехи их.

XIII

Ранним утром 25 марта 1831 г., в праздник Благовещения, преп. Серафим удостоился дивного посещения Царицы Небесной. Это двенадцатое и последнее в его жизни посещение Богоматери явилось как бы предзнаменованием его блаженной кончины и ожидающей его нетленной славы. Единственной свидетельницей этого чудесного события была дивеевская старица Евпраксия, в мире Евдокия Ефремовна, которая по приказанию старца пришла к нему накануне этого дня вечером. «Ах, радость моя, я тебя давно ожидал, – встретил ее св. Старец сим радостным восклицанием. – Какая нам с тобой милость и благодать от Божией Матери готовится в настоящий праздник! Велик этот день будет для нас! Давай молиться!» Сняв с себя мантию, о. Серафим надел ее на дивеевскую сестру и начал читать акафисты и каноны, а по окончании чтения сказал Евпраксии: «Не убойся, не устрашись, благодать Божия к нам является! Держись за меня крепко!» Вдруг поднялся шум, подобный шуму леса при большом ветре; затем послышалось пение. Дверь отворилась сама собой, сделалось необычайно светло, и благоухание наполнило

келию. Батюшка Серафим упал на колени со словами: «Преблагословенная, Пречистая Дева, Владычица Богородица грядет к нам!» В это время в келию вступали бесплотные силы в виде двух ангелов с золотыми волосами, державшие в руках распустившиеся ветви цветов. За ними, в белых блестящих одеждах, следовали св. Иоанн Предтеча и св. ап. Иоанн Богослов. А далее шла Сама Царица Небесная в сонме двенадцати дев.

От риз Владычицы, сиявших дивной красотой, исходил необычайный свет. Верхняя риза была украшена крестиками, нижняя, зеленого цвета, была препоясана. Сверх риз была епитрахиль, а на руках поручи, как и епитрахиль, убранные крестами. Волосы Богоматери были длиннее и прекраснее ангельских, а над головой Ее возвышался царский венец, сиявший таким же светом, что нельзя было на него смотреть, как и на самый лик Пречистой.

Ростом Она была выше всех окружавших Ее дев. Девы, в разноцветных одеждах и украшенные все венцами, были великой красоты. Они образовали собой круг, в середине которого была Царица Небесная. Тесная келия о. Серафима сделалась просторной, и стены ее как бы раздвинулись, а верх ее наполнился огнями как бы горящих свечей. Свет был какой-то особый, непохожий на дневной, светлее и белее солнечного, «Я испугалась и упала, – рассказывала старица Евпраксия. – Царица Небесная подошла ко мне и, коснувшись правою рукою, сказала: “Встань, девица, и не убойся нас. Такие же девы, как ты, пришли сюда со Мною”». Затем приказала ей самой подойти к девам и спросить их, как их имена и какая была их жизнь на земле. Тогда Евпраксия подошла к св. девам, к каждой, в том порядке, в каком они вошли в келию, и они сказали ей свое имя. Это были великомученицы Варвара и Екатерина, первомученица Фекла и вели-

комученица Марина, великомуч. царица Ирина и преп. Евпраксия, великомученицы Пелагея и Дорофея., преп. Макрина и мученица Иустина, великомуч, Иулания и мученица Анисия. Все эти девы сказывали вопрошавшей их Евпраксии свою жизнь и подвиги мученичества за Христа. Между тем Богоматерь беседовала с о. Серафимом столь милостиво, как бы с родным человеком, и что-то много говорила ему, но из этой беседы дивеевская сестра могла расслышать лишь немногое. «Не оставь дев Моих дивеевских», – говорила Царица Небесная. О. Серафим отвечал: «Владычица! Я собираю их, но сам не могу их управить», – «Я тебе, любимиче Мой, во всем помогу! – сказала Богоматерь. – Возложи на них послушание; если исправят, то будут с тобою и близ Меня, а если потеряют мудрость, то лишатся участи сих ближних дев Моих. Кто обидит их, тот поражен будет от Меня; кто послужит им ради Господа, тот помилован будет пред Богом».

Потом, обратясь к Евпраксии, Приснодева сказала: «Посмотри на сих дев Моих и на венцы их, но как было прежде, так и ныне. Только прежние мученицы страдали явно, а нынешние – тайно, сердечными скорбями, и мзда их будет такая же». Затем Пресвятая Дева сказала о. Серафиму: «Скоро, любимиче Мой, будешь с нами!» – и благословила его. Простились со св. старцем и все святые. Предтеча и апостол Иоанн Богослов также благословили его, а девы целовались с ним рука в руку. Дивеевской же сестре Евпраксии было сказано: «Это видение тебе дано ради молитв о. Серафима». Потом в одно мгновение все стало невидимо. Видение это, как после говорил преп. Серафим, продолжалось часа четыре. По окончании его, когда св. старец остался один с дивеевской сестрой Евпраксией, последняя сказала: «Ах, батюшка, я думала, что я умру от страха, и не успела попросить Царицу Небесную отпущение грехов моих».

О. Серафим отвечал на это: «Я, убогий, просил о тебе Божию Матерь, и не только о тебе, но и обо всех любящих меня. Вот, матушка, какой благодати сподобил Господь нас, убогих! Мне таким образом уже двенадцатый раз было явление от Бога, и тебя Господь сподобил! Вот какой радости достигли!» Благословив затем свою посетительницу, о. Серафим отпустил ее со словами: «Гряди, чадо, с миром в Серафимову пустынь».

XIV

«Скоро, любимиче Мой, будешь с нами», – сказала Владычица преп. Серафиму во время последнего своего явления, и старец принял эти слова за указание о близкой его смерти, к которой он и стал усердно готовиться. Ему минуло 72 гола. Силы его заметно слабели, он не мог уже ходить каждый день в свою пустыньку у колодца и, предчувствуя свою близкую кончину, стал часто уединяться, реже выходить из келий, реже принимать посетителей. «Я слабею силами, – говорил он дивеевским сестрам, – живите теперь одни, оставляю вас и поручаю Царице Небесной». Часто можно было теперь видеть старца в сенях келий, у гроба, который он давно себе приготовил. Он часто и подолгу сидел там и погружался в размышления, и нередко видели его горько плачущим. В беседах с друзьями старец приготовлял их к мысли о близкой своей кончине и предстоящей разлуке.

«Мы не увидимся больше с вами, – говорил он многим, – жизнь моя сокращается, духом я как бы сейчас родился, а телом – уже мертв».

В день Рождества Христова в 1832 году о. Серафим причастился Св. Таин. После обедни он долго беседовал с настоятелем, просил его за многих, и в особенности за младших из братий, потом повторил в последний раз

свою просьбу похоронить его в его гробе. Вернувшись в свою келию, старец передал одному из саровских иноков образ преп. Сергия (явление ему Божией Матери) и сказал: «Сей образ наденьте на меня, когда умру, и с ним положите меня в могилу». Через неделю, в воскресенье, 1 января 1833 г., о. Серафим пришел в последний раз к обедне в любимую больничную церковь Св. Зосимы и Савватия, сам поставил свечи ко всем иконам, приложился к ним и приобщился Св. Христовых Таин. После обедни он простился со всеми братиями, бывшими в храме, благословил и поцеловал всех, говоря: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте, нынешний день венцы готовятся». Приложившись ко Кресту и к иконе Божией Матери, старец вышел из церкви северными врагами. В этот день всем показалось, что старец был чрезвычайно слаб, но в то же время спокоен и весел. После литургии к о. Серафиму зашла одна из дивеевских сестер, и старец передал ей 200 р. на покупку хлеба, так как запас хлеба вышел и сестры нуждались. Исполняя данное некогда настоятельнице Александре и о. Пахомию обещание, старец заботился о Дивеевской обители до самых последних минут своей жизни. В келии о. Серафима перед иконами постоянно горели свечи и теплились лампады; он никогда не гасил их, когда уходил в свою пустыньку, и келейник его не раз говорил ему, что от этого может случиться пожар, но старец ему отвечал: «Пока я жив, пожара не будет, а когда умру, кончина моя откроется пожаром». И это предсказание блаженного исполнилось.

В первый день нового 1833 года о. Серафим несколько раз выходил из своей кельи на место, которое выбрал для своего погребения, и долго там молился, а по возвращении в келию пел пасхальные песни.

2 января, в шестом часу утра келейник о. Серафима собрался к ранней обедне. Выйдя в сени, он почувство-

вал запах дыма и поспешил к дверям Старца. Сотворив обычную молитву, он постучался, но ответа не было: тогда, встревоженный, он позвал нескольких монахов и с их помощью сорвал дверь с крючка. На скамейке, около двери, был сложен холст, принесенный посетителями в дар о. Серафиму; этот холст тлел, загоревшись, вероятно, от упавшего на него свечного нагара. Огня не было, но дым наполнял келью, и в ней было совершенно темно, так как еще не рассветало. Братия поспешили принести снегу и затушили тлевший холст. А в это время в церкви служба шла своим порядком, пели уже «Достойно», когда прибежал один из послушников и сообщил о случившемся в келии о. Серафима. Многие из молившихся поспешили туда: в келии все еще было темно, Старец не подавал голосу. Наконец принесли зажженную свечу, и тогда увидели о. Серафима. Он стоял на коленях со сложенными на груди руками перед иконой Божией Матери «Умиление», перед ним на столе лежала открытая книга, листы которой слегка обгорели. Полагая, что старец спит, братия попробовали осторожно ето разбудить, но это было уже невозможно: дух его отлетел.

Весть о кончине святого Старца быстро разнеслась не только в пустыни, но и по окрестностям. Народ огромными толпами спешил в обитель поклониться останкам горячо любимого пастыря. Все горько плакали, но особенно глубоко было горе дивеевских сестер, оставшихся теперь без руководителя и заботливого и любящего отца. В течение 8 суток тело угодника Божия лежало в соборе в им самим приуготовленном открытом гробу, с образом преподобного Сергия на груди, который Старец сам просил себе положить. Погребен он был по правой стороне алтаря, на месте, выбранном им самим. Погребение отца Серафима совершено было настоятелем Саровской обители игуменом Нифонтом, в

сослужении старейшей братии обители. Самый обряд был очень прост, но в этой простоте всеми чувствовалось какое-то необычайное и торжественное величие; чувствовалось, что Церковь Христова совершает всенародно свое великое торжество; это были похороны не простого инока, а великое в видимой простоте прославление праведника. При погребении не было сказано никаких речей: какое-то благоговейное умиление царило во всех, и никто не осмелился раскрыть уста на похвалу того, чья жизнь, чьи подвиги и чудеса были у всех на виду и в сердце. Все верили, что если молитвенник Русской земли и разлучился с ними телесно, то духовно остается с ними неразлучно. Эта вера сделала могилу преподобного Серафима любимым местом духовного общения с ним его духовных чад во исполнение обещания преподобного, данного им народу до кончины: «Когда меня не станет, вы ко мне на гробик ходите! Как вам время, вы и идите, и чем чаше, тем лучше. Все, что есть у вас на душе, что бы ни случилось с вами, придите ко мне, да все горе с собой и принесите на мой гробик! Припав к земле, как живому, все и расскажите, и я услышу вас, и вся скорбь ваша отляжет и пройдет! Как вы с живым всегда говорили, так и тут! Для вас я живой есть и буду вовеки!»

РАЗДЕЛ II

О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни

Во время пребывания Аполлоса в Коринфе Павел, прошед верхние страны, прибыл в Ефес и, найдя там некоторых учеников, сказал им: приняли ли вы Святаго Духа, уверовавши? Они же сказали ему: мы даже и не слыхали, есть ли Дух Святый. Он сказал им: во что же вы крестились? Они отвечали: во Иоанново крещение. Павел сказал: Иоанн крестил крещением покаяния, говоря людям, чтобы веровали в Грядущего по нем, то есть во Христа Иисуса. Услышавши это, они крестились во имя Господа Иисуса, и, когда Павел возложил на них руки, нисшел на них Дух Святый, и они стали говорить иными языками и пророчествовать. Всех их было человек около двенадцати.

Деян. 19, 1–7

И вот, ныне я по влечению Духа иду в Иерусалим, не зная, что там встретится со мною; только Дух Святый по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня.

Деян. 20, 22–23

И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией.

1 Кор. 2, 4–5

А нам Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проницает, и глубины Божии.

1 Кор. 2, 10

Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно.

1 Кор. 2, 14

Я был в духе в день воскресный и слышал позади себя громкий голос, как бы трубный, который говорил: Я есмь Альфа и Омега, Первый и Последний.

Откр. 1, 10

Предисловие

За месяц до высочайшего повеления об ускорении производящегося в Святейшем Синоде дела о прославлении святого угодника Божия, Серафима Саровского,

Господь привел меня опять в Саров и Дивеев. Из трех современниц отца Серафима, которых я встретил в первую свою поездку, я застал в живых одну только Елену Ивановну Мотовилову. Вскоре после моего отъезда, в 1900 году, отошла в селения праведных мать Ермиония; на Пасху, два года спустя, за ней ушла и мать Еванфия.

Сильно за эти годы сдала и Елена Ивановна: согнулся стан, стали меркнуть еще так недавно светлые и проницательные очи. Серафиму не нужно уже земных свидетелей его праведности, он зовет их к себе в места вечного упокоения, видеть и разделять с ним его славу, ту нетленную и вечную, неувядающую славу, которую Господь от века уготовал всем любящим Его, «идеже лица святых, Господи, и праведницы сияют, яко солнце!».

Но свежесть ума и памяти не покинула еще родной старушки. Прошлое живет и расцветает в ее воспоминаниях, и время не имеет власти над ними!..

По просьбе моей, с разрешения игумении Елена Ивановна дала мне целый короб бумаг, оставшихся после покойного ее мужа Николая Александровича. Всякий, кто интересовался житием отца Серафима, должен знать это имя, которое так тесно связано с именем Батюшки и устроенной им Дивеевской женской обители.

Непонятым жил этот человек, неоцененным и умер, но был он при жизни «служкой Серафимовым», как он сам любил называть себя, таким и после смерти остался. В бумагах его довелось мне найти такое сокровище, которое по справедливости может быть названо величайшим свидетельством веры. Этой драгоценностью, с сохранением всей своеобразности слога сороковых годов минувшего столетия, на котором она написана, я и желаю поделиться с православным читателем.

С. Нилус

I. Приглашение

Истинно, истинно говорю вам: верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит и больше сих сотворит...
Ин. 14, 12

«Однажды, – пишет в своих записках Мотовилов, – это было в Саровской пустыни вскоре после исцеления моего, в начале зимы 1831 года, во вторник конца ноября, я стоял во время вечерни в теплом соборе Живоносного Источника на обыкновенном, как и потом всегда бывало, месте моем, прямо против чудотворной иконы Божией Матери. Тут подошла ко мне одна из сестер Мельничной общины Дивеевской[1]. О названии и существовании этой общины, отдельной от другой церковной, тоже Дивеевской общины, я не имел тогда еще никакого понятия. Эта сестра сказала мне:

– Ты, что ли, хроменький барин, которого исцелил вот недавно наш батюшка, отец Серафим?

Я отвечал, что это именно я и есть.

– Ну, так, – сказала она, – иди к Батюшке; он велел позвать тебя к себе. Он теперь в келье своей в монастыре и сказал, что будет ждать тебя.

Люди, хоть раз при жизни великого старца Серафима бывшие в Саровской пустыни и хоть только слышавшие о нем, могут постигнуть вполне, какою неизъяснимою радостью наполнилась душа моя при этом нечаянном зове его. Оставив слушание Божественной службы, я немедленно побежал к нему в келью его. Ба-

[1] При Дивеевской общине в начале ее существования отец Серафим велел устроить ветряную мельницу, чтобы сестры при бедности своей могли бы кормиться от своих трудов. От этой мельницы получила название Мельничной та часть обители, в которую, по завету старца, должны были приниматься одни лишь девицы. – *Здесь и далее примечания авторов приводимых текстов, если не указано иное.*

тюшка отец Серафим встретил меня в самых дверях сеней своих и сказал мне:

– Я ждал ваше Боголюбие. И вот только немного повремените, пока я поговорю с сиротами моими. Я имею много и с вами побеседовать. Садитесь вот здесь.

При этих словах он указал мне на лесенку с приступками, сделанную, вероятно, для закрывания труб печных и поставленную против печки его, устьем в сени, как и во всех двойных кельях саровских устроений. Я сел было на нижнюю ступеньку, но он сказал мне:

– Нет, повыше сядьте.

Я пересел на вторую, но он сказал мне:

– Нет, ваше Боголюбие. На самую верхнюю ступеньку садиться извольте. – И, усадив меня, прибавил. – Ну вот, сидите же тут и подождите, когда я, побеседовав с сиротами моими, выйду к вам.

Батюшка ввел к себе в келью двух сестер, из коих одна была девица из дворян, сестра нижегородского помещика Мантурова, Елена Васильевна, как о том мне на мой спрос сказали оставшиеся со мной в сенцах сестры.

Долго я сидел в ожидании, когда и для меня отворит двери великий Старец. Думаю, сидел я так часа два. Вышел ко мне из другой, ближайшей ко входу в сени сей кельи келейник отца Серафима, Павел, и, несмотря на отговоры мои, убедил меня посетить его келью, и стал мне делать разные наставления к жизни духовной, в самом же деле имевшие целью, по наущению вражьему, ослабить мою любовь и веру в заслуги перед Богом великого старца Серафима. Мне стало грустно, и я со скорбью сказал ему:

– Глуп я был, отец Павел, что, послушавшись убеждений ваших, вошел к вам в келью. Отец игумен Нифонт – великий раб Божий, но и тут в Саровскую пустынь я не для него приезжал и приезжаю, хотя и

весьма много его уважаю за его святыню, но лишь для одного только батюшки Серафима, о коем думаю, что и в древности мало было таких святых угодников Божиих, одаренных силою Илииною и Моисеевою. Вы же кто такие, что навязываетесь ко мне с вашими наставлениями, тогда как, догадываюсь я, вы и пути-то Божьего порядочно сами не знаете. Простите меня, я сожалею, что послушал вас и зашел к вам в келью.

С тем и вышел я от него и сел опять на верхнюю ступеньку лесенки в сенцах батюшкиной кельи. Потом я слышал от того же отца Павла, что Батюшка грозно за это ему выговаривал, говоря ему: "Не твое дело беседовать с теми, которые убогого Серафима слова жаждут и к нему приезжают в Саров. И я сам, убогий, не свое им говорю, но что Господь изволил мне открыть для назидания. Не мешайся не в свои дела. Себя самого знай, а учить никогда не смей: не дал Бог тебе этого дара – ведь он подается не даром людям, а за заслуги их перед Господом Богом нашим и по особенной Его милости и Божественному о людях смотрению и Святому Промыслу Его". Вписываю я это сюда для памяти и назидания дорожащих и малою речью, и едва заметною чертою характера великого старца Серафима.

Когда же около двух часов побеседовал Старец со своими сиротами, тогда дверь отворилась, и батюшка отец Серафим, проводив сестер, сказал мне:

– Долго задержал я вас, ваше Боголюбие. Не взыщите. Вот сиротки мои нуждались во многом: так я, убогий, и утешил их. Пожалуйте в келью.

В келье этой своей монастырской он побеседовал со мною о разных предметах, относившихся до спасения души и до жизни мирской, и велел мне с отцом Гурием, саровским гостинником, на другой день, после ранней обедни, ехать к нему в ближнюю пустыньку.

II. Изволение Господне

Целую ночь проговорили мы с отцом Гурием про отца Серафима, целую ночь почти не спавши от радости, и на другой день отправились мы к батюшке отцу Серафиму в его ближнюю пустыньку, даже ничего не пивши и ничего не закусивши, и целый день до поздней ночи, не пивши не евши, пробыли у дверей этой ближней его пустыньки. Тысячи народа приходили к великому Старцу, и все отходили, не получив его благословения, а постояв немного в его сенцах, возвращались вспять; человек семь или восемь остались с нами ждать конца этого дня и выхода из пустыньки батюшки отца Серафима; в том числе, как сейчас помню, была жена балахнинского казначея из уездного города Нижегородской губернии Балахны и какая-то странница, все хлопотавшая об открытии святых мощей Пафнутия, кажется, в Балахне нетленно почивающего. Они решились с нами дождаться отворения дверей великого Старца. Наконец и они смутились духом, и даже сам отец Гурий ввечеру, уже позднему наставшу, очень смутился и сказал мне:

– Уж темно, батюшка, и лошадь проголодалась, и мальчик-кучер есть, вероятно, хочет. Да как бы, если позже поедем, и звери на нас не напали бы[1].

Но я сказал:

– Нет, батюшка отец Гурий, поезжайте вы одни назад, если боитесь чего, а меня пусть хотя и звери растерзают здесь, а я не отойду от двери батюшки отца Серафима, хоть бы мне и голодною смертью при них пришлось умереть; я все-таки стану ждать его, покуда отворит он мне двери святой своей кельи!

[1] Надобно знать девственный саровский лес, окружающий Саровскую пустынь на десятки тысяч десятин, чтобы оценить естественный страх отца Гурия.

И батюшка отец Серафим, весьма немного погодя, действительно отворил двери своей кельи и, обращаясь ко мне, сказал:

– Ваше Боголюбие, я вас звал, но не взыщите, что я не отворял целый день: ныне среда, и я безмолвствую, а вот завтра – милости просим, я рад буду душевно с вами побеседовать. Но уже не так рано извольте жаловать ко мне, а то, не кушавши целый день, вы изнемогли вельми. А так после поздней обедни, да подкрепивши себя довольно пищею, пожалуйте с отцом Гурием ко мне. Теперь грядите и подкрепитесь пищею – вы изнемогли.

И стал нас, начиная с меня, благословлять и сказал отцу Гурию:

– Так, друг, так-то, радость моя, завтра с господином-то пожалуйте ко мне на ближайшую мою пажнинку – там меня обрящете, а теперь грядите с миром. До свидания, ваше Боголюбие!

С этими словами Батюшка опять затворился.

Никакое слово не может выразить той радости, которую я ощутил в сердце моем. Я плавал в блаженстве. Мысль, что, несмотря на долготерпение целого дня, я хоть под конец да сподобился, однако же, не только узреть лицо отца Серафима, но и слышать привет его богодухновенных словес, так утешила меня. Да, я был на высоте блаженства, никаким земным подобием неизобразимой! И, несмотря на то, что я целый день не пил и не ел, я сделался так сыт, что как будто наелся до пресыщения и напился до разумного упоения. Говорю истину, хоть, может быть, для некоторых, не испытавших на деле, что значит сладость, сытость и упоенье, которыми преисполняется человек во время наития Духа Божия, слова мои и покажутся преувеличенными и рассказ чересчур восторженным. Но уверяю совестью православно-христианскою, что нет здесь преувеличе-

нья, а все сказанное сейчас мною есть не только сущая истина, но даже и весьма слабое представление того, что я действительно ощущал в сердце моем.

Но кто даст мне глагол, могущий хоть мало, хоть отчасти выразить, что восчувствовала душа моя на следующий день?

III. Цель жизни христианской

Это было в четверток. День был пасмурный. Снегу было на четверть на земле, а сверху порошила довольно густая снежная крупа, когда батюшка отец Серафим начал беседу со мной на ближней пажнинке своей, возле той же его ближней пустыньки против речки Саровки, у горы, подходящей близко к берегам ее.

Поместил он меня на пне только что им срубленного дерева, а сам стал против меня на корточках.

– Господь открыл мне, – сказал великий Старец, – что в ребячестве вашем усердно желали знать, в чем состоит цель жизни нашей христианской, и у многих великих духовных особ вы о том неоднократно спрашивали...

Я должен сказать тут, что с двенадцатилетнего возраста меня эта мысль неотступно тревожила, и я действительно ко многим из духовных лиц обращался с этим вопросом, но ответы их меня не удовлетворяли. Старцу это было неизвестно.

– Но никто, – продолжал отец Серафим, – не сказал вам о том определительно. Говорили вам: ходи в церковь, молись Богу, твори заповеди Божии, твори добро – вот тебе и цель жизни христианской. А некоторые даже негодовали на вас за то, что вы заняты небогоугодным любопытством, и говорили вам: высших себя не ищи. Но они не так говорили, как бы следовало. Вот

я, убогий Серафим[1], растолкую вам теперь, в чем действительно эта цель состоит.

Молитва, пост, бдение и всякие другие дела христианские, сколько ни хороши они сами по себе, однако не в делании только их состоит цель нашей христианской жизни, хотя они и служат необходимыми средствами для достижения ее. Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго. Пост же и бдение, и молитва, и милостыня, и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства для стяжания Святаго Духа Божьяго. Заметьте, батюшка, что лишь только ради Христа делаемое доброе дело приносит нам плоды Святаго Духа. Все же не ради Христа делаемое, хотя и доброе, но мзды в жизни будущего века нам не представляет, да и в здешней жизни благодати Божией тоже не дает. Вот почему Господь Иисус Христос сказал: "Всяк, иже не собирает со Мною, той расточает". Доброе дело иначе нельзя назвать, как собиранием, ибо хотя оно и не ради Христа делается, однако же добро. Писание говорит: "Во всяком языце бояйся Бога и делаяй правду приятен Ему есть". И как видим из последовательности священного повествования, этот "делаяй правду" до того приятен Богу, что Корнилию сотнику, боявшемуся Бога и делавшему правду, явился Ангел Господень во время молитвы его и сказал: "Пошли в Иоппию к Симону Усмарю, тамо обрящеши Петра, и той ти речет глаголы живота вечнаго, в них спасешися ты и весь дом твой".

Итак, Господь все Свои Божественные средства употребляет, чтобы доставить такому человеку возможность за свои добрые дела не лишиться награды в жизни пакибытия. Но для этого надо начать здесь правой

1 Батюшка произносил свое имя, как все куряне, не «Серафим», а – «Серахвим».

верой в Господа нашего Иисуса Христа Сына Божия, пришедшего в мiр грешныя спасти, и приобретением себе благодати Духа Святаго, Вводящего в сердца наши Царствие Божие и Прокладывающего нам дорогу к приобретению блаженства жизни будущего века. Но тем и ограничивается эта приятность Богу дел добрых, не ради Христа делаемых: Создатель наш дает средства на их осуществление. За человеком остается или осуществить их, или нет. Вот почему Господь сказал евреям: "Аще не бысте видели, греха не бысте имели. Ныне же глаголете – видим, и грех ваш пребывает на вас". Воспользуется человек, подобно Корнилию, приятностью Богу дела своего, не ради Христа сделанного, и уверует в Сына Его, то такого рода дело вменится ему, как бы ради Христа сделанного и только за веру в Него. В противном же случае человек не вправе жаловаться, что добро его не пошло в дело. Этого не бывает никогда только при делании какого-либо добра Христа ради, ибо добро, ради Него сделанное, не только в жизни будущего века венец правды ходатайствует, но и в здешней жизни преисполняет человека благодатию Духа Святаго, и притом, как сказано: "Не в меру бо дает Бог Духа Святаго. Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его".

Так-то, ваше Боголюбие. Так в стяжании этого-то Духа Божия и состоит истинная цель нашей жизни христианской, а молитва, бдение, пост, милостыня и другие ради Христа делаемые добродетели суть только средства к стяжанию Духа Божьяго.

– Как же стяжания? – спросил я батюшку Серафима. – Я что-то не понимаю.

– Стяжание все равно что приобретение, – отвечал мне он, – ведь вы разумеете, что значит стяжание денег? Так все равно и стяжание Духа Божия. Ведь вы, ваше Боголюбие, понимаете, что такое в мирском смысле

стяжание? Цель жизни мирской обыкновенных людей есть стяжание или наживание денег, а у дворян сверх того – получение почестей, отличий и других наград за государственные заслуги. Стяжание Духа Божия есть тоже капитал, но только благодатный и вечный, и он, как и денежный, чиновный и временный, приобретается одними и теми же путями, очень сходственными друг с другом. Бог Слово, Господь наш Богочеловек Иисус Христос уподобляет жизнь нашу торжищу и дело жизни нашей на земле именует куплею, и говорит всем нам: "Купуйте, дондеже прииду, искупующе время, яко дние лукави суть", то есть выгадывайте время для получения небесных благ через земные товары. Земные товары – это добродетели, делаемые Христа ради, доставляющие нам благодать Всесвятаго Духа. В притче о мудрых и юродивых девах, когда у юродивых недоставало елея, сказано: "Шедши купите на торжищи". Но когда они купили, двери в чертог брачный уже были затворены, и они не могли войти в него. Некоторые говорят, что недостаток елея у юродивых дев знаменует недостаток у них прижизненных добрых дел. Такое разумение не вполне правильно. Какой же это у них был недостаток в добрых делах, когда они хоть юродивыми, да все же девами называются? Ведь девство есть наивысочайшая добродетель, как состояние равноангельское, и могло бы служить заменой само по себе всех прочих добродетелей. Я, убогий, думаю, что у них именно благодати Всесвятаго Духа Божьяго недоставало. Творя добродетели, девы эти по духовному своему неразумию полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать. Сделали мы-де добродетель и тем-де и дело Божие сотворили, а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было. Про такие-то образы жизни, опирающиеся лишь на одно

творение добродетелей без тщательного испытания, приносят ли они и сколько именно приносят благодати Духа Божьяго, и говорится в отеческих книгах: "Ин есть путь, мняйся быти благим в начале, но концы его – во дно адово"[1]. Антоний Великий в письмах своих к монахам говорит про таких дев: "Многие монахи и девы не имеют никакого понятия о различиях в волях, действующих в человеке, и не ведают, что в нас действуют три воли: первая Божия, всесовершенная и всеспасительная; вторая собственная своя, человеческая, то есть если не пагубная, то и не спасительная, и третья бесовская – вполне пагубная». И вот эта-то третья вражеская воля и научает человека или не делать никаких добродетелей, или делать их из тщеславия, или для одного добра, а не ради Христа. Вторая – собственная воля наша – научает нас делать все в услаждение нашим похотям, а то, и как враг научает, творить добро ради добра, не обращая внимания на благодать, им приобретаемую. Первая же – воля Божия и всеспасительная – в том только и состоит, чтобы делать добро единственно лишь для стяжания Духа Святаго как сокровища вечного, неоскудеваемого и ничем вполне и достойно оцениться не могущего. Оно-то, это стяжание Духа Святаго, собственно и называется тем елеем, которого недоставало у юродивых дев. За то-то они и названы юродивыми, что забыли о необходимом плоде добродетели, о благодати Духа Святаго, без Которого и спасения никому нет и быть не может, ибо "Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеет же Тройческим Единством священнотайне". Сам Дух Святый вселяется в души наши, и это-то самое вселение в души наши Его, Вседержи-

[1] *Суть путие мнящиеся прави быти мужу, обаче последняя их зрят во дно адово* (Притч. 16, 25). Есть пути, которые кажутся человеку прямыми, но конец их – путь к смерти.

теля, и сопребывания с духом нашим Его Тройческаго Единства и даруется нам лишь через всемерное с нашей стороны стяжание Духа Святаго, которое и предуготовляет в душе и плоти нашей престол Божеству всетворческому с духом нашим сопребыванию, по непреложному слову Божиему: "Вселюся в них и похожу, и буду им в Бога, и тии будут в людие Мои". Вот это-то и есть тот елей в светильниках у мудрых дев, который мог светло и продолжительно гореть, и девы те с этими горящими светильниками могли дождаться и Жениха, пришедшего в полунощи, и войти с Ним в чертог радости. Юродивые же, видевши, что угасают их светильники, хотя и пошли на торжище, да купят елея, но не успели возвратиться вовремя, ибо двери уже были затворены. Торжище – жизнь наша; двери чертога брачного, затворенные и не допустившие к Жениху, – смерть человеческая; девы мудрые и юродивые – души христианские; елей – не дела, но получаемая через них вовнутрь естества нашего благодать Всесвятаго Духа Божия, претворяющая оное от сего в сие, то есть от тления в нетление, от смерти душевной в жизнь духовную, от тьмы в свет, от вертепа существа нашего, где страсти привязаны, как скоты и звери, – в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования о Христе Иисусе, Господе нашем, Творце и Избавителе и Вечном Женихе душ наших.

Сколь велико сострадание Божие к нашему бедствию, то есть невниманию к Его о нас попечению, когда Бог говорит: "Се стою при дверях и толку", разумея под дверями течение нашей жизни, еще не затворенной смертью. О, как желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы в здешней жизни вы всегда были в Духе Божием! "В чем настану, в том и сужду", – говорит Господь. Горе, великое горе, если застанет Он нас отягощенными попечениями и печалями житейскими, ибо кто стерпит гнев

Его и против лица гнева Его кто станет! Вот почему сказано: “Бдите и молитеся, да не внидете в напасть”, то есть да не лишитеся Духа Божия, ибо бдение и молитва приносят нам благодать Его. Конечно, всякая добродетель, творимая ради Христа, дает благодать Духа Святаго, но более всего дает молитва, потому что она как бы всегда в руках наших как орудие для стяжания благодати Духа. Захотели бы вы, например, в церковь сходить, да либо церкви нет, либо служба отошла; захотели бы нищему подать, да нищего нет либо нечего дать; захотели бы девство соблюсти, да сил нет этого исполнить по сложению вашему или по усилиям вражеских козней, которым вы по немощи человеческой противостоять не можете; захотели бы и другую какую-либо добродетель ради Христа сделать, да тоже сил нет или случая сыскать не можно. А до молитвы это уже никак не относится: на нее всякому и всегда есть возможность – и богатому и бедному, и знатному и простому, и сильному и слабому, и здоровому и больному, и праведнику и грешнику. Как велика сила молитвы даже и грешного человека, когда она от всей души возносится, судите по следующему примеру Священного Предания: когда по просьбе отчаянной матери, лишившейся единородного сына, похищенного смертью, жена-блудница, попавшаяся ей на пути и даже еще от только что бывшего греха не очистившаяся, тронутая отчаянной скорбью матери, возопила ко Господу: “Не мене ради грешницы окаянной, но слез ради матери, скорбящей о сыне своем и твердо уверенной в милосердии и всемогуществе Твоем, Христе Боже, воскреси, Господи, сына ея!” – и воскресил его Господь. Так-то, ваше Боголюбие, велика сила молитвы, и она более всего приносит Духа Божиего, и ее удобнее всего всякому исправлять. Блаженны мы будем, когда обрящет нас Господь бдящими, в пол-

ноте даров Духа Его Святаго. Тогда мы можем благодерзновенно надеяться быть восхищенными на облацех во сретение Господа на воздусе, Грядущаго со славою и силою многою судити живым и мертвым и воздати коемуждо по делам его.

Вот, ваше Боголюбие, за великое счастье считать изволите с убогим Серафимом беседовать, уверены будучи, что и он не лишен благодати Господней. То, что речем о Самом Господе, Источнике приснонеоскудевающем всякия благостыни и небесныя и земныя? А ведь молитвою мы с Ним Самим, Всеблагим и Животворящим Богом и Спасом нашим, беседовать удостаиваемся. Но и тут надобно молиться лишь до тех пор, пока Бог Дух Святый не сойдет на нас в известных Ему мерах небесной Своей благодати. И когда благоволит Он посетить нас, то надлежит уже перестать молиться. Чего же и молиться тогда Ему: "Прииди и вселися в ны и очисти ны от всякия скверны и спаси, Блаже, души наша", когда уже пришел Он к нам во еже спасти нас, уповающих на Него и призывающих Имя Его святое во истине, то есть с тем, чтобы смиренно и с любовью встретить Его, Утешителя, внутрь храмин душ наших, алчущих и жаждущих Его пришествия. Я вашему Боголюбию поясню это примером: вот хоть бы вы меня в гости к себе позвали, и я бы по зову вашему пришел к вам и хотел бы побеседовать с вами. А вы бы все стали меня приглашать: милости-де просим, пожалуйте, дескать, ко мне. То я поневоле должен был бы сказать: что это он, из ума, что ли, выступил? Я пришел к нему, а он все-таки меня зовет! Так-то и до Господа Бога Духа Святаго относится. Потому-то и сказано: "Упразднитеся и разумейте, яко Аз есмь Бог, вознесуся во языцех, вознесуся на земли", то есть явлюся и буду являться всякому верующему в Меня и призывающему Меня и буду беседовать с ним,

как некогда беседовал с Адамом в раю, с Авраамом и Иаковом и со другими рабами Моими, с Моисеем, Иовом и им подобными. Многие толкуют, что это упразднение относится только до дел мирских, то есть что при молитвенной беседе с Богом надобно упраздниться от мирских дел. Но я вам по Бозе скажу, что хотя и от них при молитве необходимо упраздниться, но когда при всемогущей силе веры и молитвы соизволит Господь Бог Дух Святый посетить нас и приидет к нам в полноте неизреченной Своей благости, то надобно и от молитвы упраздниться. Молвит душа и в молве находится, когда молитву творишь, а при нашествии Духа Святаго надлежит быть в полном безмолвии, слышать явственно и вразумительно все глаголы живота вечного, которые Он тогда возвестить соизволит. Надлежит притом быть в полном трезвении и души и духа и в целомудренной чистоте плоти. Так было при горе Хориве, когда израильтянам было сказано, чтобы они до явления Божьяго на Синае за три дня не прикасались бы и к женам, ибо Бог наш есть "огнь поядаяй все нечистое", и в общение с Ним не может войти никто же от скверны плоти и духа.

IV. Стяжание благодати

– Ну, а как же, Батюшка, быть с другими добродетелями, творимыми ради Христа, для стяжания благодати Духа Святаго? Ведь вы мне о молитве только говорить изволите.

– Стяжавайте благодать Духа Святаго и всеми другими Христа ради добродетелями, торгуйте ими духовно, торгуйте теми из них, которые вам больший прибыток дают. Собирайте капитал благодатных избытков благости Божией, кладите их в ломбард вечный Божий из процентов невещественных, и не по четыре или по

шести на сто, но по сту на один рубль духовный, но даже еще того в бесчисленное число раз больше. Примерно: дает вам более благодати Божией молитва и бдение – бдите и молитесь; много дает Духа Божьяго пост – поститесь; более дает милостыня – милостыню творите и таким образом о всякой добродетели, делаемой Христа ради, рассуждайте.

Вот я вам расскажу про себя, убогого Серафима. Родом я из курских купцов. Так, когда не был я еще в монастыре, мы, бывало, торговали товаром, который нам больше барыша дает. Так и вы, батюшка, поступайте, и как в торговом деле не в том сила, чтобы лишь только торговать, а в том, чтобы больше барыша получить, – так и в деле жизни христианской не в том сила, чтобы только молиться или другое какое-либо доброе дело делать. Хотя апостол и говорит: "Непрестанно молитеся", но да ведь, как помните, и прибавляет: "Хочу лучше пять словес рещи умом, нежели тысящи языком". И Господь говорит: "Не всяк глаголяй Ми: Господи, Господи, спасется, но творяй волю Отца Моего", то есть делающий дело Божие, и притом с благоговением, ибо проклят всяк, иже творит дело Божие с нерадением. А дело Божие есть: да веруете в Бога и Его же послал есть Иисуса Христа. Если рассудите правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго.

Так желал бы я, ваше Боголюбие, чтобы и вы сами стяжали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе Божием вы обретаетесь или нет; и если в Духе Божием, то, благословен Бог, не о чем горевать; хоть сейчас – на Страш-

ный Суд Христов. Ибо в чем застану, в том и сужду. Если же нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святый изволил оставить нас, и снова искать, и доискиваться Его, и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и не будет снова с нами Своею благодатию. На отгоняющих же нас от Него врагов наших надобно так нападать, покуда и прах их возметется, как сказал пророк Давид: “Пожену враги моя и постигну я, и не возвращусь, дондеже скончаются, оскорблю их, и не возмогут стати, падут под ногами моима”.

Так-то, батюшка. Так и извольте торговать духовно добродетельно. Раздавайте дары благодати Духа Святаго требующим по примеру свещи возжженной, которая и сама светит, горя земным огнем, и другие свещи, не умаляя своего собственного огня, зажигает во светение всем в других местах. И если это так в отношении огня земного, то что скажем об огне благодати Всесвятаго Духа Божия? Ибо, например, богатство земное при раздавании его оскудевает, богатство же небесное Божией благодати чем более раздается, тем более преумножается у того, кто его раздает. Так и Сам Господь изволил сказать самаряныне: “Пияй от воды сей возжаждет вновь, а пияй от воды, юже Аз дам, не возжаждет во веки, но вода, юже Аз дам ему, будет в нем источник приснотекущий в живот вечный”.

V. Богоматерь – язва бесов

– Батюшка, – сказал я, – вот вы все изволите говорить о стяжании благодати Духа Святаго как о цели христианской жизни, но как же и где я могу ее видеть? Добрые дела видны, а разве Дух Святый может быть виден? Как же я буду знать, со мной Он или нет?

– Мы в настоящее время, – так отвечал старец, – по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся странными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: “И виде Адам Господа, ходящего в раи”, или когда читаем у апостола Павла: “Идохом во Ахаию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами”[1]. Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам.

Вот некоторые и говорят: “Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?” А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простоты первоначального христианского ведения и под предлогом просвещения зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние до того ясно разумели, что им и в обыкновенных разговорах понятие о явлении Бога между людьми не казалось странным. Так Иов, когда друзья его укоряли в том, что он хулит Бога, отвечал им: “Как это может быть, когда я чувствую дыхание Вседержителево в ноздрех моих?” То есть как-де я могу хулить Бога, когда Дух Святый со мной пребывает? Если бы я хулил Бога, то Дух Святый отступил бы от меня, а вот я и дыхание Его ощущаю в ноздрех моих. Таким точно образом говорится и про Авраама и про Иакова, что они видели Господа и беседовали с Ним, и Иаков даже и боролся с Ним. Мои-

[1] В Апостольских деяниях: *Прошедши чрез Фригию и Галатийскую страну, они не были допущены Духом Святым проповедовать слово в Асии. Дошедши до Мисии, предпринимали идти в Вифинию, но Дух не допустил их* (16, 6–7).

сей видел Бога и весь народ с ним, когда он сподобился приять от Бога скрижали закона на горе Синае. Столп облачный и огненный, или, что то же, явная благодать Духа Святаго, служили путеводителями народу Божию в пустыне. Бога и благодать Духа Его Святаго люди не во сне видели, и не в мечтании, и не в исступлении воображения расстроенного, а истинно въяве. Очень уж мы стали невнимательны к делу нашего спасения, отчего и выходит, что мы и многие другие слова Священного Писания приемлем не в том смысле, как бы следовало. И все потому, что не ищем благодати Божией, не допускаем ей, по гордости ума нашего, вселиться в души наши и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией.

Вот, например, многие толкуют, что когда в Библии говорится, “вдуну Бог дыхание жизни в лице Адама первозданного и созданного Им от персти земной”, что будто бы это значило, что в Адаме до этого не было души и духа человеческого, а была будто бы лишь плоть одна, созданная от персти земной. Неверно это толкование, ибо Господь Бог создал Адама от персти земной в том составе, как, батюшка, святой апостол Павел утверждает: “Да будет всесовершен ваш дух, душа и плоть в пришествии Господа нашего Иисуса Христа”. И все три сии части нашего естества созданы были от персти земной, и Адам не мертвым был создан, но действующим животным существом, подобно другим живущим на земле одушевленным Божиим созданиям. Но вот в чем сила, что если бы Господь Бог не вдунул потом в лице его сего дыхания жизни, то есть благодати Господа Бога Духа Святаго, от Отца исходящего и в Сыне почивающего и ради Сына в мiр посылаемого, то Адам, как ни был он совершенно превосходно создан над про-

чими Божиими созданиями, как венец творения на земле, все-таки пребыл бы не имущим внутрь себя Духа Святаго, возводящего его в Богоподобное достоинство, и был бы подобен всем прочим созданиям, хотя и имеющим плоть, и душу, и дух, принадлежащие каждому по роду их, но Духа Святаго внутрь себя не имущим. Когда же вдунул Господь в лице Адамово дыхание жизни, тогда-то, по выражению Моисееву, и “Адам бысть в душу живу”, то есть совершенно во всем Богу подобную и такую, как и Он, на веки веков бессмертную. Адам сотворен был до того не подлежащим действию ни одной из сотворенных Богом стихий, что его ни вода не топила, ни огонь не жег, ни земля не могла пожрать в пропастях своих, ни воздух не мог повредить каким бы то ни было своим действием. Все покорено было ему, как любимцу Божию, как царю и обладателю твари. И все любовалось на него как на всесовершенный венец творений Божиих. От этого-то дыхания жизни, вдохнутого в лице Адамово из Всетворческих Уст Всетворца и Вседержителя Бога, Адам до того преумудрился, что не было никогда от века, нет, да и едва ли будет когда-нибудь на земле человек, премудрее и многознательнее его. Когда Господь повелел ему нарещи имена всякой твари, то каждой твари он дал на языке такие названия, которые знаменуют вполне все качества, всю силу и все свойства твари, которые она имеет по дару Божиему, дарованному ей при ее сотворении. Вот по этому-то дару вышеестественной Божией благодати, ниспосланному ему от дыхания жизни, Адам мог видеть и разуметь и Господа, ходящего в раи, и постигать глаголы Его, и беседу святых Ангелов, и язык всех зверей и птиц и гадов, живущих на земле, и все то, что ныне от нас, как от падших и грешных, сокрыто и что для Адама до его падения было так ясно. Такую же премудрость и силу, и

всемогущество, и все прочие благие и святые качества Господь Бог даровал и Еве, сотворив ее не от персти земной, а от ребра Адамова в Едеме сладости – в раи, насажденном Им посреди земли. Для того чтобы они могли удобно и всегда поддерживать в себе бессмертные, Богоблагодатные и всесовершенные свойства сего дыхания жизни, Бог посадил посреди рая древо жизни, в плодах которого заключил всю сущность и полноту даров этого Божественного Своего дыхания. Если бы не согрешили, то Адам и Ева сами и все их потомство могли бы всегда, пользуясь вкушением от плода древа жизни, поддерживать в себе вечно животворящую силу благодати Божией и бессмертную, вечно юную полноту сил плоти, души и духа и непрестанную нестареемость бесконечно бессмертного всеблаженного своего состояния, даже и воображению нашему в настоящее время неудобопонятного.

Когда же вкушением от древа познания добра и зла – преждевременно и противно заповеди Божией – узнали различие между добром и злом и подверглись всем бедствиям, последовавшим за преступление заповеди Божией, то лишились этого бесценного дара благодати Духа Божия, так что до самого пришествия в мір Богочеловека Иисуса Христа Дух Божий “не убо бе в міре, яко Иисус не убо бе прославлен”. Однако это не значит, чтобы Духа вовсе не было в міре, но Его пребывание не было таким полномерным, как в Адаме или в нас, православных христианах, а проявлялось только вне, и признаки Его пребывания в міре были известны роду человеческому. Так, например, Адаму после падения, а равно и Еве вместе с ним, были открыты многие тайны, относившиеся до будущего спасения рода человеческого. И Каину, несмотря на нечестие его и его преступление, удобопонятен был глас благодатного Боже-

ственного, хотя и обличительного, собеседования с ним. Ной беседовал с Богом. Авраам, видя Бога и день Его, и возрадовался. Благодать Святаго Духа, действовавшая отвне, отражалась и во всех ветхозаветных пророках и святых Израиля. У евреев потом заведены были особые пророческие училища, где учили распознавать признаки явления Божьего или Ангелов и отличать действия Духа Святаго от обыкновенных явлений, случающихся в природе неблагодатной земной жизни. Симеону Богоприимцу, Богоотцам Иоакиму и Анне и многим бесчисленным рабам Божиим бывали постоянные, разнообразные въяве Божественные явления, гласы, откровения, оправдывавшиеся очевидными чудесными событиями. Не с такой силой, как в народе Божием, но проявление Духа Божьего действовало и в язычниках, не ведавших Бога Истинного, потому что и из их среды Бог находил избранных Себе людей. Таковы, например, были девственницы-пророчицы, сивиллы, которые обрекли свое девство хотя для Бога Неведомого, но все же для Бога, Творца вселенной, и Вседержителя, и Мироправителя, каковым Его и язычники сознавали. Также и философы языческие, которые хотя и во тьме неведения Божественного блуждали, но, ища истины, возлюбленной Богу, могли быть по самому этому боголюбезному ее исканию причастными Духу Божьему, ибо сказано: “Языки, не ведающие Бога, естеством законная творят и угодная Богу соделывают”. А истину так ублажает Господь, что Сам про нее Духом Святым возвещает: “Истинная от земли возсия, и правда с небесе прииче”.

Так вот, ваше Боголюбие, и в еврейском священном, Богу любезном народе, и в язычниках, не ведающих Бога, а все-таки сохранялось ведение Божие, то есть, батюшка, ясное и разумное понимание того, как Господь Бог Дух Святый действует в человеке и как именно и по каким

наружным и внутренним ощущениям можно удостовериться, что это действует Господь Бог Дух Святый, а не прелесть вражеская. Таким-то образом все это было от падения Адама до пришествия Господа нашего Иисуса Христа во плоти в мiр.

Без этого, ваше Боголюбие, всегда сохранявшегося в роде человеческом ощутительно о действиях Духа Святаго понимания не было бы людям нипочем возможности узнать в точности, пришел ли в мiр, обетованный Адаму и Еве, Плод Семени Жены, имеющий стереть главу змиеву.

Но вот Симеон Богоприимец, сохраненный Духом Святым после предвозвещения ему на 65-м году его жизни тайны приснодевственного от Пречистой Приснодевы Марии Его зачатия и рождения, проживши по благодати Всесвятаго Духа Божьяго 300 лет, потом на 365-м году жизни своей сказал ясно в храме Господнем, что ощутительно узнал по дару Духа Святаго, что это и есть Он Самый, Тот Христос, Спаситель мiра, о вышеестественном зачатии и рождении Коего от Духа Святаго ему было предвозвещено триста лет тому назад от Ангела.

Вот и святая Анна пророчица, дочь Фануилова, служившая восемьдесят лет от вдовства своего Господу Богу в храме Божием и известная по особенным дарам благодати Божией за вдовицу праведную, чистую рабу Божию, возвестила, что это действительно Он и есть, обетованный мiру Мессия, истинный Христос, Бог и человек, Царь Израилев, пришедший спасти Адама и род человеческий.

Когда же Он, Господь наш Иисус Христос, изволил совершить все дело спасения, то по воскресении Своем дунул на апостолов, возобновив дыхание жизни, утраченное Адамом, и даровал им эту же самую Адамову благодать Всесвятаго Духа Божия. Но мало сего – ведь

говорил же Он им: “Уне есть им, да Он идет ко Отцу; аще же бо не идет Он, то Дух Божий не приидет в мір; аще же идет Он, Христос, ко Отцу, то послет его в мір, и Он, Утешитель, наставит их и всех последующих их учению на всякую истину и воспомянет им вся, яже Он глаголал им еще сущи в мире с ними”. Это уже обещана была Им благодать-возблагодать. И вот в день Пятидесятницы торжественно ниспослал Он им Духа Святаго в дыхании бурне, в виде огненных языков, на коемуждо из них седших и вошедших в них и наполнивших их силою огнеобразной Божественной благодати, росоносно дышащей и радостотворно действующей в душах причащающихся ее силе и действиям. И вот эту-то самую огнедухновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам всем, верным Христовым, в Таинстве святого Крещения, священно запечатлевают миропомазанием в главнейших, указанных Святой Церковью, местах нашей плоти, как вековечной хранительницы этой благодати. Говорится: “Печать дара Духа Святаго”. А на что, батюшка, ваше Боголюбие, кладем мы, убогие, печати свои, как не на сосуды, хранящие какую-нибудь высокоценимую нами драгоценность? Что же может быть выше всего на свете и что драгоценнее даров Духа Святаго, ниспосылаемых нам свыше в Таинстве Крещения, ибо крещенская эта благодать столь велика, что даже и от человека-еретика не отьемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле – на что-де он будет годен и что-де он в этот Богом дарованный ему срок при посредстве свыше дарованной ему силы благодати сможет совершить? И если бы мы не грешили никогда после крещения нашего, то вовеки пребыли бы святыми, непорочными и изъятыми от всякой скверны плоти и духа угодниками Божиими. Но вот

в том-то и беда, что мы, преуспевая в возрасте, не преуспеваем в благодати и в разуме Божием, как преуспевал в том Господь наш Христос Иисус, а напротив того, развращаясь мало-помалу, лишаемся благодати Всесвятаго Духа Божьяго и делаемся в многоразличных мерах грешными и многогрешными людьми. Но когда кто, будучи возбужден ищущею нашего спасения премудростью Божиею, обходящею всяческая, решится ради нее на утреневание к Богу и бдение ради обретения вечного своего спасения, тогда тот, послушный гласу ее, должен прибегнуть к истинному во всех грехах своих покаянию и к сотворению противоположных содеянным грехам добродетелей, а через добродетели Христа ради к приобретению Духа Святаго, внутрь нас действующего и внутрь нас Царствие Божие устрояющего. Слово Божие недаром говорит: "Внутрь вас есть Царство Божие, и нуждно есть оно, и нуждницы е восхищают". То есть те люди, которые, несмотря и на узы греховные, связавшие их и не допускающие своим насилием и возбуждением на новые грехи прийти к Нему, Спасителю нашему, с совершенным покаянием на истязание с Ним, презирая всю крепость этих греховных связок, нудятся расторгнуть их – такие люди являются потом действительно пред лице Божие паче снега убеленными Его благодатью. "Приидите, – говорит Господь, – и аще грехи ваши будут, яко багряное, то яко снег убелю их". Так некогда святый тайновидец Иоанн Богослов видел таких людей в одеждах белых, то есть одеждах оправдания, и "финицы в руках их", как знамение победы, и пели они Богу дивную песнь "Аллилуиа". "Красоте пения их никтоже подражати можаше". Про них Ангел Божий сказал: "Сии суть, иже приидоша от скорби великия, иже испраша ризы своя и убелиша ризы своя в Крови Агнчей", – испраша страданиями и убелиша их в

причащении Пречистых и Животворящих Тайн Плоти и Крови Агнца Непорочна и Пречиста Христа, прежде всех век закланного Его собственною волею за спасение міра, присно и доныне закалаемого и раздробляемого, но николиже иждиваемого, подающего же нам в вечное и неоскудеваемое спасение наше на путие живота вечного во ответ благоприятен на Страшном судище Его и замену дражайшую и всяк ум превосходящую того плода древа жизни, которую хотел было лишить наш род человеческий враг человеков, спадший с небес Денница. Хотя враг диавол и обольстил Еву, и с нею пал и Адам, но Господь не только даровал им Искупителя в плоде Семени Жены, смертию смерть поправшего, но и дал всем нам в Жене, Приснодеве Богородице Марии, стершей в Самой Себе и стирающей во всем роде человеческом главу змиеву, неотступную Ходатаицу к Сыну Своему и Богу нашему, непостыдную и непреоборимую Предстательницу даже за самых отчаянных грешников. По этому самому Божия Матерь и называется язвою бесов, ибо нет возможности бесу погубить человека, лишь бы только сам человек не отступил от прибегания к помощи Божией Матери.

VI. Благодать есть Свет

– Еще, ваше Боголюбие, должен я, убогий Серафим, объяснить, в чем состоит различие между действиями Духа Святаго, священнотайне вселяющегося в сердца верующих в Господа Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, и действиями тьмы греховной, по наущению и разжжению бесовскому воровски в нас действующей. Дух Божий воспоминает нам словеса Господа нашего Иисуса Христа и действует едино с Ним, всегда торжественно, радостотворя сердца наши и управляя стопы

наши на путь мирен, а дух лестчий, бесовский, противно Христу мудрствует, и действия его в нас мятежны, стропотны и исполнены похоти плотской, похоти очес и гордости житейской. “Аминь, аминь глаголю вам, всяк живый и веруяй в Мя не умрет вовеки”.

Имеющий благодать Святаго Духа за правую веру во Христа, если бы по немощи человеческой и умер душевно от какого-либо греха, то не умрет вовеки, но будет воскрешен благодатию Господа нашего Иисуса Христа, вземлющего грехи міра и туне дарующего благодать-возблагодать. Про эту-то благодать, явленную всему міру и роду нашему человеческому в Богочеловеке, и сказано в Евангелии: “В Том живот бе, и живот бе свет человеком”, и прибавлено: “И свет во тьме светит, и тьма его не объят”. Это значит, что благодать Духа Святаго, даруемая при крещении во имя Отца и Сына и Святаго Духа, несмотря на грехопадения человеческие, несмотря на тьму вокруг души нашей, все-таки светится в сердце искони бывшим Божественным светом бесценных заслуг Христовых. Этот свет Христов при нераскаянии грешника глаголет ко Отцу: “Авва отче, не до конца прогневайся на нераскаянность эту!” А потом, при обращении грешника на путь покаяния, совершенно изглаживает и следы содеянных преступлений, одевая бывшего преступника снова одеждой нетления, сотканной из благодати Духа Святаго, о стяжании Которой как о цели жизни христианской я говорю столько времени вашему Боголюбию.

Еще скажу вам, чтобы вы еще яснее поняли, что разуметь под благодатию Божиею, и как распознать ее, и в чем особливо проявляется ее действие в людях, ею просвещенных. Благодать Духа Святаго есть свет, просвещающий человека. Об этом говорит все Священное Писание. Так, Богоотец Давид сказал: “Светильник но-

гама моима закон Твой и свет стезям моим, и аще не закон Твой научение мне был, тогда убо погибл бых во смирении моем”. То есть благодать Духа Святаго, выражающаяся в законе словами заповедей Господних, есть светильник и свет мой, и если бы не эта благодать Духа Святаго, которую я так тщательно и усердно стяжеваю, что седмижды на день поучаюсь о судьбах правды Твоей, просвещала меня во тьме забот, сопряженных с великим званием моего царского сана, то откуда бы я взял себе хоть искру света, чтобы озарить путь свой по дороге жизни, темной от недоброжелательства недругов моих! И на самом деле Господь неоднократно проявлял для многих свидетелей действие благодати Духа Святаго на тех людях, которых Он освящал и просвещал великими наитиями Его. Вспомните про Моисея после беседы его с Богом на горе Синайской. Люди не могли смотреть на него – так сиял он необыкновенным светом, окружавшим лицо его. Он даже принужден был являться народу не иначе как под покрывалом. Вспомните Преображение Господне на горе Фавор. Великий свет объял Его, и “быша ризы Его, блещущие яко снег, и ученицы Его от страха падоша ниц”. Когда же Моисей и Илия явились к Нему в том же свете, то, чтобы скрыть сияние света Божественной благодати, ослеплявшей глаза учеников, “облак, – сказано, – осени их”. И таким-то образом благодать Всесвятаго Духа Божия является в неизреченном свете для всех, которым Бог являет действие ее.

VII. Мир и теплота благодати

– Каким же образом, – спросил я батюшку отца Серафима, – узнать мне, что я нахожусь в благодати Духа Святаго?

– Это, ваше Боголюбие, очень просто, – отвечал он мне, – поэтому-то и Господь говорит: “Вся проста суть обретающим разум”. Да беда-то вся наша в том, что сами-то мы не имеем этого разума Божественного, который не кичит (не гордится), ибо не от міра сего есть. Разум этот, исполненный любовью к Богу и ближнему, созидает всякого человека во спасение ему. Про этот разум Господь сказал: “Бог хощет всем спастися и в разум истины приити”. Апостолам же Своим про недостаток этого разума Он сказал: “Ни ли неразумливи есте и не чли ли Писания, и притчи сия не разумеете ли?..” Опять же про этот разум в Евангелии говорится про апостолов, что “отверз им тогда Господь разум разумети Писания”. Находясь в этом разуме, и апостолы всегда видели, пребывает ли Дух Божий в них или нет, и, проникнутые Им и видя сопребывание с ними Духа Божия, утвердительно говорили, что дело их свято и вполне угодно Господу Богу. Этим и объясняется, почему они в посланиях своих писали: “Изволися Духу Святому и нам” – и только на этих основаниях и предлагали свои послания как истину непреложную, на пользу всем верным – так святые апостолы ощутительно сознавали в себе присутствие Духа Божьяго. Так вот, ваше Боголюбие, видите ли, как это просто? Я отвечал:

– Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверенным, что я в Духе Божием? Как мне самому в себе распознавать истинное Его явление?

Батюшка отец Серафим отвечал:

– Я уже, ваше Боголюбие, сказал вам, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как до́лжно разуметь Его явление в нас... Что же вам, батюшка, надобно?

– Надобно, – сказал я, – чтобы я понял это хорошенько!..

Тогда отец Серафим взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне:

– Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобою! Что же ты не смотришь на меня?

Я отвечал:

– Не могу, Батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли...

Отец Серафим сказал:

– Не устрашайтесь, ваше Боголюбие! И вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы теперь в полноте Духа Божьяго, иначе вам нельзя было бы и меня таким видеть.

И приклонив ко мне свою голову, он тихонько, на ухо сказал мне:

– Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его. Вы видели, что я и не перекрестился даже, а только в сердце моем мысленно помолился Господу Богу и внутри себя сказал: “Господи, удостой его ясно и телесными глазами видеть то Сошествие Духа Твоего, которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться во свете великолепной славы Твоей!” И вот, батюшка, Господь и исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима... Как же нам не благодарить Его за этот Его неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являет Господь Бог милость Свою. Эта благодать Божия благоволила утешить сокрушенное сердце ваше, как мать чадолюбивая, по предстательству Самой Матери Божией... Что ж, батюшка, не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь – Господь с нами!

Я взглянул после этих слов в лицо его, и напал на меня еще больший благоговейный ужас. Представьте себе: в середине солнца, в самой блистательной яркости

его полуденных лучей, лицо человека, с вами разговаривающего. Вы видите движение уст его, меняющееся выражение его глаз, слышите его голос, чувствуете, что кто-то вас руками держит за плечи, но не только рук этих не видите, не видите ни самих себя, ни фигуры его, а только один свет ослепительный, простирающийся далеко, на несколько сажен кругом, и озаряющий ярким блеском своим и снежную пелену, покрывающую поляну, и снежную крупу, осыпающую сверху и меня, и великого Старца. Возможно ли представить себе то положение, в котором я находился тогда?

– Что же чувствуете вы теперь? – спросил меня отец Серафим.

– Необыкновенно хорошо! – сказал я.

– Да как же хорошо? Что именно?

Я отвечал:

– Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

– Это, ваше Боголюбие, – сказал батюшка отец Серафим, – тот мир, про который Господь сказал ученикам Своим: "Мир Мой даю вам, не якоже мір дает, Аз даю вам. Аще бо от міра были бысте, мір убо любил свое, но якоже избрах вы от міра, сего ради ненавидит вас мір. Обаче дерзайте, яко Аз победих мір". Вот этим-то людям, ненавидимым от міра сего, избранным же от Господа, и дает Господь тот мир, который вы теперь в себе чувствуете: "Мир, по слову апостольскому, всяк ум преимущий". Таким его называет апостол, потому что нельзя выразить никаким словом того благосостояния душевного, которое он производит в тех людях, в сердца которых его внедряет Господь Бог. Христос Спаситель называет его миром от щедрот Его собственных, а не от міра сего, ибо никакое временное земное благополучие не может дать его сердцу человеческому; он свыше даруется от Самого

Господа Бога, почему и называется миром Божиим. Что же еще чувствуете вы? – спросил меня отец Серафим.

– Необыкновенную сладость! – отвечал я. И он продолжал:

– Это та сладость, про которую говорится в Священном Писании: “От тука дому Твоего упиются и потоком сладости Твоея напоиши я”. Вот эта-то теперь сладость преисполняет сердца наши и разливается по всем жилам нашим неизреченным услаждением. От этой-то сладости наши сердца будто тают и мы оба исполнены такого блаженства, какое никаким языком выражено быть не может... Что же еще вы чувствуете?

– Необыкновенную радость во всем моем сердце!

И батюшка отец Серафим продолжал:

– Когда Дух Божий снисходит к человеку и осеняет его полнотою Своего наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченною радостию, ибо Дух Божий радостотворит все, к чему бы Он ни прикоснулся. Это та самая радость, про которую Господь говорит в Евангелии Своем: “...Жена егда раждает, скорбь имать, яко прииде год ея; егда же родит отроча, к тому не помнит скорби за радость, яко человек родися в мiр. В мiре скорбни будете, но егда узрю вы, возрадуется сердце ваше, и радости вашея никтоже возмет от вас”. Но как бы ни была утешительна радость эта, которую вы теперь чувствуете в сердце своем, все-таки она ничтожна в сравнении с тою, про которую Сам Господь устами Своего апостола сказал, что радости той “ни око не виде, ни ухо не слыша, ни на сердце человеку не взыдоша благая, яже уготовал Бог любящим Его”. Предзадатки этой радости даются нам теперь, и если от них так сладко, хорошо и весело в душах наших, то что сказать о той радости, которая уготовлена там, на небесах, плачущим здесь, на земле?! Вот и вы, батюшка, довольно-таки поплакали в жизни вашей на зем-

ле, и смотрите-ка, какою радостью утешает вас Господь еще в здешней жизни. Теперь за нами, батюшка, дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся на нас слова Господни: "...Терпящие же Господа, тии изменят крепость, окрилатеют, яко орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут, пойдут от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений..." Вот тогда-то наша теперешняя радость, являющаяся нам вмале и вкратце, явится во всей полноте своей, и никто не возмет ее от нас, преисполняемых неизъяснимых пренебесных наслаждений... Что же вы чувствуете, ваше Боголюбие? Я отвечал:

– Теплоту необыкновенную!

– Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим. Теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Я отвечал:

– А такая, какая бывает в бане, когда поддадут на каменку и когда из нее столбом пар валит...

– И запах, – спросил он меня, – такой же, как из бани?

– Нет, – отвечал я, – на земле нет ничего подобного этому благоуханию. Когда еще при жизни матушки моей я любил танцовать и ездил на балы и танцевальные вечера, то матушка моя опрыснет меня, бывало, духами, которые покупала в лучших модных магазинах Казани, но те духи не издают такого благоухания...

И батюшка отец Серафим, приятно улыбнувшись, сказал:

– И сам я, батюшка, знаю это точно так же, как и вы, да нарочно спрашиваю у вас, так ли вы это чувствуете? Сущая правда, ваше Боголюбие! Никакая приятность

земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа Божия. Что же земное может быть подобно ему?.. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а посмотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть именно та самая теплота, про которую Дух Святый словами молитвы заставляет нас вопиять к Господу: "Теплотою Духа Святаго согрей мя!" Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Святаго Духа истканную. Так ведь и должно быть на самом деле, потому что благодать Божия должна обитать внутри нас, в сердце нашем, ибо Господь сказал: "Царствие Божие внутри вас есть". Под Царствием же Божиим Господь разумел благодать Духа Святаго. Вот это Царствие Божие теперь внутри нас и находится, а благодать Духа Святаго и отвне осиявает и согревает нас и, преисполняя многоразличным благоуханием окружающий нас воздух, услаждает наши чувства пренебесным услаждением, напояя сердца наши радостью неизглаголанною. Наше теперешнее положение есть то самое, про которое апостол говорит: "Царствие Божие несть пища и питие, но правда и мир о Дусе Святе". Вера наша состоит "не в препретельных земныя премудрости словах, но в явлении силы и духа". Вот в этом-то состоянии мы с вами теперь и находимся. Про это состояние именно и сказал Господь: "Суть нецыи от зде стоящих, иже не имут вкусити смерти, дондеже видят Царствие Божие, пришедшее в силе..." Вот, батюшка, ваше Боголюбие, какой неизреченной радости сподобил нас теперь Господь Бог!.. Вот что значит быть в полноте

Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: “Я сам был в полноте Духа Святаго...” Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!.. Будете ли вы помнить теперешнее явление неизреченной милости Божией, посетившей нас?

– Не знаю, Батюшка, – сказал я, – удостоит ли меня Господь навсегда помнить так живо и явственно, как теперь я чувствую, эту милость Божию.

– А я мню, – отвечал мне отец Серафим, – что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти вашей, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого міра, чтобы вы сами, утвердившись в деле Божием, и другим могли быть полезными. Что же касается до того, батюшка, что я монах, а вы мирской человек, то об этом думать нечего: у Бога взыскуется правая вера в Него и Сына Его Единородного. За это и подается обильно свыше благодать Духа Святаго. Господь ищет сердца, преисполненные любовью к Богу и ближнему, – вот престол, на котором Он любит восседать и на котором Он является в полноте Своей пренебесной славы. “Сыне, даждь Ми сердце твое! – говорит Он. – А все прочее Я Сам приложу тебе”, ибо в сердце человеческом может вмещаться Царствие Божие. Господь заповедует ученикам Своим: “Ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам. Весть бо Отец ваш Небесный, яко всех сих требуете”. Не укоряет Господь Бог за пользование благами земными, ибо и Сам говорит, что по положению нашему в жизни земной мы

всех сих требуем, то есть всего, что успокаивает на земле нашу человеческую жизнь и делает удобным и более легким путь наш к Отечеству Небесному. На это опираясь, святой апостол Петр сказал, что, по его мнению, нет ничего лучше на свете, как благочестие, соединенное с довольством. И Церковь Святая молится о том, чтобы это было нам даровано Господом Богом; и хотя прискорбия, несчастия и разнообразные нужды и неразлучны с нашей жизнью на земле, однако же Господь Бог не хотел и не хочет, чтобы мы были только в одних скорбях и напастях, почему и заповедует нам через апостолов носить тяготы друг друга и тем исполнять закон Христов. Господь Иисус лично дает нам заповедь, чтобы мы любили друг друга и, соутешаясь этой взаимной любовью, облегчали себе прискорбный и тесный путь нашего шествования к Отечеству Небесному. Для чего же Он и с небес сошел к нам, как не для того, чтобы, восприяв на Себя нашу нищету, обогатить нас богатством благости Своей и Своих неизреченных щедрот. Ведь пришел Он не для того, чтобы послужили Ему, но да послужит Сам другим и да даст душу Свою за избавление многих. Так и вы, ваше Боголюбие, творите и, видевши явно оказанную вам милость Божию, сообщайте о том всякому желающему себе спасения. "Жатвы бо много, – говорит Господь, – делателей же мало". Вот и нас Господь Бог извел на делание и дал дары благодати Своей, чтобы, пожиная класы спасения наших ближних через множайшее число приведенных нами в Царствие Божие, принесли Ему плоды – ово тридесят, ово шестьдесят, ово же сто. Будем же блюсти себя, батюшка, чтобы не быть нам осужденным с тем лукавым и ленивым рабом, который закопал свой талант в землю, а будем стараться подражать тем благим и верным рабам Господа, которые принесли Господину своему: один вместо двух – четыре, другой

вместо пяти – десять. О милосердии же Господа Бога сомневаться нечего: сами, ваше Боголюбие, видите, как слова Господни, сказанные через пророка, сбылись на нас. "Несмь Аз Бог издалече, но Бог изблизи и при устех твоих есть спасение твое". Не успел я, убогий, перекреститься, а только лишь в сердце своем пожелал, чтобы Господь удостоил вас видеть Его благостыню во всей ее полноте, как уже Он немедленно и на деле исполнением моего пожелания поспешить изволил. Не велехваляся говорю я это и не с тем, чтобы показать вам свое значение и привести вас в зависть, и не для того, чтобы вы подумали, что я монах, а вы мирянин, нет, ваше Боголюбие, нет! "Близ Господь всем призывающим Его во истине, и несть у Него зрения на лица, Отец бо любит Сына и вся дает в руце Его", лишь бы только мы сами любили Его, Отца нашего Небесного, истинно, по-сыновнему. Господь равно слушает и монаха, и мирянина, простого христианина, лишь бы оба были православные, и оба любили Бога из глубины душ своих, и оба имели в Него веру, хотя бы "яко зерно горушно", и оба двинут горы. "Един движет тысящи, два же тьмы". Сам Господь говорит: "Вся возможна верующему", а батюшка святой апостол Павел велегласно восклицает: "Вся могу о укрепляющем мя Христе". Не дивнее ли еще этого Господь наш Иисус Христос говорит о верующих в Него: "Веруяй в Мя, дела не точию яже Аз творю, но и больше сих сотворит, яко Аз иду ко Отцу Моему и умолю Его о вас, да радость ваша исполнена будет. Доселе не просисте ничесоже во имя Мое, ныне же просите и приимете..." Так-то, ваше Боголюбие, все, о чем бы вы ни попросили у Господа Бога, все восприимете, лишь бы только было во славу Божию или на пользу ближнего, потому что и пользу ближнего Он же к славе Своей относит, почему и говорит: "Вся, яже единому от меньших сих сотвори-

сте, Мне сотвористе". Так не имейте никакого сомнения, чтобы Господь Бог не исполнил ваших прошений, лишь бы только они или к славе Божией, или к пользам и назиданию ближних относились. Но если бы даже и для собственной вашей нужды, или пользы, или выгоды вам что-либо было нужно, и это даже все столь же скоро и благопослушливо Господь Бог изволит послать вам, только бы в том крайняя нужда и необходимость настояла, ибо любит Господь любящих Его: благ Господь всяческим, щедрит же и дает и не призывающим имени Его, и щедроты Его во всех делах Его, волю же боящихся Его сотворит, и молитву их услышит, и весь совет их исполнит, исполнит Господь вся прошения твоя. Одного опасайтесь, ваше Боголюбие, чтобы не просить у Господа того, в чем не будете иметь крайней нужды. Не откажет Господь вам и в том за вашу православную веру во Христа Спасителя, ибо не предаст Господь жезла праведных на жребий грешных и волю раба Своего Давида сотворит неукоснительно, однако взыщет с него, зачем он тревожил Его без особой нужды, просил у Него того, без чего мог бы весьма удобно обойтись.

Так-то, ваше Боголюбие, все я вам сказал теперь и на деле показал, что Господь и Божия Матерь через меня, убогого Серафима, вам сказать и показать соблаговолили. Грядите же с миром. Господь и Божия Матерь с вами да будет всегда, ныне и присно и во веки веков. Аминь. Грядите же с миром!..

И во все время беседы этой с того самого времени, как лицо отца Серафима просветилось, видение это не переставало, и все с начала рассказа и доселе сказанное говорил он мне, находясь в одном и том же положении. Исходившее же от него неизреченное блистание света видел я сам, своими собственными глазами, что готов подтвердить и присягою».

Послесловие С. Нилуса к изданию 1903 года

На этом месте заканчивается мотовиловская рукопись. Глубину значения этого акта торжества Православия не моему перу стать выяснять и подчеркивать, да он и не требует свидетельства о себе, ибо сам о себе свидетельствует с такой несокрушимой силой, что его значения не умалить суесловиям мира сего.

Но если бы кто мог видеть, в каком виде достались мне бумаги Мотовилова, хранившие в своих тайниках это драгоценное свидетельство богоугодного жития святого Старца! Пыль, галочьи и голубиные перья, птичий помет, обрывки совсем неинтересных счетов, бухгалтерские, сельскохозяйственные выписки, копии с прошений, письма сторонних лиц – все в одной куче, вперемешку одно с другим, и всего весу 4 п. 25 ф. Все бумаги ветхие, исписанные беглым и до такой степени неразборчивым почерком, что я просто в ужас пришел: где тут разобраться?!

Разбирая этот хаос, натыкаясь на всевозможные препятствия – особенно почерк был для меня камнем преткновения, – я, помню, чуть не поддался отчаянию. А тут среди всей этой макулатуры нет-нет и блеснет искоркой во тьме с трудом разобранная фраза: «Батюшка отец Серафим говорил мне...» Что говорил? Что скрывают в себе эти неразгаданные иероглифы? Я приходил в отчаяние.

Помню, под вечер целого дня упорного и бесплодного труда я не вытерпел и взмолился: «Батюшка Серафим! Неужели же для того ты дал мне возможность получить рукописи твоего "служки" из такой дали, как Дивеев, чтобы неразобранными возвратить их забвению?»

От души, должно быть, было мое восклицание. Наутро, взявшись за разбор бумаг, я сразу же нашел эту рукопись и тут же получил способность разбирать

мотовиловский почерк. Нетрудно представить себе мою радость, и как знаменательными мне показались слова этой рукописи: «А я мню, – отвечал мне отец Серафим, – что Господь поможет вам навсегда удержать это в памяти, ибо иначе благость Его не преклонилась бы так мгновенно к смиренному молению моему и не предварила бы так скоро послушать убогого Серафима, тем более что и не для вас одних дано вам разуметь это, а через вас для целого міра...»

Семьдесят долгих лет лежало это сокровище под спудом на чердаках среди разного забытого хлама. Надо же было ему попасть в печать, да еще когда? Перед самым прославлением святых мощей того, кого Православная Церковь начинает просить:

«Преподобие отче Серафиме! Моли Бога о нас!»

19 мая 1903 г.

Послесловие С. Нилуса к изданию 1911 года

Первое появление в печати рукописи Н. А. Мотовилова, озаглавленной мною «Дух Божий, явно почивший на отце Серафиме Саровском, в беседе его о цели христианской жизни с симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым», вызвало, к великому для меня прискорбию и вместе в обличение «духа времени», много недоуменных толков даже в той среде, которая, по благодати учительства, должна была, казалось бы, стоять во главе угла Православной Церкви. Осуетившееся человеческое сердце по всем признакам не могло вместить в себе во всей полноте того откровения, которое заключали в себе драгоценные слова рукописного свидетельства сотаинника преподобного Серафима, и отказывалось принять и верить возможно-

сти проявления действия наития Святаго Духа Божия во всей полноте очевидности в смертном человеке.

– Вы с Мотовиловым проповедуете что-то вроде того сектантства Лабзина, которое процветало в известный период царствования Александра I, когда тоже благодать Духа Святаго хотели видеть только в очевидных ее проявлениях: в теплоте, свете и благоухании. Отсюда недалеко и до «прелести»! – такие речи пришлось мне слышать вскоре после появления рукописи Мотовилова в печати.

Прошу простить меня всех православных, которых мой малый труд списателя мог повергнуть в соблазнительное недоумение, но вина моя только в том, что я не с достаточной силой подчеркнул, что чувственные проявления благодати Святаго Духа, почившего на преподобном Серафиме, были даны просветленному зрению Мотовилова лишь по молитве Старца; и по молитве же святого Старца как явление это, так и боговдохновенная эта беседа сохранена памятью Мотовилова «не для него одного, а через него для всего міра». Нет и не может быть ничего общего между самочинным сектантом Лабзиным и Мотовиловым, всю свою жизнь находившимся в общении и под руководством старцев, из которых один Святою Церковью прославлен как угодник Божий и преподобный, а другой (Антоний Воронежский) таковым смиренно почитается всеми православно верующими сердцами. Первый, и, можно сказать, основной признак сектанства и «прелести» есть самочиние, а этот-то именно признак и отсутствует в данном случае.

Но обратимся лучше по этому поводу к свидетельству самой Церкви в лице удостоверения ее преподобных. Вот что свидетельствует преподобный Феогност: «Хотя ты, постоянно пребывая в чистой молитве, невещественно соединяющей с Богом невещественный ум, и сподобился увидеть, как в зеркале, ожидающее

тебя блаженное состояние по окончании здешней жизни, сподобился этого как принявший обручение Духа и стяжавший Небесное Царство внутри себя яснейшим и определеннейшим очищением души, но не потерпи разрешиться от плоти, не предваренный известием о наступающей смерти. Молись прилежно об этом и будь благонадежен, что получиш чь это известие, когда приблизится кончина твоя, если то полезно»[1].

По содержанию этих слов преподобного Феогноста святитель Игнатий (Брянчанинов) в своем «Слове о смерти» рассуждает так: «Ощущение духовное, о котором говорит преподобный Феогност, называется очень справедливо в отеческих писаниях “извествованием”, по свойству решительной достоверности. Оно производится наитием Божественной благодати, приемлющей в отеческие духовные объятия кающегося и недоумевающего грешника. Оно является в душе неожиданно, как новая жизнь, о которой человек доселе не мог составить себе никакого понятия. Оно освобождает души от насилия лукавых духов и страстей, изменяет всего человека, соединяет его с Богом, влечет всего человека в ту чудную молитву, которую возглашает к Богу из человека Дух Божий. Все кости такого человека рекут неизреченным духовным благодарением и славословием: “Господи, Господи, кто подобен Тебе? Ты избавляяй нища из руки крепльших его, и нища и убога от расхищающих его. Душа такого человека возрадуется о Господе, возвеселится о спасении Его”. Духовное ощущение это столь сильно, что, наполнив собою человека, отъемлет у него сочувствие ко всем другим предметам; короче сказать, оно есть водворение в душе Царствия Божия. Стяжавший это ощущение к тому не себе живет, но Богу.

[1] Аскетическое сочинение преподобного Феогноста помещено в «Христианском чтении», 1826.

У подвергшихся самообольщению и бесовской прелести бывает мнение такого ощущения, и отличается от благодатного по противоположным ему плодам. Вспомним святого Дионисия Ареопагита, который в письме своем к монаху Демофилу поведал об ученике святого апостола Павла, блаженном Карпе, муже великом в добродетелях и по причине чистоты ума его очень способном к Боговидению. Карп был в таком духовном преспеянии, что никогда не начинал Божественной литургии прежде, нежели благодать Святаго Духа явно не осенит его»[1].

Итак, да не будем более смущены в сердце нашем и будем под руководством и за молитвы старцев наших, наших духовных отцов, стяжевать благодать Духа Святаго в тех Ему одному доведомых мерах, в которых Ему благоугодно будет снизойти на нас, грешных. Необходимо надо помнить, что та мера наития Святаго Духа, о которой ведется речь преподобного Серафима и которая изображается великим его послушником Н. А. Мотовиловым, по выражению самого Преподобного, «не всегда и великим пустынникам подается Господнею милостью». О торжество нашей веры! Но то ли еще ожидает ее, когда исполнятся «времена и сроки»!..

Ей, гряди, Господи Иисусе!

Архиепископ Вениамин (Федченков)

Откровение преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни

Поразительное, воистину предивное Откровение дано Богом в лице преподобного Серафима. И сильнее всего – в этой чудесной «беседе». И Откровение это дано

1 *Игнатий (Брянчанинов), еп.* Сочинения. СПб., 1905. Т. 3: Аскетические опыты. С. 237.

не для одной лишь Русской Церкви, но и всему миру, как заявил и сам богоносный угодник.

В самом деле: приникнем хоть немного к тому, что здесь описано верным очевидцем, Н. А. Мотовиловым. Здесь все чудесно, все поражает.

И прежде всего: как этот мирской человек мог записать подобную беседу с такою подробностью, ясностью и точностию? Если бы он был и ученый богослов, и тогда немыслимо было бы записать все, что здесь высказал преподобный. Это возможно было только чрез дивное особое внушение Духа Святаго, как объяснил недоумевающему слушателю преподобный Серафим.

А если бы кто допустил предположение, что беседу составил и написал сам Н. А. Мотовилов – это было бы не меньшим чудом; потому что не только обыкновенному мирянину, но и ученому богослову наших дней не под силу было бы столь глубоко проникнуть в сущность христианства, не говоря уже о благодатных проявлениях в преподобном во время его преображенного состояния. Совершенно несомненно отсюда, что дивная по содержанию беседа эта является чудесным Божественным Откровением Духа Святаго.

Да так именно и свидетельствует святой Серафим: Мотовилов и не спрашивал его о предмете беседы – сущности христианства, и никогда не говорил ему ничего. И сам забыл о своих прежних недоумениях. Преподобный же узнал об этом, напомнил ему и сказал, что Сам Господь открыл все это.

А потому вся беседа приобретает чрезвычайное значение, наряду с величайшими произведениями самых великих святых Отцов Церкви. И к какому вопросу ни подойдешь, все в ней поражает.

Начнем с самого главного, с разъяснения «сущности христианства». Вот теперь все, читающие житие

святого и эту беседу, стали повторять бойко и даже с легкомысленным дерзновением (будто мы и сами опытны в этих предметах) его слова: сущность – «в стяжании благодати Святаго Духа». Говорим мы об этом и в проповедях своих. Но давно ли эта мысль стала общим достоянием? Так ли думали прежде, всего лишь два-три десятилетия назад? Да так ли думают еще многие и теперь? А если и думаем так, то понимаем ли всю глубину, ощущаем ли внутренним духовным опытом суть этой сущности – «благодать»? Не пустое ли еще для нас это слово? Не играем ли мы им, как неразумные и несмыслящие дети, с чужого голоса повторяющие непонятные им звуки и речи?!

Но благодарение Богу и за то, что хотя бы один из людей нашего времени не только знал, но и обладал во всей полноте этой сущностью – благодатию Святаго Духа.

Многие из нас почти и не слышали об этом; а если кто и слышал, то не дерзал думать, чтобы обладал этим «стяжанием», считая благодать Святаго Духа уделом разве одних святых... В самом деле, как многие из нас думали о христианстве?

Христианство – это религиозное «учение», предмет «веры», «догмат», которые нужно принять, хранить и исповедовать во спасение свое...

Христианство – это мораль, нравственные предписания о жизни, и в особенности о любви к ближним, которые нужно исполнять, чтобы в награду получить будущее блаженство.

Христианство – это обряды, церковный строй, религиозная организация, с богослужением, храмами, иерархией, монастырями, постами и всем прочим бытом.

Христианство, думают даже иные, это одна из попыток социального земного устройства бедного мира.

Или, во всяком случае, – полезная теория для укрепления нравственных основ общества и государства.

Другие не боятся даже кощунственно заявлять, что христианство есть пустая мечта, фальшиво утешающая несчастных бедняков нашей планеты несуществующим блаженством; и что в самом деле «небо пусто», и ничего, кроме земных наслаждений, нигде нет, и не к чему стремиться, кроме земли: *ешь, пей, веселись* (Лк. 12, 19). А кто думает иначе, тот *несчастнее всех человеков* (1 Кор. 15, 16).

Не весь ли почти мир теперь так мыслит? Все заняты политически социальным устройством. А христианство беспомощно стоит в стороне, не имея сил вдохнуть жизнь в дряхлеющий мир... Пытаются иные, в частности Католическая церковь и менее – протестантское исповедание, содействовать экономическим реформам запутавшегося в кризисах мира; и полагают, будто в этом и состоит служение христианства человечеству, особенно в наше время; не сознают они, что таким пониманием христианства они свидетельствуют о собственном омертвении духовном и этим поют надгробную песнь своим исповеданиям.

Но, не думая о других, всмотримся в себя, в нас, православных: кто же теперь думает о «благодати» как главной цели нашей жизни? Да и знаем ли мы ее? Живем ли в Духе Святом?.. Непонятные слова... Чужие речи на незнакомом языке...

По вере, по традиции продолжаем пребывать христианами, ходим в церковь, исполняем «долг» говения, храним обряды, живем мыслью о будущем Суде...

И вдруг слышим преподобного Серафима: если кто внешне все это исполняет, не достигая благодатных результатов, хотя бы был и монах, тот – «черная головешка», из коей уже не может произрасти живого дерева...

Страшно мне становится...

Мертвая головешка...

А что же нужно? Нужно быть в благодати Животворящаго Духа... Без этого все напрасно: и добрые дела, и молитва, и девство. Все – пустой колос без зерна.

Современный мир, даже христианский, до такой степени ушел от истинного понимания христианства, как благодатной жизни, что иным даже кажется, будто преподобный Серафим дал какое-то новое Откровение или неведомое истолкование христианскому учению. Но это совершенно неверно. И Слово Божие, и творения святых Отцов Церкви говорили и говорят о той же самой сущности христианства, как и богоносный батюшка, отец Серафим.

Учение его было и есть всегдашнее неизменное учение христианства.

Но почему же, по словам Батюшки и Н. А. Мотовилова, многие духовные лица не могли вразумительно и основательно раскрыть основную истину христианства?

Всякий книжник, говорит Господь, выносит из своего сокровища, или книгохранилища, то, что там у него есть или что ему хочется читать (Мф. 13, 52). И, следовательно, если мы не могли этого растолковать и внедрить другим, то ясно, что и сами недостаточно понимали сущность христианства, забыли ее. Не понимали оттого, что не жили ею как до́лжно.

А в светском обществе многие сосредоточивались на «общественном» значении и силе христианства; забывая слова Господа, сказанные им Пилату, представителю земного царства (Ин. 18, 36). Русское общество увлеклось созданием земного царства; постепенно увлеклось практически, а потом и идейно, материализмом, выродившимся в то богоборчество, свидетелями коему являемся мы теперь и в России и во всем мире, независимо от разных политических форм жизни.

Омирщение проникло и в Церковь нашу...

Ныне Господь очищает Свою Церковь горькими скорбями. Слава Богу!

Накануне этого-то омирщения, материализма, неверия и богоборчества, точно молния прорезал темную ночь мира величайший угодник, преподобный Серафим, своим житием и учением.

Сам он опытно ведал и показал всему миру эту жизнь во Святом Духе. Не у одного лишь Н. А. Мотовилова открылись тогда и после глаза, а и у великого множества епископов, пастырей, монахов, богословов, благочестивых мирян.

«Всему миру» нужно это дивное Откровение предсказал сам Батюшка.

И действительно: не только нам, но еще больше инославному миру нужно это озарение, ибо в западном мире христианство или совсем умирает, или же им пользуются для социальных перестроек жизни. И чем дальше, тем больше стараются истолковать Христово Евангелие с односторонней точки зрения – его пользы для общественных и экономических задач жизни.

Какая слава для Православия, что именно оно возрастило такого великого святого, подобного которому не знает католичество (а у протестантов вообще нет святых)!

Какая радость для нас, православных, что он жил в нашем веке, что лишь недавно померли видевшие его живым – супруга Мотовилова, Елена Ивановна, дождавшаяся открытия мощей святого в 1903 году!

Мы сами слабо зрим благодать Святаго Духа; но мы чрезвычайно, безмерно счастливы и благодарим Бога, что среди нас, в наши дни жил человек, который воочию показал нам и всему миру, что значит жить во Святом Духе!

Это не мечта, не благочестивое только желание, не теоретическое лишь учение, а подлинный несомненный факт, дивное событие, очевидная истина: был человек в полноте благодати!

Был, несомненно был!

И жил, несомненно жил во Святом Духе!

Через это мы видели Христианство въяве!

Как земля, орошенная обильным дождем после засухи, так и Христианство после преподобного Серафима оживает для нас, начинает зеленеть, светиться подлинным своим светом! «Святым Духом всяка душа живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне», – поет Церковь со святым Серафимом. Радуемся с ними и мы!

Должно сказать, что Саровский угодник не только великий Чудотворец – но и всемирный светильник Духа Святаго, пророк Божий нашего времени!

Богу же нашему в Пресвятой Троице слава ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Н[иколай Петрович] П[опов]

Богословское рассмотрение «Беседы преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни»

Предлагаемая вниманию благочестивого читателя «Беседа преподобного Серафима о цели христианской жизни» есть не собственноручное писание великого Старца, а запись, сделанная по памяти единственным слушателем этой беседы, симбирским помещиком и совестным судьей Николаем Александровичем Мотовиловым.

...Глубокий почитатель преподобного Серафима, Николай Александрович всегда пользовался особенною любовью его, называя себя «служкой Серафимовым». Необычным доверием и любовию с своей стороны платил ему и Преподобный, отечески неусыпно руководя его духовною жизнию и по мере возрастания и преуспеяния его в ней все больше вводя его как своего наперсника и друга в тайны своего духовного делания не для его личного только пользования, а для того, чтобы чрез него и для других стать в ряду Отцов и учителей Церкви в собственном смысле.

Такое именно назначение и значение имела и имеет, несомненно, и предлагаемая «Беседа преподобного Серафима с Николаем Александровичем Мотовиловым о цели христианской жизни», происходившая в конце ноября 1831 года в лесу, возле Ближней пустыньки, в версте от Саровской обители.

В 1909 году М. А. Новоселов называет «Беседу» эту «целым событием, огромным по своему религиозному смыслу...». «Простота и вместе мудрость слов, – пишет он, – здесь чередуются в ней с явлением Духа и силы. Дух захватывает, когда, внимая сердцем таинственной беседе великого раба Божия, мысленно представляешь эту чудную и чудесную картину сошествия Святаго Духа на “убогого” Серафима и воистину треблаженного друга его на тихоснежной поляне уединенного Сарова. Как просто и вместе как необычайно; как естественно и вместе как чудесно! Рушится грань не только между мыслимым и являемым, но и между духом и плотью, ибо последняя, озаряемая и проницаемая Духом Божиим, как бы возводится в первоначальную светлость и красоту, в достойное жилище осияваемых благодатью душ».

От того дня и навеки немеркнущая небесная слава преподобного Серафима, явленная и являемая нам Го-

сподом в нетлении святых мощей Преподобного и неисчерпаемом море чудес его, – залог и непререкаемое ручательство истинности этих свидетельств о таком духоносном значении этой беседы Преподобного как «слова святоотеческого».

Так для истинно и искренно верующих чад Православной Церкви. К сожалению, не так для тех, которые хотят и любят быть не чадами Православной Церкви, а судьями ее и самозваными учителями. Между таковыми нашлись даже такие, которые увидали в «Беседе преподобного Серафима» не истинное, согласное с учением Слова Божия и святых Отцов Церкви учение – понимание сущности христианской жизни как жизни *духовной* – в Духе Святом, благодатною силою Его проходимой, а искажение этого учения в сектантском духе и направлении, в смысле мистицизма или западных квиетистов, или наших мистиков старого и нового времени – Лабзина, иоаннитов и др. В оправдание своего суесловия эти клеветники ссылаются на то, что «Беседа преподобного Серафима о цели христианской жизни» есть не собственноручное писание Преподобного, а запись по памяти, сделанная светским человеком.

Горько и больно, конечно, для истинно и искренно верующих чад Православной Церкви, отраду и утешение, ободрение и поучение, а то и полное духовное возрождение обретающих в этом духоносном слове преподобного Серафима, такое гнусное обвинение, исполнение самой невежественной лжи и злого лукавства, но оно, как крестный путь Господа, неизбежно для праведника в настоящем мире лжи и лукавства. В этом мире почти всегда так бывает, что, чем праведнее жизнь, чем больше страданий, чем выше и чище истина, тем яростнее нападение на нее и наглее клевета. О Самом Спасителе нашем Господе Иисусе Христе еще во дни Его земной жизни,

когда одни говорили, что Он благ, *инии же глаголаху: ни, но льстит народы* (Ин. 7, 12). И это вполне понятно и естественно: *душевен человек не приемлет яже Духа Божия: юродство бо ему есть, и не может разумети, зане духовне востязуется* (1 Кор. 2, 14).

Неразумие же этих душевных людей – их крайнее духовное невежество и отсюда неспособность понимать, видеть в истинном свете «Беседу преподобного Серафима», говорящую о стяжании Святаго Духа как цели христианской жизни, сказывается во всем и, обличая лживость их речей, только еще ярче выставляет православную истинность этой «Беседы».

Они укоряют «Беседу» за то, что она записана светским человеком, забывая, что сами-то они, будучи в большинстве светскими по своему внешнему положению, берутся все-таки судить о духовных предметах. Но различие между светским и духовным человеком определяется не внешним положением их, не одеянием и вообще не одною внешнею жизнию, а внутреннею, и ею больше, чем внешнею. По учению св. апостола Павла, духовный человек есть тот, кто живет не по плоти, а по духу. *Сущий бо по плоти плотская мудрствует, а иже по Духу, духовная. Мудрование бо плотское смерть есть, а мудрование духовное живот и мир; зане мудрование плотское вражда на Бога: закону бо Божию не покоряется, ниже бо может. Сущии же во плоти Богу угодити не могут. Вы же несте во плоти, но в дусе, понеже Дух Божий живет в вас. Аще же кто Духа Христова не имать, сей несть Егов* (Рим. 8, 5–9). Вот истинные различия между духовными и светскими людьми, и с этой точки зрения иные духовные по своему внешнему положению и одеянию могут быть названы душевными, плотскими по своей жизни, мирскими, а мирские по одеянию и внешнему положению –

духовными по своей духовной жизни. А такой именно, в собственном смысле духовный, и был Николай Александрович Мотовилов, имевший постоянное общение с людьми духовными по своей жизни – подвижниками и сам любивший посещать святые обители, Божии храмы, соблюдавший церковные уставы и часто приступавший к Святым Таинствам Церкви, особенно к Святому Причащению, как наставлял его во всем этом и преподобный Серафим и как читаем мы и об этом в записанной Н. А. Мотовиловым «Беседе» его.

Нет сомнения, что и сектанты мистического направления, и старого и нового времени, и западные и наши русские постоянно говорят о Святом Духе, об общении с Ним как сущности и конечной цели христианской жизни, как говорит об этом в своей «Беседе» и преподобный Серафим; но это общение не только не имеет ничего общего с тем стяжанием Святаго Духа, о котором проповедует преподобный Серафим, а есть совершенно противоположное ему явление, как противоположны между собою ложь и истина, подлинная монета и фальшивая, или подделка ее.

Знаток святоотеческих творений и толкователь посланий святого апостола Павла, глубокий богослов и вместе великий подвижник, епископ Феофан Тамбовский в своих «Письмах о духовной жизни», написанных по поводу писем (о духовной же жизни) Сперанского, в разъяснение разнообразных путей этой жизни в ее истинно апостольском и святоотеческом понимании так между прочим говорит об общении с Богом как сущности христианской жизни, как оно понимается и достигается в Православной Церкви, в отличие от так называемого мистического сектантства, в котором обвиняли Сперанского: «Наглядное оправдание его (Сперанского) от нареканий в квиетизме и мистицизме представляют

его молитвенное обращение к Божией Матери, к Ангелу Хранителю, его говение, исповедь и причащение, чтение Слова Божия и простое его понимание, а тем паче чтение житий святых. Все это такие занятия и действия, на которые ни за что не согласится самый плохой мистик и квиетист... Его (Сперанского) собственный язык, конечно, был язык православный, церковный, язык Святых Отцов и "Добротолюбия". Они (мистики-сектанты) искали живого общения с Богом, но не тем путем искали, а главное, надеялись своими усилиями и как бы по праву завладеть тем, что надлежало принять как дар этой милости. В напряжениях этой самонадеянной самодеятельности разгоралось воображение и порождало мечтательные ожидания, которые, как жарко желаемые, скоро показались и сочтены исполнившимися и цель трудов достигнутою. Все это раскрашивалось самыми привлекательными красками и представлялось в образах прелестных, в мечтательных, заоблачных созерцаниях. Писания их завлекают, ибо говорят о дорогих сердцу предметах, но они только манят, но ничего не дают. Это отличительная черта всех их. И истинная во Христе жизнь есть жизнь сокровенная (мистическая). Апостол Павел называет ее *животом, сокровенным со Христом в Боге* (Кол. 3, 3). Но в явлении своем она очень проста. Неведомо, как приходит Дух и возбуждает к покаянию. Совершив потом этот внутренний переворот, Он потом вооружает верующее сердце на многотрудную борьбу со страстями, руководит в ней и помогает. Эта борьба есть у всякого, более или менее долгая и болезненная; она приводит к чистоте сердечной, ради которой верующий труженик удостаивается и яснейшего постижения истин Божиих, и сладостнейшего ощущения того и другого в таких чертах, какие определены в Евангелии и писаниях апостольских. Это последнее

является уже в конце долгих трудов и многих испытаний как венец наградный. Мистики же за эту верхнюю точку совершенства прямо и преимущественно и хватаются и ее-то и живописуют, как она рисуется в мечтах их воображения, всегда в ложных красках».

Эту некороткую выписку о сущности и характере духовной жизни как общения с Богом, как она понимается Православной Церковью и сектантами, мы нарочито сделали из такого авторитетного духовного писателя-богослова, каков есть епископ Феофан, для того, чтобы для читателей «Беседы» преподобного Серафима яснее и несомненнее стала не только невежественная ложь не разумеющих истинного христианства клеветников Преподобного, а и подлинного Православия, святоотеческая истинность учения его о стяжании Святаго Духа как цели христианской жизни. Знающие житие Преподобного, его «жестокое жительство» в пустыньке и многотрудные подвиги поста, покаяния и непрестанной молитвы не нуждаются, конечно, ни в каком разъяснении, как и насколько в этом житии сказалось истинно православное учение о сущности христианской жизни в его отличии от сектантского и ложно-мистического, а нуждающиеся в таком разъяснении найдут его в прекрасной книге Лодыженского «Свет незримый», где «сладостнейшие ощущения» Богообщения Преподобного как «венец наградный» раскрыты в их подлинном свете и в полной противоположности тому, что известно о мечтательных переживаниях, например, Франциска Ассизского, так восхваляемого Джеймсом в его «Многообразии религиозного опыта». А чтобы видеть, что это же именно истинное православное святоотеческое учение о сущности христианской жизни как стяжании Святаго Духа Божьего, а не сектантское какое мудрование излагается и в «Бе-

седе», выпишем из нее хотя самое существенное для обличения сказанных обвинителей.

Правда, преподобный Серафим говорит здесь, «что молитва, бдения, пост и всякие добрые дела, сколько сами по себе ни хороши, однако не в делании их заключается цель христианской жизни; они служат лишь средствами, способами, чрез которые приобретается эта конечная цель, и цель эта есть приобретение человеком Святаго Духа Божия». Показав на деле Н. А. Мотовилову, что такое есть присутствие Духа Святаго, и показав это в наибольшей для естества человеческого мере, преподобный Серафим, однако, сказал, что «он, Мотовилов, никогда более в своей жизни подобной великой силы присутствия Божия испытывать не будет, ибо и святые угодники Божии, употребившие подвижнические труды целой жизни, не всегда подобную силу Духа иметь удостаивались; но что если он, Мотовилов, когда-нибудь будет чувствовать что-либо подобное, хотя в малой степени, то знал бы, что это и есть присутствие с человеком Господа Духа Святаго. Ну а теперь, прибавлял преподобный Серафим, за нами дело, чтобы, труды к трудам прилагая, восходить нам от силы в силу и достигнуть меры возраста исполнения Христова, да сбудутся и на нас слова Господни: "Терпящие же Господа, тии крепость, окрилотеют, яко орли, пойдут и не взалчут, пойдет от силы в силу, и явится им Бог богов в Сионе разумения и небесных видений, ибо Царствие Божие, Дух Святый, приобретается подвижническим трудом, и так трудящиеся Его приобретают"».

Подобно Святым Отцам, преподобный Серафим говорил, что больше всего Дух Святый приобретается чрез непрестанную молитву, в которой необходимо пребывать в великой неотступности и духовной борьбе. «Как бы вы ни начали молиться, однако молитесь не переставая до

тех пор, пока не почувствуете присутствия Духа Святаго. И всегда рассуждайте, в Духе Божием находитесь вы или нет. И если нет, то рассудите, по какой причине Господь Бог Дух Святый вас оставил, и вновь ищите Его, покаявшись, и не отставайте до тех пор, пока Он снова не будет с вами Своею благодатью. На отгоняющих Его от нас, врагов наших, надо так нападать, покуда прах их возметется. И чем больше борьбы, и хотя даже поражений, а потом побед чрез то, что не отчаялись во всепрощающем милосердии Божием, а также чрез покаяние и причащение Пречистых Тайн Христовых, – тем больших венцов еще в здешней жизни получить удостоимся».

Далее преподобный Серафим объясняет, что отступление от человека Духа Святаго бывает или по причине соделания человеком греха, или как испытание степени веры человека, и что прохождение истинно христианской духовной жизни, приобретение Святаго Духа Божия возможно не одними монахами, но и людьми, находящимися в условиях мирской жизни, притом обязательно православного вероисповедания, то есть имеющими правую, лишенную всяких заблуждений веру, сохраняющими заповеди Господа Иисуса Христа и предания и постановления Соборной Апостольской Церкви; вне этого никогда, нигде и ни в ком истинного проявления Духа Божия не было и быть не может.

Сам Господь наш Иисус Христос, говоря ученикам о Царствии Божием, сказал: «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не умрут, прежде чем увидят Царствие Божие, пришедшее в силе», и вскоре после того, взяв с Собою трех учеников, на горе Фавор преобразившись пред ними, показал им, что такое есть Царствие Божие; в день же Пятидесятницы, в Сошествие Святаго Духа, все апостолы возымели о том ясное понятие. Древние христиане получали это понимание чрез святых апостолов; так,

апостол Павел, придя в Ефес (Деян. 19), нашел некоторых крестившихся, но не слыхавших о том, что есть Дух Святый; когда же апостол возложил на них руки и Дух сошел на них, то и они получили ясное познание о Духе Божием. После апостолов это познание передавалось последующим христианам чрез поставленных апостолами епископов. «Но, – говорит преподобный Серафим, согласно с преподобным Григорием Синаитом, – понимание это постепенно исчезало, вместо веры действенной приобрели веру невежественную, мертвую по Духу, и под предлогом просвещения зашли в такую тьму духовную, что не стали не только понимать этого, но и верить этому, и редко можно встретить человека, в котором находится истинное проявление духовной жизни».

То обстоятельство, что Н. А. Мотовилов получил это познание чрез отца Серафима, подтверждает мысль, выраженную всеми Святыми Отцами, что точное познание о духовной жизни, о Духе Божием приобретается не иначе, как чрез *научение,* и «всякий, кто начинает это искание сам собой, без совета и указаний людей истинного духовного опыта, – легко впадает в прелесть, прельщается, мечтая и воображая различно, что все испытываемое и ощущаемое им и есть действие Святаго Духа; между тем как на самом деле это или измышление ума человека, область фантазии, или же действия духа тьмы». Крайне редко кто, подобно Максиму Кавсокаливту, получил это понимание прямо от Господа или Богоматери, а потому необходимо просить Господа указать и искать наставника, украшенного не внешними иноческими подвигами, и не сединой преклонных лет, и не мудростью или ученостью сего мира, но человека, имеющего истинные дарования и дары Духа Святаго.

Нет, думается, нужды подробно разъяснять и доказывать, что учение преподобного Серафима о стяжании

Святаго Духа как цели христианской жизни есть учение апостольское, изложенное в их богодухновенных писаниях, особенно же в Евангелии от Иоанна и Послании святого апостола Павла к Римлянам. Кто внимательно читал это Евангелие, тот не мог не заметить, что чрез все это Евангелие красною нитью, связующею и объединяющею собою разнообразные обетования Спасителя о блаженстве, к которому должны приводить человека заповедуемые Им пути жизни, с заповедью о любви во главе их, как и слово о цели пришествия Спасителя и существе принесенного Им спасения, проходит мысль о единении верующих в Него как Единородного Сына Божия, с Ним, а чрез Него Единосущного Отцу, и с Богом Отцем, не только Духом Святым, а и в Духе Святом, или, что то же, о стяжании Духа Святаго как цели христианской жизни (например: Ин. 1, 16–17[1]; 3, 3–8; 4, 3–8; 4, 10–26; 6, 62–63; 7, 37–39; 14, 16–20 и 26; 15, 26; 16, 7–15 и др.[2]). И мы знаем, что пока не пришел этот посланный от Отца вознесшимся к Нему Господом Иисусом в пятидесятый день по Его Воскресении Утешитель Дух Святый и не сошел на возлюбленных учеников Христо-

[1] Достойно внимания, что первому митрополиту из русских, святому Илариону Киевскому, жившему на заре христианства в России (в XII в.) и великому подвигами поста и молитвы в пещере, ставшей родоначальницей Киево-Печерской лавры, принадлежит знаменитое «Слово о Законе и Благодати», в котором он разъясняет учение о сущности принесенного Христом спасения на основании и в смысле слов святого Иоанна Богослова: *закон Моисеом дан бысть, благодать же и истина Иисус Христом бысть* (Ин. 1, 17); в полном соответствии с этим словом первого, так сказать, русского богослова стоит и то, что говорит в последнем по времени труде своем первейший современный богослов Н. Н. Глубоковский «Православие по его существу»: «Для Православия христианство является не учением, а жизнью таинственного общения с Богом во Христе и благодатного обновления от Духа Святаго в целокупном братстве верующих».

[2] Указание и разъяснение всех этих именно и др. мест и разъяснение их в данном смысле см. в статье священника И. Соловьева «Поклонение Богу в Духе и Истине» (Вера и Церковь. 1889. Кн. IV–V).

вых, которых до того времени Сам Он научал тайнам Царствия Божия и которые на словах и тогда за него готовы были в темницу и на смерть, на самом-то деле не только отрекшись убежали от Него при взятии Его воинами и осуждении Его (Мф. 26, 33 и 56, 69–74), а и не всегда способны были даже усвоить Его учение о спасении и поверить Ему (см., например: Ин. 14, 5 и 8, 22; 16, 12, 17–18; Мф. 20,21; Мк. 6, 52; Лк. 24, 11 и 21; Деян. 1, 6 и др.). Когда же Дух Святый сошел на них в виде огненных языков (Деян. 2, 3–6), они не только в тот же час вспомнили и усвоили, чему учил их Иисус Христос, а и тогда же смело шли за Него на суд и в темницу и потом пронесли это учение по всему миру, преподав его в оставленных ими писаниях в необъятной для мудрецов мира сего глубине и высоте, и, возрожденные и обновленные духовно, с радостию шли на страдания и смерть, иногда самую по суду мира позорную и по немощи плоти мучительную, как на желанную, ибо смерти уже нет, и видимая смерть есть лишь дверь ко Христу и вечной жизни. Особенно драгоценно в этом отношении для нас то, что мы знаем о более всех потрудившемся в апостольстве и, может быть, более всех страдавшем внешне святом апостоле Павле, который из гонителя христиан, дышавшего на них гневом, стал апостолом и, трудясь непомерными трудами, говорил: *Все могу в укрепляющем меня Иисусе* (Флп. 4, 13), *ибо уже не я живу, но живет во мне Христос* (Гал. 2, 20); *для меня жизнь – Христос, а смерть – приобретение* (Флп. 1, 21). В своем Послании к Римлянам, не напрасно именуемом некоторыми пятым Евангелием, выясняя сущность принесенного Иисусом Христом спасения, которого не имели язычники и не давал закон и которое должно обнять собою не только род человеческий, а обновить и возродить и весь видимый мир, он гово-

рит именно о посланном Христом в мир Духе Святом, Который упраздняет немощное закона, споспешествует нам в самих молитвах наших, оживления которым чает вся тварь, повинувшаяся тлению за повинувшего ее, и к стяжанию которого Он и зовет всех как к цели христианской жизни. В этом отношении преимущественное значение в самом Послании к Римлянам имеют 5, 7, 8-я и следующие главы, кончая 11-й. *О, глубина богатства и премудрости и разума Божия! Яко неиспытани судове Его, и неизследовани путие Его* (Рим. 11, 33), – заключает свою богодухновенную философию не по стихиям мира, а по Христе святой апостол Павел.

Верные слову апостольскому, истинные ученики Христа Спасителя, наследники Божии и сонаследники Христу, уже вошедшие в славу Его, преподобные отцы и учители наши, кроме жизни своей святой и Богоугодной, оставили нам и писания свои, в которых в наше наставление и поучение и изображали, как каждый из них способами, различными по видимости, но совершенно одинаковыми по внутреннему содержанию, шел по пути заповедей Христовых и тем восстановлял в себе Образ Божий, истлевший в нас страстьми... Остановив свое внимание на заповеди Господа о любви к Богу и ближнему, к которой сходятся все, как бы они ни были разнообразны, все угодники Божии начинали исполнение ее с утверждения в любви к Богу, ибо опытно познавали, что без нее не может быть и истинной любви к ближнему, а с преуспеянием в ней и стяжанием чрез нее Духа Святаго, содействием этого Духа легко достигается и истинная любовь к ближнему. Поэтому в писаниях их хотя много говорится о посте, бдениях, молитве, о самопринуждении к смирению, о борьбе с помыслами и т.п., однако основанием всему всеми Св. Отцами предлагается непрестанное памятование

о Боге как верный, испытанный способ для исполнения Первой заповеди; проходя его долго и неуклонно, преуспевали они в любви Божией и приобретали чрез это то высокое духовное совершенство, которое заключается в явном соединении человека с Богом, и при посредстве этого единения получали ту удивительную заповеданную Христом любовь к ближнему, которая, как дар Духа Святаго, всегда исполнена бывает дел милосердия, неосуждения, незлобия, кротости, не имеет гордости, тщеславия, зависти и т.д.

Различно исполнялось Святыми Отцами это основное правило их духовной жизни – непрестанное памятование о Боге: одни из них точно и неуклонно исполняли для этого молитвенное правило, состоявшее в псалмопении, коленопреклонениях и других подвигах; другие, оставив внешние видимые подвиги, занимались непрерывно внутренней молитвой Иисусовой, даже тогда, когда заняты были теми или иными житейскими делами, как бы освящая их этою молитвою.

Различно именовали они и то явное соединение человека с Богом, которого достигали путем этого непрестанного памятования о Боге: одни называют его «умосердечной молитвой», другие – «чистой молитвой», третьи – «духовным художеством», иные – «благодатью», или «созерцанием вещей духовных»; а многие выражались с большею ясностью и, подобно, например, Макарию Великому, называют его «стяжанием человеком Господа Бога Духа Святаго».

Знающие житие преподобного Серафима ведают, конечно, – повторим сказанное выше, – как в полной, чрезвычайной и в древние славные времена христианского подвижничества мере и силе проходил он этот боголепный путь жизни во Христе, Христовою любовью обнимая всех труждающихся и обремененных, скорбя-

щих и озлобленных, милости и помощи Божией требующих и всех Духом Святым преизобильно почивавших на нем всячески утешая. В предлагаемой «Беседе» увидят они истинно святоотеческое разъяснение значения этого испытанного им пути в смысле стяжания чрез него Духа Святаго Божиего как цели христианской жизни и с трепетом душевным прочтут, конечно, о том видимом озарении его Духом Святым, которое так напоминает собою то, что говорит Господь о блаженстве праведников в Царствии Небесном, когда просветятся они, как солнце (Мф. 13, 43).

Справедливость настоящего заключения будет совершенно очевидною, если мы наперед «Беседы» предложим несколько соответствующих ей святоотеческих творений.

«Дух Утешитель, приемлемый в Крещении, дает нам, – свидетельствует по собственному изобильнейшему духовному опыту знаменитый основатель пустынножительственного подвижничества, главный поборник Православия против арианства святой Антоний Великий (живший с половины III до половины IV века), – дает нам силу действовать свято, чтобы опять возвести нас в первое славное состояние и сделать достойными получить вечнопребывающее наследие. *Ведайте, что, которые во Христа крестятся, во Христа облекаются* (Гал. 3, 27–28), получая благодать Святаго Духа. И Святый Дух в то же время как становится для них залогом наследия вечного Царства Небесного, научает их тому, как до́лжно поклоняться Отцу *в духе и истине* (Ин. 4, 23). «Я молился о вас, – обнадеживает и наставляет своих возлюбленных чад великий учитель, – да сподобитесь и вы получить того великого огненного Духа, Которого получил я... Он, когда принят будет, откроет вам высшие тайны, отгонит от вас страх людей и зверей – и

будет у вас небесная радость день и ночь, и будете в этом теле, как те, кои уже находятся в Царствии Небесном» (Добротолюбие. 4-е изд. Т. 1. С. 34, 35).

Преподобный Иоанн Лествичник, великий христианский подвижник VI в., оставивший нам в хорошо всем ревнителям благочестия известной «Лествице» изображение пути духовной жизни, говорит в ней: «Бесстрастие есть сердечное небо ума, которое все коварства бесов считает за детские игрушки... Оно есть Воскресение души прежде Воскресения тела... Истинно бесстрастным называется и есть тот, кто тело свое соделал нетленным, ум возвысил превыше всякой твари, все же чувства покорил уму, а душу свою представил лицу Господню... И сие совершенное совершенных несовершаемое совершенство (по слову вкусившего оное) так освящает ум и исхищает его от вещественного, что часто от жизни в теле восхищением на небо возносит к видениям... Кто сподобился быть в сем устроении, тот еще во плоти имеет живущего в себе Самого Бога, Который руководит его во всех словах, делах и помышлениях. Посему таковой через внутреннее просвещение познает волю Господню, как бы слыша некоторый глас и будучи выше всякого человеческого учения, говорит: *Когда приду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 3)».

«Бог на то создал нас, чтобы мы соделывались общниками Божеского естества (2 Пет. I, 4) и *причастниками Его присносущности и подобными Ему являлись* (1 Ин. 3, 2) по благодатному обожению, ради коего все сущее устроено и пребывает, и не сущее еще приводится в бытие и порождается» – так определяет цель человеческой жизни преподобный Максим Исповедник, великий христианский мудрец половины VII в. (см. «Умозрительное и деятельное», § 99). А указывая путь к этой блаженной цели, он начертывает его в таких

словах: «Надлежит разумом вместо неведения к Богу возноситься» чрез познание его взысканием, вожделением очистив его от страсти самолюбия, только к Богу устремляться всем желанием; энергиею, отрешив ее от ненависти, усиливаться улучить единого Бога и создать в себе Божественную и блаженную любовь, с Богом соединяющую и Богом являющую Боголюбца, – любовь, которая из них, то есть из Боговедения и Богожелания, и ради которой они (§ 93). Любовь – вот “дверь”, коею входящий вступает во святая святых и сподобляется быть достойным зрителем неприступной красоты Святой и царственной Троицы» (§ 97).

Преподобный Исаак Сирин – великий подвижник и писатель конца VII – начала VIII века, изображая последовательные ступени, которые проходит человек во внутреннем своем отношении к вопросам духовной жизни, говорит: «Человек, пока в нерадении (то есть не идет путем живой веры и не стремится к Богу Живому), боится часа смертного, а когда приблизится к Богу, боится сретения Суда; когда же всецело подвинется впредь (то есть войдет в область чистой любви к Богу), тогда любовью поглощается тот и другой страх». Любовь эта сладостней жизни и, торжествующая над смертью, рождается, по словам святого Исаака, от истинного познания Бога, а истинное познание есть «ощущение бессмертной жизни, которая сама есть ощущение Бога». «Исполни, Господи, сердце мое жизни вечной», – молится Преподобный, показывая этой молитвой, что жизнь вечная доступна человеку и в этой грешной земле, что она не только предмет чаяния в будущем, но и ощущения в настоящем. Говоря в другом месте о сладости ночного молитвенного бдения, сирский философ свидетельствует, что «в эти часы душа ощущает оную бессмертную жизнь и ощущением ее

совлекается одеяния тьмы и приемлет в себя Духа Святаго» (гл. 42).

«Кто как должно верует во Христа, тот имеет жизнь вечную в себе, которая есть благодать Господа нашего Иисуса Христа», – говорит святой Симеон Новый Богослов (живший в XI веке). «Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, что Христос Господь благодатию Святаго Духа приходит к нам и воскрешает умерщвленные (грехом) души наши и дает им жизнь, и дарует очи видеть Его Самого – бессмертного и нетленного живущим в нас. Постараемся же, – говорит святой подвижник, – сохранить Божественные заповеди и очистить сердца свои слезами и покаянием, да узрим Самого Христа – этот Божественный свет, и да стяжем Его еще здесь, в настоящей жизни, да животворит Он души наши благодатию Всесвятаго Духа и да питает их сладостью чаемых благ Царствия Своего».

«Целью, – говорит он в другом месте, – всех живущих по Богу должно быть благоугождение Господу Иисусу Христу и примирение с Богом Отцем чрез приобретение Духа Святаго и чрез это получить спасение, ибо лишь в этом заключается спасение всякой души. И если у нас нет этого искания Духа Святаго, то напрасен всякий труд и суетно всякое делание наше; бесполезен путь, не ведущий к сему. Кто же обогатился сим небесным сокровищем, разумею, пришествием и вселением в него Христа, Который сказал: *Аз и Отец Мой приидем и обитель у него сотворим* – тот по опыту знает, какую получил радость, какое сокровище имеет в сердце своем; беседуя с Богом, как друг с другом, дерзновенно стоит он пред лицем Того, Кто обитает в нем в свете неприступном. Кто верит тому, что я говорю, тот блажен; кто трудится, чтобы действительно приобрести это, – тот треблажен; кто же достиг и как

сын дошел до Самого Бога, тот, чтобы не сказать мне нечто большее, – Ангел. Кто же думает, что имеет в себе Духа Святаго, на самом же деле не имея, тот, когда слышит, что, однако, действия Святаго Духа явно и ощутительно бывают в тех, которые действительно Его имеют, – никак тому не верит, ибо всякий по собственному духовному состоянию судит и о других. Но кто не сподобился приобрести сие благо, тот пусть винит себя одного, а не говорит в извинение, что дело это невозможное. Будучи обличаем и удостоверяем Святым Писанием, да знает таковой, что дело сие возможно, но по причине нарушения и неисполнения заповедей Божиих каждый сам себя лишает сего блага».

Святой Григорий Палама, архиепископ Солунский XIV века, прославившийся борьбой с варлаамитами в учении о несозданном свете Фаворском, говорил: «Когда единичный ум бывает тройственным, пребывая единичным, тогда он соединяется с Богоначальною Троическою Единицею, затворяет всякий вход прелести, погрешению и заблуждению и становится выше плоти, мира и миродержителя. Избегши таким образом сетей их, всецело пребывает он в себе и в Боге, вкушая источающееся извнутрь духовное радование... Когда кто пребудет в сей собранности ума и в таком простертии к Богу, тогда, сильным самопринуждением утесняя быстротечность своих мыслей, приближается он к Богу, встречает неизреченное, вкушает будущего века и духовным чувством познает, сколь благ Господь» (Добротолюбие. 2-е изд. Т. 5. С. 300–301). «Настоящая смерть, – говорит он же, – есть то, когда душа чрез соделание греха разъединяется с Духом Божиим; имеющие ум должны избегать такой смерти и страшиться. Обратно тому – жизнь души есть соединение с Духом Божиим. И не ревнующие стяжать Духа Святаго еще

здесь, на земле, да не обольщают себя пустыми надеждами получить это там или как-нибудь сподобиться в то время человеколюбия Божьяго, ибо тогда будет время праведного воздаяния, а не милования, время гнева и суда Божия. Итак, надлежит постоянною молитвою стяжать Духа Святаго, и не только стяжать, но и сохранить, ибо есть такие, которые, получив о Нем понятие, опять Его потеряли, так как постоянное терпение в стяжании Его не все имеют».

Все эти собственными опытами духовной жизни добытые и Православною Церковью чтимые святоотеческие свидетельства об ней невольно припоминаются при чтении «Беседы преподобного Серафима о цели христианской жизни» как с этой беседой единомысленные и согласные, и, припоминаясь, как бы сливаются с нею в один голос Единой, Святой, Соборной и Апостольской Церкви Православной.

Но мы не сказали бы самого главного в обоснование своей мысли об истинно церковном, святоотеческом характере и значении «Беседы преподобного Серафима о цели христианской жизни», если бы не привели свидетельства о сущности этой жизни как стяжании Святаго Духа из Творений одного из знаменитейших преподобных мужей IV века Макария Египетского в его «Беседах» и «Словах о Святом Духе». Мы нарочито отложили выписку этих свидетельств к концу, потому что «Беседа преподобного Серафима» представляет собой полное отражение не только мыслей, а и слов и выражений именно этого Святого Отца, в творениях которого это учение, изложенное пространно и проникновенно, более, чем у других, есть главное их содержание.

В своей книге «О совершенстве», которому обязаны все христиане (50 бесед и 7 Слов), святой Макарий Великий говорит, что духовное совершенство есть не иное

что, как явное соединение с человеком Господа Духа Святаго, и во всех беседах подробно указывает на то, что это есть то самое, чего каждый христианин должен достигать в большей или меньшей мере. «Как ни прекрасны, – говорит он же, – пост, молитва и различные способы и подвиги, однако неразумно останавливать на них свое внимание, но, исполняя их, необходимо все свои прошения обратить на приобретение Святаго Духа Божия, ибо Его только пришествие может начать уничтожать постепенно греховные страсти, живущие в человеке, и вести человека к совершенству».

Это о главной мысли «Беседы преподобного Серафима», а вот и всего вообще содержания «Беседы» касающиеся выдержки из творений Святого Отца.

«Адам, – так читаем мы в беседе 12, – преступив заповедь, утратил Образ Божий, в котором состояло все его небесное наследие. Если золотую монету, имеющую царское изображение, обрежут, то пропадет золото, и изображение не придаст ей цены – так, подобно сему, произошло и с Адамом: лишился он Духа Святаго. Не говорим, что человек утратился, нет, но он умер для Бога, живет же собственным греховным естеством, Господь не входит с ним в общение».

Беседа 2: «Посему невозможно разлучить душу с грехом, если Сам Бог не прекратит лукавый, греховный ветр, пребывающий в душе и теле. Но будем умолять Бога, чтобы дал нам “крилы голубины” Святаго Духа, да отлучится от нас лукавый ветр – самый грех, живущий в нас, ибо Ему Одному возможно сделать это».

Беседа 3: «Да будет предметом искания одно: *иметь Господа в уме;* работает ли кто, читает, молится ли – да имеет оное не престающее стяжание Святаго Духа, ибо не дано и невозможно человеку искоренить грех собственною силою; бороться с ним, противиться – в твоих

силах, а искоренить может один Господь. А если не так, то какая нужда была бы в Господнем пришествии? Если же говоришь, что противная сила крепче и порок вполне царит над человеком и сроднился с ним, то обвиняешь в несправедливости Бога, Который осуждает человека за то, что послушался сатаны. Посему утверждаем, что ум есть борец, и борец равносильный».

Беседа 4: «Вот мудрые пять дев поспешили взять елей в сосуды сердца своего, то есть подаваемую свыше благодать Святаго Духа, и могли войти с Женихом в небесный чертог; юродивые же не постарались, пока были еще во плоти, взять сего елея радости и за сие не допущены были в Царство. Так души, взыскавшие ныне необычайного для естества человеческого Святаго Духа, прияли елей небесной благодати и могут непреткновенно угодить Богу; души же, не приобретшие Духа Святаго, пресмыкаются мыслями на земле; сами по себе думают, что принадлежат Богу, но, не прияв елея радости, не возродились Духом свыше, потому что не совлеклись духа мира. Вследствие преслушания первого человека приняли мы в себя греховные страсти и долговременным усвоением обратили их как бы в природу, и теперь опять необычным даром Духа Святаго надлежит нам изгнать из себя сии страсти и восстановить первоначальную чистоту. Да потщится человек благоугодить Господу и на самом опыте ощутительно узреть небесные блага, невыразимое наслаждение в подлинном смысле, “их же око не виде, ухо не слыша и на сердце человека не взыдоша”, – узрит человек Духа Господня, соделавшегося радованием и наслаждением достойных душ. Ибо все, что ни захочет, удобно для Духа Святаго и, преобразуясь, делается видимым для любящих Его. Когда хочет – бывает неизреченным упокоением; когда хочет – бывает огнем, пожирающим всякую нечистоту

греха; когда хочет – бывает радованием и миром, чтобы души на самом опыте насладились благостью и сладостью Его. И душа, которая сподобится принять сию силу свыше, то есть Святаго Духа, отрешается от всякой мирской любви и освобождается от порока. Итак, посвятим себя исканию сего единственного блага. А если это покажется невозможным и неисполнимым (а такая мысль есть внушение злобы и препятствует нашему спасению), то приведем себе на память, как Господь давал прозрение слепым, целил всякую болезнь и воскрешал мертвых; кольми же паче душу, которая у Него просит милости, приведет к чистоте, даст Духа Святаго просящим у Него; сим убеждая нас к тому, чтобы непрестанно, неотступно, неутомимо просили мы у Него сего блага».

Беседа 5: «Апостол Павел, рассуждая о сем небесном сокровище, то есть о Духе Божием, и описывая чрезмерность скорбей, показывает, что каждый должен искать и что обязан приобрести, говоря: “Вемы бо, яко, аще земная наша храмина разорится, создание от Бога имамы – храмину нерукотворну на небесах”. Посему каждый должен стараться приобрести оную храмину и верить, что приобретается она еще здесь, на земле. И те, которые суть в действительности христиане, радуются, исходя из тела, ибо имеют оную храмину нерукотворну; храмина же сия есть обитающий в них Святый Дух. И в какой мере приобретет каждый Святаго Духа, в такой мере будет в день всеобщего Воскресения и прославлено тело его. Поэтому до́лжно верить и ожидать с великим терпением и надеждой, что ныне еще можем сподобиться принять в себя силу и славу Святаго Духа, и будем просить Господа, чтобы еще ныне нам сделаться причастниками оной славы и возыметь общение со Святым Духом. И ты, как скоро слышишь это, обрати

внимание: подлинно ли это приобретено твоей душой? Ибо это не слова, произносимые мной просто, но дело истинно, в душе совершаемое явно. Горе душе, если, остановившись на своей природе, не имеет она общения с Духом Божиим, потому что умрет, не сподобившись вечной жизни. И это, повторяю, не просто произносимые слова, но дело духовной жизни, совершаемое в душе, достойной и верной».

Беседа 8: «Благодать Духа Святаго действует в человеке различно, иногда возгорается и воспламеняется сильнее, а иногда слабее и тише; сверх того иным являлось светоносное одеяние, которого нет на земле, ибо, как Господь с апостолами, вошедши на гору, преобразил ризы Свои и сделал их молниевидными, так бывало с оным одеянием, и человек удивлялся и изумевал. В иное время свет сей отверзал внутренний, глубочайший свет, и человек, поглощенный сладостью сего созерцания, не владел собой, но был как бы вне себя по причине преизобилующей любви и радости. И человек, которому показано сие и который изведал сие опытом, если бы это все продолжалось с ним постоянно, не мог бы принять на себя никакого Домостроительства Слова, не согласился бы ни слышать, ни позаботиться о себе, но только бы стал сидеть в восхищении и упоении. Почему находиться постоянно в такой совершенной мере не дано человеку».

Беседа 9: «Однако действенность благодати Святаго Духа совершается в душе великим долготерпением, когда человек подвизается в продолжение времени и целых лет, когда после многих испытаний окажется благоугодным Святому Духу. Душа приемлет дарование Святаго Духа после долговременного борения, после опытов великого терпения, после искушений и испытаний всякими скорбями, когда ни в чем не оскорбит Духа Божия – и сего причастными делаются только одни ис-

тинные христиане. Для сего необходимо, чтобы весь ум всецело принял на себя попечение об искании сего и с терпением пребывал в ожидании наития Святаго Духа».

Беседа 10: «Души боголюбивые если за веру свою и сподобятся быть причастниками сего небесного веселия, то не полагаются на себя, почитая чем-либо, но в какой мере приобретают Духа Божия, в такой мере по ненасытимости небесного ощущения с бо́льшим напряжением взыскуют оных. Они достойны вечной жизни, избавляются от страстей и в полноте приемлют озарение и причастие и общение со Святым Духом. Души же расслабленные и немужественные, потому что находятся во плоти, не стараются *не отчасти, но совершенно с полным ощущением и несомненностью* быть в общении с Утешителем – Духом Божиим, посему самому не приемлют избавления страстей. Приять же полную силу Духа возможно не вдруг; напротив того – многими трудами и подвигами после испытаний и искушений приемлют сие духовное возрастание и достигают даже до совершенной меры бесстрастия».

Беседа 11: «Тот небесный Огнь Божественного Духа, который христиане здесь еще приемлют внутрь себя, – когда разрушится тело, начнет действовать вовне и снова сопряжет члены, совершит Воскресение. Так ныне верные души приемлют в себя сей Божественный и небесный Огнь, и сей-то Огнь производит в человеке *Небесный Образ».*

Беседа 14: «Всякое видимое в мире дело делается в надежде получить пользу от труда, иначе напрасны и труды – так человек, проводя время в молитвах, и прошениях, и подвигах, должен ожидать Господа, когда придет и явит ему Себя, и не должен человек надеяться на свои труды, пока не придет Господь и не будет обитать в человеке *со всяким ощущением и действием Святаго Духа».*

Беседа 15: «Христиане должны переносить скорби и внешние и внутренние брани, чтобы все побеждать терпением. Таков путь христиан: где Дух Святый, там, как тень, следует гонение и брань! Вы все, соделавшиеся причастниками Святаго Духа, ни в чем – ни в малом, ни в великом – не поступайте с пренебрежением и не оскорбляйте Духа Божия, чтобы не лишиться Его, ибо те, которые стали причастниками Его, если не будут осторожны, угасают».

Беседа 17: «Те, которые приобрели небесный елей радования, приемлют печать нетленного Царства – Самого Духа Святаго Утешителя; сии могут взойти в меру совершенства и не дивятся тому, что будут царствовать со Христом в будущем веке, ибо, будучи еще во плоти, приобрели в себе сие ощущение сладости и действия Духа Святаго. Вкушение Святаго Духа производит неутолимую, почти духовную, жажду, которая по справедливости уподобляется жажде человека. И это, говорю, не одни слова, но действие Святаго Духа».

Беседа 18: «Поэтому кто приобрел и имеет в себе сие небесное сокровище Святаго Духа, тот чисто может совершать всякую правду по заповедям. Через приобретение Духа Святаго душа производит плоды Духа и без всякого труда исполняет все заповеди Господни, чего ранее без него исполнить была не в силах».

Беседа 19: «Сподобившиеся принять Духа Святаго бывают многообразно и различно путеводимы Им. Иногда они бывают обвеселены и радуются радостью и веселием неизглаголанным; иногда бывают упокоеваемы Божественным покоем; иногда, как бесплотные Ангелы, чувствуют в себе такую же легкость и окрыленность, находясь еще в теле; иногда бывают как бы в упоении питием, возвеселяемые Духом; иногда плачут и молятся за все человечество, воспламеняемые к нему

духовной любовью; иногда имеют такую духовную радость и любовь, что готовы вместить в сердце своем всякого человека, не различая злого и доброго. Иногда, получив истинное смирение, исходящее от Духа, готовы унижать себя перед всяким человеком и почитать себя последними и меньшими из всех; иногда делаются подобными сильному воину, выходящему на брань на врагов, чтобы победить их; иногда упокоеваются в великом мире и тишине, пребывая в одном духовном удовольствии, в неизреченном упокоении и благоденствии. Так разнообразно действует в человеке Святый Дух. Но сии перечисленные нами действия Духа проявляются в такой большой мере в людях, близких к совершенству, и совершаются непрерывно, так что одно действие Духа следует за другим. Так люди сии, водимые Духом Святым, уподобляются Христу».

Беседа 20: «Если кто не имеет у себя божественной и небесной ризы, то есть силы Духа Святаго, как сказано: *Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов,* то да плачет и умоляет Господа, чтобы приять ему сию подаваемую с неба ризу, потому что покрыт великим стыдом страстей и бесчестия, кто не облечен в сию ризу Духа. Господь отвращается от душ, которые не облечены с полным удостоверением в ризу Духа. Только силою Божественного Духа, сим одним врачеством может человек получить исцеление – по очищении сердца Духом Святым, и Господь обещал дать Духа Святаго просящим у Него! И не ложен Обещавший!»

Беседа 26: «Человек может отречься от мира, удалиться, пребывать в молитвах и бдении, может любить Бога и братий – и это есть его собственное дело, но если ограничится он сими деланиями и не будет надеяться принять нечто иное, и не повеет на душу ветр Святаго Духа, то человек не принесет достойных плодов Господу».

Беседа 27: «Христианство не есть что-либо маловажное: оно есть великая тайна, и тайна сия необычна для мира сего, ибо, говорит апостол: “Вера наша не в препретельных человеческие премудрости словесех, но в явлении Духа и силы”».

Беседа 29: «Иные как скоро преступят с верой, то без их трудов, без потов и подвигов предваряют дарования и дары Духа Святаго. И сие дается Господом не без причины и не как случится, а по непостижимой некоей премудрости Его, а иным, хотя и удалились из мира, отреклись по Евангелию от всего и проводят время в посте и молитвах, – Господь не скоро дает сие благо, но медлит и удерживает сей дар. И сие не без причины и не как случится, но опять-таки по неизреченной премудрости для испытания веры их. Однако нужно верить, что, пребывая еще во плоти, сподобятся и они сей небесной благодати и сподобятся вечной жизни. Посему кто старается уверовать, тому надлежит молиться, чтобы здесь еще приять Духа Святаго ему, и для того было пришествие Господа, чтобы здесь еще возвратить человеку утраченное им – Духа Святаго, сотворить в душе человека Себе обитель. И кто не искал и не приял сего здесь, то по исшествии из тела отлучается уже в страну тьмы».

Беседа 32: «Когда душа твоя будет в общении с Духом Святым и сия небесная душа войдет в душу твою, тогда совершенный ты человек в Боге, и наследник, и сын».

Беседа 37: «Но если бы нашелся кто и возразил, что одни апостолы могли так явно приять Духа Святаго, а нам сие невозможно, то апостол Павел говорит: *Аще кто Духа Христова не имать, сей несть Егов».*

Беседа 38: «Вопрос: если некоторые продают имения, отпускают на свободу рабов, стараются исполнить заповеди Божии, но не стараются в мире сем приять Свя-

таго Духа, то неужели не войдут они в Царство Небесное? *Ответ:* это предмет тонкий для рассуждения, ибо некоторые утверждают, что Небесное Царство одно и геенна одна; мы же говорим, что много степеней, различий и мер и в Царствии Небесном и в геенне».

Беседа 41: «Благодать Святаго Духа может в одно мгновение очистить человека и сделать его совершенным, однако начинает посещать душу постепенно для испытания человеческого произволения. И в продолжение времени и многих лет если душа ничем не огорчит Духа Святаго, то благодать Его пускает корни до глубочайших составов и помышлений души, пока вся она не будет объята всей благодатью Небесного Духа».

Беседа 42: «Души, украшенные лишь мирскими знаниями, разумением и самым острым умом, подобны большим городам, не имеющим крепких стен от врагов, и потому мудрые века сего – Аристотель, Платон, Сократ – при всех знаниях своих уподобились сему, ибо опустошены были духовными врагами, потому что не было в них Духа Божия».

Беседа 43: «Христиане обязаны иметь всегда памятование о Боге, ибо написано: *Возлюби Господа Бога от всего сердца*, то есть не только когда ходишь в церковь, люби Господа, но и находясь в пути, и беседуя, и вкушая пищу имей памятование к Богу, любовь и приверженность к Нему».

Беседа 44: «Господь наш Иисус Христос для того и пришел, чтобы изменить, преобразить душу, низложенную вследствие преступления греховными страстями, создать ее вновь собственным Своим Божественным Духом, влить в нее “вино новое”, то есть Духа Святаго».

Беседа 49: «Если кто ради Бога оставил все, отрекся от мира, распял себя самого, сделался странником, нищим, но вместо всего сего оставленного не обретет в

себе Божественное упокоение, не облечется в ризу Духа Святаго, не познает в душе с несомненностью общение с Небесным Духом, не приобретет внутрь себя радость Духа – то стал он “солию обуявшей”; он жалок паче всех людей: и здешнего лишил себя, и Божественным не насладился, не познал по действию Духа Божественных тайн. Посему если удалишься от всего житейского и прилежно будешь пребывать в молитве, то познаешь, что сей труд принесет тебе величайшую радость: Сам Бог вселится в тело человека, и Господь имеет у Себя прекрасную обитель – человека! Как небо и землю сотворил Он для обитания человеку, так тело и душу человека создал Он в жилище Себе, чтобы вселиться и упокоеваться в теле его, как в доме Своем».

Слово 3, гл. I: «Царствие Божие внутрь вас есть – сими словами означается, что небесное веселие Духа Святаго в душах достойных выражается явственно, ибо души сии через действенное общение с Духом Божиим здесь еще приемлют начатки того веселия, той радости, того наслаждения, которого святые в Царствии Христовом приобщаться будут в вечном свете».

Слово 3, гл. XI: «Утверждающим, что невозможно достигнуть совершенства и полного освобождения от страстей и сподобиться явного общения со Святым Духом, необходимо представить из Божественных Писаний и доказать, что говорят они ложно и худо знают дело, ибо Господь говорит: *Будите убо совершении и вы, яко же Отец ваш Небесный совершен есть,* – означая сим совершенную чистоту».

Слово 4, гл. XIII: «Необходимо также позаботиться и испросить у Господа приобретение великой рассудительности, чтобы уметь входить в исследование многообразных козней лукавого, который обольщает человека благовидным представлением. Поэтому не поддавайся скоро

внушениям духовных сил, хотя бы это были и сами небесные Ангелы, но будь медлителен, ибо действия Святаго Духа не неявны и грех не может произвести оных, хотя бы и принял на себя личину добра; так если сатана и представит светлые видения, но не может при этом произвести доброго действия, и это служит точным его признаком: не может он произвести любви к Богу или ближнему, ни кротости, ни смирения, ни радости духовной, ни мира, ни духовного упокоения, ни успокоения мысли, ни усмирения какой-либо страсти, так как все бывает явным образом произведением Духа Божия; скорее всего сатана способен и силен внушить кичиние и высокоумие. Но как уксус и вино на вид похожи, а вкус различает свойство того и другого, так и душа по духовному в ней ощущению и действенности может различить присутствие Духа Божия от мечтаний лукавого».

Слово 6, гл. XXX: «Прекрасное дело – пост; прекрасное дело – бдение, а равно прекрасны подвижничество и странническая жизнь, и все это есть начало жития Боголюбивого, но совершенно неразумно полагаться на одни подобные сим дела».

Слово 7, гл. XI и XII: «Господь говорит: *Аз и Отец Мой приидем и обитель у Него сотворим.* И не тайно, не действенно, но в силе и истине совершается сие в сподобившихся. И ныне во тьме пребывает душа, которая не сподобилась еще, чтобы обитал в ней Господь и чтобы сила Благого Духа приосеняла ее *действенно».*

Иван Михайлович Концевич
Стяжание благодати Божией

Типы святых бесконечны и разнообразны. Каждый святой, даже одного типа, непременно имеет свои непо-

вторимые индивидуальные черты, так как всякая личность неповторима: *И дам ему камень бел, и на камени имя ново написано, егоже никтоже весть, токмо приемляй* (Откр. 2, 17). Но что у них общего, так это наличие у всех момента полного самоотречения и следования за Христом, подвига ради Него, по Евангельскому слову: *Иже не приимет креста своего и вслед Мене грядет, несть Мене достоин* (Мф. 10, 38).

Это единственный путь, вне его нет иного. Кто же стремится непосредственно к высоким духовным достижениям, оставляя в стороне подвиг самоотречения ради Христа, покаяния и трезвения, тот *прелазит инуде* (Ин. 10, 1).

«Цель земной жизни – стяжание Духа Святаго», – говорит преподобный Серафим. Ибо благодать Духа Святаго совершает очищение, освящение и преображение человеческого естества. Для этого одной воли человеческой недостаточно, но и без усилий с его стороны благодать не совершает спасения человека: необходимо сотрудничество (синергизм) как человеческой воли, так и благодати Божией. Последняя начинает действовать с момента вступления подвижника на путь покаяния и правильного подвига и, подобно закваске в тесте, начинает проникать все человеческое естество, очищает, преображает его. Христос сказал: *Чему уподоблю Царствие Божие? Оно подобно закваске, в которую женщина взявши положила в три меры муки, доколе не вскисло все* (Лк. 13, 20–21). О таковом действии благодати в следующих словах повествует Макарий Египетский: «Благодать непрестанно сопребывает, укореняется и действует, как закваска, в человеке, и сие сопребывающее в человеке делается чем-то как бы естественным, как бы единою с ним сущностью»[1].

[1] *Макарий Египетский.* Творения. Сергиев Посад, 1904. С. 69.

Не всем доступна духовная высота – «острое житие святых». Бог не требует от всех святости, но желает всем спасения. Безграничная любовь Божия всех зовет на пир своей славы. И самого скромного труженика, получившего лишь один талант, проходящего свой жизненный путь в покаянии и смирении, ждут «объятия Отча». Никогда не поздно вступить на путь покаяния: «аще кто и во единодесятый час, да не устрашится замедления: любочестив бо сый Владыка, приемлет последняго, якоже и перваго: упокаевает в единодесятый час пришедшаго, якоже делавшаго от перваго часа. И последняго милует, и первому угождает, и сему дарствует, и дела приемлет, и намерения целует, и деяния почитает, и предложения хвалит»[1].

...Мы знаем лютость наших русских морозов, а жизнь в дупле дерева показывает, что отшельник, живущий в нем [преподобный Павел Обнорский], обходился без огня. Такая жизнь превышает человеческие силы, так как всякий должен был бы погибнуть в первую же стужу.

Это явление объясняет преподобный Серафим в своей беседе с Мотовиловым о стяжании благодати Святаго Духа. После того как их осияла видимым образом благодать Божия по молитве Преподобного, последний говорил Мотовилову: «Никакая приятность земного благоухания не может быть сравнена с тем благоуханием, которое мы теперь ощущаем, потому что нас теперь окружает благоухание Святаго Духа. Заметьте же, ваше Боголюбие, ведь вы сказали мне, что кругом нас тепло, как в бане, а смотрите-ка, ведь ни на вас, ни на мне снег не тает и под нами также. Стало быть, теплота эта не в воздухе, а в нас самих. Она-то и есть та самая теплота, про которую Дух Святый словами молитвы заставляет

1 Триодь Цветная. Огласительное Слово Иоанна Златоустаго.

нас вопиять ко Господу: "Теплотою Духа Твоего Святаго согрей мя". Ею-то согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мороза, будучи одеваемы, как в теплые шубы, в благодатную одежду, от Духа Святаго истканную». Теплотой Духа Святаго «согреваемые пустынники и пустынницы не боялись зимнего мраза»... Эти слова относятся к российским отшельникам. Но в египетской пустыне картина была иная и характер проявлений помощи свыше иной.

В житии преподобного Онуфрия[1] находится описание путешествия святого Пафнутия по внутренней пустыне, где жили среди сыпучих песков, под жгучим солнцем отшельники (IV век). Это ряд вышеестественных житий. Эти анахореты, как впоследствии по их примеру и наши отечественные, ради Бога отказались от всего присущего человеческому естеству вплоть до инстинкта самосохранения, и вверглись в пучину милосердия Божия безоговорочно, храня лишь веру, горами двигающую. И эта вера как тут, так и там не оставалась неоправданной. Но у нас теплотою Духа Святаго спасались от мраза, а там – среди бесплодной пустыни внезапно возникают источники, вырастают пальмы с ветвями, плодоносящими каждый месяц. Преподобный Онуфрий говорил преподобному Пафнутию о подобных себе: «Бог посылает к нам святых Ангелов», которые приносят им пищу, изводят воду из камня и укрепляют их настолько, что относительно их сбываются слова пророка Исаии, говорящего: *Терпящии же Господа изменят крепость, окрылатеют аки орли, потекут и не утрудятся* (Ис. 40, 31). На вопрос Пафнутия, как он причащается, Онуфрий ответил следующее: «Ко мне приходит Ангел Господень, который и приносит с собою Пречистыя Таины Христовы и причащает меня. И не ко

[1] Четьи Минеи. 12 июня.

мне одному приходит Ангел с причастием Божественным, но и к прочим подвижникам, живущим ради Бога в пустыне и не видящим лица человеческаго; причащая, он наполняет сердца их неизреченным веселием. Если же кто-либо пожелает видеть человека, то Ангел берет его и поднимает к небесам, дабы он видел святых и возвеселился. И просвещается душа такого пустынника как свет, и радуется духом, сподобившись видеть блага небесная. И забывает тогда пустынник о всех трудах своих, предпринятых в пустыне. Когда же пустынник возвращается на свое место, то начинает еще усерднее служить Господу, надеясь получить на небесах то, что он сподобился видеть».

То же, что было в IV веке в пустыне египетской, повторилось в «русской пустыне», в саровских лесах в XIX веке.

«Некогда, читая слова Спасителя, – говорит преподобный Серафим Иоанну Тихонову, – что “в дому Отца Моего обители многи суть”, я, убогий, остановился на них мысленно и возжелал видеть сии небесная жилища... И Господь действительно, по великой Своей милости, не лишил меня утешения по вере моей и показал мне сии вечные кровы, в которых я, бедный странник земной, минутно туда восхищенный... видел неисповедимую красоту небесную и живущих там: великаго Предтечу и Крестителя Господня Иоанна, апостолов, святителей, мучеников и преподобных отец наших Антония Великаго, Павла Фивейскаго, Савву Освященнаго, Онуфрия Великаго и Марка Фраческаго и всех святых, сияющих в неизреченной славе и радости, каких око не видело и ухо не слышало и на помышление человеку не приходило, но какия уготовал Бог любящим Его».

Преподобного Серафима отделяют от преподобного Онуфрия 15 веков, но мистические явления одни и

те же. Преподобный Серафим почти наш современник, мы знали еще лично видевших его. Это уже не таинственная далекая древность в тумане веков. Но именно теперь, когда уже у нас почти атрофировались духовные крылья и мы забыли, какие возможности таятся в нашем духе, был послан нам преподобный Серафим, во всей силе и духовной мощи великих древних отцов, чтобы мы вспомнили о своем Богосыновстве и стремились к безграничному совершенству Отца нашего Небесного: *Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный* (Мф. 5, 48).

Сам преподобный Серафим понимал так свое назначение: в только что приведенной беседе его с Мотовиловым он в заключение сказал последнему: «Мню, что Господь поможет вам навсегда удержать это (действие благодати) в памяти вашей... тем более, что и не для вас одних дано разуметь это, а чрез вас для целаго мира, чтобы вы сами утверждались в деле Божием и другим могли бы быть полезным».

Ко всему сказанному можно еще прибавить следующее: любовь является доминирующей чертой северовосточных подвижников. «Любовь к Богу и ближнему стяжав, закона и пророк исполняя главизну, ибо не любяй ближняго ниже Бога возлюбити может. Ты же, преподобне отче наш Павле, обоя исполнил еси» (6-я песнь канона преподобному Павлу Обнорскому).

Такой же исключительной любовью отличался и преподобный Серафим, всех приходивших к нему именовавший «радостью». Сходство это, однако, не случайно и не является простым совпадением. Хотя оба подвижника жили в разное время, их разделяет 400 лет, но роднит их то, что они оба опытно прошли тот же путь, ту же святоотеческую школу и увенчались тем же венцом добродетели – совершенной любовью.

Михаил Александрович Новоселов
Свидетельства о Духе Святе

От *событий* в жизни духоносного апостола (Павла. – *Сост.)* и его сподвижников, событий, связанных с явлением Духа, перейдем к *учению* апостола о Духе Святом как *существенной стихии* в жизни Церкви и отдельного члена ее, как *основном Источнике освящения, просвещения, научения.*

Живущие по плоти о плотском помышляют, а живущие по духу – о духовном, – наставляет римлян апостол. – *Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные – жизнь и мир, потому что плотские помышления суть вражда против Бога; ибо закону Божию не покоряются, да и не могут. Посему живущие по плоти Богу угодить не могут. Но вы не по плоти живете, а по духу, если только Дух Божий живет в вас. Если же кто Духа Христова не имеет, тот и не Его. А если Христос в вас, то тело мертво для греха, но дух жив для праведности. Если же Дух Того, Кто воскресил из мертвых Иисуса, живет в вас, то Воскресивший Христа из мертвых оживит и ваши смертные тела Духом Своим, живущим в вас* (Рим. 8, 5–11).

Хотел я ограничиться только вышеприведенными стихами из восьмой главы Послания к Римлянам, но, заглянув в дальнейшее содержание этой главы, увидел, что остановиться на начале ее нельзя: она вся исполнена свидетельств о Духе. В самом деле, внимайте следующим словам апостола: *Все, водимые Духом Божиим, суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!» Сей Самый Дух свидетельствует духу наше-*

му, что мы – дети Божии. А если дети, то и наследники, наследники Божии, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться (Рим. 8,14–17).

Видите, друзья мои, каковы действия и силы Духа. Ясно, что в Нем, в стяжании Его – вся жизнь христианина. Недаром преподобный Серафим наставлял своего духовного друга Н. А. Мотовилова, что цель жизни христианина не в чем другом, как именно в *стяжании Святаго Духа Божьего.*

Святый Дух не дает нам удовлетворяться тварным, временным, преходящим: *Имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего* (Рим. 8, 23). Сей Святый Дух не чужд и всей твари вообще, ибо и в ней живет, по апостолу, чаяние лучшей, нетленной жизни, и она не примиряется с суетою мира сего: *Тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих, потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего ее, в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем,* – утверждает боговдохновенный тайнозритель, – *что вся тварь стенает и мучится доныне* (Рим. 8, 19–22).

Дух подкрепляет нас в немощах наших (Рим. 8, 26), а так как сами *«мы не знаем, о чем молиться, как до́лжно»,* то *Сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными. Испытующий же сердца знает, какая мысль у Духа, потому что Он ходатайствует за святых по воле Божией* (Рим. 8, 26–27).

Наставник в молитве, поддержка в немощах наших, Утешитель является стражем и хранителем совести нашей, что исповедует тот же апостол: *Истину говорю во Христе, не лгу, свидетельствует мне совесть моя в Духе Святом* (Рим. 9, 1).

И нужно ли удивляться этому, когда святой апостол, увещевая коринфских христиан избегать блуда и жить в чистоте, так определяет достоинство и внутреннее содержание людей крещеных: *Не знаете ли, что тела ваши суть храм живущего в вас Святаго Духа, Которого имеете вы от Бога?* (1 Кор. 6, 19). Этим сказано все, и мне, может быть, следовало бы покончить с писаниями апостола языков, но не могу удержаться, чтобы не привести вам, мои дорогие, еще нескольких боговдохновенных строк из того же Послания к Коринфянам, тем более что строки эти как нельзя больше отвечают основной теме нашей беседы, указуя на глубочайшее просвещение, даруемое Духом Истины Своим причастникам и соделывающее их зрителями тайн Божиих, сокрытых от людей, Духу Святому непричастных, как бы ни пытались они своими силами проникнуть в эти неведомые человеческому уму тайны.

Слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой мудрости, – пишет апостол поклонникам таковой мудрости, – *но в явлении духа и силы, чтобы вера ваша утверждалась не на мудрости человеческой, но на силе Божией. Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих, но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей, которой никто из властей века сего не познал; ибо если бы познали, то не распяли бы Господа славы. Но, как написано: «не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его»* [Ис. 64, 4]. *А нам,* – продолжает апостол, – *Бог открыл это Духом Своим; ибо Дух все проницает, и глубины Божии. Ибо кто из человеков знает, что в человеке, кроме духа человеческого, живущего в нем? Так и Божьего ни-*

кто не знает, кроме Духа Божия. Но мы приняли не духа мира сего, а Духа от Бога, дабы знать дарованное нам от Бога, что и возвещаем не от человеческой мудрости изученными словами, но изученными от Духа Святаго, соображая духовное с духовным. Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что он почитает это безумием; и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может. Ибо кто познал ум Господень, – заключает апостол свое слово о духовном и душевном ведении (о чем пространно и глубоко пишет преподобный Исаак Сирин[1]), – *чтобы мог судить его? А мы имеем ум Христов* (1 Кор. 2, 4–16).

Из моря свидетельств о Духе Святом, как основном источнике истины, премудрости и всякой благостыни, свидетельств, коими полно Писание (будучи в целом само произведением Духа) вообще и писания апостольские в частности, я почерпнул одну каплю. Но и этой капли достаточно, чтобы удостоверить нас о всесторонней действенности Духа в жизни Его причастников, особливо таких, как первые ученики Христовы, которые преизобильно прияли посланного им их Учителем Духа Истины.

Казалось бы, на этом можно остановиться – куда нам идти? Ты, Душе Святый, имаши глаголы Божественной Истины (Ин. 6, 68) и вещаешь их миру и просвещаешь ими взыскующих Истины. – И действительно, мы видим и в апостоле Павле, и в апостолах Петре и Иоанне и других полную и непоколебимую уверенность в безусловной правде тех откровений, которые, согласно обетованию Господа, они должны были получить –

[1] Слова подвижнические. 25–28 (о трех способах ведения) // Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии. Изд. 2 Сергиев Посад, 1893. С. 124–138.

и получили – от пришедшего к ним Утешителя. Однако тот же изобиловавший множайшими дарованиями духовными апостол языков идет к самовидцам Слова, Петру, Иакову и Иоанну, проверить свое благовестие. *Ходил* я, – пишет он галатам, – *в Иерусалим с Варнавою, взяв с собою и Тита. Ходил же по откровению и предложил там, и особо* [слав. «наедине»] *знаменитейшим, благовествование, проповедуемое мною язычникам, не напрасно ли я подвизаюсь или подвизался* (Гал. 2, 1–2). О результатах этого нарочитого свидания апостолов святой апостол Павел так сообщает в том же своем Послании к Галатам: *Увидев, что мне вверено благовестие для необрезанных, как Петру для обрезанных (ибо Содействовавший Петру в апостольстве у обрезанных содействовал и мне у язычников), и, узнав о благодати, данной мне, Иаков и Кифа и Иоанн, почитаемые столпами, подали мне и Варнаве руку общения, чтобы нам идти к язычникам, а им к обрезанным* (Гал. 2, 7–9).

Правда, согласно большинству авторитетных толкователей Священного Писания и как явствует непосредственно из самого текста Писания (см. 1-ю и 2-ю главы Послания к Галатам), святой апостол Павел ходил в Иерусалим не ради себя, не для того, чтобы самому увериться в истинности своего благовестия, которому он ревностно, самоотверженно и с большим успехом служил до этого путешествия в течение четырнадцати лет, *не советуясь с плотью и кровью* (Гал. 1, 16), а руководясь одним откровением, – но это обстоятельство нисколько не ослабляет той мысли, что откровение Духа требует для себя ***соборной проверки***. Дух Святый не только не отвергает этого способа утверждения в истине, но и ведет к нему, ибо апостол Павел ходил к самовидцам Слова «по откровению», о чем, как вы, надеюсь, заметили, он и сообщает галатам (Гал. 2, 2). Пусть сам он в данном

случае лично не нуждался в проверке себя старейшими апостолами, так как не сомневался в истине своей проповеди; но их духовная помощь все-таки нужна была ему *для большего успеха* этой проповеди. Получить санкцию своему благовестию со стороны *«почитаемых столпами»* (Гал. 2, 9) было существенно важно для апостола языков: их авторитетное в глазах всех верующих одобрение благовестнических трудов апостола должно было, с одной стороны, обезоружить многочисленных врагов его, с другой – укрепить верных, но немощных учеников, которые могли иногда приходить в сомнение и смущение под влиянием враждебных апостолу голосов.

Соборное действие потребовалось и для санкционирования значительнейшего явления в жизни первохристианской церкви – принятия в лице сотника Корнилия с его присными язычников в недра Церкви Христовой. *Услышали Апостолы и братия, бывшие в Иудее, что и язычники приняли слово Божие. И когда Петр пришел в Иерусалим, обрезанные упрекали его, говоря: ты ходил к людям необрезанным и ел с ними* (Деян. 11, 1–3). Апостол Петр, подобно апостолу Павлу, дает обстоятельный отчет в своих действиях, явно продиктованных Духом Святым (Деян. гл. 10 и 11). Смущенные общением апостола с язычниками, верующие из иудеев, выслушав апостольское объяснение, *успокоились и прославили Бога, говоря: видно, и язычникам дал Бог покаяние в жизнь* (Деян. 11, 18).

Тот же Дух истины побуждает Своих причастников к соборным действиям и иного характера, когда слышится не мирное повествование о трудах благовестия и обсуждаются – может быть, и горячо – связанные с ним вопросы, а раздается резкое обличение неправды, хотя бы она исходила от «почитаемых столпами». *Когда же Петр пришел в Антиохию,* – пишет в том же Послании к

Галатам апостол Павел, – *то я лично противостал ему, потому что он подвергался нареканию. Ибо до прибытия некоторых от Иакова ел вместе с язычниками: а когда те пришли, стал таиться и устраняться, опасаясь обрезанных. Вместе с ним лицемерили и прочие Иудеи, так что даже Варнава был увлечен их лицемерием. Но когда я увидел, что они не прямо поступают по истине Евангельской, то сказал Петру при всех: если ты, будучи Иудеем, живешь по-язычески, а не по-иудейски, то для чего язычников принуждаешь жить по-иудейски?* (Гал. 2, 11–14). Сходятся два величайших духоносца, два «первоверховных» апостола, и один корректируется другим в своей апостольской деятельности и, может быть, в разумении Евангельской истины, содержимой всецело лишь в соборности Тела Церкви.

Поучительно взглянуть на отношения «столпов» веры Христовой к тем, кого можно назвать «рядовыми христианами», к таким, однако, не в пример нам, нынешним «рядовым» христианам, которые, имея обильное помазание Духа Святаго, «возгревали» его «добрым подвигом» жития своего. Первое послание свое «пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Асии и Вифинии» (1 Пет. 1, 1), святой Петр заключает такими словами: *Сие кратко написал я вам... чтобы уверить вас, утешая и свидетельствуя, что это истинная благодать Божия, в которой вы стоите* (1 Пет. 5, 12). Как великий духоносец, он, с одной стороны, *удостоверяет,* что те, кому он пишет, стоят в истинной благодати; с другой – *подкрепляет* в них уверенность, что они – в истине.

Святой апостол Иоанн Богослов в первом своем Послании пишет: *Верующий в Сына Божия имеет свидетельство в себе самом* (1 Ин. 5, 10), и: *Вы имеете помазание от Святаго и знаете все* (1 Ин. 2, 20). Казалось бы, зачем писать имеющим помазание от Духа истины

и знающим все? Между тем новозаветный тайнозритель считает нужным писать – и объясняет, почему он это делает: *Я написал вам не потому, чтобы вы не знали истины, но потому, что вы знаете ее* (1 Ин. 2, 21).

Подобно апостолу Петру, он своим духоносным авторитетом утверждает братию в том, что им открыто помазанием того же Духа. Он хочет укрепить в них веру в это помазание и верность ему: *Помазание, которое вы получили от Него* [Сына Божия], *в вас пребывает, и вы не имеете нужды, чтобы кто учил вас; но как самое сие помазание учит вас всему, и оно истинно и неложно, то, чему оно научило вас, в том пребывайте* (1 Ин. 2, 27). Помазание, пребывавшее в современных апостолу Иоанну христианах, «учило их всему», но заботливый наставник, возлежавший на персях Господа (Ин. 12, 23) и больше всех ведавший тайны Господни, считает необходимым авторитетно подтвердить, что это помазание «истинно и неложно». Это свидетельство, исходившее от возлюбленного ученика Господа, от почетнейшего члена Тела Христова, изобильно приявшего благодать Духа Святаго, было, конечно, и полезно, и утешительно для братии.

Наконец, наиболее целостное соборное действие наблюдаем мы, когда апостолы и пресвитеры собрались для рассмотрения дела о способах и условиях принятия язычников в недра Церкви Христовой, и когда, всесторонне обсудив этот важнейший и насущнейший вопрос того времени, они изнесли согласное решение, указав и непогрешимый источник этого богочеловеческого согласия – в словах, ставших на все времена неизменной формулой истинной кафоличности: *Изволися Духу Святому и нам* (Деян. 15, 28) – изрекли духоносцы.

Итак, первый век имеет живых и авторитетнейших носителей Духа – апостолов, которые проверяют друг

друга и утверждают верных учеников своих, хотя и эти имеют непосредственное откровение Духа.

Свидетельства Духа истины с первых времен христианства начали запечатлеваться в Писании и жить в Предании и усвояться каждым христианином чрез внутреннее им приобщение благодатию Духа и личным подвигом, при взаимной соборной проверке.

Перенесемся из века апостольского в века Святых Отцов и учителей Церкви и прислушаемся к тому, что там говорится о предмете, нас занимающем; посмотрим, изменились ли к тому времени взгляды и вышеуказанная практика первенствующей Церкви.

Чтобы не умножать слов и не растягивать до чрезмерности своего письма, я из множества согласных суждений рабов Христовых этой позднейшей эпохи приведу очень немногие, и прежде всего об основном источнике познания истины: тот ли он у них, что и у самовидцев Слова?

«Одно дело, – говорит Климент Александрийский, – что приобретено упражнениями и учением, и иное, что воспринято *через откровение верою. Только последний путь ведет к познанию Божественной Истины,* и она очень близка от нас, даже в наших жилищах, как свидетельствует боговидец Моисей»[1].

«Научает нас, – утверждает блаженный Августин, – *внутренний* Учитель, научает Христос, Божественное вдохновение; где нет этого вдохновения и внутреннего просвещения, там тщетно действие слов извне»[2].

«И если *Духа Божия* нет *в сердце* слушателя, – подтверждает также Григорий Богослов, – то напрасны рассуждения учителя, ибо если Тот, Кто научает, не на-

---

1 *Новоселов М. А.* Забытый путь опытного Богопознания. Изд. 3. М., 1912. С. 9.

2 Там же. С. 9.

ходится *внутри,* то язык учителя, который вне, трудится *понапрасну*»[1].

«Потому что, – заключает блаженный Иероним, – закон духовен, и нужно *откровение,* чтобы понимать его»[2].

«Великие дела, – свидетельствует святой Афанасий, – творит ежедневно наш Спаситель: Он влечет нас к благочестию, склоняет к добродетели, пробуждает стремление к небесному, научает бессмертию, открывает познание Отца, дарует силу, смерть разрушающую, и Сам *Себя являет* каждому»[3].

«Таков закон новой жизни о Христе Иисусе, – как бы изъясняет мысль святого Афанасия преподобный Симеон Новый Богослов, – что Христос Господь благодатию Святаго Духа приходит к нам, и воскрешает умерщвленные души наши, и дает им жизнь, и дарует очи *видеть Его Самого, бессмертного и нетленного, живущим в* нас»[4].

«Как без глаз, языка, ушей и ног невозможно видеть или говорить, слышать или ходить, так *без Бога и от Него подаваемой действенности* равно невозможно соделаться причастником Божественных Тайн и познать Божию премудрость или обогатиться по духу, – слышим мы от богоносного Макария Египетского. Мудрые у Еллинов, – продолжает развивать свою мысль Св. Отец, – занимаются словесными науками и усердно проводят время в словопрениях, а рабы Божии, хотя и незнакомы бывают со словесными науками, усовершаются *Божественным ведением и Божиею благодатию*»[5].

---

1 Там же. С. 9–10.

2 Там же. С. 10.

3 Там же. С. 10.

4 Там же. С. 10.

5 Слово 5-е (О возвышении ума), гл. 15 // *Макарий Египетский.* Беседы. С. 413–414. – 237.

«Кто слышит только внешний и плотский голос, – поучает святой Лев Великий, – тот слышит тварь; Бог же есть Дух, и Его можно слышать *только чрез Духа,* так и Иисуса никто не может назвать Господом, как только Духом Святым»[1].

Нужны ли еще свидетельства в подтверждение полного согласия Святых Отцов с самовидцами Слова, апостолами – в учении о первоисточнике Божественной Истины, каковым и те и другие единодушно признают *внутреннее откровение Духа Святаго?* Приведенные свидетельства так авторитетны и обнимают столь продолжительную эпоху жизни Церкви (III–XI вв.), что в них *необходимо* признать подлинное учение *святоотеческое.* Впрочем, для тех, кому показался бы слишком длинным период от XI века до нашего времени, я позволю себе, в подтверждение и поныне продолжающегося полного единодушия Отцов, вызвать свидетелем сей истины Богоносного отца почти наших дней, преподобного Серафима, Саровского чудотворца. Вот что свидетельствует он в замечательной беседе со своим духовным другом Н. А. Мотовиловым: *«Истинная цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божьяго.* Пост же и бдение, и молитва... и всякое Христа ради делаемое доброе дело суть средства *для стяжания Святаго Духа Божьяго* <...>. Если рассудить правильно о заповедях Христовых и апостольских, так дело наше христианское состоит не в увеличении счета добрых дел, служащих к цели нашей христианской жизни только средствами, но в извлечении из них большей выгоды, то есть *вящем приобретении обильнейших даров Духа Святаго».*

«Так желал бы я, ваше Боголюбие, – внушает своему собеседнику Преподобный, – чтобы и вы сами стя-

[1] *Новоселов М. А.* Указ. соч. С. 10.

жали этот приснонеоскудевающий источник благодати Божией и всегда рассуждали себя, в Духе ли Божием вы обретаетесь или нет... Если... нет, то надобно разобрать, отчего и по какой причине Господь Бог Дух Святый изволил оставить нас, и снова искать и доискиваться Его и не отставать до тех пор, пока искомый Господь Бог Дух Святый не сыщется и снова будет с нами Своею благодатию»[1].

Со скорбью отмечает великий Духоносец утрату нами водительства Духа Божия, столь обычного в прежние времена, столь необходимого и естественного для истинных христиан. Указывает Преподобный и причины этой горестной утраты.

«Мы в настоящее время, – поучает в той же беседе угодник Божий, – по нашей почти всеобщей холодности к святой вере в Господа нашего Иисуса Христа и по невнимательности нашей к действиям Его Божественного о нас Промысла и общения человека с Богом до того дошли, что, можно сказать, почти вовсе удалились от истинно христианской жизни. Нам теперь кажутся страшными слова Священного Писания, когда Дух Божий устами Моисея говорит: *И виде Адам Господа, ходяща в раи* (Быт. 3, 8), или когда читаем у апостола Павла: *Идохом во Асию, и Дух Божий не иде с нами, обратихомся в Македонию, и Дух Божий иде с нами* (Деян. 16, 6–10). Неоднократно и в других местах Священного Писания говорится о явлении Бога человекам».

Приведя несколько таких мест, Преподобный продолжает:

«Некоторые <...> говорят: “Эти места непонятны: неужели люди так очевидно могли видеть Бога?” А непонятного тут ничего нет. Произошло это непонимание оттого, что мы удалились от простора первоначального хри-

1 *Нилус С. А.* Великое в малом. 2-е изд. Царское село, 1905. С. 175, 183.

стианского ведения и, под предлогом просвещения, зашли в такую тьму неведения, что нам уже кажется неудобопостижимым то, о чем древние <...> ясно разумели».

«А все потому, – заключает преподобный Серафим, – что не ищем благодати Божией, не допускаем ей по гордости ума нашего вселиться в души наши, и потому не имеем истинного просвещения от Господа, посылаемого в сердца людей, всем сердцем алчущих и жаждущих правды Божией»[1].

Замкнуть ряд духоносных свидетельств я предоставлю авторитетному церковному учителю почти наших дней, епископу Феофану Затворнику.

«Всякий христианин – причастник Духа, – пишет этот мудрый воспитанник Святых Отцов. – Это так необходимо, что кто Духа не имеет, тот и не Христов»[2]. И в другом месте тех же «Мыслей» читаем: *Егда же приидет Он, Дух истины, наставит вы на всяку истину* (Ин. 16, 13). Почему же в логиках не упоминается об этом источнике познания? Не удивительно, что в языческих логиках нет этого пункта, но почему нет его в христианских? Ужели христианин, когда начинает умствовать, должен перестать быть христианином и забыть о всех данных ему обетованиях, верных и несомненных?»[3]

Итак, «лучшее и вернейшее познание Бога – не то, которое выработано усилиями рассудка и выпотением мозга, но то, которое *возгорается от небесного огня в сердцах наших* и вносит в душу Божественный свет, более ясный и убедительный, чем все рассудочные доказательства»[4]. «Искать же Боговедения лишь в книгах

[1] *Нилус С. А.* Великое в малом. С. 184–185.

[2] *Еп. Феофан.* Мысли на каждый день года. Изд. 4. 1904. С. 161.

[3] Там же. С. 152–153.

[4] Процитированный отрывок принадлежит Оригену – см.: *Новоселов М. А.* Указ. соч. Вышний Волочек, 1902. С. 10.

и писаниях – значит искать живого между мертвыми[1]. Внутри себя ищи Бога! Он лучше всего распознается, так сказать, духовным *осязанием.* Мы должны стремиться *видеть* Его своими глазами, *слышать* своими ушами, и наши руки должны *осязать* Слово жизни. Ведь душа наша, как и тело, имеет свое чувство: ***Вкусите*** *и видите, яко благ Господь!* (Пс. 33, 9).

Недаром святитель Тихон Задонский учит нас молиться Иисусу, Сыну Божию: «Даждь ми очи видети Тя! Даждь ми вкус вкусити Тя. Даждь ми ухание благоухати Тя!..»[2] А «величайший христианский философ»[3], преподобный Исаак Сирин утверждает, что «желать посредством *исследования и расспросов* уразуметь *тайны* есть *неразумие души*», которая «видит истину Божию *по силе жития»,* ибо «*за сохранение заповедей* ум сподобляется *благодати таинственного созерцания и откровения духовного* (подаваемого Духом. – *М. Н.) ведения*»[4].

Простите, мои дорогие, что я несколько уклонился в подробности – и, говоря о коренном Источнике истинного ведения, заговорил и о путях к Нему.

Обращаясь к главной теме настоящего рассуждения, следует сказать, что все приведенные нами согласные свидетельства святых Отцов и учителей церковных на протяжении всей истории Церкви непререкаемо удостоверяют, что *Божественное внутреннее откровение Духа* есть основной источник Богопознания, и потому они на-

---

[1] Лк. 24, 5; процитированный отрывок принадлежит блаженному Августину – см.: *Новоселов М. А.* Там же.

[2] *Св. Тихон Задонский.* Воздыхания грешныя души ко Христу, Сыну Божию // Творения иже во святых отца нашего Тихона Задонского. Т. 1. М., 1875. С. 212.

[3] Выражение И. В. Киреевского: «Исаак Сирин, глубокомысленнейшее из всех философских писаний» (*Киреевский И. В.* В ответ А. С. Хомякову. Полн. Собр. соч. Т. 1. М., 1911. С. 119).

[4] Слово 55 (послание к преп. Симеону чудотворцу) // *Исаак Сирин.* Указ. соч. С. 262, 265.

стаивают на необходимости и общеобязательности этого забытого нами пути Боговедения. В этом Отцы совпадают с апостолами – самовидцами Слова.

Протоиерей Георгий Флоровский

Подвиг и радость

Оптина пустынь была не единственным духовным очагом, как и «молдавское влияние» (старца Паисия. – *Сост.)* не было единственным, не было и решающим. Были и тайные посещения Духа. Во всяком случае, начало прошлого века в судьбах Русской Церкви отмечено и ознаменовано каким-то внутренним и таинственным сдвигом. Об этом свидетельствует пророческий образ преподобного Серафима Саровского, его подвиг, его радость, его учение. Образ вновь явленной святости оставался долго неразгаданным. В этом образе так дивно смыкаются подвиг и радость, тягота молитвенной брани и райская уже светлость, предображение уже нездешнего света. Старец немощный и притрудный, «убогий Серафим» с неожиданным дерзновением свидетельствует о тайнах Духа. Он был именно свидетелем, скорее чем учителем. И еще больше: его образ и вся его жизнь есть уже явление Духа. Есть внутреннее сходство между преподобным Серафимом и святителем Тихоном. Но преподобный Серафим еще более напоминает древних тайновидцев, преподобного Симеона больше других, с его дерзновенным призывом искать даров Духа. Преподобный Серафим был начитан в Отцах.

В его опыте обновляется исконная традиция взыскания Духа. Святость преподобного Серафима сразу и древняя и новая. «Истинная же цель жизни нашей христианской состоит в стяжании Духа Святаго Божья-

го». И нет других целей, и быть не может, все другое должно быть только средством. Под елеем, которого недостало у юродивых дев евангельской притчи, преподобный Серафим разумел не добрые дела, но именно благодать Всесвятаго Духа. «Творя добродетели, девы эти, по духовному своему неразумию, полагали, что в том-то и дело лишь христианское, чтобы одни добродетели делать... а до того, получена ли была ими благодать Духа Божия, достигли ли они ее, им и дела не было». Так со властию противопоставляется морализму – духовность. Смысл и исполнение христианской жизни в том, что Дух вселяется в душе человеческой и претворяет ее «в храм Божества, в пресветлый чертог вечного радования». Все это почти что слова преподобного Симеона, ибо опыт все тот же (и не нужно предполагать литературное влияние)... Дух подается, но и взыскуется. Требуется подвиг, стяжание. И подаваемая благодать открывается в некоем неизреченном свете (сравните описание Мотовилова в его известной записке о преподобном Серафиме).

Преподобный Серафим внутренне принадлежит византийской традиции. И в нем она вновь становится вполне живой.

Преподобный Силуан Афонский
О несозданном Божественном свете и образах созерцания его

Несозданный Божественный свет по природе своей есть нечто совершенно отличное от света физического. При созерцании его прежде всего является чувство живого Бога, поглощающее всего человека; невещественное чувство – Невещественного; чувство умное, но не рассу-

дочное; чувство, с властною силою вторгающее человека в иной мiр, но неизъяснимо осторожно, так что не улавливает человек того момента, когда с ним это совершилось, и не знает он тогда о себе – в теле ли он или вне тела. Он сознает себя при этом так действенно-сильно и глубоко, как никогда в обыденной жизни, и вместе с тем забывает и себя и мiр, увлеченный сладостью любви Божией. Он духом видит Невидимого, дышит Им, весь в Нем.

К этому сверхмысленному, всепоглощающему чувству живого Бога присоединяется видение Света; но Света совершенно иного по природе своей, чем свет физический. Сам человек тогда пребывает во свете и уподобляется созерцаемому Свету, одухотворяется им и не видит и не чувствует ни своей вещественности, ни вещественности мiра.

Приходит видение непостижимым образом: во время, когда не ожидается; приходит не извне и даже не изнутри, а неизъяснимо объемлет дух человека, возводя его в мiр Божественного света; и не может он сказать, был ли то экстаз (extasis), то есть исступление души из тела, потому что и возврата в тело он не замечает; так нет во всем этом явлении ничего патологического.

Действует Бог, человек – воспринимает; и не знает он тогда ни пространства ни времени, ни рождения ни смерти, ни пола ни возраста, ни социального, ни иерархического положения, ни иных условий и отношений мiра сего.

Пришел Господь, Безначальный Начальник и Свет жизни, милостиво посетить кающуюся душу.

* * *

Свет Божественный созерцается независимо от обстановки и во мраке ночи и при свете дня. Благоволение

Божие посещает иногда таким образом, что сохраняется восприятие и тела и окружающего міра. Тогда человек может пребывать с открытыми глазами и одновременно видеть **два** света, то есть и свет физический и свет Божественный. Такое видение у Святых Отцов называется видением естественными очами. Это не значит, однако, что акт видения Божественного света по всему аналогичен обычному психофизиологическому процессу естественного видения, то есть не значит, что свет Божественный, подобно физическому, независимо от того, какую научную теорию света мы примем, производит известное раздражение оптического нерва, которое затем переходит в психологический процесс видения, ибо свет Божественный иной по природе своей; это – свет ума, свет духа, свет любви, свет жизни.

Образом Божественного света в міре физическом является естественный свет. Подобно тому как видение окружающих нас предметов возможно только при свете, и если свет малый, то глаз едва различает предметы; если свет обильнее, то видит их лучше, и, наконец, при полном солнечном свете видение достигает известной полноты; так и в міре **духовном всякое истинное видение** возможно **не иначе**, как при свете Божественном. Но Свет сей не в равной мере дается человеку: и вера есть свет, но малый; и надежда – свет, но не совершенный; и любовь – свет, но уже совершенный.

Свет несозданный, подобно солнцу, освещает духовный мір и дает видеть духовные пути, незримые иным образом. Без этого Света не может человек ни разуметь, ни созерцать, ни тем более исполнить заповеди Христа, ибо пребывает во мраке. Свет несозданный несет в себе вечную жизнь и силу Божественной любви, вернее сказать, сам он есть и вечная жизнь и Божественная любовь.

Кто с силою и извещением не созерцал Несозданного света, тот истинного созерцания не достиг. Кто прежде видения Несозданного света дерзновенно «своим умом» простирается в созерцание тайн Духа, тот не только не видит их, но и путь к ним преграждает себе. Он будет видеть только маски и призраки истины, создаваемые им же самим или же приносимые ему сопротивною силою демонических мечтаний.

Созерцание подлинное приходит свыше безтрудно, тихо. Созерцание духовное не есть то же, что и отвлеченное, интеллектуальное; оно качественно **иное**; оно есть свет жизни, даруемой свыше благоволением Бога, и органический путь к нему – не рассуждение, а покаяние.

* * *

Свет Божественный есть вечная жизнь, Царство Божие, несозданная энергия Божества. Он не заключен в тварном естестве человека; он иноприроден нам, и потому не может быть **раскрыт** в Нас никакими аскетическими средствами, а приходит исключительно как дар милосердия Божия.

Мы спрашивали Старца: каким образом может человек из опыта своего познать сие? Блаженный Старец утверждал, что, когда Бог является в великом Свете, тогда невозможно никакое сомнение в том, что это Господь, Творец и Вседержитель. Но кто удостоился созерцать лишь малый свет, тот, если будет исходить не из веры свидетельству Отцов Церкви, а лишь из своего опыта, не может ясно познать его иноприродность по отношению к душе, и для него путем к этому познанию может явиться только дальнейший опыт повторных посещений и оставлений, которые научат его различать Божественное действие от естественного человеческого.

* * *

Если молитва человека впервые переходит в видение Божественного света, то созерцаемое и переживаемое им тогда столь ново и необычно для него, что не может он уразуметь ничего; он чувствует, что пределы его бытия невыразимо **расширились**, что пришедший Свет перевел его от смерти в жизнь, но от величия происходящего он пребывает в удивлении и недоумении и лишь при повторных посещениях уразумевает полученный от Бога дар. Душа при этом видении и после него бывает исполнена глубокого мира и сладостной любви Божией; нет в ней тогда стремлений ни к славе, ни к богатству, ни к иному какому-либо земному счастью и даже к самой жизни, но все сие ей кажется ничтожным, и «желанно влечется» она к живой беспредельности – Христу, в Котором нет ни начала ни конца, ни тьмы, ни смерти.

* * *

Из описанных выше двух образов созерцания Божественного света Старец отдавал предпочтение тому, когда «мiр забыт совершенно», то есть когда во время молитвы дух человека вне образов мiра вводится в область безграничного Света, ибо такое видение дает большее познание о тайнах «будущего века». В состоянии этого видения душа с великою действенностью переживает свое причастие к Божественной жизни, подлинно испытывает такое пришествие Бога, о котором человеческий язык не может говорить. Когда же кончается это видение по неведомым человеку причинам и так же независимо от воли его, как независимо и началось, тогда с некоторою медлительностью возвращается душа к восприятию

окружающего міра, и в тихую радость любви Божией привходит некая тонкая печаль о том, что снова будет видеть она свет этого физического солнца.

* * *

Человек – образ Божий, но спрашивается: что в нем является образом Божиим? Или иначе: в чем заключается этот Образ? В теле? В психическом или психофизическом строении человека? В тройственности его душевных сил или проявлений?.. Ответ на этот вопрос чрезвычайно сложен. Какие-то преломления и отблески образа Божия не исключены во всем перечисленном, но самым существенным является **образ бытия**. Тварное существо по дару благоволения приобщается нетварному безначальному Бытию... Как это возможно? Это так же необъяснимо и непостижимо, как непостижима тайна творения міра из «ничего»; и все же таково благоволение Небесного Отца, что созданный «по образу и подобию» наделен способностью воспринять обожение, то есть стать причастником Божественной жизни, получить Божественный образ бытия, стать богом по благодати.

Обожение человек **воспринимает**, то есть в акте обожения Бог есть Действующее начало, человек – воспринимающее; однако восприятие сие не есть состояние пассивности и акт обожения может совершиться не иначе как с согласия самого человека, в противном случае исчезает и сама возможность обожения. В этом существенное различие первичного акта творения от последующей стадии его – обожения умной твари.

Если непостижимо велика тайна творения міра вообще, то тайна творения вечных богов еще и бесконечно величественнее. Если вся окружающая нас жизнь есть поражающее своим величием чудо, то сознание Боже-

ственного чуда в человеке, входящем в міp Несозданного света, достигает несравненно большей глубины и силы.

Для каждого человека, если он остановится на факте своего бытия, этот факт будет предметом великого удивления. Нам приходилось встречать людей, которые, восходя в умную сферу, свойственную человеку по естеству, поражались ее светозарным великолепием, но когда человек действием Божиим вводится в міp Несозданного света, тогда его «**удивление Богу**» достигает совершенной невыразимости и не может найти он ни слов, ни образов, ни воздыханий благодарности.

О Богоподобном бесстрастии

Несозданный свет, исходящий от бесстрастного Бога, своим явлением сообщает человеку Богоподобное бесстрастие, которое составляет конечную цель христианского подвига.

Но спрашивается: что есть бесстрастие? По своей филологической форме это понятие отрицательное; не является ли оно отрицательным и по своему реальному значению? Не означает ли оно совлечения бытия? Нет. Христианское бесстрастие не есть совлечение бытия, но облечение в новую жизнь, святую, вечную, то есть в Бога. Апостол Павел говорит: *Мы не хотим совлечься, но облечься, чтобы смертное поглощено было жизнью* (2 Кор. 5, 4).

Стремясь к бесстрастию, православный подвижник стремится к живому и подлинному общению с Богом, Которого знает бесстрастным.

Бесстрастие Бога не есть нечто мертво-статическое; ему не свойственно безучастие в жизни міра и человека. Бесстрастие Бога не есть отсутствие в Нем движения, сострадания, любви. Но едва мы произносим эти слова,

как в уме нашем встают эти понятия в их эмпирической ограниченности и тем порождается ряд недоумений. Движение, сострадание, любовь и подобное – не вносит ли относительности вообще в бытие Бога? Говоря так, не переносим ли мы на Бога недостойный Его антропоморфизм?

Бог есть весь – жизнь, весь – любовь; Бог есть Свет, в Котором нет ни единой тьмы, то есть тьмы страдания в смысле разрушения и умирания, тьмы неведения, небытия или зла, тьмы непреодоленных внутренних несовершенств и противоречий, провалов или срывов бытия. Бог есть – Бог живой, динамический, но динамика Божественной жизни есть бесконечная и безначальная полнота бытия, исключающая какой бы то ни было теогонический процесс.

Бог бесстрастен, но не безучастен в жизни твари. Бог любит, жалеет, сострадает, радуется, но все это не вносит в Его бытие разрушения, относительности, **страсти**. Бог промышляет о Своем творении до мелочей с математическою точностью; Он спасает, как Отец, как Друг; Он утешает, как мать; Он принимает ближайшее участие во всей истории человечества, в жизни каждого человека, но этим участием не вносятся ни изменения, ни колебания, ни последовательность процесса в самое Божественное Бытие.

Бог живит всю трагедию міра, но это не значит, что и в Самом Боге, в недрах Божества также совершается трагедия или происходит борьба как следствие Его собственной неполноты или тьмы, в Нем Самом сущей и непреодоленной.

Бог любит мір, действует в міре, приходит в мір, воплощается, страдает и даже умирает во плоти, не переставая быть неизменным в Своем надмирном бытии. Все

сие Он совершает так же бесстрастно, как непротяженно и целостно объемлет в Своей вечности все протяженности и все последовательности тварного бытия. В Боге статический и динамический моменты составляют такое единство, которое не допускает приложения к Его бытию ни единого из наших раздельных понятий.

Стремясь к Богоподобному бесстрастию, православный подвижник мыслит это бесстрастие не как «холодное безразличие», не как «совлечение призрачного бытия», не как созерцание «по ту сторону добра и зла», но как жизнь в Духе Святом.

Бесстрастный полон любви, сострадания, участия, но все сие исходит от Бога, действующего в нем. Бесстрастие можно определить как «стяжание Духа Святаго», как Христа, живущего в нас. Бесстрастие есть Свет новой жизни, порождающей в человеке новые святые чувства, новые божественные мысли, новый свет вечного разума.

Святые Отцы Церкви бесстрастие определяют как «воскресение души прежде общего воскресения мертвых» (Иоанн Лествичник), как «достижение в беспредельную беспредельность» (Авва Фаласий. 1, 56).

Об органическом пути к бесстрастию

Вера, понимаемая не как логическое убеждение, а как чувство живого Бога; от веры рождается страх суда Божия; от страха – покаяние; от покаяния – молитва, исповедание, слезы. Покаяние, молитвы и слезы, умножаясь и углубляясь, приводят сначала к частичному освобождению от страстей, откуда рождается надежда. Надежда умножает подвижнические труды, молитвы и слезы; утончает и углубляет чувство греха, в силу чего возрастает страх, переходящий в глубочайшее покаяние, которое преклоняет милосердие Божие, и душа удостаи-

вается благодати Святаго Духа, исполненной света Божественной любви.

И вера есть любовь, но малая; и надежда есть любовь, но несовершенная. Каждый раз, когда душа восходит от меньшей меры любви к большей, она неизбежно проходит через страх. Любовь своим явлением изгоняет страх, но, изгнанный малою любовью, он, при переходе души к большей любви, снова возрождается и снова преодолевается любовью; и лишь совершенная любовь, по свидетельству великого апостола любви, совершенно изгоняет страх, то есть страх, в котором есть мучение.

Есть иной страх Божий, в котором нет муки, но радость и дыхание святой вечности. Об этом страхе, который не должен оставить человека в пределах земного бытия, Старец говорит так: «Пред Богом до́лжно жить в страхе и любви. В страхе, потому что Он Господь; в страхе, чтобы не оскорбить Господа плохим помыслом; в любви, потому что Господь есть любовь».

Умное безмолвие православного монаха родилось органически из глубокого покаяния и стремления сохранить заповеди Христа. Оно совсем не является искусственным приложением в духовной жизни ареопагитического богословия. Богословские положения «Ареопагита» не противоречат результатам безмолвия, и в этом смысле соприкасаются и совпадают с ним, но мы считаем необходимым указать как на весьма существенный момент, что отправным моментом и основанием безмолвия является не отвлеченная философия апофатического богословия, а покаяние и борьба с действующим в нас *законом греховным* (Рим. 7, 23). И именно на этом пути, в стремлении заповеди Христа сделать единственным и всецелым законом нашего вечного бытия, познается непостижимость Божества; и

именно на этом пути совлекается дух человека всех образов міра и бывает выше міра.

Последнее совершается с ним, когда он глубоко осознает себя «хуже всякой твари».

О мраке совлечения

Бог, сый Свет, в котором нет ни единой тьмы, всегда является во свете и как Свет. Но при совершении «художественной» умной молитвы душа подвижника встречает некоторый совершенно особого порядка мрак, слово о котором внешне будет так же противоречиво и парадоксально, как и о большинстве других предметов христианского духовного опыта. Противоречивость сия вызывается, с одной стороны, природою этого опыта, с другой стороны – тем местом или точкою зрения, с которой рассматривается и определяется духовное событие.

В тот мрак, о котором идет речь, погружается внутренне душа подвижника, когда он волевым актом, посредством специальных аскетических методов, совлекается всякого представления и воображения видимых вещей и рассудочных размышлений и понятий; когда он «останавливает» ум и воображение, и потому его можно назвать «мраком совлечения»; молитву же эту принято именовать «художественною» в силу того, что совершается она по специальному, существующему на сей предмет методу.

* * *

Если искать определение духовного «места» этого мрака, то можно сказать, что он стоит на грани явления Несозданного света; но когда делание умной молитвы совершается без должного покаяния и молитвенного к

Богу устремления, то обнаженная от всех представлений душа может пребыть некоторые моменты времени в этом мраке совлечения, не узрев Бога, ибо в нем, то есть мраке этом самом по себе, Бога еще нет.

Пребывая во мраке совлечения, ум испытывает своеобразное наслаждение и покой, и если при этом он как-то обратится на самого себя, то может ощутить некое подобие света, который, однако, не есть еще несозданный свет Божества, а естественное свойство ума, созданного по образу Божию. Как исход за грани временного, это созерцание приближает ум к познанию непреходящего и тем делает человека обладателем нового познания, однако еще отвлеченного познания, и горе тому, кто мудрость сию принимает как познание истинного Бога и созерцание сие как приобщение Божественному бытию. Горе потому, что в таком случае мрак совлечения, стоящий на грани истинного Боговидения, становится непроницаемым покровом Божества и крепкою стеною, отделяющею от Бога более, чем мрак восстания грубых страстей, мрак явных демонических наваждений или мрак потери благодати и богооставленности. Горе потому, что это было бы заблуждением, «прелестью», ибо Бога во мраке совлечения еще нет. Бог является во свете и как Свет.

* * *

Когда мы наше рациональное познание и рефлективное сознание именуем светом, то с этой точки зрения в каком-то смысле можно говорить о «мраке боговидения», потому что оно неизъяснимо в рациональных понятиях, потому что для нашего ума Бог пребывает непостижимым, недосягаемым. Но этот образ выражения, то есть «мрак боговидения», совсем условен, ибо Бог есть

Свет, в Котором нет ни единой тьмы, и является всегда, как Свет, и Своим явлением вводит человека в свет вечного Божественного бытия.

* * *

Действие Божественного света в грешном человеке попаляет страсти, и потому в известные периоды он может ощущаться как Огонь опаляющий. Горение в этом Огне неизбежно проходит всякий христианин-подвижник, благочестно желающий жить.

Архиепископ Нафанаил (Львов)

Влияние преподобного Серафима в русской церковной истории

Много святых, как чистые жертвы веры и любви, принесло человечество к Престолу Божию, много кринов – цветов веры, подвига и любви произросло в бесплодной пустыне «міра сего», в нем, но вне его, ибо жили они не его соками, а благодатью Божией, в подвиге веры и любви, ими мудро собираемой и усвояемой.

И все эти святые – крины-цветы, ибо питались одним Хлебом, и каждый из них явление единственное, личное, неповторимое и в каждом свое, ему присущее благоухание благодати Божией.

Имя преподобного Серафима овеяно благоуханием крина святости и благодати, выросшего и собранного на Русской земле... Воздух русских полей, лесов, рек и озер дал ему свои нежные оттенки и колорит. В нем русская радость весны, радость солнца и жизни. Его имя вызывает в человеке, хоть немного приостановившемся

перед его образом, ни с чем не сравнимое и невыразимое нежно-радостное чувство – радости добра, счастья и блаженства добра.

Преподобный Серафим и его проповедь – огромное историческое явление в жизни русского народа. С его именем связан огромный исторический сдвиг в нашем русском духовном росте и религиозном развитии. Этот сдвиг произошел и происходит в наше время, на наших глазах и не может быть русского сознательного верующего православного, который духовно не поклонился бы преподобному Серафиму, не испытал по отношению к нему чувства благодарности за то, что одних он прямо ввел, а другим помог войти в Православие, в Церковь Христову и научил познать Бога.

Столь известное учение преподобного Серафима о смысле жизни, изложенное в его беседе с Мотовиловым, начинается словами, в которых раскрывается историческое значение его учения, его проповеди. «Вас не так учили, как надо, ваше Боголюбие», – говорит он Мотовилову. Другими словами, по мысли великого старца, в его время неверно, неточно, неправильно отвечали на самый главный вопрос человека – о смысле жизни. Или, еще иначе сказать, в русском верующем обществе того времени были распространены мысли неверные, люди жили, руководясь богословскими взглядами, мировоззрением неправославным.

В чем же эта неправославность?

В беседе с Мотовиловым преподобный Серафим отвечает на этот вопрос:

– Вас учили, что смысл жизни в том, чтобы творить добрые дела.

И дальше объясняет, что смысл не в самых делах, что дела не цель, а только средство к тому, чтобы «**стяжать Святаго Духа**», и что вот это стяжание и есть

подлинный смысл, задача и цель жизни человека. Что человек должен опытно познать Бога, Богообщение и стремиться всегда быть в Нем.

За этим осуждением распространенных, косных, слежавшихся и неправославных мыслей и прямым противопоставлением им православных нам нетрудно увидеть очертание большого исторического процесса, борьбу двух течений, двух мировоззрений.

Одно, осужденное преподобным Серафимом, привычное и распространенное в обществе того времени, да и не только того, но и позднейшего времени, создалось под воздействием длительного в русской истории неправославного мировоззрения.

При каком условии, на каком основании, почему сами дела могут быть смыслом жизни?

Только при том условии, при той предпосылке, что Бог дал человеку задание что-то создать на земле из дел человеческих. Что по Божию изволению он должен что-то создать здесь на земле, создать какую-то идеальную жизнь, построить «Царство Божие на земле». Если цель и смысл жизни человека поставлены именно на земле – построить, создать рай на земле, в условиях земной жизни, если этот «рай на земле» есть цель и смысл жизни, то тогда действительно все дела, которые человек делает в порядке создания этого рая, в порядке осуществления Божией воли и задания, получают абсолютное значение, являются смыслом жизни человека.

Это стройное и динамическое целеустремление, осмысливающее и освящающее культурное творчество, дающее абсолютное религиозное значение делам человеческим, создающее веру в прогресс, в значение и смысл цивилизации, но неверное, произвольно-искусственное, искажающее очертания всех вещей, всю перспективу жизни, понимание – Православие не приемлет, ибо

оно в корне разрушается словами Спасителя о том, что «Его Царство – не от міра сего», что перед Его учениками впереди не оптимистическая перспектива, а «в міре скорбни будете», впереди не розовый прогресс в плоскости земной – ибо «Сын Человеческий, придя, – найдет ли веру на земле?», что Господь пришел на землю не для того, чтобы устраивать общественную жизнь, судить людей в их житейских задачах и «делить» между ними материальные блага и устраивать их общественную, государственную и социальную жизнь. Нет, не в этом смысл жизни, а в том, что есть «единое на потребу», что нужно искать «прежде всего»: в приобщении «Царству Божию», которое не вне, а внутри человека, и никто не может указать внешних «приметных» форм этого Царства Божия, ибо оно «внутрь вас есть». По словам апостола Петра, «земля и вся дела человеческие сгорят». Вечна только Церковь Христова, которую «не одолеют врата адовы», вечна только жизнь в Боге.

Нет и не будет «рая на земле». Нет оснований для страстных человеческих мечтаний о прогрессе и абсолютном значении человеческого творчества и дел человеческих. Смысл жизни не сами дела, а в творческом динамическом стремлении к Богу, жизни в вере и любви к Богу, здесь «Его Царство», и оно не во вне человека, а внутри, в сердце, в любви, в искании Бога, в жизни в Боге. Смысл жизни в приобщении Богу, в стяжании Святаго Духа.

Преподобный Серафим звал не только веровать в Бога, но учил знать Бога, знать и узнавать благодать Святаго Духа каждый раз, когда она благодатно коснется человека, звал быть постоянно в благодати Божией. Стяжание Святаго Духа, постоянная жизнь с Ним и в Нем – это начало Царства Божия и вечной жизни, которой человек приобщается уже на земле.

От взглядов, представлений, мировоззрений, философии, угнетенных тремя измерениями, от перспектив в пределах горизонта преподобный Серафим тихо и кротко-ласково, простыми словами зовет человека к такому дерзновению, о котором не смел и подумать Мотовилов – сын своего народа и русского общества того времени. В тихих и кротких, свято простых и ласковых словах преподобного Серафима о стяжании Святаго Духа, о знании Его и сроднении с Ним – дышит все Православие и под лучами радости смиренно-дерзновенной веры преподобного Серафима оживает русская душа.

Русская жизнь, русское общество, русская религиозная мысль были под длительным нерусским и неправославным влиянием. Чужая мысль и мировоззрение на многое наложили свой отпечаток. Подлинно православный религиозный церковный опыт всегда был в Русской Церкви, но между опытом и мыслью не было полной симфонии.

Подлинный церковный опыт и подлинно церковные мысли хранились ею по преимуществу в богослужебном богословии, в богатейшем догматическом и нравственно-богословском содержании стихир, тропарей, канонов и пр., являющихся часто сокращенным изложением проповедей или трактатов Святых Отцов на догматические и нравственные темы. Все это богослужебное богословие, без малейшего изъяна строго православное, и богословствование преподобного Серафима Саровского о стяжании Духа Святаго абсолютно согласно с ними, насыщено тем же Духом.

В формальном же школьном богословии преподавались совсем иные взгляды, большей частью в полном противоречии с богослужебным святоотеческим богословием.

Именно от этого, в значительной степени неправославного, богословия бежал в XVIII веке старец Паисий Величковский, противопоставляя это богословие «Азбуке духовной» святителя Тихона Задонского, чего никак не могло случиться в отношении подлинного церковного богословия Святых Отцов.

Более того, как отмечают наши церковные историки, и особенно ярко о. Георгий Флоровский, лучшие священники XVIII века, получившие воспитание в указанном школьном частично неправославном духе, чтобы стать настоящими добрыми пастырями должны были переучиваться в церковной стихии, в среде верующего народа, пропитываясь подлинно православным богослужебным богословием, и, конечно, в этом процессе влияние преподобного Серафима Саровского было самым духовно авторитетным и действенным, ибо он богословствовал не теоретически, а опытно, проверяя свои слова веянием Того Духа, стяжание Которого учил он считать главным и единственным делом жизни человека.

В течение всего XVIII века и первой половины XIX века оба течения богословской мысли боролись в Русской Церкви.

В 30-х годах XIX века мы видим начало и затем развитие процесса русского православного возрождения. Магистраль его можно наметить именами митрополита Филарета, Хомякова, епископа Феофана Затворника, о. Иоанна Кронштадтского, митрополита Антония (Храповицкого). Этот процесс привел Русскую Церковь к Московскому Собору 1918 года, к огненной славе русских мучеников в гонении на Русскую Церковь.

Но в самом начале этого великого и еще недостаточно понятого исторического процесса возрождения Православия в России, освобождения русской души от инославного влияния, возрождения православного един-

ства опыта и мысли стоит кроткий и смиренный «убогий Серафим». И всех жаждущих стяжания Святаго Духа он и теперь, как и при своей жизни, приветствует словами «Радость моя, Христос Воскресе!»

Иеромонах Серафим (Роуз)
Бог есть огнь

«Бог есть огнь» – в этих словах избранник Божий преподобный Серафим Саровский напоминает нам не только о величии славы Божией, но и о наших собственных возможностях и чаяниях, ибо никто не может приблизиться к Богу до тех пор, пока сам не станет огнем. Это не просто фигура речи, но духовная истина, засвидетельствованная жизнью многих святых. Христианских подвижников, которые должны были бы умереть зимой от морозов, согревала теплота внутреннего духовного огня, и даже мирянин Мотовилов по милости Божией сподобился ощутить такую теплоту в присутствии преподобного Серафима и узреть святого как бы в центре ослепительного солнца.

Этот огнь, по словам преподобного Серафима, есть осязаемое проявление благодати Святаго Духа. Он был дан апостолам во время Пятидесятницы и всякий раз дается каждому православному христианину при крещении. По нашей духовной слепоте и холодности мы не можем ни увидеть, ни почувствовать этого огня, исключая моменты особенно горячей молитвы и единения с Богом, но даже и в таких случаях в небольшой степени. Но никто не может приблизиться к Богу иначе как через этот огонь. Когда наши прародители были изгнаны из рая, Бог установил огненный меч, чтобы охранять Древо Жизни. И по сей день в молитвах пе-

ред Святым Причащением мы молимся о том, чтобы плод нового Древа Жизни – Пречистое Тело и Честная Кровь Господа нашего Иисуса Христа – не попалил нас за наше недостоинство. Преподобный Серафим говорил: «Бог наш есть огнь (Евр. 12, 29), попаляющий все нечистое, и никто нечистый телом или духом не может иметь части с Ним. Так что низвергнутый до ада будет чувствовать только боль в присутствии Бога; он нечист, и Божественный Огнь сжигает его и мучает. Но тот огнь, который пожирает недостойного, может также и пожрать нечистоту и сделать достойными тех, кто, хотя и недостойны, любят Бога и желают стать Его сынами. Мы молимся перед Святым Причастием: «Да будет мне Пречистое Твое Тело и Честная Кровь Твоя, Господи, огнем и светом, пожирающим мерзость грехов и язвы страстей, просвещающим всего меня, да прославлю Твое Божество».

Преподобный Серафим сравнивает христианина с горящей свечой, которая воспламеняет другие свечи, причем ее собственный огонь не становится от этого меньше, и так распространяются небесные сокровища Божественной благодати. Таким и должен быть христианин – горящим любовью к Богу и желанием служить Ему и исполненным огненного присутствия Святаго Духа. Если он станет такой горящей свечой в этой жизни, то в будущей жизни он будет еще больше великим. *Тогда праведники воссияют, как солнце, в Царстве Отца их* (Мф. 13, 43). По нашему недостоинству мы даже не можем и помыслить о таком состоянии, ибо, как написано: *не видел того глаз, не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). Такое состояние есть цель и смысл христианской жизни, – это то, для чего живет православный христианин.

Протоиерей Валентин Свенцицкий
Предречение о временах последних

Преподобный Серафим исцелил Мотовилова. Для нас, почитающих преподобного Серафима и ведающих о его чудесах, это так же естественно, как сказать о человеке, умеющем говорить, что он сказал слово. Но рассмотрим подробно, как все это произошло, дабы нам воскресить перед собою живой образ преподобного Серафима.

Четверо принесли Мотовилова к преподобному Серафиму, а пятый поддерживал ему голову. В это время преподобный Серафим сидел на лужайке на большой поваленной сосне, которая, как говорит Мотовилов, и по сие время лежит на берегу Саровки. И вот на просьбу об исцелении, обращенную к преподобному Серафиму, он сказал: «Да ведь я не доктор, с докторами надо снестись, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь».

«Я, – говорит Мотовилов, – ответил ему, что испробовал все лечения у докторов, был у самых известных, у самых прославленных и теперь надеюсь только на одного Господа Бога».

И тогда Преподобный спросил:

– А веруешь ли в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?

– Верую.

– А веруешь ли, что Господь как прежде исцелял мгновенно, так и ныне легко и мгновенно может попрежнему исцелить требующих помощи?

– Истинно верую всему этому всею душою моею и сердцем моим верую.

– А если веруете, то вы и здоровы уже.

– Как же здоров? – спросил я, – когда люди мои и вы, Батюшка, держите меня на руках?

– Нет, – сказал Преподобный, – Вы совершенно всем телом вашим теперь уже здоровы вконец.

Он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги, сказал мне:

– Крепче стойте, тверже утверждайтесь ими на земле... вот так! Не робейте, вы совершенно здоровы теперь.

И потом прибавил, радостно смотря на меня:

– Вот, видите ли, как хорошо вы теперь стоите?

Я ответил:

– Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня.

И он, отняв руки свои от меня, сказал:

– Ну вот, уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня все крепко же стоите.

Взяв меня за руку одною рукою своею, а другою в плечи мои немного поталкивая, повел меня по траве и по неровной земле около большой сосны, говоря:

– Ну вот, ваше Боголюбие, как вы хорошо пошли.

Я отвечал:

– Да потому, что вы хорошо меня вести изволите.

– Нет, – сказал он мне, отняв от меня руку свою, – Сам Господь совершенно исцелить вас изволил и Сама Божия Матерь о том Его упросила. Вы теперь и без меня пойдете и всегда хорошо ходить будете. Идите же.

И стал толкать меня, чтобы я шел.

– Да этак упаду я и ушибусь, – сказал я.

– Нет, не ушибетесь, а твердо пойдете.

И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал:

– Довольно уже, – и спросил: – Что, теперь удостоверились вы, что Господь вас действительно исцелил?

И дал совет:

– Так как трехлетнее страдание ваше тяжко изнурило вас, то вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно, мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий.

Мотовилов пошел в монастырь исцеленным. Люди его пошли отдельно лесом, славили Господа, а молва о том, что произошло исцеление, уже бежала вперед в монастырь. Там, в монастыре, вышли навстречу исцеленному Мотовилову и игумен, и иеромонахи, которые поздравляли его с великой милостью Божией.

Вот как начались отношения Мотовилова с преподобным Серафимом. Могут ли отношения, начавшиеся так, пройти безразличными для человека, может ли совершившееся такое великое благодеяние Божие остаться бесследным, коренным образом не изменить всю последующую жизнь человека? Какое для этого нужно было бы иметь каменное сердце и величайшее легкомыслие! Мотовилов, пережив это чудо, сделался послушником Божией Матери, как его называл преподобный Серафим. Если отношения с Мантуровым были более делового характера, то отношения с Мотовиловым, напротив, имели значение глубокое, внутреннее. Именно ему святой Серафим раскрыл многие духовные тайны, и мы обязаны Мотовилову не только тем, что он в Дивееве сохранил многие предметы, оставшиеся после кончины преподобного Серафима, и даже некоторые выкупленные у саровских монахов, но еще более имеет значение для нас тем, что он сохранил духовную драгоценность, преподанную ему в беседах с угодником Божиим. Вот об этой внутренней стороне надлежит сказать нам.

Преподобный Серафим говорил Мотовилову, что первейшая цель человеческой жизни есть стяжание Святаго Духа Божия. Что исполнение заповедей, совершение богослужений, посты – все это есть как бы русла, по которым течет человеческая жизнь, дабы потом все это соединить в неком благодатном міре того духовного состояния, которое он именует стяжанием Духа Святаго Божия. Мы, обыкновенные смертные, по самому естеству нашей природы способны видеть отблески высшей правды в разрозненных явлениях человеческой жизни.

Когда людей тянет мирская жизнь, это не всегда значит, что мір соблазняет их злом. Нет, видя в мирской жизни отблески правды, они принимают мір за полноту истины. Верующим, которые идут путем, указанным Святой Церковью, Господь открывается созерцанием красот міра, в молитве, в редкие исключительные моменты духовного подъема, особенно при Таинстве Святого Причащения. Это минуты светлого и лучезарного осияния благодатию Святаго Духа.

Но вот как об этом состоянии свидетельствует необычайная беседа преподобного Серафима с Мотовиловым.

Мотовилов спросил преподобного Серафима: «Какое же будет доказательство, что Дух Святый пребывает в душе?»

Тогда отец Серафим взял его весьма крепко за плечи и сказал:

– Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобой. Что же ты не смотришь на меня?

Он отвечал:

– Не могу, Батюшка, смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше сделалось светлее солнца, и у меня глаза ломит от боли.

Отец Серафим сказал:

– Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь сами так же светлы стали, как и я сам. Вы сами теперь в полноте Духа Божия. Что же вы еще чувствуете теперь? – спросил далее о. Серафим.

– Необыкновенно хорошо! – сказал Мотовилов.

– Да как же хорошо? Что именно?

Он отвечал:

– Чувствую я такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами выразить не могу!

– Что же еще чувствуете вы?

– Необыкновенную радость во всем моем сердце!..

– Что же еще чувствуете, ваше Боголюбие? Он отвечал:

– Теплоту необыкновенную!

– Как, батюшка, теплоту? Да ведь мы в лесу сидим-то, теперь зима на дворе, и под ногами снег, и на нас более вершка снегу, и сверху крупа падает... Какая же может быть тут теплота?

Завершая беседу, преподобный Серафим сказал:

– Вот что значит быть в полноте Духа Святаго, про которую святой Макарий Египетский пишет: «Я сам был в полноте Духа Святаго...» Этою-то полнотою Духа Своего Святаго и нас, убогих, преисполнил теперь Господь... Ну уж теперь нечего более, кажется, спрашивать, ваше Боголюбие, каким образом бывают люди в благодати Духа Святаго!..

Разве мы в своей жизни не имеем подтверждения слов преподобного Серафима? Разве даже после наших бледных, скорее похожих на намек благодатных состояний духа не теряем смысл и интерес к внешней и материальной стороне жизни?

Как понятны нам делаются слова преподобного Серафима!

Если бы надолго удержаться в этом состоянии, человеку не было бы никакого дела ни до еды, ни до питья, он не мог бы более жить во плоти.

Когда благодатная сила Божья осеняет человека, жизнь его во плоти здесь имеет только один смысл – идти дальше по пути духовного совершенствования.

Преподобный Серафим многое открывал Мотовилову из тайн будущего. Одно нам надлежит особенно заметить. Это то, что касается судеб Церкви и міра. Говоря о том, что иногда отступает от человека благодать Божия, он указывает на причину сего. А потом говорит так:

«Есть еще причина, и, можно сказать, беспричинная причина такой благодати Всесвятаго Духа – изволить иногда оставлять даже человека богоносного, и это уже попускается от Самого Господа испытывать силы лишь крайне укрепившегося в благодати Божией человека. Так вот, такое же искушение, то есть оставление благодати Божией, будет допущено во всей вселенной во времена антихриста, когда все святые Божии люди и Святая Церковь Божия Христова, лишь из них одних состоящая, как бы оставлены будут от защищения и помощи Божией. Нечестивые же восторжествуют и возвеличатся над ними».

То есть будут такие времена антихриста, когда Церковь, уже в это время состоящая как бы исключительно из святых Божиих людей, будет попущением Божиим совершенно оставлена от защищения, и тогда-то будет требоваться, дабы не отступать от Христа, вера, терпение святых.

«Но в преддверии к такому состоянию, – говорит преподобный Серафим, – подобные же тому безмерные искушения попускаются и будут попускаться и до этого времени на святых великих угодников Божьих».

Вот что предрекает преподобный Серафим. Мы знаем, что сие предречение находится в полном соответ-

ствии со Словом Божиим, и все же в устах Преподобного оно, это предречение, ближе продвигается к нам, как бы еще более усваивается нами. Почему оно важно нам? Мы не знаем времен и сроков, мы не предрекаем скорое пришествие антихриста. Даже преподобный Серафим, когда к нему некто обратился с этим вопросом, сказал:

– Ты слишком много думаешь об убогом Серафиме.

Кто же из нас дерзнет предсказать о времени?

Но не сие важно нам в этом предречении, оно нас укрепляет в том, чтобы нам не искушаться и не соблазняться одной соблазнительной мыслью для человека – мыслью о том, что, если «все» не веруют, значит, «все» правы.

Когда кругом безбожники, человека и самого тянет отречься от веры. И хотя бы эти «все» были погружены в самые безобразные пороки и этим воочию свидетельствовали, что не у них правда, все-таки слово «все» производит на человеческую душу какое-то соблазняющее впечатление. Неужели, дескать, все неправы, а прав я один да еще какая-то «кучка попов».

Чтобы утверждаться пророчеством святых, укрепляющих нас в вере, что мы, малое стадо, идем верной дорогой, будущее Церкви с самых первых времен никогда не рисовалось как внешняя победа и торжество. Церковь, по Слову Божию, в последние времена будет ничтожной но своему количеству горсткой святых. Но эта Церковь встретит Христа, грядущего во славе.

Аминь!

Владимир Николаевич Лосский

1. Дары Святаго Духа

Богословие Восточной Церкви отличает Лицо Святаго Духа от сообщаемых Им людям даров. Это различе-

ние основано на словах Христа: *Он прославит Меня, потому что от Моего возьмет и возвестит вам. Все, что имеет Отец, есть Мое; потому Я сказал, что от Моего возьмет* (Ин. 16, 14–15). «Общее» Отцу и Сыну – это Божественность, которую Дух Святый сообщает людям в Церкви, соделывая их «причастниками Божеского естества», сообщая огнь Божества – нетварную благодать – тем, кто становятся членами Тела Христова. В одном из антифонов восточного богослужения поется: «Святым Духом всякая душа живится и чистотою возвышается, светлеется Тройческим единством священнотайне»[1].

Часто обозначают дары Святаго Духа семью именами, которые мы находим в одном из текстов пророка Исаи (Ис. 11, 2–3): дух премудрости, дух разума, дух совета, дух крепости, дух ведения, дух благочестия, дух страха Божия. Однако православное богословие не делает особого различия между этими дарами и обожающей благодатию. По учению Восточной Церкви, благодать вообще означает все богатство Божественной природы, как сообщающейся людям; она – Божество, действующее вне Своей сущности и Себя отдающее: Божественная природа, которой мы приобщаемся в ее энергиях.

Дух Святый, источник этих нетварных и бесконечных даров, оставаясь безымянным и неоткровенным, получает всю ту множественность имен, которую можно приложить к благодати. «Прихожу в трепет, – говорит святой Григорий Богослов, – когда представляю в уме богатство наименований... Дух Божий, Дух Христов, Ум Христов... Дух сыноположения... Он есть Дух.., воссозидающий в крещении и воскресении... Дух, Который... дышет, идеже хощет... Дух просвещения жизни, лучше же сказать, самый свет и самая жизнь. Он делает меня храмом, творит Богом, совершает, почему

1 Антифон 4-го гласа на утрени.

и крещение предваряет и по крещении взыскуется. Он производит все то, что производит Бог. Он разделяется в огненных языках и разделяет дарования, творит апостолов, пророков, благовестников, пастырей, учителей... Он иной Утешитель, как бы иной Бог»[1]. По слову святого Василия Великого, нет ниспосланного твари дара, в котором бы не присутствовал Святый Дух[2]. Он «Дух истины, сыноположения дарование, обручение будущего наследия, начаток вечных благ, животворящая сила, источник освящения»[3]. Святой Иоанн Дамаскин именует Его «Духом правым, владычествующим, источником премудрости жизни и освящения... Полнотой, Вседержителем, всесовершающим, всесильным, бесконечно могущественным, обладающим всякою тварью и не подчиненным господству… освящающим и неосвящаемым» и т.д.[4] Как мы сказали, все эти бесчисленные наименования относятся прежде всего к благодати, к природному богатству Божию, сообщаемому Духом Святым тем, в которых Он присутствует. Присутствует же Он вместе со Своею Божественностью, Которую дает нам познавать, оставаясь Сам непознаваемым и неявленным; Он – Ипостась неоткровенная, не имеющая Своего образа в другом Божественном Лице.

Дух Святый был послан в міръ или, вернее, в Церковь во имя Сына («Утешитель, Дух Святый, Которого пошлет Отец во имя Мое» – Ин. 14, 26). Следовательно, нужно носить имя Сына, быть членом Его Тела, чтобы воспринимать Духа. По излюбленному выражению святого Иринея Лионского, Христос возглавил Собой человечество. Он стал Главою, Началом, Ипостасью обнов-

[1] PG, t. 36, 159 BC.

[2] PG, t. 32, col. 133 C.

[3] Литургия св. Василия Великого, тайносовершительная молитва.

[4] PG, t. 94, col. 821 BC.

ленной человеческой природы, которая есть Его Тело. Поэтому тот же святой Ириней прилагает к Церкви наименование «сын Бога»[1]. Она – то единство «нового человека», которого мы достигаем, «облекаясь во Христа», становясь через крещение членами Его Тела. Эта природа едина и неразделима, она – «единый человек». Климент Александрийский видит в Церкви всего Христа, Христа всецелостного, Который не разделяется: «Он ни варвар, ни иудей, ни эллин, ни мужчина, ни женщина, но Он – новый Человек, целиком преображенный Духом»[2].

«Мужчины, женщины, дети, – говорит святой Максим Исповедник, – глубоко разделенные в отношении расы, народа, языка, образа жизни, труда, науки, звания, богатства... – всех их Церковь воссоздает в Духе. На них на всех она напечатлевает образ Божества. Все получают от нее единую природу, недоступную разрушению, природу, на которую не влияют многочисленные и глубокие различия, отличающие людей друг от друга. Этим все возвышаются и соединяются истинно кафолически. В ней никто отнюдь не отделен от общего, все как бы растворяются друг в друге простой и нераздельной силой веры... Христос также все во всех, Тот, Кто заключает в Себе по Своему могуществу, по Своей бесконечной и премудрой благости, как средоточие, в котором сходятся радиусы для того, чтобы создания Единого Бога не оставались бы чуждыми или враждебными по отношению друг ко другу, как не имеющие никакого средоточия для выражения своей дружбы и миролюбия»[3]. Видя это единство природы в Церкви, святой Иоанн Златоуст

1 PG, t. 7, col. 1082.

2 PC, t. 8, col. 229 B.

3 Тайноводство, 1: PG, t. 91, col. 665–668; P. De Lubas, op. cit., p. 27. См. вообще гл. II этой замечательной работы, где автор развивает идею единства человеческой природы в Церкви, основываясь главным образом на Отцах Греческой Церкви.

спрашивает себя: «Что это значит? То, что Христос тех и других, близких и дальних, сделал одним телом, так что живущий в Риме считает своими членами индийцев. Что может сравниться с таким собранием? А глава всех – Христос»[1]. В этом и заключался самый смысл «возглавия» міра и всей природы человеком – Адамом, который должен был соединить с Богом тварный космос. Ныне Христос, Новый Адам, совершает это возглавление. Как Глава Святаго Тела, Он становится Ипостасью этого Тела, собранного от «конец земли». В нем сыны Церкви являются членами Его Тела и как таковые заключены в Его Ипостаси. Но этот «единый человек» во Христе, единый по своей обновленной природе, тем не менее множествен по лицам: он существует во многих людях. Если человеческая природа оказывается объединенной в Ипостаси Христа, если она – природа «воипостазированная», то человеческие личности, ипостаси этой единой природы, от этого не уничтожаются. Они не смешиваются с Божественной Личностью Христа, с Ней не сливаются. Ибо никакая ипостась не может слиться с другой ипостасью, не прекратив тем самым своего личностного существования: это было бы равносильно уничтожению человеческих личностей в едином Христе; это было бы безличностным обожением, блаженством, в котором не было бы самих блаженных. Будучи единой природой во Христе, Церковь, это новое тело человечества, содержит в себе множество человеческих ипостасей. Это то именно, о чем говорит святой Кирилл Александрийский: «Разделенные некоторым образом на отдельные личности, благодаря чему такой-то есть Петр, или Иоанн, или Фома, или Матфей, мы как бы сплавливаемся в одно тело во Христе, питаясь одной Плотию»[2].

[1] PG, t. 59, col. 361–362.

[2] PG, t. 74, col. 560.

Дело Христа относится к человеческой природе, которую Он возглавляет в Своей Ипостаси. Дело же Святаго Духа относится к человеческим личностям, обращается к каждой из них в отдельности. Святый Дух сообщает в Церкви человеческим ипостасям полноту Божественности единственным, личностным образом, приспособляемым к каждому человеку как к личности, созданной по образу Божию. Святой Василий Великий говорит, что Святый Дух есть «Источник освящения», который «не оскудевает из-за множественности причащающихся»[1]. Он «весь присутствует в каждом и весь повсюду. Он, разделяемый, не страждет и, когда приобщаются Его, не перестает быть всецелым, наподобие солнечного сияния, наслаждающийся приятностью которого как бы один им наслаждается, между тем как сияние сие озаряет землю и море и срастворяется с воздухом. Так и Дух в каждом из удобоприемлющих Его пребывает, как ему одному присущий, и всем достаточно изливает всецелую благодать, которою наслаждаются причащающиеся, по мере собственной своей приемлемости, а не по мере возможного для Духа»[2].

Христос становится единым образом присвоения для общей природы человечества; Дух Святый сообщает каждой личности, созданной по образу Божию, возможность в общей природе осуществлять уподобление. Один взаимодарствует Свою Ипостась природе, Другой сообщает Свое Божество личностям. Таким образом дело Христа единит людей, дело Духа их различает. Впрочем, одно и невозможно без другого; единство природы осуществляется в личностях; что же до личностей, то они могут достигнуть своего совершенства, могут во всей полноте стать личностными только

1 PG, t. 32, col. 108 BC.

2 Там же, col. 108–109.

в единстве природы, переставая быть «индивидами», живущими для самих себя, имеющими свою собственную «индивидуальную» природу и свою собственную волю. Итак, дело Христа и дело Святаго Духа друг от друга неотделимы. Христос создает единство Своего мистического Тела Святым Духом, Дух Святый сообщается человеческим личностям Христом. Действительно, можно различать два сообщения Святаго Духа Церкви: одно произошло дуновением Христа, Который явился апостолам в вечер Своего Воскресения (Ин. 20, 19–23); другое было личным сошествием Святаго Духа в день Пятидесятницы (Деян. 2, 1–4).

Первое сообщение Святаго Духа относится ко всей церковной совокупности, к Церкви в ее целом, поскольку она – единое тело; вернее, Дух Святый преподается всей совокупности апостолов, которым Христос одновременно дает и священническую власть вязать и решить. Это не личностное присутствие Святаго Духа, а как бы служебное по отношению ко Христу, Который Его дает. По толкованию святого Григория Нисского, оно здесь – «связь единства Церкви»[1]. Здесь Святый Дух дается всем апостолам совокупно, как связь и власть священноначалия. Он не относится к отдельным личностям и не сообщает им никакой личной святости. Но это – то последнее завершение, которое Христос дает Церкви, прежде чем покинуть землю. Николай Кавасила устанавливает аналогию между сотворением человека и восстановлением нашей природы Христом, создающим Свою Церковь: «Он воссоздал нас не из того вещества, из которого создал; так сотворил, персть взем от земли, а во второй раз даровал собственное Тело и, воссозидая жизнь, не душу, находящуюся в естестве, соделал лучшею, но изливая Кровь Свою в сердце приемлющих Таинство, рождает

[1] PG, t. 44, col. 1116–1117.

в них Свою собственную жизнь. Тогда вдунул, сказано, дыхание жизни, теперь же сообщает нам Духа Своего»[1]. Это есть дело Христа, которое относится к природе, к Церкви, поскольку она – Его Тело.

Сообщение Святаго Духа во время Своего личного сошествия совершенно иное: теперь Он является как Лицо Пресвятой Троицы, не зависящее от Сына по Своему ипостасному происхождению, хотя и посланное в мір «во имя Сына». Он является в виде «огненных языков», разделенных между собой и почивающих на каждом из присутствующих, на каждом члене Тела Христова. Это уже не сообщение Духа Святаго всей Церкви, как Телу. Здесь сообщение не может быть функцией единства. Святый Дух сообщает Себя личностям, отмечая каждого члена Церкви печатью личного и неповторимого отношения к Пресвятой Троице, становясь «присутствующим» в каждой личности. Каким образом? Это – тайна, тайна уничижения, кенозиса сходящего в мір Духа. Если в кенозисе Сына нам явилось Лицо, в то время как оставалось сокрытым под «зраком раба» Божество, Святый Дух в Своем сошествии являет общую природу Пресвятой Троицы, но сокрывает под Своим Божеством Лицо. Он пребывает не откровенным, но как бы сокрытым в Своем даре для того, чтобы сообщаемый Им дар был полностью нами присвоен. Святой Симеон Новый Богослов в одном из своих гимнов прославляет Святаго Духа, таинственно с нами соединяющегося и сообщающего нам полноту Божества: «Благодарю Тебя, что Ты, сущий над всеми Бог, сделался единым духом со мною, неслитно, непреложно, неизменно, и Сам стал для меня всем и во всем: пищей неизреченной, совершенно даром доставляемой, постоянно преизливающейся в устах души моей и обильно текущей в источнике сердца моего;

1 PG, t. 150, col. 617 AB.

одеянием блистающим, покрывающим и сохраняющим меня и демонов попаляющим; очищением, омывающим меня от всякой скверны непрестанными и святыми слезами, которые присутствие Твое дарует тем, к которым приходишь Ты. Благодарю Тебя, что Ты сделался для меня днем невечерним и солнцем незаходимым – Ты, не имеющий, где скрыться. Ведь Ты никогда ни от кого не скрывался, никогда никем не гнушался, но мы, не желая прийти к Тебе, сами скрываемся от Тебя»[1].

Личное сошествие Духа Святаго «самовладычного», как слышим мы в одном из песнопений Пятидесятницы[2], не могло бы восприниматься как полнота, как бесконечное, внезапно раскрывающееся внутри каждой личности богатство, если бы Восточная Церковь не исповедовала ипостасную независимость Святаго Духа от Сына в аспекте Его превечного происхождения. Иначе Пятидесятница – начало всеосвящения – не отличалась бы от сообщенного апостолам Христова дуновения, в котором Дух Святый, создавая единство мистического Тела Христа, действует как Его помощник. Если бы мы мыслили Святаго Духа Божественным Лицом, зависимым от Сына, Он представлялся бы нам даже и в личном Своем сошествии некоей связью, соединяющей нас с Сыном. Мистическая жизнь развивалась бы тогда путем слияния души со Христом через посредничество Святаго Духа. Это снова приводит нас к проблеме человеческих личностей в их соединении с Богом: соединяясь с личностью Христа, мы или уничтожались бы, или личность Христа была бы для нас чем-то насильственно внешним. В последнем случае благодать воспринималась бы как

[1] PG, t. 120, col. 509. [Русск. пер.: *Св. Симеон Новый Богослов.* Божественные гимны. Сергиев Посад, 1917. С. 14.]

[2] Выражение, взятое из «Слова 41-го, на св. Пятидесятницу» св. Григория Богослова (PG, t. 36, col. 441), которое послужило для составления наиболее прекрасных песнопений службы на св. Пятидесятницу.

нечто внешнее по отношению к свободе, а не была бы ее внутренним раскрытием. Но в этой именно свободе мы исповедуем Божество Сына, ставшее явным нашему уму силою обитающего в нас Святаго Духа.

Для мистического предания восточного христианства Пятидесятница, сообщающая человеческим личностям присутствие Святаго Духа – начаток их освящения, знаменует последнюю цель, конец, и одновременно отмечает начало духовной жизни. Святый Дух, сошедший на учеников в огненных языках, невидимо нисходит на новокрещаемых в Таинстве святого Миропомазания. В восточном обряде конфирмация [подтверждение] следует непосредственно за крещением. Святый Дух действует в обоих таинствах: Он воссоздает нашу природу, очищая ее и соединяя с Телом Христа, Он также сообщает человеческой личности Божественность – общую энергию Пресвятой Троицы, то есть благодать. Тесная связь между этими двумя Таинствами – крещением и миропомазанием – стала причиной того, что нетварный и обожающий дар, подаваемый членам Церкви сошествием Святаго Духа, часто называется «благодатью крещения». Так, преподобный Серафим Саровский говорил о благодати Пятидесятницы: «И вот про эту-то самую огнедохновенную благодать Духа Святаго, когда она подается нам, всем верным Христовым, в Таинстве Крещения, священно запечатлевая Миропомазанием главнейшие, Святою Церковью указанные места плоти нашей, как вековечной ее [благодати] хранительницы, говорится: “Печать дара Духа Святаго”... Ибо крещенская благодать эта столь велика и столь необходима для человека, столь живоносна, что даже и от человека-еретика не отъемлется до самой его смерти, то есть до срока, обозначенного свыше по Промыслу Божию для пожизненной пробы человека на земле – на что-де он бу-

дет годен и что-де он в этот богодарованный ему срок, при средствах, дарованных ему на спасение, совершить может»[1]. Крещенская благодать – присутствие в нас Святаго Духа, от нас неотъемлемое и для каждого из нас личное, – есть основа всякой христианской жизни: это – Царство Божие, уготовляемое Духом Святым внутри нас, по словам того же преподобного Серафима[2].

Святый Дух, вселяясь в нас, преобразует нас в обитель Святой Троицы, ибо Отец и Сын нераздельны от Божества Духа: мы приемлем, по словам святого Симеона Нового Богослова, «непокровенный огнь Божества, как говорит Сам Господь: *Огонь пришел Я низвести на землю* (Лк. 12, 49). Какой это другой огонь, кроме единосущного по Божеству Духа, с Коим вместе входит в нас и созерцается и Сын со Отцем?»[3] Сошествием Святаго Духа Пресвятая Троица живет в нас и дает нам обожение, сообщает нам Свои нетварные энергии, Свою славу, Свое Божество, тот превечный Свет, к которому мы должны приобщаться. Поэтому святой Симеон Новый Богослов говорит, что благодать не может оставаться в нас сокрытой, что пребывание в нас Пресвятой Троицы не может быть не явленным. По словам этого великого мистика, «если кто станет говорить, что каждый из нас, верующих, получил и имеет Духа, хотя и не сознает и не чувствует того, таковый богохульствует, так как представляет лживым Христа, Который сказал: будет в нем источник воды, *текущей в жизнь вечную* (Ин. 4, 14), и еще: у верующего в Меня *из чрева потекут реки воды живой* (Ин. 7, 38). Итак, если неточный ключ бьет, то, наверное, река, исходящая из сего источника и те-

[1] О цели христианской жизни. Беседа преп. Серафима Саровского с Н. А. Мотовиловым. Сергиев Посад, 1914. С. 38–39.

[2] Там же.

[3] *Симеон Новый Богослов.* Слово 45, 9. Рус. пер.: Слова. Вып. I. С. 396.

кущая, видима бывает для имеющих очи. Но если и это действуется в нас, а мы ничего такого не чувствуем и не сознаем в себе, то явно, что мы совсем не будем чувствовать и жизни вечной, которая бывает следствием того, и не увидим света Духа Святаго, но пребудем мертвы, слепы, бесчувственны и в будущей жизни, как пребываем в настоящей. Таким образом, выйдет, что надежда наша тщетна и течение наше попусту, если мы все еще в смерти, то есть остаемся мертвы духом и не воспринимаем чувства вечной жизни. Но не так есть во истине, не так. Но что я говорил не раз, скажу и еще и не перестану говорить: свет Отец, свет Сын, свет Дух Святый; трие сии Един Свет, безвременный, нераздельный, неслиянный, вечный, несозданный, неоскудевающий, неизмеримый, невидимый, поколику есть и помышляется сущим вне и превыше всего, – которого ни один человек не мог никогда увидеть прежде очищения и не мог получить прежде узрения. Ибо прежде надлежит увидеть его, и потом многими подвигами стяжать...»[1].

Мы уже говорили, что богословие Восточной Церкви всегда отличало Лицо Святаго Духа – Подателя благодати – от самой подаваемой Им нетварной благодати. Благодать нетварна и божественна по своей природе. Она – энергия, или преизбыточествующее исхождение единой природы, Божество (Θεοτης) в аспекте Своего неизреченного отличия от сущности, в аспекте сообщения тварному, их обóжению. Таким образом, это уже не действие, произведенное Божественной волей в душе и влияющее на нее извне, как в Ветхом Завете, но сама Божественная жизнь, раскрывающаяся в нас в Духе Святом. Он таинственно отождествляется с человеческими личностями, хотя и остается несообщимым; Он как бы становится на место нас самих, ибо это Он,

[1] Слово 57, 4. Рус. пер.: Слова. Вып. II. М., 1890. С. 47–48.

по словам апостола Павла, взывает в наших сердцах: «Авва, Отче!» Следовало бы, скорее, сказать, что Дух Святый как бы отступает, как личность, перед тварными личностями, которым Он присваивает благодать. В Нем воля Божия для нас не внешняя; она подает нам благодать изнутри, проявляясь в самой нашей личности, поскольку наша воля человеческая пребывает в согласии с волей Божественной и соработает с ней, стяжая благодать, соделывая ее благодатью нашей. Это – путь обожения, приводящий к Царству Божиему, которое вводится Духом Святым в наши сердца уже в настоящей жизни. Ибо Дух Святый есть царское помазание, почивающее на Христе и на всех христианах, призванных царствовать с Ним в будущем веке. И тогда это незнаемое Божественное Лицо, не имеющее Своего образа в другой Ипостаси, явит Себя в обоженных человеческих личностях, ибо образом Его будет весь сонм святых.

2. Богословие Света

Дело нашего обожения совершается Духом Святым, Подателем благодати. Он редко именуется, но всегда как бы предполагается в каждом моменте литургической и духовной жизни, потому что не следует называть ту тайну, которая должна переживаться в молчании. Святый Дух остается невидимым, но Он являет Божественную благодать, которая зримо открывается в святых. Можно было бы привести множество примеров этих видимых проявлений благодати из житий святых пустынников в творениях святых Макария Египетского[1], Симеона Но-

[1] Споры относительно подлинности этих творений и даже то, что их приписывали кругам, из которых впоследствии родилось мессалианство, отнюдь не умаляют высокой ценности «Бесед» св. Макария. Значение, принадлежащее им в традиции христианской духовности, неоспоримо. См.: о. *Л. Виллекур.* Дата и происхождение «Ду-

вого Богослова[1] и других наставников духовной жизни, более или менее широко известных на Западе[2]. Но мы ограничимся одним более поздним примером, из «Откровенных бесед преподобного Серафима Саровского»[3], который поможет понять все значение «богословия Света» в мистической жизни Православной Церкви.

Во время беседы, происходившей зимним утром на опушке леса, один из учеников преподобного Серафима, автор приводимого здесь текста, сказал своему наставнику: «“Все-таки я не понимаю, почему я могу быть твердо уверен, что я в Духе Божием, и как мне самому в себе распознать Его истинное явление?” О. Серафим отвечал: “Я уже сказал, что это очень просто, и подробно рассказал вам, как люди бывают в Духе Божием и как до́лжно разуметь Его явление в нас; что же вам еще нужно?” “Надобно, – сказал я, – чтобы я понял это хорошенько”. Тогда он взял меня весьма крепко за плечи и сказал мне: “Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием

ховных бесед», приписываемых Макарию *(Dom le Villecourt.* La date et l'origine des Homelies spirituelles attribuées a Macaire. – In: Comptes rendus des séances de l'Academie des Inscriptions et Bolles Lettres, 1920). См. также замечание о. Стигльмайра – «Псевдо-Макарий и мистика ранних мессалианцев» (*Stiglmayr P.* Pseudo-Makarius und die Altermystik der Messalianer. In: Zeitsrift fur katholische Theologie. T. 49 (1925). С. 244–260) и главным образом замечательное опровержение гипотезы о. Виллекура *В. Йегером* – «Два вновь открытых памятника древнехристианской литературы: Григорий Нисский и Макарий» *(Jaeger. W.* Two rediscovered works of ancient christian literature: Gregory of Nyssa and Macaryus. Лейден, 1954).

[1] См. пример «богоявления света» в «Житии св. Симеона» Никиты Стифата, изд. Хаусхера, с. 92–96.

[2] Западная агиография дает типичный пример «богоявления Света» в повествовании об экстазе св. Бенедикта, у *св. Григория Великого* (Диалоги. Кн. II. Гл. 35. (P. L. T. 66. Стб. 198–200).

[3] Некоторые выдержки из этого памятника русской духовной жизни начала XIX века были напечатаны на французском языке: «Беседа преподобного Серафима о Духе Святом» (изд. Le Semeur, март–апрель 1927); «Беседа преподобного Серафима с Мотовиловым» (выдержки).

с тобой: что же вы глаза опустили, что же не смотрите на меня?” Я отвечал: “Не могу смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыпятся. Лицо ваше светлее солнца сделалось, и у меня глаза ломит от боли”. Он отвечал: “Не устрашайтесь, ваше Боголюбие, и вы теперь также светлы стали, вы ведь и сами точно в таком же именно свете находитесь благодатном, а то и видеть вам того на мне нельзя было”. И, преклонив ко мне голову свою, тихонько на ухо сказал мне: “Благодарите же Господа Бога за неизреченную к вам милость Его! Вы видите, что я и не перекрестился, а только мысленно помолился Господу и сказал: “Господи, удостой его телесными глазами видеть то сошествие Духа Твоего Святаго, Которым Ты удостаиваешь рабов Своих, когда благоволишь являться им в свете великолепной Славы Твоей”, и вот Господь исполнил мгновенно смиренную просьбу убогого Серафима. Как же нам не благодарить его за этот неизреченный дар Его, за этот неизреченный дар нам обоим? Этак, батюшка, не всегда и великим пустынникам являл Господь милость Свою, а уже это благодать Божия, как мать чадолюбивая, по предстательству Божией Матери, благоволила утешить милосердием своим сокрушенное сердце ваше... Что же не смотрите мне в глаза? Смотрите просто и не убойтесь: Господь с нами!” И когда я взглянул после этих слов в лицо его, то на меня напал еще больший благоговейный ужас. Представьте себе в середине солнца, в самой блистательной яркости полуденных лучей его, лицо человека, разговаривающего с вами. Вы, например, видите движение уст его, изменение в самих очертаниях лица, чувствуете, что вас кто-то держит рукой за плечи, но не видите не только рук его, но ни самих себя, ни его самого, а только ослепительный, простирающийся на несколько сажень кругом свет, слышите крупу снего-

вую, падающую на вас, чувствуете, что ее по крайней мере на вершок нападало на вас...»

Было бы неправдоподобно предположить, что старец Серафим Саровский был глубоким знатоком богословского учения св. Григория Паламы о природе Нетварного света, – учения, вкратце изложенного в этой статье. Но вот, спустя пятьсот лет после «паламитских споров», в условиях, совершенно отличных от условий Византийской империи, в глухом уголке русской провинции начала XIX века мы находим то же, порожденное духовным опытом, «богословие Света», утверждаемое с полной определенностью как основание и критерий сокровенной мистической духовной жизни, познания благодати, которая есть Сам Бог, Себя нам Открывающий.

Богословие Света – не метафора, не литературный образ, облекающий пышными одеждами некую абстрактную истину. Оно и не учение в собственном смысле слова, в каком «учение» означает интеллектуальную систему, заменяющую опытную реальность абстрактными понятиями. Его негативный, «апофатический» характер выражается теми антиномическими противоположениями, которые мы попытались выявить; это – продолжение богословского метода Отцов, утвердивших основные догматы христианства, поставив наш ум перед антиномиями: антиномией триединства – в тринитарном догмате и антиномией двуединства – в догмате христологическом. Действительно, подобно тому, как Никейский и Халкидонский догматы ставят нас перед неизреченным различием между природой и Лицом, чтобы сохранить таинственную реальность Троицы и Христа, истинного Бога и истинного Человека, – догмат реального различения между сущностью и энергиями, который ставится перед нашим умом антиномией Бога

Непознаваемого и Познаваемого, несообщаемого и сообщаемого, трансцендентного и имманентного, не имеет иной цели, кроме того, чтобы оградить реальность Божественной благодати, раскрыть двери мистическому опыту, вне которого нет духовной жизни в подлинном смысле этого слова. Ибо духовная жизнь требует, чтобы верующие не только исповедовали христианские догматы, но и жили ими. Принимая этот образ мышления, мы можем принять и столь суровые слова св. Симеона Нового Богослова, который отказывается называть христианами тех, кто не стяжал уже в этой жизни опыта Божественного света.

Богословие Света неотъемлемо присуще православной духовности: одно без другого немыслимо. Можно ничего не знать о Григории Паламе, о его роли в истории вероучения Восточной Церкви, но нельзя понять характера восточной духовности в отрыве от той богословской основы, которая нашла свое окончательное выражение у великого архиепископа Фессалоникийского, «проповедника благодати»[1]. Этим богословием пронизаны все литургические тексты. Может быть, это только метафоры, изощрения, византийская риторика? Или же то, в чем обычно видят напыщенную форму застывшей религиозности, лишенной подлинного умозрительного содержания, следует воспринимать как нечто живое и конкретное, как реальный религиозный опыт? Для нас очевидно, что вне этого богословия Света, основные линии которого мы только что проследили, все духовное богатство христианского Востока представляется стороннему наблюдателю безжизненным, лишенным того внутреннего тепла, которое именно и является особенным достоянием православного благочестия.

[1] Тропарь второго воскресенья Великого поста, посвященного памяти св. Григория Паламы.

Долгое время на Западе не ценили религиозного искусства Византии, художественного достоинства русских икон – потребовалось немало времени, чтобы оценить и западные «примитивы», порожденные тем же Преданием. Может быть, такова будет судьба и духовно-вероучительной традиции восточного христианства? Конечно, нет надобности доказывать необходимость углубленного изучения богословской традиции Востока: она очевидна для всех. Но чтобы это изучение послужило делу взаимного сближения и понимания, надо согласиться видеть и судить эту традицию не сквозь окостеневшие понятия чуждого ей школьного богословия, а иным образом. И тогда, может быть, те самые вероучительные особенности, которые были камнем преткновения в прошлом, окажутся плодоносными источниками духовного обновления в будущем[1].

[1] «От обновленного контакта с великой кафолической традицией Востока мы можем ожидать омоложения и новых плодов в нашем изучении богословия». *Конгар О.* Обожение в духовной традиции Востока (*Congar. M.-J.* La defication dans la tradition spirituelle de l'Orient. – In: «La vie spirituelle». № 188. 1 мая 1935. С. 107).

РАЗДЕЛ III

ПИСЬМЕННЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦА СЕРАФИМА

1. О Боге

Бог есть огонь, согревающий и воспламеняющий сердца и утробы. Итак, если мы ощутим в сердцах своих холод, который от диавола, ибо диавол хладен, то призовем Господа: Он, пришед, согреет наше сердце совершенною любовию не только к Нему, но и к ближним. И от лица теплоты убежит хлад доброненавистника.

Отцы написали, когда их спрашивали: ищи Господа, но не испытуй, где Он живет.

Где Бог, там нет зла. Все происходящее от Бога мирно и полезно и приводит человека к самоосуждению и смирению.

Бог являет нам Свое человеколюбие не только в тех случаях, когда мы добро делаем, но и тогда, когда оскорбляем грехами и прогневляем Его. Как долготерпеливо сносит Он наши беззакония! И когда наказывает, как милостиво наказывает!

Не называй Бога правосудным, говорит преподобный Исаак (Сирин. – *Сост.*), ибо в делах твоих не видно

Его правосудия. Правда, Давид называл Его и правосудным и правым, но Сын Его показал нам, что Бог более благ и милостив. Где Его правосудие. Мы были грешники, и Христос умер за нас (Слово 90).

Поколику человек совершенствуется здесь пред Богом, потолику ходит вслед Его; в истинном же веке Бог явит ему лице Свое. Ибо праведные, входя здесь на земле в созерцание Его, видят образ Его как в зерцале, а там удостоятся зреть явление истины.

Если ты не знаешь Бога, то невозможно, чтобы явилась в тебе и любовь к Нему. Ты не можешь любить Бога, если не увидишь Его. Видение же Бога бывает от познания Его, ибо созерцание не предшествует богопознанию.

О делах Божиих не рассуждай по насыщении своего чрева: при наполненном чреве какое может быть ведение тайн Божиих?

2. О вере

Прежде всего до́лжно веровать в Бога, *яко есть и взыскающым Его мздовоздаятель бывает* (Евр. 11, 6).

Вера, по учению преподобного Антиоха, есть начало нашего соединения с Богом: истинно верующий есть камень храма Божия, уготованный для здания Бога Отца, вознесенный на высоту силою Иисуса Христа, то есть крестом, помощию вервия, то есть благодати Духа Святаго.

...Вера без дел мертва есть (Иак. 2, 26), а дела веры суть: любовь, мир, долготерпение, милость, смирение, несение креста и жизнь по духу. Лишь такая вера вменяется в правду. Истинная вера не может оставаться без дел; кто истинно верует, тот непременно творит и добрые дела.

3. О надежде

Все, имеющие твердую надежду на Бога, возводятся к Нему и просвещаются сиянием вечного света.

Если человек не имеет излишнего попечения о себе из любви к Богу и для дел добродетели, зная, что Бог печется о нем, то таковая надежда есть истинная и мудрая. А если человек все упование свое возлагает на свои дела, к Богу же обращается с молитвою лишь тогда, когда его постигают непредвиденные беды, и он, не видя в собственных силах средств к отвращению их, начинает надеяться на помощь Божию, то такая надежда суетна и ложна. Истинная надежда ищет единого Царствия Божия и уверена, что все земное, потребное для жизни временной, несомненно дано будет.

Сердце не может иметь и мира, пока не приобретет такой надежды. Она-то вполне умиротворяет его и вносит радость в него. О сей-то надежде сказали святейшие уста Спасителя: *Приидите ко Мне вси труждающиися и обремененныи, и Аз упокою вы* (Мф. 11, 28), то есть надейся на Меня, и утешишься от труда и страха.

В Евангелии святого Луки сказано о Симеоне: *И бе ему обещано Духом Святым, не видети смерти, прежде даже не видит Христа Господня* (Лк. 2, 26). И Симеон праведный не умертвил надежды своей, но ждал вожделенного Спасителя миру и, с радостию приняв Его на свои руки, сказал: теперь Ты отпущаешь меня, Владыко, в Твое вожделенное для меня Царство: ибо я увидел надежду мою – Христа Господня (Лк. 2, 28–30).

4. О любви к Богу

Стяжавший совершенную любовь к Богу существует в жизни сей так, как бы не существовал. Ибо считает

себя чужим для видимого, с терпением ожидая невидимого. Он весь изменился в любовь к Богу и оставил все другие привязанности.

Кто себя любит, тот любить Бога не может. А кто не любит себя ради любви к Богу, тот любит Бога.

Истинно любящий Бога считает себя странником и пришельцем на земле сей, ибо в своем стремлении к Богу душою и умом созерцает только Его одного.

Душа, исполненная любви к Богу, и во время исхода своего из тела не убоится князя воздушного, но с Ангелами возлетит, как бы от чужой страны на родину.

5. О страхе Божием

Человек, решившийся проходить путь внутреннего внимания, прежде всего должен иметь страх Божий, который есть начало премудрости. Пусть будут в уме его всегда напечатлены сии пророческие слова: *Работайте Господеви со страхом, и радуйтеся ему с трепетом* (Пс. 2, 11).

Он должен проходить путь свой с крайнею осторожностью и благоговением ко всему священному, а не небрежно. В противном случае нужно опасаться, чтоб не отнеслось к нему сие страшное определение Божие: *Проклят (человек), творяй дело Господне с небрежением...* (Иер. 48, 10).

Благоговейная осторожность здесь нужна потому, что сие море (то есть сердце со своими помыслами и желаниями, которое должно очистить посредством внимания) велико и пространно: *...тамо гади, имже несть числа...* (Пс. 103, 25), то есть в нем гнездятся многие помыслы суетные, неправые и нечистые, – порождения злых духов.

Бойся Бога, говорит Премудрый, *и заповеди его храни* (Еккл. 12, 13). А соблюдая заповеди, ты будешь силен во всяком деле, и дело твое будет всегда хорошо. Ибо, боясь Бога, ты из любви к Нему все делать будешь хорошо. А диавола не бойся; кто боится Бога, тот одолеет диавола: для того диавол безсилен.

Два вида страха: если не хочешь делать зла, то бойся Господа и не делай; а если хочешь делать добро, то бойся Господа и делай.

Но никто не может стяжать страха Божия, доколе не освободится от всех забот житейских. Когда ум будет безпопечителен, тогда движет его страх Божий и влечет к любви благости Божией.

6. Об отречении от міра

Страх Божий приобретается тогда, когда человек, отрекшись от всего, что в міре, соберет все свои мысли и чувства и весь погрузится в созерцание Бога и в чувство обещанного святым блаженства.

Нельзя вполне отречься от міра и прийти в состояние духовного созерцания, оставаясь в міре. Ибо, доколе страсти не утишатся, нельзя стяжать мира душевного. Но страсти не утишаются, доколе нас окружают предметы, возбуждающие страсти. Чтобы прийти в совершенное безстрастие и достигнуть совершенного безмолвия души, нужно много подвизаться в духовном размышлении и молитве. Но как же возможно всецело и спокойно предаваться созерцанию Бога, поучаться в законе Его и всею душою возноситься к Нему в пламенной молитве, оставаясь среди непрестающего шума страстей, воюющих в мире? Мир во зле лежит.

Не освободясь от мира, душа не может любить Бога искренно. Ибо житейское, по словам преподобного Антиоха, для нее есть как бы покрывало.

Если мы, говорит он же, живем в чужом граде и наш град далеко от града сего, и если мы знаем град наш, то для чего мы медлим в чужом граде и в нем уготовляем себе поля и жилища! И како воспоем песнь Господню на земли чуждей? Мир сей есть область иного, то есть князя века сего (Слово 15).

7. О безмолвии

Преподобный Варсонофий учит: доколе на море – корабль терпит беды и приражения ветров, а когда достигнет пристанища тихого и мирного, уже не боится бед и скорбей и приражения ветров, но остается в тиши. Так и ты, монах, доколе остаешься с людьми, ожидай скорбей и бед и приражений мысленных ветров, а когда в безмолвие вступишь, бояться тебе нечего (Ответы 8, 9).

Совершенное безмолвие есть крест, на котором должен человек распять себя со всеми страстьми и похотьми. Но подумай: Владыка наш Христос сколько наперед претерпел поношений и оскорблений, и потом уже восшел на крест. Так и нам нельзя прийти в совершенное безмолвие и надеяться святого совершенства, если не постраждем со Христом. Ибо, говорит апостол, аще *с Ним страждем, с Ним и прославимся* (Рим. 8, 17). Другого пути нет (Ответ 346).

Пришедший в безмолвие должен непрестанно помнить, за чем пришел, чтобы не уклонилось сердце его к чему-либо другому.

8. О внимании к самому себе

Проходящий путь внимания не должен верить одному только сердцу своему, но сердечные свои действия и самую жизнь поверять с законом Божиим и с деятельною

жизнию подвижников благочестия, такой же подвиг проходивших. Сим средством удобнее можно и от лукавого избавиться, и истину узреть яснее.

Ум внимательного человека есть как бы поставленный страж, или неусыпный хранитель внутреннего Иерусалима. Стоя на высоте духовного созерцания, он смотрит оком чистоты на обходящие и приражающиеся к душе его противные силы, по словам Псалмопевца: *и на враги моя воззре око мое* (Пс. 53, 9).

От ока его не скрыт диавол, *яко лев рыкающий, иский кого поглотити* (ср.: 1 Пет. 5, 8), и те, которые напрягают лук свой, *состреляти во мраце правил сердцем* (Пс. 10, 2).

По учению святых отцов, при каждом человеке находятся два ангела: один добрый, другой злой. Ангел добрый тих, кроток и безмолвен. Когда он войдет в сердце человека, то говорит с ним о правде, чистоте, честности, спокойствии, о всяком благом деле и о всякой добродетели. Когда почувствуешь это в сердце твоем, очевидно, в тебе находится Ангел правды. А дух лукавый острожелчен, жесток и безумен. Когда он войдет в сердце твое, то узнавай это по делам его (Преподобный Антиох. Слово 61).

Внимай себе, возлюбленный, говорит Исаак Сирин, и, при непрестанном делании, имей пред глазами и приключающиеся тебе скорби, и место пустыни, в которой живешь, и тонкость ума своего вместе с грубостию своего познания, и продолжительность безмолвия вместе со многими врачевствами, то есть искушениями, какие наводятся на тебя то истинным Врачом ко здравию внутреннего человека, то иногда и бесами, и состоят иногда в болезнях и трудах телесных, иногда в ужасающих помышлениях души твоей и в страшных напоминаниях о том, что будет при конце; иногда прививаются и

обвязываются благодатная теплота, и сладкие слезы, и духовная радость и подобное. И теперь, во всех ли этих обстоятельствах совершенно видишь, что язва твоя начала подживать и закрываться, то есть страсти стали ослабевать? Положи примету, и непрестанно входи сам в себя, и смотри, какие страсти, по твоему замечанию, изнемогли пред тобой, какие истребились и совершенно оставили тебя, какие начали умолкать вследствие выздоравливания души твоей, а не удаления только того, что возбуждало их, и какие научился ты одолевать разумом своим, а не одним лишением себя причин страсти. И еще внимай: совершенно ли видишь, что в гниющей язве твоей начала нарастать живая плоть, то есть мир душевный; и какие страсти преследуют тебя одна за другою последовательно и стремительно и чрез какой промежуток времени; телесные ли или душевные это страсти или сложные и смешанные, и приходят ли в памяти только как слабые или сильно восстают на душу, и как восстают – властительски или яко тать; как смотрит на них царь-ум, этот властитель чувств: вступает ли с ними в брань, когда выступят вперед и объявят войну, и доводит ли их до безсилия своею крепостью, или и видя не видит их и вовсе и не занимается ими; и какие остались из старых страстей, и какие вновь образовались; притом возникают ли страсти в живых образах или в чувстве – без живых образов и в памяти – без страстного движения, без размышления о них и без раздражения. И по этому можно узнавать меру душевного здравия (Слово 45).

А потому таковой человек, следуя учению божественного Павла, принимает *вся оружия Божия, да возможете противитися в день лют* (Еф. 6, 13), и сими оружиями, при содействии благодати Божией, отражает видимые приражения и побеждает невидимых

ратников. Мы видим пример такового духовного бодрствования в Иове Многострадальном, о коем Святая Церковь воспевает так: *Богатство видев добродетелей Иовлих, украсти кознствоваше праведных враг, и растерзав столб телесе, сокровище не украде духа, обрете бо вооруженну непорочнаго душу* (тропарь святому).

Проходящий путь сей не должен внимать посторонним слухам, от которых голова может быть наполнена праздными и суетными помыслами и воспоминаниями, но должен быть внимателен к себе.

Особенно на сем пути наблюдать должно, чтоб не обращаться на чужие дела, не мыслить и не говорить о них, по Псаломнику: *...не возглаголют уста моя дел человеческих* (Пс. 16, 4); а молить Господа: *от тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13–14).

Чтобы сохранить внимание, надобно уединяться в себя, по глаголу Господню: *никогоже на пути целуйте* (Лк. 10, 4), то есть без нужды не говорить, разве бежит кто за тобою, чтоб услышать полезное.

Встречающихся старцев или братий поклонами почитать должно, имея очи всегда заключенные.

9. О попечении души

Человек по телу подобен зажженной свече. Свеча должна сгореть, и человек должен умереть. Но душа его безсмертна, потому и попечение наше должно относиться более к душе, нежели к телу: *Кая бо польза человеку, аще мир весь приобрящет, душу же свою отщетит; или что даст человек измену за душу свою* (Мф. 16, 26), за которую, как известно, ничто в мире не может быть выкупом? Если одна душа сама по себе драгоценнее всего міра и царства мирского, то несравненно дороже Царство

Небесное. Душу же почитаем драгоценнее всего по той причине, как говорит Макарий Великий, что Бог ни с чем не благоволил сообщиться и соединиться своим духовным естеством, ни с каким видимым созданием, но с одним человеком, которого возлюбил более всех тварей Своих (Слово о свободе ума. Гл. 32).

Василий Великий, Григорий Богослов, Иоанн Златоуст, Кирилл Александрийский, Амвросий Медиоланский и прочие от юности до конца жизни были девственники; вся их жизнь была обращена на попечение о душе, а не о теле. Так и нам все старание до́лжно иметь о душе, тело же подкреплять для того только, чтоб оно способствовало к подкреплению духа.

Если самовольно изнурим свое тело до того, что изнурится и дух, то таковое удручение будет безрассудное, хотя бы сие делалось для снискания добродетели.

Буде же Господу Богу угодно будет, чтобы человек испытал на себе болезни, то Он же подаст ему и силу терпения.

Итак, пусть будут болезни не от нас самих, но от Бога!

10. О мире душевном

Мир душевный приобретается скорбями. Писание говорит: *...проидохом сквозь огнь и воду, и извел еси ны в покой* (Пс. 65, 12). Хотящим угодить Богу путь лежит сквозь многие скорби. Как ублажать нам святых мучеников за страдания, которые претерпели они ради Бога, когда мы не можем стерпеть и огневицы?

Ничто так не содействует стяжанию внутреннего мира, как молчание и, сколько возможно, непрестанная беседа с собою и редкая – с другими.

Ничто же лучше есть во Христе мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. *Ибо*

несть наша брань к крови и плоти, но к началам и ко властем (и) к миродержителем тьмы века сего, к духовом злобы поднебесным (Еф. 6, 12).

Признак духовной жизни есть погружение человека внутрь себя и сокровенное делание в сердце своем.

Благодать Божия приосеняет такого человека, и он бывает сперва в мирном устроении, а путем сего переходит и в премирное: в мирном, то есть с совестию благою; в премирном же, когда его ум созерцает в себе благодать Святаго Духа, по слову Божию: *в мире место Его* (Пс. 75, 3).

Можно ли, видя солнце чувственными очами, не радоваться? Но сколько радостнее бывает, когда ум видит внутренним оком Солнце правды – Христа? Тогда воистину радуется он радостию ангельскою. О сем-то и Апостол сказал: *наше... житие на небесех есть* (Флп. 3, 20).

Кто в мирном устроении неуклонно ходит, тот как бы лжицею черпает духовные дары.

Святые отцы, имея мирное устроение и будучи осеняемы благодатию Божиею, жили долго.

Когда человек придет в мирное устроение, тогда он может от себя и на других изливать свет просвещения разума. Прежде сего человеку надобно повторять сии слова Анны пророчицы: *да не изыдет велеречие из уст ваших...* (1 Цар. 2, 3), и слова Господни: *Лицемере, изми первее бревно из очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучец из очесе брата твоего* (Мф. 7, 5).

Сей мир, как некое безценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертию Своею, глаголя: *Мир оставляю вам, мир Мой даю вам* (Ин. 14, 27). О нем также говорит и апостол: *и мир Божий, превосходяй всяк ум да соблюдет сердца ваша и разумения ваша о Христе Иисусе* (Флп. 4, 7);

Мир имейте и святыню со всеми, их же кроме никтоже узрит Господа (Евр. 12, 14).

Итак, мы должны все свои мысли, желания и действия сосредоточивать к тому, чтобы получить мир Божий, и с Церковью всегда взывать: *Господи, Боже наш, мир даждь нам* (Ис. 26, 12).

11. О хранении мира душевного

Надобно всеми мерами стараться, чтобы сохранить душевный мир и не возмущаться оскорблениями от других; для сего нужно всячески удерживаться от гнева и посредством внимания оберегать ум и сердце от непристойных колебаний.

Оскорбления от других до́лжно переносить равнодушно и приобучаться к такому расположению, как бы они не до нас касались.

Такое упражнение может доставить нашему сердцу тишину и соделать его обителию Самого Бога.

Образ такого незлобия мы видим в жизни святого Григория чудотворца, от которого некая жена-блудница всенародно требовала мзды, якобы за грех, с нею содеянный; а он, нимало не разгневавшись на нее, кротко сказал некоему другу своему: «Даждь скоро ей цену, колико требует». Жена, только что приняла неправедную мзду, подверглась нападению беса: святитель же изгнал из нее и беса молитвою (см.: Четьи Минеи. 17 ноября).

Если же невозможно, чтоб не возмутиться, то, по крайней мере, надобно удерживать язык, по глаголу Псалмопевца: *смятохся и не глаголах* (Пс. 76, 5).

В сем случае мы можем взять в образец себе святителя Спиридона Тримифунтского и преподобного Ефрема Сирина.

Первый так перенес оскорбление: когда по требованию греческого царя входил он во дворец, то один из слуг, бывших в палате царской, сочтя его за нищего, смеялся над ним, не пускал в палату и даже ударил его в ланиту. Святитель Спиридон, будучи незлобив, обратил ему по слову Господню и другую (см.: Мф. 5, 39; см. также: Четьи Минеи. 12 декабря).

Преподобный Ефрем, постясь в пустыне, раз лишен был пищи таким образом: ученик его, неся пищу, нечаянно разбил по дороге сосуд. Преподобный, увидев ученика печальным, сказал ему: «Не скорби, брате; аще бо не восхоте прийти к нам пища, то мы пойдем к ней». Итак, преподобный пошел, сел при сокрушенном сосуде и, собирая снедь, вкушал ее. Так-то он был безгневен (см.: Четьи Минеи. 28 января).

А как побеждать гнев, сему можно поучиться из жития Паисия Великого, который просил Господа Иисуса Христа, явившегося ему, чтобы Он освободил его от гнева. И Спаситель сказал ему: «Аще хощеши победити гнев и ярость купно, ничесоже возжелай, ни возненавиди кого, ни уничижи» (см.: Четьи Минеи. 19 июня).

Чтобы сохранить душевный мир, до́лжно отгонять от себя уныние и стараться иметь дух радостный, по слову премудрого Сираха, *многи... печаль уби, и несть пользы в ней* (Сир. 30, 25). Для сохранения мира душевного также всячески до́лжно избегать осуждения других. Снисхождением к брату и молчанием сохраняется мир душевный. Когда в таком устроении бывает человек, то получает божественные откровения.

Чтобы не впадать в осуждение ближних, до́лжно внимать себе, ни от кого не принимать худых вестей и быть ко всему мертвым.

К сохранению душевного мира надобно чаще входить в себя и спрашивать: где я?

При сем до́лжно наблюдать, чтобы телесные чувства, особенно зрение, служили внутреннему человеку и не развлекали душу чувственными предметами; ибо благодатные дарования получают только те, которые имеют внутреннее делание и бдят о душах своих.

О подвигах

Не до́лжно предпринимать подвигов сверх меры, а стараться, чтобы друг – плоть наша – был верен и способен к творению добродетелей.

Надобно идти средним путем, «не уклоняясь ни на десно, ни на шуе» (ср.: Притч. 4, 27): духу давать духовное, а телу телесное, потребное для содержания временной жизни. Не до́лжно также и общественной жизни отказывать в том, чего она законно требует от нас, по словам Писания: *воздадите... кесарева кесареви, и Божия Богови* (Мф. 22, 21).

До́лжно снисходить и душе своей в ее немощах и несовершенствах и терпеть свои недостатки, как терпим недостатки ближних, но не облениться и непрестанно побуждать себя к лучшему.

Употребил ли ты много пищи или сделал другое что, сродное слабости человеческой, не возмущайся, не прибавляй вреда ко вреду, но, мужественно подвигнув себя к исправлению, старайся сохранить мир душевный, по слову апостола: *Блажен не осуждаяй себе, о немже искушается* (Рим. 14, 22). Тот же смысл заключают в себе и слова Спасителя: *аще не обратитеся и будете яко дети, не внидете в царство небесное* (Мф. 18, 3).

Тело, изможденное трудом или болезнями, до́лжно подкреплять умеренным сном, пищею и питием, не наблюдая даже и времени. Иисус Христос, тотчас по вос-

кресении дщери Иаировой от смерти, *повелел дати ей ясти* (Лк. 8, 55).

Всякий успех в чем-либо мы должны относить ко Господу и говорить с пророком: *Не нам, Господи, не нам, но имени Твоему дай славу...* (Пс. 113, 9).

Лет до тридцати пяти, то есть до преполовения земной жизни, велик подвиг бывает человеку в сохранении себя, и многие в сии лета не устаивают в добродетели, но совращаются с правого пути к собственным пожеланиям, как о сем святитель Василий Великий свидетельствует: «Многие много собрали в юности, но, посреде жития бывши, восставшим на них искушениям от духов лукавствия не стерпели волнения и всего того лишились» (Беседа на начало Притчей Соломона).

Чтобы не испытать такого превращения, надобно поставить себя как на мериле испытания и внимательно наблюдать всю жизнь за собою, по учению святого Исаака Сирина: «Якоже на мериле приличествует извесити коемуждо жительство свое» (Слово 40).

13. О свете Христовом

Дабы принять и ощутить в сердце своем свет Христов, надобно, сколько можно, отвлечь себя от видимых предметов. Предочистив душу покаянием и добрыми делами, при искренней вере в Распятого, закрыв телесные очи, до́лжно погрузить ум внутрь сердца и вопиять, непрестанно призывая имя Господа нашего Иисуса Христа. Тогда, по мере усердия и горячности духа к Возлюбленному (см.: Лк. 3, 22), человек в призываемом имени находит услаждение, которое возбуждает желание искать высшего просвещения.

Когда ум с таким упражнением долго пребудет, укоснит сердце, тогда воссияет свет Христов, освещая храмину души Божественным сиянием, как говорит от лица Бога святой пророк Малахия: *И воссияет вам боящимся имени Моего солнце правды* (Мал. 4, 2). Сей свет есть купно и жизнь, по евангельскому слову: *В Том живот бе, и живот бе свет человеком...* (Ин. 1, 4).

Когда человек созерцает внутренно свет вечный, тогда ум его бывает чист и не имеет в себе никаких чувственных представлений, но, весь будучи углублен в созерцание несозданной доброты, забывает все чувственное, не хочет зреть и себя, но желает скрыться в сердце земли, только бы не лишиться сего истинного блага – Бога.

14. О слезах

Все святые и мира отрекшиеся иноки всю жизнь свою плакали, в чаянии вечного утешения, по уверению Спасителя мира: *Блажени плачущии: яко тии утешатся* (Мф. 5, 4).

Так и мы должны плакать об оставлении грехов своих. К сему да убедят нас слова порфироносного пророка: *Ходящии хождаху и плакахуся, метающе семена своя: грядуще же приидут радостию, вземлюще рукояти своя* (Пс. 125, 6); и слова Исаака Сирина: «Омочи ланиты твои плачем очию твоею, да почиет на тебе Святый Дух и омыет тя от скверны злобы твоея. Умилостиви Господа твоего слезами, да приидет к тебе» (Слово 68).

Когда мы плачем в молитве и к слезам примешивается смех, то это – от диавольской хитрости. Трудно постигнуть тайные и тонкие действия врага нашего.

У кого текут слезы умиления, у того сердце озаряется лучами Солнца правды – Христа Бога.

15. О покаянии

Желающему спастися всегда до́лжно иметь сердце, расположенное к покаянию и сокрушению: *Жертва Богу дух сокрушен: сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит* (Пс. 50, 19).

В таком сокрушении духа человек с легкостью может безбедно проходить хитрые козни диавола, коего все силы направлены к тому, чтобы возмутить дух человека и в возмущении посеять свои плевелы, по словеси евангельскому: *Господи, не доброе ли семя сеял еси на селе Твоем; откуду убо плевелы; Он же рече... враг человек сие сотвори* (Мф. 13, 28).

Когда же человек старается иметь сердце смиренное и мысль сохранить в мире, тогда все козни вражии бывают бездейственны; ибо где мир помыслов, там почивает Сам Бог: *в мире, сказано, место Его* (Пс. 75, 3).

Начало покаяния зарождается от страха Божия и внимания к себе, как говорит святой мученик Вонифатий: страх Божий есть отец внимания, а внимание – матерь внутреннего покоя (см.: Четьи Минеи. 19 декабря). Страх Господень пробуждает спящую совесть, которая делает то, что душа, как в некоей воде, чистой и невозмущенной, видит свою некрасоту, и так рождаются начатки и разрастаются корни покаяния.

Мы всю жизнь грехопадениями своими оскорбляем величество Божие, а потому и должны всегда со смирением просить у Господа оставления долгов наших.

Можно ли облагодатствованному человеку по падении восстать чрез покаяние?

Можно, по Псаломнику: *превратихся пасти, и Господь прият мя* (Пс. 117, 13). Когда святой пророк Нафан обличил Давида в грехе его, то он, покаявшись, тут же получил прощение (см.: 2 Цар. 12, 13).

К сему примером служит и один пустынник, который, пошедши за водой, при источнике пал в грех. Но, возвратившись в келию, он сознал свое согрешение и паки начал проводить жизнь подвижническую, как прежде. Враг смущал его, представляя ему тяжесть греха, отрицая возможность прощения и стараясь отвлечь его от подвижнической жизни. Но воин Христов устоял на своем пути. О сем случае Бог открыл некоему блаженному отцу и велел брата, падшего в грехе, ублажить за таковую победу над диаволом.

Когда мы искренне каемся во грехах наших и обращаемся ко Господу нашему Иисусу Христу всем сердцем нашим, Он радуется нам, учреждает праздник и созывает на него любезные Ему Силы, показывая им драхму, которую Он обрел паки, то есть царский образ Свой и подобие. Возложив на рамена заблудшую овцу, Он приводит ее к Отцу Своему. В жилище всех веселящихся Бог водворяет и душу покаявшегося вместе с теми, которые не отбегали от Него.

Итак, не вознерадим обращаться к благоутробному Владыке нашему скоро и не предадимся безпечности и отчаянию ради тяжких и безчисленных грехов наших. Отчаяние есть совершеннейшая радость диаволу. Оно есть грех к смерти, как гласит Писание (см.: 1 Ин. 5, 16; см. также: Преподобный Антиох. Слово 77).

«Аще не предашься унынию и нерадению, – говорит Варсонофий, – то имаши почудитися и прославити Бога, как Он применяет тя от еже небыти воеже быти[1]» (Ответ 114).

[1] То есть из грешника в праведника.

Покаяние во грехе между прочим состоит в том, чтобы не делать его опять.

Как всякой болезни есть врачевание, так и всякому греху есть покаяние.

Итак, несомненно приступай к покаянию, и оно будет ходатайствовать за тебя пред Богом. Непрестанно твори сию молитву преподобного Антиоха (Слово 77):

«Дерзая, Владыко, на бездну благоутробия Твоего, приношу Тебе от скверных уст и нечистых устен молитву сию: помяни, яко призвася на мне имя святое Твое и искупил мя еси ценою крове Твоея, яко запечатлел мя еси обручением Святаго Духа Твоего и возвел мя еси от глубины беззаконий моих; да не похитит мя враг. Иисусе Христе, заступи мя и буди ми помощник крепкий в брани, яко раб есмь похоти и воюем от нея. Но Ты, Господи, не остави мя на земли повержена во осуждении дел моих; свободи мя, Владыко, лукавого рабства миродержителя и усвой мя в заповедех Твоих. Путь живота моего, Христе мой, и свет очей моих – лице Твое. Боже, Владыко и Господи, возношения очей моих не даждь ми и похоть злую отстави от мене; заступи мя рукою Твоею святою. Пожелания и похотствования да не объимут мя, и душе безстыдней не предаждь мене. Просвети во мне свет лица Твоего, Господи, да не объимет мене тьма, и ходящии в ней да не похитят мя. Не предаждь, Господи, зверем невидимым душу исповедающуюся Тебе. Не попусти, Господи, уязвитися рабу Твоему от псов чуждих. Приятелище Святаго Духа Твоего быти мя сподоби и дом Христа Твоего, Отче Святый, созижди мя. Путеводителю заблуждших, путеводствуй мя, да не уклонюся в шуяя. Лице Твое, Господи, видети вожделех, Боже, светом лица Твоего путеводи мя. Источник слез даруй ми, рабу Твоему, и росу Святаго Духа даждь созданию Твоему, да не изсо-

хну, яко смоковница, юже Ты проклял еси: и да будут слезы питием моим, и молитва моя пищею. Обрати, Господи, плач мой в радость мне и приими мя в вечныя Твоя скинии. Да постигнет мя милость Твоя, Господи, и щедроты Твоя да объимут мя, и отпусти вся грехи моя. Ты бо еси Бог истинный, отпущаяй беззакония. И не попусти, Господи, посрамитися делу рук Твоих по множеству беззаконий моих, но воззови мя, Владыко, единородным Твоим Сыном, Спасителем нашим. И воздвигни мя лежащего, яко Левию мытаря, и оживотвори мя, грехми умерщвленного, яко сына вдовицы. Ты бо един еси воскресение мертвых, и Тебе слава подобает во веки. Аминь».

16. О посте

Пост состоит не в том только, чтобы есть редко, но в том, чтобы есть мало; и не в том, чтобы есть однажды, но в том, чтобы не есть много. Неразумен тот постник, который дожидается определенного часа, а в час трапезы весь предается ненасытному вкушению и телом и умом.

В рассуждении пищи до́лжно наблюдать и то, чтобы не разбирать между снедями вкусными и невкусными. Это дело, свойственное животным, в разумном человеке недостойно похвал. Отказываемся же мы от приятной пищи для того, чтобы усмирить воюющие члены плоти и дать свободу действиям духа.

Истинный пост состоит не в одном изнурении плоти, но и в том, чтобы ту часть хлеба, которую ты сам хотел бы съесть, отдать алчущему. *Блажени алчущии... яко тии насытятся* (Мф. 5, 6).

Подвигоположник и Спаситель наш Господь Иисус Христос пред выступлением на подвиг искупления рода

человеческого укрепил Себя продолжительным постом, и все подвижники, начиная работать Господу, вооружали себя постом и не иначе вступали на путь крестный, как в подвиге поста. Самые успехи в подвижничестве измеряли они успехами в посте.

К строгому посту святые люди приступали не вдруг, делаясь постепенно и мало-помалу способными довольствоваться самою скудною пищею. Преподобный Дорофей, приучая ученика своего, Досифея, к посту, постепенно отнимал от стола его по малой части, так что от четырех фунтов меру его ежедневной пищи низвел наконец до восьми лотов хлеба.

При всем том святые постники, к удивлению других, не знали расслабления, но всегда были бодры, сильны и готовы к делу. Болезни между ними были редки, и жизнь их текла чрезвычайно продолжительно.

В той мере, как плоть постящегося становится тонкою и легкою, духовная жизнь приходит в совершенство и открывает себя чудными явлениями. Тогда дух совершает свои действия как бы в безтелесном теле. Внешние чувства точно закрываются, и ум, отрешаясь от земли, возносится к небу и всецело погружается в созерцание мира духовного.

Однако ж не всякий сможет наложить на себя строгое правило воздержания во всем или лишить себя всего, что может служить к облегчению немощей. *Могий вместити да вместит* (Мф. 19, 12).

Пищи употреблять до́лжно каждый день столько, чтобы тело, укрепясь, было другом и помощником душе в совершении добродетели; иначе может быть и то, что при изнеможении тела и душа ослабеет. По пятницам и средам, особенно же в четыре поста, пищу, по примеру отцов, употребляй один раз в день, – и Ангел Господень прилепится к тебе.

17. О хранении сердца

Мы непрестанно должны хранить сердце свое от непристойных помыслов и впечатлений, по слову Приточника: *Всяцем хранением блюди сердце твое: от сих бо исходяща живота* (Притч. 4, 23).

От бдительного хранения сердца рождается в нем чистота, для которой доступно видение Господа, по уверению вечной Истины: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8).

Что есть лучшего в сердце, того мы без надобности не должны обнаруживать; ибо тогда только собранное остается в безопасности от видимых и невидимых врагов, когда оно, как сокровище, хранится во внутренности сердца. Не всем открывай тайны сердца твоего.

18. О многословии

Одного многословия с теми, которые противных с нами нравов, довольно расстроить внутренность внимательного человека.

Но всего жалостнее то, что от сего может погаснуть тот огонь, который Господь наш Иисус Христос пришел воврещи на землю сердец человеческих: ибо «ничтоже тако устужает огнь, от Святаго Духа вдыхаемый в сердце инока к освящению души, якоже сообращение и многословие и собеседование, кроме оного, еже со чады тайн Божиих, еже к возвращению разума Его и приближению» (преподобный Исаак Сирин. Слово 8).

Особенно же до́лжно хранить себя от обращения с женским полом: ибо, как восковая свеча, хотя и незажженная, но поставленная между зажженными, растаевает, так и сердце инока от собеседования с женским полом неприметно расслабевает, о чем и свя-

той Исидор Пелусиот говорит так: «Аще (глаголющу Писанию) кия беседы злыя тлят обычаи благи: то беседа с женами, аще и добра будет, обаче сильна есть растлити внутренняго человека тайно помыслы скверными, и чисту сущу телу, пребудет душа осквернена: что бо твердее есть камене; что же воды мягчае; обаче всегдашнее прилежание и естество побеждает: аще убо естество, едва подвижимое, подвизается, и от тоя вещи, юже имать ни во чтоже, страждет и умаляется: то как воля человеческая, яже есть удобь колеблема, от обыкновения долгаго не будет побеждена и превращена» (святой Исидор Пелусиот. Письмо 284; см. также: Четьи Минеи. 4 февраля).

А потому для сохранения внутреннего человека надобно удержать язык от многоглаголания: *муж же мудр безмолвие водит; и иже хранит своя уста, соблюдает свою душу* (Притч. 11, 12; 13, 3); и помнить слова Иова: *Завет положих очима моима, да не помышлю на девицу* (Иов. 31, 1), и слова Господа Иисуса Христа: *всяк, иже воззрит на жену ко еже вожделети ея, уже любодействова с нею в сердцы своем* (Мф. 5, 28).

Не выслушав прежде другого, отвечать не должно: *Иже отвещает слово прежде слышания, безумие ему есть и поношение* (Притч. 18, 13).

19. О распознавании действий сердечных

Когда человек приимет что-либо божественное, то радуется в сердце, а когда диавольское, то входит в смущение.

Сердце христианское, приняв что-либо божественное, не требует стороннего убеждения в том, что сие от Господа, но самым тем действием убеждается, что восприятие его есть небесное, ибо ощущает в себе

плоды духовные: *любы, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, веру, кротость, воздержание* (ср.: Гал. 5, 42).

А диавол хотя бы преобразился и во *Аггела светла* (2 Кор. 11, 14) или представлял мысли самые благовидные, сердце все будет чувствовать какую-то неясность, волнение в мыслях и смятение чувств. Объясняя сие, святой Макарий Египетский говорит: «Хотя бы (сатана) и светлыя видения представлял, благаго обаче действия подати отнюдь не возможет: чрез что и известный знак его дел бывает» (Слово 4).

Итак, по разнообразным действиям сердечным человек может познать, что есть божественное и что диавольское, как о сем пишет святой Григорий Синаит: «От действа убо возможешь познать возсиявый свет в душе твоей, Божий ли есть или сатанин» (О безмолвии и молитве).

20. О болезнях

Тело есть раб души, а душа – царица; а потому часто милосердием Божиим бывает и то, когда тело изнуряется болезнями: от сего ослабевают страсти, и человек приходит в себя, да и самая болезнь телесная рождается иногда от страстей.

Отними грех, и болезней не будет, ибо они бывают в нас от греха, как сие утверждает святитель Василий Великий: «Откуда недуги? откуда повреждения телесные? Господь создал тело, а не недуг; душу, а не грех. Что же паче всего полезно и нужно? Соединение с Богом и общение с Ним посредством любви. Теряя любовь сию, мы отпадаем от Него, а отпадая, подвергаемся различным и многообразным недугам» (О том, что Бог не есть причина зла).

Кто переносит болезнь с терпением и благодарением, тому вменяется она вместо подвига или даже более.

Один старец, страдавший водяною болезнию, говорил братиям, которые приходили к нему с желанием лечить его: «Отцы, молитесь, чтоб не подвергся подобной болезни мой внутренний человек, а что касается до настоящей болезни, то я прошу Бога о том, чтобы Он не вдруг освободил меня от нее; ибо, поколику *внешний наш человек... тлеет, потолику внутренний... обновляется*» (2 Кор. 4, 16).

21. О милостыне

До́лжно быть милостиву к убогим и странным; о сем много пеклись великие светильники и отцы Церкви.

В отношении к сей добродетели мы должны всеми мерами стараться исполнять следующую заповедь Божию: *Будите... милосерди, якоже и Отец ваш милосерд есть* (Лк. 6, 36); также: *...милости хощу, а не жертвы* (Мф. 9, 13).

Сим спасительным словам мудрые внимают, а неразумные не внимают; оттого и награда будет неодинакова, как сказано: *сеющии скудостию, скудостию и пожнут; сеющии же о благословении, о благословении и пожнут* (ср.: 2 Кор. 9, 6).

Пример Петра Хлебодара, который за кусок хлеба, поданный нищему, получил прощение во всех его грехах, как это было показано ему в видении, да подвигнет нас к тому, чтобы и мы были милостивы к ближним: ибо и малая милостыня много способствует к получению Царства Небесного (см.: Четьи Минеи. 22 сентября).

Творить милостыню мы должны с душевным благорасположением, по учению святого Исаака Сирина:

«Аще даси что требующему, да предварит даяние твое веселие лица твоего, и словесы благими утешай скорбь его» (Слово 89).

22. О помыслах и плотских движениях

Мы должны стараться быть свободными от помыслов нечистых, особенно когда приносим молитву Богу: ибо нет единения между смрадом и благовонием.

Для сего нужно отражать первое нападение греховных помыслов и движений и рассевать их от земли сердца нашего. Пока дети вавилонские, то есть движения и помыслы злые, еще младенцы, до́лжно разбивать и сокрушать их о камень, который есть Христос. Особенно же нужно сокрушать следующие три страсти: чревоугодие, сребролюбие и тщеславие, которыми ухищрялся диавол искусить даже Самого Господа нашего Иисуса Христа в конце подвигов Его в пустыне.

Диавол, как лев, скрываясь в ограде своей (см.: Пс. 9, 30), тайно расставляет нам сети нечистых и нечестивых помыслов. Итак, немедленно, как только увидим, надобно расторгать их посредством благочестивого размышления и молитвы.

Требуется подвиг и великая бдительность, чтобы во время псалмопения ум наш согласовался с сердцем и устами, дабы в молитве нашей к фимиаму не примешивалось зловоние. Ибо Господь гнушается сердцем с нечистыми помыслами. Закон говорит: *...не ореши юнием и ослятем* (Втор. 22, 10), то есть с помыслом чистым и нечистым не приноси молитвы.

Будем подражать Давиду, который говорит: *Во утрия избивах вся грешныя земли, еже потребити от града Господня вся делающая беззаконие* (Пс. 100, 8). Законом запрещено было нечистому входить в дом Госпо-

да. Дом сей – мы, и Иерусалим – внутрь нас. «Грешные земли» суть кроющиеся в сердце нашем змиевидные помыслы. Будем и мы с ним взывать ко Господу: *устрой душу мою от злодейства их* (Пс. 34, 17); *расточи языки, хотящыя бранем* (Пс. 67, 31), дабы и нам услышать: *В скорби призвал Мя еси, и избавих тя* (Пс. 80, 8).

Будем непрестанно, день и ночь, со слезами повергать себя пред лицом благости Божией, да очистит Он сердца наши от всякого злого помышления, чтобы мы достойно могли проходить путь звания нашего и чистыми руками приносить Ему дары служения нашего.

Ежели мы не согласны со влагаемыми от диавола злыми помышлениями, то мы добро творим.

Нечистый дух только на страстных имеет сильное влияние; а к очистившимся от страстей приражается лишь со стороны, или внешно.

Человеку в молодых летах не можно не возмущаться от плотских помыслов. Но до́лжно молиться Господу Богу, да потухнет искра порочных страстей при самом начале. Тогда не усилится пламень.

23. О терпении и смирении

Надобно всегда терпеть все, что бы ни случилось, Бога ради, с благодарностью.

Наша жизнь – одна минута в сравнении с вечностью; и потому недостойны, по Апостолу, *страсти нынешняго времене к хотящей славе явитися в нас* (Рим. 8, 18).

В молчании переноси, когда оскорбляет тебя враг, и единому Господу открывай тогда свое сердце.

Кто унижает или отнимает твою честь, всеми мерами старайся простить ему, по слову Евангелия: *от взимающаго твоя, не истязуй* (Лк. 6, 30).

Когда люди поносят нас, то мы должны считать себя недостойными похвалы, представляя, что ежели бы мы были достойны, то все кланялись бы нам.

Мы всегда и пред всеми должны уничижать себя, следуя учению святого Исаака Сирина: «Уничижи себе, и узришь славу Божию в себе» (Слово 57).

Итак, возлюбим смирение, узрим славу Божию: «Идеже бо истекает смирение, тамо слава Божия источается» (там же).

Несущу свету, вся мрачна: так и без смирения ничего нет в человеке, как только одна тьма.

Как воск, не разогретый и не размягченный, не может принять налагаемой на него печати, так и душа, не искушенная трудами и немощами, не может принять на себя печати добродетели Божией. Когда диавол оставил Господа, тогда приступили Ангелы и служили Ему (см.: Мф. 4, 11). Так, если во время искушений несколько отходят от нас Ангелы Божии, то не далеко, и скоро приступают и служат нам божественными помышлениями, умилением, услаждением, терпением. Душа, потрудившись, стяжавает и прочие совершенства. Почему святой пророк Исаия говорит: *Терпящии... Господа изменят крепость, окрылатеют, аки орли, потекут и не утрудятся, пойдут и не взалчут* (Ис. 40, 31).

Так терпел и кротчайший Давид: ибо, когда Семей поносил его и метал на него камни, говоря: *изыди, мужу... беззаконный,* – он не сердился; и когда Авесса, вознегодовав на сие, сказал ему: *почто проклинает пес умерший сей Господина моего Царя* – он запретил ему, говоря: «оставите его, и тако да проклинает мя, ибо Господь увидит и воздаст мне благое» (2 Цар. 16, 7, 9, 10). Почему после и воспел: *Терпя потерпех Господа, и внят ми, и услыша молитву мою...* (Пс. 39, 2).

Сосуды скудельничи искушает пещь, и искушение человеческо в помышлении его. Но *горе вам погубльшим терпение: и что сотворите, егда посетит Господь?* (Сир. 27, 5; 2, 14).

Как чадолюбивый отец, когда видит, что сын его живет безпорядочно, наказывает его, а когда увидит, что он малодушен и наказание сносит с трудом, тогда утешает; так поступает с нами и благий Господь и Отец наш, употребляя все для нашей пользы, как утешения, так и наказания, по Своему человеколюбию. И потому мы, находясь в скорбях, как дети благопокорливые, должны благодарить Бога. Ибо если станем благодарить Его только в благополучии, то подобны будем неблагодарным иудеям, которые, насытившись чудной трапезы в пустыне, говорили, что Христос воистину есть Пророк, хотели взять его и сделать царем; а когда Он сказал им: *Делайте не брашно гиблющее, но брашно пребывающее в живот вечный* (Ин. 6, 27), тогда говорили Ему: *кое убо Ты твориши знамение... Отцы наши ядоша манну в пустыни* (Ин. 6, 30, 31). Прямо на таких падает слово: *исповестся Тебе, егда благосотвориши ему,* и таковый *даже до века не узрит света* (Пс. 48, 19, 20).

Посему апостол Иаков учит нас: *Всяку радость имейте, братия моя, егда во искушения впадаете различна: ведяще, яко искушение вашея веры соделовает терпение: терпение же дело совершенно да имать*, – и прибавляет: *Блажен муж, иже претерпит искушение: зане искусен быв приимет венец жизни* (Иак. 1, 2–4, 12).

24. О должностях и любви к ближним

С ближними надобно обходиться ласково, не делая даже и видов оскорбления.

Когда мы отвращаемся от человека или оскорбляем его, тогда на сердце нашем как бы камень ложится.

Дух смущенного или унывающего человека надобно стараться ободрить словом любви.

Брату грешащу, покрой его, как советует святой Исаак Сирин: «Простри ризу твою над согрешающим и покрой его» (Слово 89).

Все мы требуем милости Божией, как Церковь поет: «Аще не Господь бы был в нас, кто доволен цел сохранен быти от врага, купно и человекоубийцы!»

Мы в отношении к ближним должны быть, как словом, так и мыслию, чисты и ко всем равны; иначе жизнь нашу сделаем безполезною.

Мы должны любить ближнего не менее как самих себя, по заповеди Господней: *возлюбиши ближняго твоего, яко сам себе* (ср.: Лк. 10, 27). Но не так, чтоб любовь к ближним, выходя из границ умеренности, отвлекала нас от исполнения первой и главной заповеди, то есть любви Божией, как о сем поучает Господь наш Иисус Христос: *Иже любит отца или матерь паче Мене, несть Мене достоин: и иже любит сына или дщерь паче Мене, несть Мене достоин* (Мф. 10, 37). О сем предмете весьма хорошо рассуждает святитель Димитрий Ростовский: «Там видна неправдивая к Богу в христианском человеке любовь, где тварь с Творцем сравнивается, а там видна правдивая любовь, где один Создатель паче всего создания любится и предпочитается».

25. О неосуждении ближнего и о прощении обид

Не до́лжно судить никого, хотя бы собственными очами видел кого согрешающим или коснеющим в преступлении заповедей Божиих, по слову Божию: *Не судите, да не судими будете* (Мф. 7, 1); *Ты кто*

еси, судяй чуждему рабу; своему Господеви стоит или падает, станет же: силен бо есть Бог поставити его (Рим. 14, 4).

Гораздо лучше всегда приводить себе на память сии апостольские слова: *мняйся стояти, да блюдется, да не падет* (1 Кор. 10, 12).

Ибо неизвестно, сколько времени мы можем пребывать в добродетели, как говорит пророк, опытом сие дознавший: *рех во обилии моем: не подвижуся во век. ...Отвратил же еси лице Твое, и бых смущен* (Пс. 29, 7, 8).

За обиду, какова бы она ни была, не до́лжно отмщать, но, напротив, прощать обидчика от сердца, хотя бы оно и противилось сему, и склонять его убеждением слова Божия: *Аще не отпущаете человеком согрешения их, ни Отец ваш Небесный отпустит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 15); *молитеся за творящих вам напасть* (Мф. 5, 44).

Не до́лжно питать в сердце злобы или ненависти к ближнему – враждующему, но до́лжно любить его и, сколько можно, творить ему добро, следуя учению Господа нашего Иисуса Христа: *...любите враги ваша... добро творите ненавидящим вас...* (Мф. 5, 44).

Итак, если мы будем сколько есть сил стараться все сие исполнять, то можем надеяться, что в сердцах наших воссияет свет Божественный, озаряющий нам путь к горнему Иерусалиму.

Поревнуем возлюбленным Божиим, поревнуем кротости Давида, о котором преблагий и любоблагий Господь сказал: *нашел Я мужа по сердцу Моему... который исполнит все хотения Мои* (Деян. 13, 22). Так Он говорил о Давиде, незлопамятном и добром к врагам своим. И мы не будем делать ничего в отмщение брату нашему, дабы, как говорит преподобный Антиох, не было остановки во время молитвы. Закон велит за-

ботиться об осле врага (см.: Исх. 23, 5). Об Иове свидетельствовал Бог как о человеке незлобивом (см.: Иов. 2, 3); Иосиф не мстил братиям, которые умыслили на него зло; Авель в простоте и без подозрения пошел с братом своим Каином. По свидетельству слова Божия, святые все жили в незлобии. Иеремия, беседуя с Богом, говорит о гнавшем его Израиле: *Егда воздаются злая за благая... Помяни стоявшаго мя пред Тобою, еже глаголати за них благая* (Иер. 18, 20) (Слово 52).

Бог заповедал нам вражду только против змия, то есть против того, кто изначала обольстил человека и изгнал из рая, против человекоубийцы – диавола. Повелено нам враждовать и против мадианитян, то есть против нечистых духов блуда и студодеяния, которые сеют в сердце нечистые и скверные помыслы.

Предел добродетели и мудрости есть безхитростное действие с разумом.

Отчего мы осуждаем братий своих? Оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, тому некогда замечать за другими. Осуждай себя, и перестанешь осуждать других.

Осуждай дурное дело, а самого делающего не осуждай.

Самих себя до́лжно нам считать грешнейшими всех и всякое дурное дело прощать ближнему, а ненавидеть только диавола, который прельстил его. Случается же, что нам кажется, другой делает худо, а в самом деле, по благому намерению делающего, это хорошо. Притом дверь покаяния всем отверста, и неизвестно, кто прежде войдет в нее – ты ли, осуждающий, или осуждаемый тобою.

Если осуждаешь ближнего, учит преподобный Антиох, то вместе с ним и ты осуждаешься в том же, в чем его осуждаешь. Судить или осуждать не нам надлежит,

но единому Богу и Великому Судии, ведущему сердца наша и сокровенные страсти естества (Слово 49).

Итак, возлюбленные, не будем наблюдать за чужими грехами и осуждать других, чтобы не услышать: *Сынове человечестии, зубы их оружия и стрелы, и язык их меч остр* (Пс. 56, 5).

Ибо когда Господь оставит человека самому себе, тогда диавол готов стереть его, яко мельничный жернов зерно пшеничное.

26. Против излишней попечительности

Излишнее попечение о вещах житейских свойственно человеку неверующему и малодушному. И горе нам, если мы, заботясь сами о себе, не утверждаемся надеждою нашею в Боге, пекущемся о нас! Если видимых благ, которыми в настоящем веке пользуемся, не относим к Нему, то как можем ожидать от Него тех благ, которые обещаны в будущем? Не будем такими маловерными, а лучше будем искать *прежде Царствия Божия... и сия вся приложатся нам*, по слову Спасителя (Мф. 6, 33).

Лучше для нас презирать то, что не наше, то есть временное и преходящее, и желать нашего, то есть нетления и безсмертия. Ибо когда будем нетленны и безсмертны, тогда удостоимся видимого богосозерцания, подобно апостолам при Божественнейшем Преображении, и приобщимся превыше умного единения с Богом, подобно небесным умам. Ибо будем подобны Ангелам, и сынами Божиими, *воскресения сынове суще* (Лк. 20, 36).

Есть недуг, говорит Екклесиаст, *егоже видех под солнцем, богатство хранимо от стяжателя во зло ему: и погибнет богатство оно в попечении лукавне...*

вси дние его во тме и плачи и в ярости мнозе, и в недузе, и во гневе (Еккл. 5, 12, 16).

27. О печали

Когда злой дух печали овладеет душою, тогда, наполнив ее горестию и неприятностию, не дает ей совершать молитву с должным усердием, мешает заниматься чтением писаний с надлежащим вниманием, лишает ее кротости и благодушия в обращении с братиями и рождает отвращение от всякого собеседования. Ибо душа, исполненная печали, делаясь как бы безумною и исступленною, не может спокойно ни принимать благого совета, ни кротко отвечать на предлагаемые вопросы. Она убегает людей, как бы виновников ее смущения, не понимая, что причина болезни внутри ее. Печаль есть червь сердца, грызущий рождающую его мать.

Печальный монах не движет ума к созерцанию и никогда не может совершать чистой молитвы.

Кто победил страсти, тот победил и печаль. А побежденный страстями не избежит оков печали. Как больной виден по цвету лица, так и обладаемый страстию обличается от печали.

Кто любит мир, тому невозможно не печалиться. А презревший мир всегда весел.

Как огонь очищает золото, так печаль по Бозе очищает греховное сердце (Преподобный Антиох. Слово 25).

28. Об отчаянии

Отчаяние, по учению святого Иоанна Лествичника, рождается или от сознания множества грехов, отчаяния совести и несносной печали, когда душа, множеством язв покрытая, от невыносимой их боли погружается во глу-

бину отчаяния, или от гордости и надмения, когда кто почитает себя не заслуживающим того греха, в который впал. Первого рода отчаяние влечет человека во все пороки без разбора, а при отчаянии второго рода человек держится еще своего подвига, что, по словам Иоанна Лествичника, и несовместно разуму. Первое врачуется воздержанием и благою надеждою, а второе – смирением и неосуждением ближнего (Лестница. Степень 26).

Господь печется о нашем спасении. Но человекоубийца диавол старается привести человека в отчаяние.

Душа высокая и твердая не отчаявается при несчастиях, каковы бы они ни были. Иуда предатель был малодушен и не искусен в брани, и потому враг, видя его отчаяние, напал на него и обольстил его удавиться. Но Петр – твердый камень, когда впал в грех, как искусный в брани, не отчаялся и не потерял духа, но пролил горькие слезы от горячего сердца, и враг, увидя их, как огнем палимый в глаза, далеко убежал от него с болезненным воплем.

Итак, братия, учит преподобный Антиох, когда отчаяние будет нападать на нас, не покоримся ему, но, укрепляясь и ограждаясь светом веры, с великим мужеством скажем лукавому: «Что нам и тебе, отчужденный от Бога, беглец с небес и раб лукавый? Ты не смеешь сделать нам ничего. Христос, Сын Божий, власть имеет и над нами и над всем. Ему согрешили мы, Ему и оправдаемся. А ты, пагубный, удались от нас. Укрепляемые Честным Его Крестом, мы попираем твою змиину главу» (Слово 27). И с умилением будем молиться ко Господу:

«Владыко Господи небесе и земли, Царю веков! благоволи отверсти мне дверь покаяния, ибо я в болезни сердца молю Тебя, истинного Бога, Отца Господа нашего Иисуса Христа, света миру, призри многим Твоим благоутробием и приими моление мое; не отврати его,

но прости мне, впадшему во многие прегрешения. Приклони ухо Твое к молению моему и прости мне все злое, которое соделал я, побежденный моим произволением. Ибо ищу покоя и не обретаю, потому что совесть моя не прощает меня. Жду мира, и нет во мне мира, по причине глубокого множества беззаконий моих.

Услыши, Господи, сердце, вопиющее к Тебе, не посмотри на мои злые дела, но призри на болезнь души моей и поспеши уврачевать меня, жестоко уязвленного. Дай мне время покаяния ради благодати человеколюбия Твоего и избавь меня от безчестных дел, и не возмерь мне по правде Твоей, и не воздай мне достойное по делам моим, чтобы мне не погибнуть совершенно.

Услыши, Господи, меня, в отчаянии находящегося. Ибо я, лишенный всякой готовности и всякой мысли ко исправлению себя, припадаю к щедротам Твоим: помилуй меня, поверженного на землю и осужденного за грехи мои. Воззови меня, Владыко, плененного и содержимого моими злыми деяниями и как бы цепями связанного. Ибо Ты един ведаешь разрешать узников, врачевать раны, никому неизвестные, которые знаешь только Ты, ведущий сокровенное. И потому по всех моих злых болезнях призываю только Тебя – Врача всех страждущих. Дверь рыдающих вне, Путь заблудившихся, Свет омраченных. Искупителя заключенных, всегда сокращающего десницу Свою и удерживающего гнев Свой, уготованный на грешников, но, ради великого человеколюбия, дающего время покаянию.

Воссияй мне свет лица Твоего, Владыко, тяжко падшему, скорый в милости и медленный в наказании. И твоим благоутробием простри мне руку и восставь меня из рова беззаконий моих. Ибо Ты Един Бог наш, не веселящийся о погибели грешников и не отвращающий лица Своего от молящегося к Тебе со слезами.

Услыши, Господи, глас раба Твоего, вопиющего к тебе, и яви свет Твой на мне, лишенном света, и даруй мне благодать, чтобы я, не имеющий никакой надежды, всегда надеялся на помощь и силу Твою.

Обрати, Господи, плач мой в радость мне, расторгни вретище и препояшь мене веселием. И благоволи, да успокоюсь от вечерних дел моих, и да получу успокоение утреннее, как избранные Твои, Господи, от которых отбежали болезнь, печаль и воздыхание, и да отверзется мне дверь Царствия Твоего, дабы, вошедши с наслаждающимися светом лица Твоего, Господи, получить мне жизнь вечную во Христе Иисусе, Господе нашем. Аминь».

29. О причинах пришествия в мир Иисуса Христа

Причины пришествия в мир Иисуса Христа Сына Божия суть:

1) любовь Божия к роду человеческому: *Тако бо возлюби Бог мир, яко и Сына Своего единороднаго дал есть...* (Ин. 3, 16);

2) восстановление в падшем человеке образа и подобия Божия, как о сем воспевает Святая Церковь: *Истлевша преступлением, по образу Божию бывшаго, всего тления суща, лучшия отпадша Божественныя жизни, паки обновляет мудрый Содетель* (канон на Рождество Христово, песнь 1);

3) спасение душ человеческих: *Не посла бо Бог Сына Своего в мир, да судит мирови, но да спасется Им мир* (Ин. 3, 17).

Итак, мы, следуя цели Искупителя нашего Господа Иисуса Христа, должны жизнь свою препровождать согласно его Божественному учению, дабы чрез сие получить спасение душам нашим.

30. О жизни деятельной и умозрительной

Человек состоит из души и тела, а потому и путь жизни его должен состоять из действий телесных и душевных – из деяния и умосозерцания.

Путь деятельной жизни составляют: пост, воздержание, бдение, коленопреклонение, молитва и прочие телесные подвиги, составляющие тесный путь и прискорбный, который, по слову Божию, вводит в живот вечный (см.: Мф. 7, 14).

Путь умосозерцательной жизни состоит в возвышении ума ко Господу Богу, в сердечном внимании, умной молитве и созерцании чрез таковые упражнения вещей духовных.

Всякому, желающему проходить жизнь духовную, до́лжно начинать от деятельной жизни, а потом уже приходить и в умосозерцательную: ибо без деятельной жизни в умосозерцательную прийти невозможно.

Деятельная жизнь служит ко очищению нас от греховных страстей и возводит нас на степень деятельного совершенства, а тем самым пролагает нам путь к умосозерцательной жизни. Ибо одни токмо очистившиеся от страстей и совершенные к оной жизни приступать могут, как сие видеть можно из слов Священного Писания: *Блажени чистии сердцем: яко тии Бога узрят* (Мф. 5, 8) и из слов святителя Григория Богослова: «К созерцанию могут безопасно приступать только совершеннейшие по своей опытности» (Слово на Святую Пасху).

Так и Церковь, ублажая святителя Николая, воспевает: *...молчаньми бо прежде и бореньми с помыслы, деянию богомыслие приложил еси, богомыслием же разум совершен стяжал еси, имже дерзновенно с Богом и Ангелы беседовал...* (акафист святителю Николаю, кондак 10).

К умозрительной жизни приступать до́лжно со страхом и трепетом, с сокрушением сердца и смирением, со многим испытанием Святых Писаний и, если можно найти, под руководством какого-либо искусного старца, а не с дерзостию и самочинием. «Дерзый бо и презорливый, – по словам Григория Синаита, – паче достоинства своего взыскав, с кичением понуждается до того прежде времени доспети». И паки: «Аще мечтает кто мнением высокая достигнути, желание сатанино, а не истину стяжав, – сего диавол своими мрежами удобь уловляет, яко своего слугу» (О прелести и о иных многих предлогах).

Если же не можно найти наставника, могущего руководствовать к умосозерцательной жизни, то в таком случае до́лжно руководствоваться Священным Писанием, ибо Сам Господь повелевает нам учиться от Священного Писания, глаголя: *Испытайте Писаний, яко вы мните в них имети живот вечный...* (Ин. 5, 39).

Также до́лжно тщательно прочитывать отеческие писания и стараться, сколько можно, по силе исполнять то, чему научают оные, и таким образом мало-помалу от деятельной жизни восходить к совершенству умосозерцательной.

Ибо, по словам святителя Григория Богослова, самое лучшее дело, когда мы каждый сам собою достигаем совершенства и приносим призывающему нас Богу жертву живую, святую и всегда и во всем освящаемую (Слово на Святую Пасху).

Не до́лжно оставлять деятельную жизнь и тогда, когда бы в ней человек имел преуспеяние и пришел бы уже в умосозерцательную; ибо она содействует умосозерцательной жизни и ее возвышает.

Проходя путь внутренней и умосозерцательной жизни, не до́лжно ослабевать и оставлять оного потому, что люди, прилепившиеся ко внешности и чувственно-

сти, поражают нас противностию своих мнений в самое чувство сердечное и всячески стараются отвлечь нас от прохождения внутреннего пути, поставляя нам на оном различные препятствия; ибо, по мнению учителей церковных, умосозерцание вещей духовных предпочитается познанию вещей чувственных (блаженный Феодорит. Толкование на Песнь Песней).

А потому никакими противностями в прохождении сего пути колебаться не до́лжно, утверждаясь в сем случае на слове Божием: *Страха же их не убоимся, ниже смутимся, яко с нами Бог. Господа Бога нашего освятим* в сердечной памяти Его Божественного имени, *и Той будет нам в страх* (ср.: Ис. 8, 12, 13).

РАЗДЕЛ IV

ПАЛОМНИКИ

Сергей Нилус

Служка Божией Матери и Серафимов (симбирский совестный судья Николай Александрович Мотовилов)

Последние слова последней беседы батюшки о. Серафима со мною были следующие: «...так-то, ваше Боголюбие, укоряеми – благословляйте, гоними – терпите, хулими – утешайтесь, злословими – радуйтесь! Вот наш путь с тобою, и претерпевый до конца той спасется! Грядите с миром в Воронеж!»

Сказаны они мне были 5 сентября 1832 г. при отправлении моем в первый раз в жизни в Воронеж.

Из записок
Н. А. Мотовилова

Серафим! О святое и дивное имя! Как велик ты, великий преподобный, у Господа! О имени твоем скрежещут зубами беси и... трепещут!..

И велик же был их скрежет зубовный! С того священного дня, как Боголюбивый Государь, Божий Помазанник, исполненный и водимый Святым Духом, воплотив в своем лице всю народную веру, одномысленно с Православною Церковью преклонил свои колена со всем своим многомиллионным народом у раки новоявленного угодника Божия, Серафима Саровского, – с того самого дня весь полк сатанинский, во главе со своим миродержителем и князем злобы поднебесной, восстал против того, кто еще в немощном человеческом теле одолел исконного врага человеческого рода.

Не стану поминать всей бешеной ярости, которая бессильно и бесплодно обрушилась на святые дни, на незабвенные июльские Серафимовы дни, единодушно пережитые всем православным міром во главе с его Боголюбивым Главой: ярость эта памятна всем, кто вблизи или вдалеке принимал участие в покаянной народной молитве у гроба и у раки преподобного Серафима, кто «среди лета пел» с народом «Пасху». Господь посрамил сатанины замыслы: в дым разлетелось все их злоухищрение. Будущее покажет во всю ширь и мощь все значение для жизни русского духа недавно пережитых, перечувствованных и передуманных саровских торжеств. Но и настоящее уже таково, что ясно стало видно исконным врагам России, как далеко ей при условии подъема веры до той преждевременной смерти, которую они уже, казалось, с победным кличем торжествовали.

Но злобная клевета, разбившись о необоримую стену святости подвижника Христова, переменила направление и ударила, хотя и с ослабленною силой, во все то, что прямо или косвенно служило к прославлению святого угодника.

Один из таких ударов пришелся по человеку, отдавшему все свои духовные силы на служение памяти ба-

тюшки Серафима и основанной им Серафимо-Дивеевской женской обители, последнего на земле жребия Царицы Небесной. Это был симбирский и нижегородский помещик и симбирский совестный судья, потомственный дворянин Николай Александрович Мотовилов.

Вражья злоба, не одолев Серафима, навалилась всею тяжестью на Мотовилова и постаралась очернить и оклеветать его память в глазах всех тех, кто по Серафиме был заинтересован этою из ряду вон выходящею личностью. Она ославила его «сумасшедшим».

С помощью Божией и батюшки Серафима я попытаюсь осветить мрак лжи, окутавший память этого мирского сподвижника и послушника преподобного отца нашего Серафима Саровского[1].

I

В семье Мотовиловых, между теми, по крайней мере, ее членами, кто еще до сих пор дорожит семейными воспоминаниями, в глубине колыбели ее зарождения возникло и до сих пор держится предание, что родоначальником их был выходец из Литвы, князь Монтвид-Монтвил. Простой народ переделал эту фамилию на свой лад и прозвал чужеземца Мотовило, и под таким прозвищем он стал своим, уже русским человеком. От этого корня пошел русский род Мотовиловых.

Один из предков Николая Александровича Мотовилова, еще будучи литовским князем, участвовал со своими людьми с Димитрием Донским в Куликовской битве. В одной из ветвей мотовиловского генеалогического древа, если не ошибаюсь, – в роде сенатора Кассационного де-

[1] Очерк этот составлен мною на основании рукописных воспоминаний Н. А. Мотовилова, дополненных беседами со вдовою его, Еленою Ивановною, и сестрами св. Дивеевской обители.

партамента Георгия Николаевича Мотовилова, – должен до сего времени храниться как родовая святыня образ (тельный) святителя Николая Чудотворца, надрубленный тяжелым басурманским мечом. Если он сохранился, то это теперь один из немногочисленных вещественных свидетелей первых лучей зари Московского царства[1].

У этого образа есть свое предание.

Отец Николая Александровича, Александр Иванович, в молодости своей полюбил девицу из старинного дворянского рода Дурасовых; но, воспитанная в Петербурге, успевшая свыкнуться со столичной жизнью, Марья Александровна Дурасова, к которой присватался Александр Иванович, не пожелала уйти с мужем в деревенское затишье и отказала ему в своей руке.

Борьба с чувством отвергнутой любви привела к тому результату, которым в доброе, святое, старое время люди сердца и долга увенчивали всякую борьбу, ставшую непосильною: они обрекали себя Богу и в одной только Божией помощи шли искать себе спасения от нестерпимых борений своего духа. Тихие обители, посвященные Богу, за своею высокою монастырскою оградой, среди лесов, вдали от суеты мятежного міра, давали желанный приют изболевшим душам и в Христе отраду и успокоение.

Так было в те времена, такие к нам по времени близкие и такие по духу – увы! – далекие...

Саровская пустынь приняла неутешного Александра Ивановича в число своих послушников и, казалось, на всю жизнь скрыла его от всякой мирской заботы и го-

---

[1] Этот образ принадлежал отцу Н. А. Мотовилова, Александру Ивановичу, как старшему в роде, но в малолетнее после отца сиротство Николая Александровича он достался Г. И. Мотовилову. Николай Александрович всю жизнь скорбел об этом образе, но не мог добиться его возвращения.

рестей. Но Богу угодно было изменить твердое решение неутешного юноши.

Проходя послушание на просфорне, Александр Иванович стал уже готовиться к принятию пострига, но както раз, утомившись от непривычной работы, задремал и увидел дивный сон, определивший, вопреки его намерениям, всю его дальнейшую жизнь и имевший пророческое значение для Николая Александровича.

Едва успел задремать саровский послушник, как вдруг увидал, что в просфорню входит святитель Николай и говорит:

«Не монастырь путь твой, Александр, а семейная жизнь. В супружестве с Марией, которая тебя отвергла, ты найдешь свое счастье, и от тебя произойдет сын, его ты назовешь Николаем – он будет нужен Богу. Я – святитель Николай и назначен быть покровителем Мотовиловского рода. Им я был уже в то время, когда один из родоначальников твоих, князь Монтвид-Монтвил, служил в войске Димитрия Донского. В день Куликовской битвы татарский богатырь, поразивший воинов-иноков Пересвета и Ослябю, ринулся было с мечом на самого Великого князя, но Монтвид грудью своей отразил направленный смертельный удар, и меч воткнулся в образ мой, висевший на груди твоего предка; он пронзил бы и самого твоего родича, но я ослабил силу удара и рукой Монтвида поразил татарина насмерть».

Сон этот, как и следовало ожидать, изменил направление мыслей Александра Ивановича, и он вышел из Сарова. Вторичное предложение, сделанное им Дурасовой, не было отвергнуто; и от этого предсказанного брака родился 3 мая 1809 года первенец, которому и было дано имя Николай.

Это и был наш Николай Александрович Мотовилов.

II

Мотовилов рано лишился своего отца. По восьмому году от рождения он остался сиротой с матерью, еще совсем молодою вдовой, и сестрой, года на два или на три его моложе. Большое состояние, оставленное Александром Ивановичем, заключалось преимущественно в населенных землях трех губерний – Симбирской, Нижегородской и Ярославской – и требовало неустанного попечения. Заботы о воспитании детей-малолеток, общий уклад нравственной и религиозной жизни старинного помещичьего быта, в котором еще высоко стояли идеалы супруги и матери, и главным, конечно, образом Божие изволение – все это заставило мать Мотовилова предаться с покорностью своей доле и не искать себе того, что ныне принято называть личным счастьем.

Это личное счастье прежние матери искали и всегда находили прежде всего в Боге, в Его Святой Церкви и в домоводстве, заключавшем в себе воспитание детей и заботу о сохранении для них состояния.

Помещичий быт старой Руси, тщетно ожидающий своего беспристрастного историка, знает много типов таких матерей и хозяек, которые в тиши своих деревень строили имущественное благополучие своих детей, а с ними и Родины.

Первою утешительницей матери Николая Александровича в постигшей ее скорби была Церковь и ее верные служители, рабы Божии всякого звания, начиная с архиереев и кончая той Христа ради бродячей Русью, которая, отбросив всякое попечение о заботах завтрашнего дня, в молитвенном подвиге и лето, и зиму, и в весеннее распутье, и в осеннее ненастье обходит в поисках за святыми местами своим неустанным дозором бесчисленные грады и веси, дремучие леса, торные большие

дороги и прихотливо бегущие пешеходные тропинки с трудом проходимых дебрей просторной России. От неприступных ледяных Соловков до вечнозеленого Афона и святынь Иерусалима, от Нечаева и Киева до границ Восточной Сибири, до стен таинственного Китая доплескивается чистая волна исконного Православия, создавшего и прославившего могучую Россию. Обходит этот неустающий дозор святыни Православия и по всем углам и закоулкам несет благодать святыни, раздавая ее верующею рукой всякому верующему русскому сердцу. Наивная вера, наивные речи! Дети-повествователи, дети-слушатели! Но кто слышал пламенные речи одних, кто умел подметить слезы умиления других, тот лицом к лицу видел, тот уста в уста целовал ее, нежно любимую, детски-святую, благодатную Русь... От светлых царских покоев, от знатного терема ближнего князя-боярина до промозглой от сырости и непокрытой нищеты хаты бедняка простолюдина, в те простые и верные времена вся несметная Христова богомольческая рать находила всюду себе приют и привет, теплый угол, яркий очаг сердечной любви и гостеприимного радушия.

Старая Русь умела понимать и ценить этот духовный подвиг своего народа. Забирались и тогда в это стадо овец Христовых волки из стаи сатанинской, но из-за случайных волков не порочили тогда чистого овечьего стада, и золотым его руном одевалась непостыдно и безбоязненно и отогревала свое русское сердце святая, чистая вера русского человека.

III

В начале XIX века мало еще была поколеблена вера русского захолустья: жизнь тогда не ведала той быстроты разноса духовной заразы, которой ознаменовалось так

называемое наше время, – время пара, электричества, железных дорог, телеграфа, телефонов – всего, словом, того, что издергало и измочалило нервы современного человечества. Сто верст представляли собой пространство в полсуток езды, и с 500–600 верст от больших центров, от столиц, начиналась уже русская захолустная жизнь, почти не затронутая веяниями времени в своих вековечных устоях. Захолустье, так неумно и зло высмеянное неглубоким острословием эпохи реформ и европейского обезьянничества шестидесятых и последующих годов, было тою истинною нивой, которая растила зерно русской исконной жизни и давала обильные жатвы, кормившие могучий государственный организм России. Дальность расстояния, с трудом преодолеваемая перекладными, почтовыми, «долгими», заставляла обывателя сидеть дома, в доме уметь находить и сосредоточивать все свои материальные и духовные интересы.

Жизнь протекала в семье и вся в ней сосредоточивалась. Ехать было некуда, да и незачем; знали свой околоток, и знали его хорошо, основательно, точно; вдаль не стремились, а где родились, там и умирали. Дальние поездки предпринимались только по особой нужде, и притом с великою тугой сердечною.

Но для жизни духа и в те малоподвижные времена расстояниями пренебрегали, и поездки на месяц и более, верст за 400, за 600, не были в диковину для дедов наших и бабок. Нельзя было назвать это передвижение поездками – это были целые паломничества, обыкновенно организованные со всеми чадами и избранными домочадцами, и целью их бывали более или менее отдаленные монастыри с почивающими в них св. мощами Божиих угодников или живущими в них прославленными народною верой и просветленными богоугодной жизнью и Божественной благодатью старцами-подвижниками.

«Не в препретельных земныя премудрости словесах, но в явлениях силы и духа» искали ответа старики наши на все запросы души человеческой и, верен Господь, – его получали.

Великое горе молодой вдовы потянуло ее за советом и благодатною помощью к великому Божьему угоднику, отцу Серафиму, в то время иеромонаху Саровской пустыни, окончившему подвиг затвора и начавшему принимать посетителей, которых стало собираться великое множество со всех концов Центральной России в уединенную Саровскую пустынь. Слава отца Серафима как человека высокой духовной жизни уже и тогда гремела по всему верующему Тамбовскому и Средне-Поволжскому краю. Старики рассказывали, что бывали в Сарове дни, когда число приходивших и приезжавших к отцу Серафиму достигало десяти тысяч.

IV

В первую свою поездку в Саров к отцу Серафиму вдова Мотовилова захватила с собой и своего Николеньку. Это было в 1816 году. Николеньке шел тогда восьмой годок. Мать с сыном ехали на Арзамас из своего имения, сельца Бритвина Нижегородской губернии Лукояновского уезда. В рукописях Мотовилова есть указания, что в Арзамасе одна всеми чтимая блаженная встретилась с Мотовиловой и предсказала ее мальчику его незаурядную судьбу силы непонятной и отвергнутой міром, но угодной Богу.

Батюшка Серафим только что отворил тогда двери своей затворнической кельи, и одною из первых принятых им посетительниц была вдова Мотовилова с сыном.

В рукописях Николая Александровича мне удалось найти изображение от руки плана кельи отца Серафима в том виде, в котором она врезалась в его детскую память.

Обстановка кельи поразила мальчика настолько, что уже спустя много лет он помнил ее во всех подробностях. Особенно его детское воображение было поражено обилием горящих свечей в семи больших подсвечниках перед иконой Божией Матери. Но слова и смысл речей беседы отца Серафима с матерью от него утаились. В воспоминании его сохранился один только эпизод пребывания в батюшкиной келии. Скучно стало мальчику, привыкшему резвиться на деревенской свободе, и, пока мать внимала беседе богомудрого старца, он стал бегать по келии, насколько позволяла ее обстановка. Мать с упреком его остановила. Но батюшка на ее упрек ребенку возразил:

– С малюткой Ангел Божий играет, матушка! Как можно ребенка останавливать в его беспечных играх... Играй, играй, деточка! Христос с тобой!

Эти слова, полные кротости и отеческой ласки, Мотовилов помнил всю жизнь.

Могло ли предчувствовать тогда детское сердце, что келья эта, в которой происходила беседа матери с преподобным, впоследствии определит весь строй многострадальной жизни Мотовилова!

V

Семейное ли благочестие, столь свойственное в те времена дворянским семьям, проживавшим безвыездно в своих поместьях, раннее ли знакомство с людьми духовного подвига, с которыми любила проводить время благочестивая мать, предызбранность ли, сказавшаяся в знаменательном сновидении отца, но в Мотовилове рано проснулась религиозная любознательность, доставлявшая ему немало огорчений в отроческом и юношеском возрасте.

Узнав при изучении Священного Писания о Троичности во Едином Существе Бога, он стремился объяснить

себе этот догмат явлениями видимой природы, чем в немалое приводил смущение не только простых сердцем своих деревенских наставников, но и законоучителей, готовивших его к поступлению в Казанский университет.

– Батюшка! – спрашивал он своего наставника. – Вот вы меня учите, что человек состоит из тела и души. А ведь мы по образу и подобию Божиему сотворены, стало быть, мы тоже троичны по существу?

– Ну не еретик ли ты?! Истинно, еретик! Говорю тебе – высших себя не ищи! Куда ты заносишься, куда ты заносишься? – спрашиваю я тебя!

И за словесным увещанием «еретика» обыкновенно следовало наставническое вразумление, от которого немало плакивал вразумляемый.

Мать тоже сильно огорчалась, боясь чрезмерной, как ей казалось, пытливости своего ребенка. В те добрые простые времена просто и по-детски веровали и зрелые люди.

Особенно ее страшило будущее ученье сына в шумном академическом городе Казани. Дух неверия и ересей, посеянный в умах дворянских вольнодумцев екатерининского и александровского времени ордой иноземных гувернеров и гувернанток, явившейся в Россию с готовою программой разрушения русских устоев, – не мог этот дух утаиться от предчувствия сердца любящей и истово православной матери. Ну как эта пытливость разума, теперь под ее крылом направленная к познанию Божественного, да обернется в противоположную сторону! А примеры тому бывали.

Уже тогда в провинциальном обществе начали поговаривать о масонах как о секте таинственной, хотя и безобидной по внешности, но по всем признакам вероотступнической и вредной. Православный дух покойного ее мужа тоже прозревал гибель от масонства, которым, как новинкой, последним словом европейской образо-

ванности, начали увлекаться наиболее выдающиеся провинциальные деятели.

– Смотри, матушка, береги Колю от масонов, если меня не станет! Именем моим закажи ему не ходить в их богоборное общество – погубит оно Россию!

Такие речи слыхал от отца и сам Мотовилов. Пытливый ум ребенка, конечно, не понимал, что такое за страшилище – масоны; вряд ли он даже мог сколько-нибудь обнять необъятное слово «Россия», но отцовские слова не пропали для него бесследно, и для Николая Александровича Россия и масонство остались навсегда двумя понятиями, из которых одно непременно должно было уничтожить другое.

Мотовилов на всю жизнь остался непримиримым врагом этого тайного и, по существу, глубоко революционного общества.

Но материнское вещун-сердце не ошиблось в одном: университет, со своими общественными науками, в которых никогда не поминается имя Божие, веселое, шумливое и, конечно, вольнодумное светское общество дворянской Казани – все это скоро в своем житейском водовороте закружило юного Мотовилова, будущего завидного жениха, как о нем, вероятно, втайне мечтала не одна маменька, – и светская жизнь, хотя временно и поверхностно, но все же успела, казалось, изгладить то духовное, что было в детстве посеяно в душе религиозного мальчика.

– Ну, маменька! – часто говаривал он матери, – у вас опять эти «искушения»!

«Искушениями» он называл странниц и монахинь, которых любила у себя поприветить Мотовилова. Слыша разговоры Николиньки, не всегда скромные и о предметах нескромных, потупя глаза и перебирая четки, со вздохом и как бы про себя они тихо шептали, бывало:

– Искушение!

Не любил их в то время жизнерадостный Мотовилов. На радужном фоне веселья шумного света, к которому тянулось его сердце, эти смиренные фигуры с постническими лицами, в черном одеянии, пожилые, некрасивые, с молитвою Иисусовой на устах, должны были ему казаться таким темным и непривлекательным пятном...

Под невзрачною внешностью и истинное смирение многим кажется лицемерием. Кому нужны эти загнанные, забытые, жалкие, темные облики? Они – режущий ухо диссонанс в победном аккорде нарядного міра!..

VI

Но Божье призвание вело Мотовилова на иной путь – на ином пути он был нужен Богу.

В половине университетского курса с Мотовиловым произошел случай, необыкновенно характерный как для него, так и для той эпохи, которая его воспитала. В своих записках он туманно говорит, что «этот случай его поверг в такую бездну отчаяния, что он не мог его пережить, ибо должен был лишиться и своей дворянской чести, и дворянского звания и быть отдану в солдаты». По словам Елены Ивановны, этот случай, это страшное несчастье, так потрясшее Мотовилова, был поцелуй, брошенный им в университетском коридоре одной барышне. Поцелуй этот был замечен начальством, которое придало ему такое значение – на словах или на деле – кто знает, – что Мотовилов счел себя окончательно погибшим. Особенно его страшила мысль, что он убьет свою «маменьку». А любил он свою «маменьку» так, как только могло уметь любить его чистое сыновнее сердце.

Какая бездна отделяет чувства большинства современной молодежи от чувств того времени!..

В темную ночь из квартиры профессора Фукса, у которого Мотовилов жил в то время на квартире, он ушел к Черному озеру, известному всякому казанцу, и там решил утопиться. Уже он готов был в него броситься, но какая-то невидимая сила вдруг приковала его к месту, с которого он хотел кинуться в воду, и в ночной темноте, над мрачными водами Черного озера, он внезапно увидал в ярком сиянии образ Казанской Божией Матери. Озаренный дивным светом Лик Пречистой укоризненно взглянул на юношу самоубийцу и бесследно скрылся в темноте ночи.

Это было первое знамение в его жизни.

История, угрожавшая Мотовилову в университете, не имела для него последствий – выручил его из беды его квартирохозяин, профессор Фукс, удосоверивший, что «он за Мотовилова ручается» как за высоконравственного юношу. Но дивное видение оставило глубокий след в его душе, и, хотя утехи міра все еще продолжали с неудержимою силой затягивать его в свои обманчивые сети, тем не менее событие на Черном озере положило начало совершившемуся впоследствии в нем глубокому духовному перевороту.

О времени его жизни в Казани после этого события мы не имеем достоверных сведений. Знаем только, что, по выходе его из университета со званием действительного студента умерла его мать во время совместной с ним поездки на богомолье в Киев, оставив на его попечении все имения и пятнадцатилетнюю девицу, сестру.

Самому Мотовилову шел семнадцатый год. Это было в 1826 году.

VII

В те времена дворянская честь требовала обязательной службы Государству. Молодой человек, окончивший

курс своего учения, должен был непременно служить или на коронной службе, или по выборам – неслужащий дворянин был все равно что недоросль из дворян. Уклонение от службы Отечеству считалось таким позором, что ни одна девушка из порядочного семейства не пошла бы замуж за того, кто сколько-нибудь не прослужил в военной или гражданской службе Царю и Отечеству. Обществу тогда не служили: понятие общества поглощалось догматом Царя и Родины – им и служили. Конец александровских и николаевские времена строги были в проведении в жизнь государственных принципов.

А сердце Мотовилова уже было охвачено «страстью нежной».

В соседстве с его симбирскими деревнями жила в своих поместьях вдова Михаила Петровича Языкова, из старинного рода симбирских дворян Языковых. С ней жила и дочка-подросток, Катенька, девушка лет пятнадцати. Болезненная по природе, совсем больная ко времени выхода Мотовилова из университета, вдова Языкова никуда не выезжала из дому, гостей не принимала, кроме родных и близких соседей, и Катенька росла почти в полном одиночестве. Церковь, домашние богослужения и уход за матерью – в этом была вся жизнь молодой девушки, почти ребенка. В эту-то Катеньку, или Екатерину Михайловну Языкову, с двенадцатилетнего ее возраста и был влюблен Мотовилов. Миловидная девушка прельстила его сердце не столько своею внешностью, сколько внутренними качествами своей высокорелигиозной женственной души.

Нравился ли ей Мотовилов? Сказать трудно… Что касается самого Мотовилова, то надежда видеть любимую девушку своей женой не покидала его много лет спустя после первой вспышки зароненной в его душу искры беззаветного чувства. Цельные были тогда натуры и любить умели подолгу, преданно и верно.

Но не Мотовилову суждено было овладеть чистым, девственным сердцем Языковой. Его ждало другое сердце, другая рука должна была с его рукой нести предназначенный ему тяжкий крест к прославлению великого Имени Божьего.

Божий избранник, вызванный к жизни явно выраженной Божественною волей, должен был пройти через горнило всяких страданий, всяких искушений, мук сердечных и физических, должен был понести всякую скорбь, всякое гонение, чтобы духовно очищенным и просветленным быть достойным совершить на земле великое дело Божие.

VIII

Для деятельного христианина, для всякого воина Церкви Христовой, для всякого верного ее сына, а не наемника, глубоко поучительно ясное водительство Руки Божией в многострадальной и до сих пор не оцененной по заслугам жизни Мотовилова.

Теперь видна его заслуга: соблюдение для потомства мельчайших черт жития великого угодника Божия, преподобного Серафима, и процветание духовного детища батюшки – Дивеева. Но и в современной нам оценке деятельности Мотовилова молва людская не отводит ему того высокого места в величественном здании великих Саровских дней, которое ему принадлежит по праву.

Следя шаг за шагом за жизнью этого великого духом и сердцем человека, по обрывкам рукописных его воспоминаний, по воспоминаниям о нем людей, ему близких, – вдовы его, Елены Ивановны, и сирот батюшки Серафима, дивеевских насельниц и молитвенниц, – нам, быть может, удастся восстановить в возможной яркости весь этот сложный, исполненный трагизма и, во всяком слу-

чае, незаурядный характер нравственного христианского мученика XIX века, истерзанного пытками душевными, и где же? В центре исконного Православия – в России.

Вернемся же к тем отдаленным уже для нас временам, когда влюбленный Мотовилов должен был вступить в самостоятельную жизнь круглым сиротой, с девочкою-сестрой на руках и с большим хозяйственным делом на своем неопытном попечении.

Сердце Мотовилова во всем строе его жизни всегда было на первом плане. Веления практического смысла, холодные веления рассудка если и не были ему чужды как человеку в полноте современного ему образования, то рассудок всегда находился у него в подчинении сердечным влечениям. А мотовиловское сердце было во всем пламенное.

Чтобы получить руку Языковой, надо было служить – так, по крайней мере, думал Мотовилов, так думало тогда все дворянское большинство. Онегины и Чацкие только зарождались. И вот тут-то, на первых порах, при вступлении в новую жизнь самостоятельного человека, ему пришлось столкнуться с тайною, но уже великою и грозною силой масонства, с тем корнем пышно расцветшего впоследствии бурьяна русского революционного движения, которое своим лжелиберализмом заразило цвет русского служилого и поместного дворянства.

«Вышедши из Императорского Казанского университета, – пишет Мотовилов на найденном мною, оторванном от какой-то тетради листе, – действительным своекоштным студентом 8 июля 1826 года, и на пути богомолья в Киев лишившись родительницы моей в 20-й день того же июля 1826 года, и оставшись круглым сиротой 17 лет от роду, имея сестру Прасковью, пятнадцатилетнюю, я через друга матушки моей, Надежду Ивановну Саврасову, вскоре познакомился с Симбирским

губернским предводителем, князем Михаилом Петровичем Баратаевым, и вскоре сблизился с ним до того, что он открыл мне, что он гранметр ложи симбирской и великий мастер иллюминатской петербургской ложи. Он пригласил меня вступить в число масонов, уверяя, что если я хочу какой-либо успех иметь в государственной службе, то, не будучи масоном, не могу того достигнуть ни под каким видом. Я отвечал, что батюшка, родитель мой, запретил мне вступать в масонство, затем, что это есть истинное антихристианство, да и сам я, будучи в университете и нашедши книгу о масонах, в этом совершенно удостоверился и даже видел необыкновенные видения, предсказавшие судьбу всей жизни моей и возвестившие мне идти против масонства, франкмасонства, иллюминатства, якобинства, карбонарства и всего с ними тождественного и в противление Господу Богу имеющегося. Это так разозлило его и тем более в простоте сердца ему открытое намерение мое вскоре по устройстве дел моих ехать в Санкт-Петербург для определения на службу в Собственную Его Императорского Величества Канцелярию, что он поклялся мне, что я никогда и ни в чем не буду иметь успеха, потому что сетями масонских связей опутана не только Россия, но и весь мiр.

Вскоре после того вышел закон, чтобы молодые люди, хоть и окончившие курс учения и получившие дипломы на ученые степени в высших училищах, не имели бы права отправляться на службу в столицу, а должны были бы три года послужить в губернии будто бы для ознакомления с процедурой провинциальной службы.

Срезанный на первых порах с ног, я, как говорится, сел как рак на мели».

Уверенность кн. Баратаева, что Мотовилову за отказ его вступить в члены масонской ложи ни в чем не будет успеха, оправдалась вскоре на деле. На открывшу-

юся вскоре вакансию должности почетного смотрителя Корсунского уездного училища Мотовиловым была выставлена своя кандидатура, и когда ему было дано знать от совета Казанского университета и от училищного комитета, что он на эту должность избран, то Баратаев призвал его к себе и объявил:

– Этой должности вам не видать как своих ушей. И не только вы этой должности не получите, но и не попадете ни на какую другую государственную должность, ибо и Мусин-Пушкин (тогда попечитель Казанского учебного округа), и министр князь Ливен – подчиненные мне масоны. Мое приказание – им закон!

С этого момента началось преследование или, вернее, травля Мотовилова, усилившаяся с течением времени до степени гонения, которое довело его в конце концов до такого нервного расстройства, что он заболел нервным ударом, приковавшим его к постели. В тяжких страданиях он промучился более трех лет. Его преследовали на службе, которой он, правда, все-таки добился, благодаря своей сверхъестественной энергии, помешали его браку с Языковой, создавали репутацию сумасшедшего и даже во времена губернатора Загряжского ухитрились подвергнуть личному задержанию по обвинению в государственной измене. От этого ареста он был освобожден лишь по приказанию министра юстиции Димитрия Васильевича Дашкова.

Не было клеветы, насмешки, тайных подвохов и ухищрений, которым не подвергла бы его политически-сектантская человеческая злоба.

Возникновение и жизнь масонских лож, их сила и значение в жизни России еще ждут своего правдивого историка, вернее, наблюдателя. Да и дождутся ли они его?.. Печатью глубокой тайны, в которую посвящены отдельные, и притом неведомые самой масонской ар-

мии главнокомандующие единицы, покрыта сущность их деятельности, их средства и цели, как былые, так и настоящие. Масонство, с уверенностью можно утверждать, существует и ныне, под другою личиной, но разрушительные его и главным образом антихристианские, точнее антихристовы, цели остались все те же.

Многострадальная жизнь Николая Александровича Мотовилова, с энергией отчаяния боровшегося за лучшие дворянские заветы прошлого, до фанатизма преданного Самодержавию, нравственно замученного исповедника православной веры, намеренно оттертого от полезной и глубоко патриотической общественной деятельности, – поучительнейший пример того, что значило в то время, да, пожалуй, и в наше, открыто восстать против этой тайной, но великой подпольной силы.

Если бы Господь не отвел энергии недюжинной силы Мотовилова на другое, истинно богоугодное дело, ему пришлось бы преждевременно покончить свои расчеты с земною жизнью: масонская сила никогда не останавливалась перед тайным убийством тех, кого считала для себя опасными.

IX

Для какого же богоугодного дела Господь отвел энергию Мотовилова от дел государственных, к вершению которых так тяготело истово русское сердце Мотовилова? Кто должен был быть непосредственным орудием Божьего промышления о земном назначении Мотовилова, предуказанного еще в знаменательном сновидении бывшего саровского послушника, впоследствии ставшего отцом Николая Александровича?

Творение духа преподобного Серафима Саровского, Дивеевский женский монастырь, последний жребий

Царицы Небесной на земле, будущая женская Лавра и житие угодника Божия, нашедшее в Мотовилове своего свидетеля и вдохновенного описателя – вот то богоугодное дело, на которое был вызван к жизни Николай Александрович.

Преподобный отец наш Серафим Саровский – вот та видимая святая рука, изменившая и направившая стопы Мотовилова по иному пути, препоясавшая его Божественною благодатью и поведшая его туда, куда он и не хотел, быть может, идти в то время, когда его юному, неопытному взору житейский путь міра казался таким заманчивым и блестящим.

Как велика была задача, ему предназначенная, показали уже отчасти великие Саровские дни. Будущее раскроет еще больше, еще значительнее несравненную тайну силы этих дней для обновления духа Православия, а с ним и величия Родины с ее мессианскою целью.

Служебные неудачи, тайная и явная злоба влиятельного масонства, не пощадившая даже его чистой любви к Языковой, рывшая ему всевозможные ямы и ловушки, в которые он в простоте юного сердца ежеминутно попадался, сломили богатырский организм Мотовилова, и, как я уже говорил, тяжкая болезнь приковала его к постели более чем на три года. В своих физических страданиях, усугубленных нравственными, круглый сирота с девочкой-сиротой, сестрой, на руках, без поддержки, без родного, бескорыстного участия (одна Надежда Ивановна Саврасова, друг его матери, его не оставляла), он обновился духовно и воззвал ко Господу, и Господь не преминул услыхать голос скорби Своего раба.

К этому приблизительно времени относятся три знаменательных сновидения, которые ему дарованы были как бы в предвещание судьбы его жизни и в откровение некоторых тайн Божественного Домостроительства. Бе-

рем их описание из подлинной рукописи Мотовилова, уцелевшей на отдельном листе[1].

«В первом сне показан был мне неимоверно величайший не дом, а дворец батюшки моего в жизни будущего века. Две с половиной версты длины, полверсты ширины и четверть версты высоты; трехэтажный, с колоннами, каждая выточена из одной цельной небесной жемчужины; по архитектурному стилю похожи на ионический ордер; оконные стекла все цельные внизу и вверху; по 25 сажен вышины и ширины, а в бельэтаже 25 ширины и 50 сажен вышины; крыша вся из чистого золота; стены из небесного мрамора, белейшего, чем самый лучший каррарский мрамор. Гора, на коей стоял этот дом, семь верст вышины, полого к нему простирающаяся, а в длину, верст в тридцать вокруг, сад из наипревосходнейших плодовитых и вечно цветущих древес и кустарников. Я видел родителя своего, восставшего нетленным из гроба и вошедшего в оный, а мне невидимый кто-то сказал: “Вот это за святую, многомилостивую жизнь уготованный родителю твоему дом его в жизни будущего века”.

Во втором сне показался мне мой, за грехи мои уготованный дом, весь в смоле, капающей с потолка от растопления раскаленными угольями. Но Господь сподобил меня выйти из него, и мне потом показаны были красоты рая Божиего и Вечного Царствия Божиего и сказано: “Смотри же! – вышел ты во сне из дома вечной твоей погибели, выходи и на самом деле из нее в жизни, да спасешься, подобно родителю твоему, и на земле, и на небесах”.

В третьем сне взяли меня с одра почти предсмертной болезни моей пятнадцать великих пустынников,

[1] Вообще, надо заметить, в бумагах мотовиловских, доставшихся мне для разбора, беспорядок был страшный – точно чья-то рука кому-то назло истрепала, раскидала и разорвала эти рукописи, таившие часто в себе драгоценнейшие сообщения.

святых угодников Божиих, а именно: 1) святой Марко Фраческий, 2) святой Онуфрий Великий, 3) святой Петр Афонский, 4) святой Иоанникий Великий, 5) святой Антоний Великий, 6) святой Макарий Великий, 7) святой Савва Освященный, 8) святой Герасим, иже на Иордане реце, и остальные, все подобные им, и привели меня к стене до небес вышиной и шириной до края земли, и поставили перед дверью 15 сажен вышиной и 5 сажен шириной; а за ними стояла толпа несметная людей: цари, патриархи, народоправители, бояре всех народов, митрополиты, архиепископы, епископы, священники, архимандриты, монахи, и мирские всякого звания – ученые, разночинцы, купцы, мещане, дворовые люди и крестьяне всех наименований. И все это стояло тесно, нивелирно, смешавшись, зря, без толку, тесно так, что если бы бросить яблоко между голов их, по их плечам, то оно покатилось бы, а не упало на землю. И святые Божии пятнадцать великих пустынников сказали мне: "Мы привели тебя сюда, к этой толпе прогневавших Господа Бога нечестивцев, и Господь Бог Вседержитель через нас, рабов Своих, велит тебе возвестить слово Его и суд Его Божественный о них. Скажи же при нас им всем: цари, патриархи, народоправители, бояре, купцы, мещане, дворяне, ученые, и ремесленники, и мужики, священники, и монахи, и монахини, и люди всех наименований! Вы всецело во всем прогневили Господа Бога! Все древнее, святое, богоугодное, душеполезное и всеспасительное вы презрели, отвергли и омерзили в душах своих и дышите ненавистью ко всему богоугодному. Вы так преогорчили благость Божию всеми мерзостями ваших нововведений, что фиал гнева праведной ярости Божией кипит негодованием, не растворенный ни самомалейшею каплей сострадания к вам, богомерзким нечестивцам, и горе вам, если вы не покаетесь и не

отвратитесь от богомерзких злоб ваших, и не взыщете вскоре пути истинного во всех мерзостях ваших покаяния перед раздраженным вами Господом Богом!.. Ну, говори же при нас все это им!..” И сколько я ни плакал, уверяя их, что я не смею и что, как только заикнусь им о том, они погубят меня; но они грозно возразили мне: “Если ты не возвестишь им всей этой воли Божией, то Господь погубит вместе с ними и самого тебя, да и те во веки веков станут на тебя жаловаться Богу. Если же они и прогневаются все до одного на тебя и захотят истребить тебя с лица земли, то защитит тебя Господь Бог в Троице Единый и Сама Госпожа, Пресвятая Богородица будет Заступница твоя противу всех их нападений на тебя. Иди же сквозь их и глаголи дерзновенно им эти словеса милосердия и живота вечного, и Сам Господь благословит тебя, и Матерь Божия будет тебе Сама Помощницею во всем”.

И я сказал им все; и они выслушали все и, расступаясь предо мною, стали давать мне дорогу между собою. Треугольник большой, на несколько сажен, открылся предо мною, и я, всем повторяя эти милостивые и щадливые слова Господни, мало не дошедши до конца треугольника, попробовал, как широка данная мне людьми дорога, и протянул крестообразно в обе стороны руки мои, и не дохватило до людей на целый аршин от рук моих. И я не знаю, почему и зачем взмахнул я руками, и меня на аршин приподняло от земли кверху, так что я кружась полетел, как большая птица, вверх к поднебесью и увидел, что взлетел выше всех, а внизу подо мною – люди что черви кишат... Сначала я крайне испугался, думая, что упаду вниз и совершенно расшибусь в прах; но под меня подостлалась светлая, чистая и, как хрусталь, прозрачная перина, и я неизъяснимо возрадовался и сказал: “Господи! когда я там был с ними вместе внизу, какими

они мне великими тогда казались и как величались они тогда предо мною! А теперь что стали они? не более червей, кишащих в навозной куче!”

С этим я проснулся».

Эти сновидения и тяжелая болезнь дарованы были Мотовилову в период его жизни от 19 до 22 лет.

Врачебная помощь, к которой неустанно он обращался во все время своей продолжительной болезни, оказалась бессильною. Измучив его тело, тяжкая болезнь очистила дух, и дух его обратился к Богу, Который и указал ему путь для исцеления тела и еще большего просветления духа.

Путь этот был – отец Серафим Саровский.

Когда-то, в детстве Мотовилова, батюшка видел его Ангела, с ним игравшего; теперь этот же Ангел Хранитель вел его вторично к преподобному уже с тем, чтобы вручить его на всю жизнь руководительству божественного старца.

X

Вот как описывает Мотовилов первую свою сознательную встречу с преподобным Серафимом.

«За год до пожалования мне заповеди о служении Божией Матери при Дивеевской обители великий старец Серафим исцелил меня от тяжких и неимоверных, великих ревматических и других болезней, с расслаблением всего тела и отнятием ног, скорченных и в коленках распухших, и с язвами пролежней на спине и боках, коими я страдал неисцельно более трех лет.

1831 года 9 сентября батюшка отец Серафим одним словом исцелил меня от всех болезней моих. И исцеление это было следующим образом. Велел я везти себя, тяжко больного, из сельца Бритвина, Нижегородского

Лукояновского имения моего к батюшке о. Серафиму; 5 сентября 1831 года я был привезен в Саровскую пустынь; 7 сентября и 8-го, на день Рождества Божией Матери, удостоился я иметь две беседы первые с батюшкой о. Серафимом, до обеда и после обеда в монастырской келье его, но исцеления еще не получил. А когда на другой день, 9 сентября, привезен был я к нему в Ближнюю его пустыньку близ его колодца, и четверо человек, носившие меня на своих руках, а пятый, поддерживавший мне голову, принесли меня к нему, находившемуся в беседе с народом, во множестве приходившим к нему, тогда, возле большой и очень толстой сосны и до сего времени (шестидесятые года истекшего столетия) на берегу речки Саровки существующей, на его сенокосной пажнинке меня посадили. На просьбу мою помочь мне и исцелить меня он сказал:

– Да ведь я не доктор. К докторам надобно относиться, когда хотят лечиться от болезней каких-нибудь.

Я подробно рассказал ему бедствия мои и что я все три главные способа лечения испытал, а именно: аллопатией – лечился у знаменитых в Казани докторов Василия Леонтьевича Телье и ректора Императорского Казанского университета Карла Феодоровича Фукса, по знанию и практике своей не только в Казани и России, но и за границей довольно известного медика-хирурга; гидропатией – на Сергиевских минеральных серных водах, ныне Самарской губернии; взял целый полный курс лечения и гомеопатией у самого основателя и изобретателя сего способа Ганнемана через ученика его, пензенского доктора Питерсона, – но ни от одного способа не получил исцеления болезней моих, и затем ни в чем уже не полагаю спасения, и не имею другой надежды получить исцеления от недугов, кроме как только лишь благодатиею Божией. Но, будучи грешен и не

имеючи дерзновения сам ко Господу Богу, прошу его святых молитв, чтобы Господь исцелил меня.

И он сделал мне вопрос:

– А веруете ли вы в Господа Иисуса Христа, что Он есть Богочеловек, и в Пречистую Его Божию Матерь, что Она есть Приснодева?

Я отвечал:

– Верую!

– А веруешь ли, – продолжал он меня спрашивать, – что Господь как прежде исцелял мгновенно и одним словом Своим или прикосновением Своим все недуги, бывшие на людях, так и ныне так же легко и мгновенно может по-прежнему исцелять требующих помощи одним же словом Своим, и что ходатайство к Нему Божией Матери за нас всемогуще, и что по сему ходатайству Господь Иисус Христос и ныне также мгновенно и одним словом может исцелить вас?

Я отвечал, что истинно всему этому всею душой моей и сердцем моим верую и если бы не веровал, то не велел бы везти себя к нему.

– А если вы веруете, – заключил он, – то вы здоровы уже!

– Как здоров, – спросил я, – когда люди мои и вы держите меня на руках?

– Нет!–сказал он мне. – Вы совершенно всем телом вашим теперь уже здравы вконец!

И он приказал державшим меня на руках своих людям моим отойти от меня, а сам, взявши меня за плечи, приподнял от земли и, поставив на ноги мои, сказал мне:

– Крепче стойте, тверже утверждайтесь ногами на земле... вот так! Не робейте! Вы совершенно здравы теперь.

И потом прибавил, радостно смотря на меня:

– Вот, видите ли, как вы хорошо теперь стоите?

Я отвечал:

– Поневоле хорошо стою, потому что вы хорошо и крепко держите меня!

И он, отняв руки свои от меня, сказал:

– Ну вот уже и я теперь не держу вас, а вы и без меня все крепко же стоите; идите же смело, батюшка мой, – Господь исцелил вас! Идите же и трогайтесь с места!

Взяв меня за руку одною рукой своею, а другою в плечи мои немного поталкивая, повел меня по траве и по неровной земле около большой сосны, говоря:

– Вот, ваше Боголюбие, как вы хорошо пошли.

Я отвечал:

– Да, потому что вы хорошо меня вести изволите!

– Нет! – сказал он мне, отняв от меня руку свою. – Сам Господь совершенно исцелить вас изволил, и Сама Божия Матерь о том Его упросила. Вы и без меня теперь пойдете и всегда хорошо ходить будете; идите же! – И стал толкать меня, чтобы я шел.

– Да этак я упаду и ушибусь! – сказал я.

– Нет! – противоречил он мне. – Не ушибетесь, а твердо пойдете...

И когда я почувствовал в себе какую-то свыше осенившую тут меня силу, приободрился немного и твердо пошел, то он вдруг остановил меня и сказал:

– Довольно уже! – И спросил: –Что, теперь удостоверились ли вы, что Господь вас действительно исцелил во всем и во всем совершенно?.. Отъял Господь беззакония ваша и грехи ваши очистил есть Господь. Видите ли, какое чудо Господь сотворил с вами ныне! Веруйте же всегда несомненно в Него, Христа Спасителя нашего, и крепко надейтесь на благоутробие Его к вам, всем сердцем возлюбите Его, и прилепитесь к Нему всею душою вашею, и всегда крепко надейтесь на Него, и благодарите Царицу Небесную за Ее к вам великие милости. Но так как трехлетнее страдание ваше тяжко изнурило вас, то

вы теперь не вдруг помногу ходите, а постепенно: мало-помалу приучайтесь к хождению и берегите здоровье ваше, как драгоценный дар Божий!..

И, довольно потом еще побеседовав со мною, отпустил меня на гостиницу совершенно здоровым.

Итак, люди мои пошли одни из леса и ближней пустыньки до монастыря, благодаря Бога и дивные милости Его ко мне, явленные в собственных глазах их, а я сам один сел с гостинником отцом Гурием, твердо, без поддержки людской сидя в экипаже, возвратился в гостиницу Саровской пустыни. А так как многие богомольцы были со мною при исцелении моем, то прежде меня возвратились в монастырь, всем возвещая о великом чуде этом.

Лишь только приехал я, игумен Нифонт и казначей иеромонах Исаия с двадцатью четырьмя старцами-иеромонахами саровскими встретили меня на крыльце гостиницы, поздравляя меня с милостию Божиею, через великого старца Серафима мне во дни их дарованную. И сим благодатным здоровьем пользовался я восемь месяцев настолько, что никогда подобного сему здоровья и силы не чувствовал в себе до тех пор во всю мою жизнь. Часто в течение сего времени и подолгу бывал я в Сарове и неоднократно беседовал с сим великим старцем Серафимом и в одну из бесед[1] его в конце ноября 1831 года имел счастье видеть его светлее солнца в благодатном состоянии наития Святаго Духа Божия».

XI

Совершившееся чудо произвело на Мотовилова потрясающее впечатление и определило весь строй его дальнейшей деятельности на Божьей ниве.

1 «Беседа о цели жизни христианской».

Неотразимо влек его к себе после того преподобный Серафим. Мотовилов не мог не видеть в нем проводника Божественной благодати такой духовной красоты и силы, что перед этим дивным обликом в просветленных его очах побледнели и как бы временно стушевались все обманчивые прелести міра, к которым он прежде с такою страстностью тянулся. Благодатные дары прозорливости, исцеления, могучая, беспредельная сила молитвы преподобного, этого как бы ангела во плоти, так близки были духу исцеленного и благодарного Мотовилова, так влекли этот дух к христианскому совершенствованию, невозможному во всей полноте без разрыва с міром, что Мотовилов с этого времени привязался к своему благодатному врачу всем своим пылким сердцем и весь отдался его руководительству, наслаждаясь почти постоянно его богомудрыми беседами. Едва ли не каждый месяц уезжал он из своих поместий в Саров к Серафиму и по две, по три недели проживал под крылом своего наставника и благодетеля, почасту и подолгу пользуясь его интимным с ним общением.

А мір между тем все-таки врывался в его душу, не только не уставая в борьбе со стремлением его духа, но как будто все сильнее и яростнее нападая на него, увлекая его своими блестящими приманками, набрасывая на него свои соблазнительные сети.

Конечно, образ Языковой, олицетворенная первая любовь Мотовилова, восставал во главе всех остальных обольстительных призраков властных мирских воспоминаний, и, конечно, бедная, истерзанная душа в нем, и только в нем, искала всей полноты своего земного счастья.

«Ин суд Божий и ин суд человеческий!»

Эта тайная душевная борьба не могла утаиться от прозорливости преподобного, и, когда она достигла уже степени великой сердечной муки, тщательно, впрочем, скрываемой от батюшки – так, по крайней мере, каза-

лось Мотовилову, – батюшка Серафим вдруг неожиданно его спросил:

– Что же, ваше Боголюбие, вы все хотите о чем-то вопросить меня, да будто и не смеете? Говорите просто со мной, убогим Серафимом: я все, при помощи Божией, готов ответить вам, что мне Господь открыть соблагоизволит!

«Я сказал, – так пишет в своих записках Мотовилов, – что я чрезвычайно люблю одну девицу-дворянку, соседку мою по симбирским моим деревням, и хотел бы, чтобы он, батюшка Серафим, помолился о ней ко Господу, чтобы Господь Бог нарек мне ее в невесты.

– А разве она очень хороша собой, – спросил он, – что вы ее так усердно и крепко любите, ваше Боголюбие?

Я отвечал, что она хоть и не красавица в полном смысле этого слова, но очень миловидна. Но более всего меня в ней прельщает что-то благодатное, Божественное, что просвечивается в лице ее. Вид ее меня поразил еще, когда она была в двенадцатилетнем возрасте, и с тех пор я всесердечно полюбил ее.

– А почему же не красавица? – спросил меня отец Серафим. – По описанию вашему она должна быть таковою!

– Потому, – отвечал я, – что для полноты типичной красоты надо иметь большой рост, стройность корпуса, царственность взгляда и многое другое, чего она не имеет. Правда, в замену того она имеет нечто столько затрагивающее душу человека, чего и многие красавицы в себе не имеют...

– Да что же это такое? – спросил великий старец.

– А это, – отвечал я, – то, что она как монастырка воспитана.

– Как? – переспросил он. – Как монастырка? Я не вник хорошенько в ответ ваш!..

– А это вот что я разумею под этим, – сказал я ему. – Отец ее, Михаил Петрович Языков, рано оставил

ее сиротой, пяти или шести лет, и она росла в уединении при больной своей матери Екатерине Александровне как в монастыре – всегда читывала ей утренние и вечерние молитвы, и так как мать ее была очень религиозна и богомольна, то у одра ее часто бывали и молебны и всенощные. Воспитываясь более десяти лет при такой боголюбивой матери, и сама она стала как монастырка. Вот это-то мне в ней более всего и в особенности нравится.

Батюшка отец Серафим продолжал меня спрашивать:

– Что же, ваше Боголюбие, разве монастырки лучше воспитаны, чем светские девушки?

– Конечно, – отвечал я, – в большем страхе Божием, с большею любовью к Богу и в большем благоговении, чем мы, мирские!

– А из чего вы это заключаете?–спросил он.

– Из слов Пахомия Великого, – отвечал я, – когда ему была открыта от Господа Бога судьба будущего монашества и братия спрашивала у него: "Что же, отче, Господь Бог открыть тебе изволил о нас?" – он отвечал: "О нас, отцы святии и братия, Господь сказал, что мы все монашеское исполняем так, как следует, и Он благословляет пути наши; но за нами имеющие жить монахи хуже нашего будут жить, ибо вполовину противу нас будут благоугождать Господу". "А далее, – спросили отцы, – что будет?" "О! – воскликнул Пахомий. – Что далее, то все хуже и хуже будет, так что последние монахи уже ничего нашего, монашеского, делать не будут, а будут жить, как нынешние мирские христиане живут!" "А мирские христиане как будут жить?" – спросили отцы. "А мирские будут жить хуже скотов". "Как же спасутся они?" – вопросили старцы. И Пахомий отвечал им, что Господь сказать ему изволил: "Приидут скорби на них, и обрящутся выше отец своих". "Почему же?" – опять вопросили старцы. "Вот почему, – отвечал Пахомий. – В настоящее время по преизбыточе-

ствующей в нас благодати Божией и по усердию нашему к делу спасения между нами находятся многие Боговдохновенные, прозорливые рабы Божии. Если падет кто-нибудь из нас, брат или сестра, то, как бы ни было тяжко его падение, никто из нас по преизобилующей в нас Божественной любви к ближнему не поленится и на тысячеверстное путешествие, и на все великие трудности пойти, чтобы воздвигнуть падшего или падшую. Нам, следовательно, и много лучше, и много легче теперь, ибо брат от брата помогаем, удобь побеждает грех. А в те лютые и многобедственные времена монахи и монахини не только не станут помогать друг другу, но еще и сами друг друга станут повергать в гибель, и тогда придется всякому из любящих Бога спасать свою душу и пещись о ней, как пустыннику или пустыннице..." Так вот, батюшка, почему и думаю я, что, как ни плоха теперь жизнь современного монашества, все же она подобна древней мирской христианской жизни. Поэтому-то девушка, воспитанная по-монастырски, по-моему, лучше будет воспитанной по-мирски... Вот это воспитание я так люблю и уважаю в Языковой.

Великий старец глубоко внимательно слушал мой ответ и как бы в забытьи спросил меня:

– А много ли лет теперь вашей преднареченной вам от Бога невесте?

Я отвечал:

– Пяти или шести лет она осталась сиротой после отца, десять лет жила при матери, да с полгода или несколько более матушка ее скончалась... Думаю я, что ей теперь не более 16 или 17 лет!

– Что вы, батюшка, ваше Боголюбие! Нет, нет! Вашей, от Бога вам преднареченной невесте теперь 8 лет и несколько месяцев, этак 3 или 4, а уж едва ли более 5 месяцев, а ведь по новому постановлению Синода нельзя мужчине моложе 18 лет, а девушке 16 – вступать в брак.

Так не подождать ли вам вашей Богом преднареченной невесты, этак 8 или 10 лет? А то как же вам теперь жениться на ней? Никак нельзя – молода еще очень.

– Да помилуйте, батюшка отец Серафим! – сказал я. – Как же молода? Ведь и по новому закону мне на ней жениться можно!

– Да о ком вы говорите мне, убогому Серафиму? – спросил он меня.

– О Языковой, – отвечал я, – о Языковой, Екатерине Михайловне!

– А! – отозвался он. – О Языковой!.. Ну, я не о ней говорю вам, а я, убогий, о преднареченной вам от Бога невесте говорю теперь, и ей, уверяю вас по Бозе, ваше Боголюбие, более 8 лет с несколькими месяцами теперь никак не будет!»

Беседа эта была в октябре 1831 года. Велико было в то время разочарование и вместе горестное недоумение Мотовилова!

На этом, однако, знаменательная для жизни Николая Александровича беседа не кончилась. С особенной резкостью и ясностью должен был быть обозначен поворотный пункт, изменявший в корень и твердо определявший направление его главнейшей деятельности в будущем. Эта деятельность была охарактеризована Мотовиловым в том названии, которым он любил себя именовать и в записках своих, и в своей речи: «Служка Божией Матери и Серафимов».

XII

«Помолчав немного, батюшка продолжал[1]:

– Ведь иное, ваше Боголюбие, просить Господа Бога, чтоб Он преднарек кому невесту – как вот вы, например,

[1] Продолжение рукописи Мотовилова.

просите теперь, чтобы я, убогий, упросил Господа, чтоб Он вам преднарек в невесты Языкову, – а иное, когда Господь уже Сам кому какую невесту преднарещи соблаговолил – как вот, например, для вашего Боголюбия. Невесте вашей теперь не более 8 лет и 3, 4 или 5 месяцев. Уж это, поверьте, в точности верно, и сам я, убогий Серафим, вам в том свидетельствовать готов. А о судьбах Божиих и непостижимой недоведомости их я, убогий, вот что сказать вам имею: известны вам из Библии Товит и сын его Товия?.. Вот сын Товита и молится, бывало, чтобы Господь ему такую-то именно невесту дал. А Сарра, дочь Рагуила, сродница Товиина, в то же время, бывало, также молится Господу Богу, чтоб Он ей такого-то жениха дал. А Ангелы-то Господни обоих их молитвы святые и возносят к Престолу Вседержителя Бога... Вот Господь, видевши, что обои они одного и того же просят у Него, и решил по Своей благости соединить их обоих узами брака святого. А ведь между ними было несколько сот верст, и они друг друга не знали. Но Совет Божий столь тверд был о соединении их, что Господь даже бесу попустил быть около Сарры, который убивал всякого другого жениха, кроме Товии, который дерзнул бы прикоснуться к ней. Хотя она и за седмерых женихов была выдаваема, но все седмь поражены были смертью, ибо не им она была уготована от Господа Бога. Когда же Провидению Божьему благоугодно было соединить Товию и Сарру, то Товии Господь послал в спутники Архангела Рафаила, и он на пути к селению Рагуилову в реке Тигре поймал рыбу и велел Товии изъять из нее желчь для прогнания, как потом оказалось, духа злобы от Сарры. Так вот, ваше Боголюбие, каковы-то судьбы Божии! Кто бы мог подумать, чтобы разделенные таким дальним расстоянием Товия и Сарра вступили между собою в брак! Но невозможное от человек возможно у Бога!..

Тут батюшка о. Серафим приостановился и как бы задумался и, вдруг свернув речь на другое, внезапно спросил:

– А что, ваше Боголюбие, вы сделали с девушкой вашего дворового человека, что у вас жила?

XIII

Я так и обмер, испугавшись и прозорливости старца и вместе того, что как бы он не стал бранить меня за мой грех... Но старец, не дожидаясь моего ответа, стал продолжать:

– Святая Церковь Господня в правилах своих соборных так узаконяет, что, если кто поемлет свободную девушку и живет с нею, тот обязан жениться на ней после, и это долг требует того. Ежели девица не пожелает того, то устроить ее жизнь настолько безбедно, чтоб она уже потом, по одной тяготе бедности, не могла впасть в новые грехи и всегда благодарила бы Господа.

После этих слов мне стало легче на душе.

– Я так и сделал! – сказал я батюшке о. Серафиму.

– Ну, – отвечал он, – и вельми хорошо, что так вы сделали, и да благословит вас Господь Бог!.. А были ли у вас от нее дети?

Я отвечал:

– Были: сын и дочь!

– Живы ли они?

– Нет!

– Ну, – сказал он, – когда нет, то да упокоит их Господь Бог во Царствии Своем. А когда бы живы были, то надлежало бы вам воспитать их в страхе Божием, ибо, ваше Боголюбие, не надобно презирать и незаконнорожденных детей – они не виноваты в своем появлении на свет. Да и родителей их лучше не осуждать, ибо неосуж-

дение есть половина спасения... Был, например, случай в Греции: вельможа царский, ехавший через реку, увидел девушку, моющую платье. Пленившись ее красотой и узнав, что она дочь вдовицы, пребыл с нею. После того девица эта увидела сон, будто звезда пресветлая скатилась ей в утробу. Некий великий и Боговдохновенный старец, к коему она и мать ее обратились, возвещая бывшее, объяснил им, что родится некто великий от этой дочери. И родился, батюшка, угодник Божий, Феодор Сикеот, хранить которого к нему приставил Господь, кроме Ангела Хранителя, еще и великомученика Георгия Победоносца... Слава Богу! Вельми хорошо сделали вы, что наградили ту девицу и отдали ее замуж... Но, ваше Боголюбие, жизнь велика, и в жизни многое случается. Бывают и такие случаи, что вы ли или другой какой мужчина, хоть и не имеете не только никакого близкого дела с девицей, но даже и мало знакомы с нею, а девицу ту станут поносить за вас ли или за кого другого и станут говорить: ближняя-де она его и он-де живет с нею, то хоть и есть пословица, крайне, впрочем, неугодная Богу, что быль де молодцу не укор, и хоть мужчин и не укоряют много за это, но девице, даже и сохранившей целомудрие, потеря честного имени и доброй славы – хуже смерти. Молю и прошу, ваше Боголюбие, не презрите словес и не забудьте убогой просьбы моей...

Тут Батюшка поклонился мне до лица земли и, вставши, продолжал:

– Если когда-нибудь где-нибудь девицу станут поносить за вас, что-де она ближняя и искренняя мотовиловская, а про вас будут говорить, что вы живете с ней, то хоть бы вы и вовсе не касались ее, прошу и умоляю вас – уважьте просьбу убогого Серафима– освятите ее себе!

– Как, батюшка, освятить?

– Не об освящении говорю я: как чистая дева, она свята и без того. Освятите ее себе в подружие, то есть поймите ее себе в жены, просто сказать – женитесь на ней!

И Батюшка снова, во второй раз, преклонился передо мною до лица земли. Я тоже припал к его ногам, и когда встал, то сказал ему:

– Да что это вы, Батюшка? О ком вы говорите? Ведь я уже сказал вам, что та девушка, которая жила у меня, уже пристроена, а новых, поверьте, с тех пор, как я задумал жениться на Языковой, а тем более как стал бывать у вас, у меня уже нет ни одной.

– Эх, ваше Боголюбие, какие вы!.. Не о теперешнем времени я вам говорю, а о грядущем. Ведь я вам сказал, что жизнь велика и в жизни много случается. Так вот, как с вами впереди случится, что вас станут укорять за какую-нибудь девушку, а ее – поносить за вас, то вот тогда-то не забудьте просьбы и мольбы убогого Серафима – женитесь на девушке этой!

И Батюшка в третий раз поклонился мне, грешному, до лица земли, а я опять упал ему в ноги.

Вставши и прямо глядя мне в глаза, отец Серафим стал зорко в меня всматриваться и, как бы заглянув мне в самую душу, спросил:

– Ну, что же, батюшка, исполните вы просьбу убогого Серафима?

И я сказал:

– Если Бог удостоит исполнить, то постараюсь сделать, как вы желаете!

– Ну, – сказал отец Серафим, – благодарю вас! Не забудьте же эту девушку!.. А она, скажу вам я, убогий Серафим, она как Ангел Божий и по душе, и по плоти...

Потом, помолчав некоторое время и всматриваясь в меня проницательно, и как бы насквозь пронизывая меня своим взором, он добавил:

– Но, может быть, вы смутитесь, когда я вам скажу ее звание!.. Она – простая крестьянка!.. Но не смущайтесь сим, ваше Боголюбие: она и по праотцу нашему Адаму, и по Господе нашем Иисусе Христе сущая вам сестра!

Тут Батюшка стал говорить о том, как нам жить с будущею моей женой, и беседу свою завершил повторением просьбы своей, умоляя не забывать ни просьбы своей, ни беседы; а затем отпустил с миром, ничего уже не говоря о Языковой».

XIV

Когда создавался Серафимо-Дивеевский женский монастырь, он был маленькою, еще не признанною ни светскими, ни духовными властями общинкой, составленною из нескольких Бога ради живущих черничек, преимущественно крестьянского звания. Великого духа были эти первоначальницы будущей женской лавры, и великий подвиг веры и нищеты приняли они тогда на себя, эти чистые души. Участие преподобного Серафима в деле устроения и руководительства этой беспримерной в русских летописях женской обители достаточно известно всякому, интересовавшемуся житием этого всея России чудотворца.

Одними из первых насельниц Дивеева были две сестры – Прасковья и Марья Семеновны Милюковы, девушки крестьянского звания. С ними жила их родная племянница, дочь их брата Ивана, Елена, девочка лет шести.

За два года с небольшим – месяца так за три или за четыре перед исцелением Мотовилова, преподобный Серафим неожиданно велел двум сестрам Милюковым и другим бывшим с ними у него дивеевским монахиням привести к нему маленькую Елену.

«Помню, – рассказывала мне сама Елена Ивановна Мотовилова (она и была тою маленькою девочкой Еленой), – привели меня к батюшке в его пустыньку, что стояла в Саровском лесу. Я еще тогда совсем маленькая была и только начинала учиться грамоте. Батюшка взял меня на руки, поставил меня на стол в своей келии да и говорит тетке моей и другим с ней пришедшим сестрам:

– Кланяйтесь ей – по времени великая госпожа ваша будет!..

Они мне и поклонились: такая была вера в батюшкины слова. Тут он дал мне шесть азбучек.

– На тебе эти азбучки, – сказал он, – по времени они тебе пригодятся!

Были у меня в то время брат да сестра – стало быть всего было нас трое. Для кого же, – думали мы тогда, – еще-то три? А вышла замуж за своего Мотовилова, и было у меня ровно шесть человек детей, которых всех по этим азбучкам-то и выучила».

Припомним время беседы преподобного Серафима с Мотовиловым о преднареченной ему от Бога невесте. Беседа эта была в октябре месяце 1831 года. Елена Ивановна родилась 17 мая 1823 года.

«Преднареченной вам от Бога невесте теперь 8 лет и несколько месяцев, этак 3 или 4, а уж едва ли более 5 месяцев», – говорил тогда Батюшка.

Это ли не чудо прозорливости?.. И как же такой благодатный дар должен был действовать на восприимчивую душу Николая Александровича!..

В указанное время Мотовилов не имел еще никакого понятия ни о Дивееве, ни о той роли, которую с течением времени он должен был играть в судьбах этого последнего на земле жребия Царицы Небесной.

Восьмилетняя в то время девочка, Елена Милюкова, еще того менее могла подозревать, что когда-нибудь

выйдет замуж, да еще за богатого дворянина, который в будущем не постоит ни перед чем, чтобы исполнить завет своего Батюшки, и в мирском облике станет тем служкой Божией Матери и Серафимовым, каким он стал, по дивному смотрению Божиему, впоследствии.

Воспитываемая в то время в зарождающейся монастырской общине двумя тетками, отдавшими себя всецело на служение Богу и Пречистой, она готовилась на всю жизнь остаться в монастыре. Могла ли думать она, как «монастырка» воспитанная, – «быть великой госпожой» для воспитавшего ее Дивеева?! Разве только в смысле духовном...

XV

Как уже говорили мы, возможно, частые свидания с божественным старцем стали для Мотовилова настоятельною потребностью духа. И старец, проникнув в глубь его душевную и видя способность его пламенного сердца загореться неугасимым огнем великой любви к Богу, все ближе, все теснее принимал его в свое общение. Горячий патриот, воспитанный в духе Православия, проникнутый беззаветною верностью Престолу и Родине на истовых началах русской государственности, Мотовилов не мог не скорбеть и не ужасаться тому, с какою головокружительною быстротой и силой стали врываться в устои русской жизни, и главным образом в руководящее ею сословие, разрушительные принципы Французской революции.

Декабрьские дни, обесславившие русское дворянство, терзали его сердце верного дворянина, готового живот свой положить за своего царя, за Помазанника Божия. Грозный призрак масонства, которому Мотовилов приписывал тайное руководящее значение во всех на-

ступивших в Европе и России смутах[1], стоял перед его умственным взором с пламенеющим мечом отмщения за грехи вольнодумного общества, за главный его грех отступления от правой веры в Бога. Верное сердце трепетало за будущность родины.

Старец разделял его опасения и, одаренный великим даром изумительного прозрения, указывал ему те пути скорби, которые угрожают России, если она не покается в грехе надвигающегося отступления от Православия.

События грядущего раскрывались старцем Мотовилову с ясностью панорамы, развертывающейся перед глазами изумленного сотаинника Серафима.

События Севастопольской войны, времена эмансипации, скорби Православной Церкви, даже время открытия своих мощей, которое наступит в царствование Императора Николая, «в душе христианина» – по выражению преподобного – все это море пророческого прозрения в даль еще зарождающихся времен и событий захватывало дух и вело Мотовилова к преднамеченной ему цели служения Богу на том поприще, которое должно было быть ему указано преподобным Серафимом. Проявления силы и благости Божественного Промысла, действовавшего на глазах Мотовилова в Преподобном с таким явным и несокрушимым могуществом, постепенно создавали в Мотовилове стойкость и пламенность веры такой, которой не могли противостоять уже никакие сопротивные силы.

Для Николая Александровича наступало время исполнения третьего его сна, признанного преподобным Серафимом за сон пророческий. Назревало время борьбы за Православие, за Дивеев – дом Пресвятой Богородицы, за заветы батюшки отца Серафима. Наступало

[1] Насколько справедливы были опасения Мотовилова, читатель может убедиться из последних статей, вошедших в книгу «Великое в малом».

время страстного обличения, время подвига, тяжких испытаний, великих откровений, разрыва с победоносным міром и нестерпимой тяготы заушений, оплеваний – всей той муки сердечной, крест которой твердою и бестрепетною рукой был донесен Мотовиловым до своего праведного конца.

XVI

Разрушилось последнее звено, связывавшее Мотовилова с прежнею его жизнью. Свойственная всякому человеку на первых ступенях веры немощь коснулась и Мотовилова. Так была сильна его любовь к Языковой, что, вопреки предсказанию преподобного, он решился сделать ей предложение и получил отказ. Это было в мае 1832 года. Языкову уже просватали за известного богослова, философа и поэта Хомякова.

Наказание Божие не замедлило постигнуть за неверие: Мотовилов тяжело заболел – у него вновь отнялись ноги.

В таком положении его привезли 3 сентября 1832 года в Саров. Об этом он пишет так:

«Когда в мае месяце 1832 года поразила меня тяжкая душевная скорбь, то я снова подвергся болезни и отнятию по-прежнему ног. Страдавши в течение четырех месяцев, услыхал я об открытии в Воронеже св. мощей святителя Митрофана и о святости жизни тамошнего епископа Воронежского, Антония, почему и пожелал я ехать туда и пожить по совету родных. Ближе на 200 верст было бы ехать через Пензу из Симбирского имения, но, помня великие милости Господни, через великого старца Серафима явленные мне, велел я везти себя через Саровскую пустынь в Воронеж. Хотел прежде всего ему первому заявить о моем втором бедствии, что и сделал я, приехав

3 сентября 1832 года в Саров. Когда же меня принесли к нему, то он отечески принял во мне участие и, несколько побеседовав со мною, сказал:

– Помолимся Господу, чтоб Он возвестил нам: мне ли по-прежнему исцелить вас или отпустить в Воронеж.

И когда на другой день я опять был принесен к нему, то он сказал мне:

– Не по Бозе сказал я, убогий Серафим, вашему Боголюбию, чтобы мне исцелить вас: Господь исцелит вас у мощей святителя Митрофана. Вот, батюшка, Господь и Божия Матерь, в сию нощь явившись мне, убогому, в 17-й или 18-й раз, изволили открыть мне всю жизнь вашу от рождения и до успения. И если бы Сам Господь не вложил персты мои в раны Свои гвоздиные и в Пречистое ребро Свое, копием пронзенное, я бы не поверил, что могут быть на земле такие странные жизни. И вся эта жизнь ваша будет исполнена таких причуд и странностей оттого, что у вас светское так тесно соединено с духовным и духовное со светским, что отделить их нельзя.

– Батюшка! – спросил его Мотовилов. – Что значат слова ваши – до успения? Или я скоро умру?

– Нет, ваше Боголюбие, не скоро вы умрете – вам еще надо быть пособником мне во исполнение всесвятой воли Божией. Успение – значит тихая, христианская кончина, которой вас Господь удостоит по истечении дней вашей земной жизни.

– Что же, батюшка, какая же будет моя земная жизнь? – спросил преподобного Мотовилов.

– Этого мне, убогому, не велено открывать вашему Боголюбию. Господь сказать изволил: “Рабам Моим даю все здесь на земле востерпеть, а в жизнь будущего века перевожу их совершенно очищенными от всякия скверны плоти и духа, и хотя Ангел смерти и допускается до разрешения союзов тела их и души, но страдание смерти

не прикоснется к их душам. Они умирают, точно как засыпают. Но ты ему не открывай всех обстоятельств его жизни, а только то, что дозволю, ибо если он узнает все и Я буду наказывать за грехи его, то он тогда может Мне сказать: "Господи, за что же Ты меня наказываешь, когда устами раба Твоего, Серафима, Сам же предрек мне, что так-то и так согрешу". А когда вздумаю Я награждать за правду его, им сделанную, то разве враг-диавол не будет иметь права, дерзнувши, так сказать: "Где эта правда Твоя, Господи, что Ты награждаешь его за ту правду, которую через Серафима Ты же ему Сам возвестил, что он ее непременно совершит; а ведь он верит Серафиму как Самому Тебе, Господу Богу". Вот почему я, убогий, и открываю вам только то, что уже сказал вам... Так-то, ваше Боголюбие: укоряеми – благословляйте, хулими – утешайтесь, злословими – радуйтесь! Вот наш путь с тобою!.. Претерпевый до конца – той спасется. Грядите с миром в Воронеж – там и исцелитесь!»

Вот тут-то после последней своей беседы с Мотовиловым преподобный и заповедал ему служение Божией Матери в лице Дивеевской обители. Он призвал двух сестер Мельничной общины – Евдокию Ефремовну Аламасовскую, бывшую при явлении Божией Матери в день Благовещения 1831 года (впоследствии – монахиню Евпраксию), и Ирину Семеновну Зеленогорскую, бывшую впоследствии третьею начальницей, чтоб они могли засвидетельствовать другим слова его.

Вложив в руки Мотовилова правые руки сестер и придерживая их своими руками, отец Серафим заповедал, чтоб они не только сами после его смерти обо всем подробно рассказали Николаю Александровичу, что и где и как Божия Матерь заводила через него, но чтобы все сестры ничего от него не скрывали, потому что Божьей Матери угодно, дабы Николай Александрович

был назначен питателем обители. Затем преподобный подтвердил, чтобы, по воле Царицы Небесной, Николай Александрович все знал об обители так же подробно, как известно ему самому. Обратясь же к Мотовилову, батюшка приказал ему, чтоб он был в свое время свидетелем всего, что делалось в Дивееве при «убогом Серафиме», и засвидетельствовал, что даже все строение, найденное после смерти Старца, выстроено не самопроизвольно им самим, а по назначению и указанию Царицы Небесной.

– И камешка одного я, убогий Серафим, самопроизвольно у них не поставил! – сказал батюшка, оканчивая свою речь.

«И, давши мне заповедь о служении своим мельничным сиротам, – пишет Мотовилов, – батюшка отпустил меня с миром в Воронеж, куда я и прибыл в 19-й день сентября 1832 года, а потом в ночь на 1 октября, на праздник Покрова Божией Матери, получил я от этой вторичной болезни совершенное и скорое исцеление молитвами Антония, епископа Воронежского и Задонского».

XVII

Это было последнее свидание с преподобным. Воля Божия была объявлена, и с этого момента прежний Мотовилов умер для жизни колебаний и сомнений. Родился «непоколебимый в вере служка Божией Матери и Серафимов».

Но высокое это и чрезвычайное звание, недоступное для простого смертного, не могло быть дано человеку без особых испытаний. Обилие чудес и знамений, свидетелем которых был Мотовилов, общение с великим светочем Православия, общение близкое, по существу, к

сотаинничеству, вся та глубина великой тайны спасения, заключенная в благодати Божией, которая ему была открыта преподобным, величие, наконец, возложенной на него преподобным Серафимом миссии, – все это не могло не вызвать и величайших искушений со стороны исконного врага человеческого рода.

Дни Серафимовы близились к закату. Завет, данный преподобным Мотовилову, уже указывал на то, что и счет этим дням был известен великому старцу, и старец, зная угрозы будущего, нависшие над головой своего служки, отправляя его в Воронеж, как бы передал его с рук на руки другому великому воину Христовой рати. Этот воин был еще при жизни прославленный святостью жизни и чудесами архиепископ Воронежский и Задонский Антоний I (Смирницкий).

В лице Антония Мотовилов нашел себе другого благодатного покровителя и заступника против той сатанинской силы, которая втайне уже против него ополчилась, чтобы помешать ему исполнить ту великую задачу попечения о Дивееве, которую возложил на него преподобный Серафим.

Божиим произволением Николай Александрович был задержан в Воронеже после своего исцеления. В покоях архиепископа, принявшего в нем сердечное участие и полюбившего его, он занялся собиранием материалов для составления жития и описания чудес святителя Митрофана. Из одной атмосферы истинной святости Господь перенес его в другую, исполненную благоухания Святаго Духа Божиего.

Святитель Антоний ожидает исполнения времени, назначенного Богом, чтобы светом святости своей еще более просветить славу Воронежского края, уже сияющую в лице двух великих угодников Божиих, святителей Тихона и Митрофана.

К концу декабря 1832 года сердце Мотовилова, до того времени спокойное, стало тревожно. Святитель Антоний заметил это и спросил его, что с ним.

– Хочу ехать к батюшке Серафиму!–ответил Мотовилов. – Боюсь не застать его в живых, если промедлю.

Оставалось всего несколько дней до кончины Преподобного.

Духом своим провидя бесплодность поездки, зная, что Мотовилов уже не застанет батюшки Серафима в живых, и опасаясь потрясения еще не вполне его окрепшего организма, святитель удержал его у себя до времени.

Утром 2 января 1833 года, в день праведной кончины преподобного, в ранний час, Мотовилов, томимый предчувствием, вбежал к Антонию в его внутренние покои. Святитель не дал ему слова выговорить и встретил его такими словами:

– Сегодня ночью около двух часов я видел старца, похожего на Вассиана[1]. Старец этот пришел ко мне в великой славе, но лицо его было скорбно, и слезы текли по его ланитам. «О чем ты, великий старец, так горько плачешь? – спросил я его. – В такой ты славе – тебе бы только радоваться, а ты плачешь!» «Не о себе плачу я, – душа моя наслаждается радостию невыразимою; но есть у тебя здесь одна помещица, – ее-то я оставил сегодня, – и о ней-то так скорбит и плачет душа моя!»

– Владыко! Вы мне не говорите, вы жалеете меня: не Вассиан к вам являлся сегодня ночью, – это Серафим был у вас! Это он, это душа его являлась к вам сегодня: помещица – это душа моя грешная, – о ней плачет мой Батюшка, отходя ко Господу. Скажите, владыко, умер Серафим?

[1] Известный иеросхимонах Киево-Печерской Лавры, у которого был Император Александр I.

– Да, – отвечал святитель, – батюшка Серафим сегодня ночью умер. Его уже теперь не застанете!

– Ах, владыко, владыко! Зачем же вы меня удерживали, когда я так хотел туда ехать?..

– Вы бы его все равно не застали в живых: в три дня не доедешь от Воронежа до Сарова. Смиритесь – Богу так угодно!

– Владыко! Я сейчас еду.

– Ну, поезжайте с Господом.

В тот же день высокопреосвященный соборне отслужил по почившем панихиду, а 4 января Мотовилов выехал из Воронежа и 11-го прибыл в Саровскую пустынь, через два дня после погребения о. Серафима.

XVIII

Велика была скорбь Мотовилова, когда, по приезде в Саров: он увидел только свеженасыпанную могилу, скрывшую от него навеки того, кого он на земле больше всего любил, с тех пор как убедился, что не для него расточаются светом утехи радости и земной славы.

Неутешная его скорбь тронула суровых монахов саровских, и «в большое утешение великой скорби моей, – пишет Мотовилов, – что я не удостоился поспеть к погребению отца Серафима, игумен Нифонт благословил меня тем самым Евангелием, которое во вседневном употреблении у великого старца Серафима было в течение трех с половиною последних лет его жизни, имеющее сзади на переплете обгоревшее немного место в день его кончины; также образом Божией Матери Жизнодательницы, небольшим на кипарисе, тем самым, которым его благословила родительница его при дозволении навсегда остаться в Сарове. Мне отдали еще ту самую книжку – Алфавит духовный, с

недостающими с начала несколькими листами, по которой он сам, великий старец Серафим, учился духовной жизни, и из двух крестов, всегда бывших на нем, – маленький крест, вырезанный его руками и обложенный серебром того старинного серебряного рубля, который дала ему его матушка, отпуская его в Киев на богомолье и который был на нем».

Мотовилов тогда же купил Дальнюю пустыньку отца Серафима и вместе с Ближнею, уступленною Саровом Дивееву, перевез ее к сиротам батюшки.

Это были первые шаги Николая Александровича на пути пожизненного послушания, наложенного на него старцем. При его посредстве большая часть святыни, оставшейся после преподобного, была передана в собственность неутешных дивеевских сестер.

Но с этих первых шагов его на поприще служения Дивееву начались на него и нападения вражьи. Сила этих нападений была так велика, что, не имей мы свидетельства об искушениях такого рода в житиях святых угодников, казалось, трудно было бы поверить, что такая сила предоставлена Богом врагу нашего спасения.

Создавался последний на земле оплот веры, последний Дом Богородицы, до которого в последние времена не посмеет коснуться рука антихриста. Как же было не восстать врагу нашего спасения?

И с какою яростью произошло это восстание!

XIX

Составитель Летописи Серафимо-Дивеевского женского монастыря, вдохновенный отец архимандрит Серафим (Чичагов)[1], вскользь коснулся этого страшного момента жизни Мотовилова. Он пишет так:

[1] Теперь епископ Кишиневский (1911 г.).

«Николай Александрович Мотовилов, человек горячего и искреннего сердца, был в то время холост и, дабы действительно послужить памяти отца Серафима и исполнить его заповедь относительно Дивеева, решился сам поехать на родину великого старца в Курск, собрать сведения о детстве и юношестве его, а также посетить Киево-Фроловский монастырь и расспросить о монашествовавшей в нем Агафии Семеновне Мельгуновой, основательнице Казанско-Дивеевской общинки... Мотовилов все добытые сведения о родителях отца Серафима в г. Курске и о самом великом старце передал по возвращении из путешествия Ивану Тихонову[1], который и пользовался этим при издании сказаний о подвигах отца Серафима».

«Зато эта поездка, – пишет отец Чичагов, – имела весьма дурные последствия для самого Николая Александровича: он беспричинно заболел сильным нервным и душевным расстройством. Так как лекарственные средства не помогали ему, то Николай Александрович поехал опять в Воронеж к архиепископу Антонию, который признал, что болезнь произошла по попущению Божию от врага, излившего на него свою месть за труд, послуживший к прославлению великого угодника Божия, отца Серафима. В продолжение нескольких месяцев он излечился совершенно, будучи часто причащаем Христовых Таин святителем Воронежским Антонием».

В действительности же это вражье нападение было несравненно страшнее и длительнее. Я опишу его с рукописи Мотовилова, у меня хранящейся и найденной среди такого хлама старых хозяйственных счетов, что можно было ее легко не заметить, как, вероятно, и не заметил ее отец архимандрит.

[1] Послушник саровский. Интересующиеся могут иметь о нем подробные сведения в Летописи Серафимо-Дивеевского монастыря.

Как-то раз в беседе с преподобным Серафимом коснулся разговор о вражьих нападениях на человека. Светски образованный Мотовилов не преминул, конечно, усомниться в реальности явлений этой человеконенавистнической силы. Тогда Преподобный поведал ему о своей страшной борьбе в течение 1001 ночи и 1001 дня с бесами и силой своего слова, авторитетом его святости, в котором не могло быть и тени лжи или преувеличения, убедил Мотовилова в существовании бесов не в призраках или мечтаниях, а в самой настоящей горькой действительности.

Пылкий Мотовилов так вдохновился повестью старца, что от души воскликнул:

– Батюшка! Как бы я хотел побороться с бесами!

Батюшка Серафим испуганно перебил его:

– Что вы, что вы, ваше Боголюбие! Вы не знаете, что говорите. Знали бы вы, что малейший из них своим когтем может перевернуть всю землю, так не вызывались бы на борьбу с ними!

– А разве, Батюшка, у бесов есть когти?

– Эх, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие, и чему только вас в университете учат?! Не знаете, что у бесов когтей нет. Изображают их с копытами, когтями, рогами, хвостами, потому что для человеческого воображения невозможно гнуснее этого вида и придумать. Таковы в гнусности своей они и есть, ибо самовольное отпадение их от Бога и добровольное их противление Божественной благодати из ангелов света, какими они были до отпадения, соделало их ангелами такой тьмы и мерзости, что не изобразить их никаким человеческим подобием, а подобие нужно – вот их и изображают черными и безобразными. Но, будучи сотворены с силой и свойствами ангелов, они обладают таким для человека и для всего земного необоримым могуществом, что, как и сказал я вам, малейший

из них своим когтем может перевернуть всю землю. Одна Божественная благодать Всесвятаго Духа, туне даруемая нам, православным христианам, за божественные заслуги Богочеловека, Господа нашего Иисуса Христа, одна она делает ничтожными все козни и злоухищрения вражии!

Жутко стало тогда Мотовилову. Тогда под защитой преподобного он мог не бояться злобы сатанинской. Но легкомысленно-дерзкий вызов, по попущению Божию, не остался без последствий: он был принят.

Вот о том-то и плакала душа Преподобного, когда явилась в час своего разлучения с телом великому архиепископу.

XX

По кончине преподобного Серафима Мотовилов вскоре уехал в Воронеж просить благословения высокопреосвященного Антония на поездку в Курск, чтобы собрать сведения о родителях своего благодетеля и о жизни его в Курске и тем положить основание трудам своим по составлению его жития. Одновременно с этим трудом он, по поручению владыки, должен был заняться составлением службы и акафиста святителю Митрофану.

Решивши посвятить себя делу служения Божией Матери и преподобному Серафиму, Мотовилов не мог скинуть со своей души тяготения к светской жизни и семейным радостям: он помнил предсказание отца Серафима о предназначенной ему невесте и об ее красоте и, не зная ее, ожидал ее. Но, не разрывая с міром и все-таки идя по пути духовного совершенствования, он не мог обойтись без духовного руководителя.

Серафима заменил Антоний. Не изменив своей вере в своего Батюшку, он отдался руководительству другого святого подвижника.

На поездку Мотовилова в Курск высокопреосвященный не сразу согласился и долго отговаривал его ехать, просил повременить и заняться лучше разбором рукописных и иных сведений о житии и чудесах святителя Митрофана, нужных для составления ему службы. Владыка прозревал страшную беду, грозящую Мотовилову во время этой поездки, и хотел отдалить ее от Николая Александровича. Но пылкий и скорый на решения служка Серафимов и слышать не хотел об отсрочке своей поездки и медлил только, ожидая, что владыка смилостивится и отпустит, видя его нетерпение.

Пришел, видно, час воли Божией, и владыка наконец благословил поездку в Курск нетерпеливого Николая Александровича, но благословил как-то нехотя, с тугой сердечной.

XXI

Немного удалось собрать Мотовилову сведений в Курске. Близкие родные, помнившие детство и юность преподобного, кто перемер, кто отозвался забвением. Даже дом, в котором родился и воспитывался Преподобный, был разрушен, и на месте его выросли новые постройки. Нашелся один старик, сверстник Батюшки, который и дал ему сведения, вошедшие теперь во все издания жития Преподобного. Поездка в Курск и пребывание в нем были вполне благополучные. Гроза ждала на возвратном пути в Воронеж.

На одной из почтовых станций по дороге из Курска Мотовилову пришлось заночевать. Оставшись совершенно один в комнате проезжающих, он достал из чемодана свои рукописи и стал их разбирать при тусклом свете одинокой свечи, еле освещавшей просторную комнату. Одною из первых ему попалась записка об исцелении

бесноватой девицы из дворян, Еропкиной, у раки святителя Митрофана Воронежского.

«Я задумался, – пишет Мотовилов, – как это может случиться, что православная христианка, приобщающаяся Пречистых и Животворящих Таин Господних, и вдруг одержима бесом, и притом такое продолжительное время, как тридцать с лишним лет. И подумал я: "Вздор! этого быть не может! Посмотрел бы я, как бы посмел в меня вселиться бес, раз я часто прибегаю к Таинству Святого Причащения!.."» И в это самое мгновение страшное, холодное, зловонное облако окружило его и стало входить в его судорожно стиснутые уста.

Как ни бился несчастный Мотовилов, как ни старался защитить себя от льда и смрада вползающего в него облака, оно вошло в него все, несмотря на все его нечеловеческие усилия. Руки были точно парализованы и не могли сотворить крестного знамени, застывшая от ужаса мысль не могла вспомнить спасительного имени Иисусова. Отвратительно-ужасное совершилось, и для Николая Александровича наступил период тягчайших мучений. В этих страданиях он вернулся в Воронеж к Антонию. Рукопись его дает такое описание мук:

«Господь сподобил меня на себе самом испытать истинно, а не во сне и не в привидении три геенские муки. Первая – огня несветимого и неугасимого ничем более, как лишь одною благодатию Духа Святаго. Продолжались эти муки в течение трех суток, так что я чувствовал, как сожигался, но не сгорал. Со всего меня по 16 или 17 раз в сутки снимали эту геенскую сажу, что было видимо для всех. Престали эти муки лишь после исповеди и Причащения Святых Таин Господних молитвами архиепископа Антония и заказанными им по всем 47 церквам воронежским и по всем монастырям заздравными за болящего болярина раба Божия Николая ектениями.

Вторая мука в течение двух суток – тартара лютого геенского, так что и огонь не только не жег, но и согревать меня не мог. По желанию его высокопреосвященства я с полчаса держал руку над свечою, и она вся закоптела донельзя, но не согрелась даже. Опыт сей удостоверительный я записал на целом листе и к тому описанию рукою моею и на ней свечною сажей мою руку приложил. Но обе эти муки Причащением давали хоть мне возможность пить и есть, и спать немного я мог при них, и видимы они были всем.

Но третья мука геенская, хотя на полсуток еще уменьшилась, ибо продолжалась только полтора суток и едва ли более, но зато велик был ужас и страдание от неописуемого и непостижимого. Как я жив остался от нее! Исчезла она тоже от исповеди и Причащения Святых Таин Господних. В этот раз сам архиепископ Антоний из своих рук причащал меня оными. Эта мука была – червя неусыпаемого геенского, и червь этот никому более, кроме меня самого и высокопреосвященнейшего Антония, не был виден; но я при этом не мог ни спать, ни есть, ни пить ничего, потому что не только я весь сам был преисполнен этим наизлейшим червем, который ползал во мне во всем и неизъяснимо ужасно грыз всю мою внутренность и, выползаючи через рот, уши и нос, снова во внутренности мои возвращался. Бог дал мне силу на него, и я мог брать его в руки и растягивать. Я по необходимости заявляю это все, ибо недаром подалось мне это свыше от Господа видение, да и не возможет кто подумать, что я дерзаю всуе Имя Господне призывать. Нет! В день Страшного Суда Господня Сам Он Бог, Помощник и Покровитель мой, засвидетельствует, что я не лгал на Него, Господа, и на Его Божественного Промысла деяние, во мне Им совершенное».

Вскоре после этого страшного и недоступного для обыкновенного человека испытания Мотовилов имел видение своего покровителя, преподобного Серафима, который утешил страдальца обещанием, что ему дано будет исцеление при открытии мощей святителя Тихона Задонского и что до того времени вселившийся в него бес уже не будет его так жестоко мучить.

Только через тридцать с лишком лет совершилось это событие, и Мотовилов его дождался, дождался и исцеления по великой своей вере.

XXII

Адские, в буквальном смысле этого слова, муки Мотовилова, в облегчении которых принимал такое деятельное участие свят муж архиепископ Антоний, приблизили его окончательно к высокопреосвященному. Антоний полюбил его истинно отеческою любовью.

Эта любовь, эта интимность общения, которыми дарили Мотовилова два великих светильника Русской Православной Церкви – Серафим и Антоний, из которых один уже стал молитвенно признаваемым преподобным, – одно это служит неопровержимым доказательством, что в Мотовилове Россия утратила необыкновенного по духовной силе человека, не только не использовав этой силы, но вдосталь при жизни его наглумившись над многострадальным ее обладателем. А силы эти были заключены в непоколебимой, пламенной вере чисто исповеднического характера и огненной любви к Престолу и Родине.

Богатырский организм Мотовилова горел и на медленном огне сгорал от пожиравшего его пламени, зажженного сердцем, негодующим на видимое ему отступничество руководителей России от праведной веры отцов

и от преданности Престолу. Его не могло утешить пророчество, что «сему надлежит быть», он грудью стал против всего «сего», всем своим богатырским телом он лежал на пороге той открытой двери, через которую ломилась в Россию вся та вражья рать, которую несмысленные современники принимали за ангелов света, несших им будто бы великие идеи – свободы, равенства и братства, в действительности же – горе, смерть и разрушение.

Как было не признать тогда им, обольщенным вражьими видениями, в человеке, удостоенном величайших откровений, того «сумасшедшего», которым они его ославили.

Теперь Серафимова святость – ему защита. Но в то время ему суждено было испить чашу горечи до дна, и он ее бестрепетно выпил, ни разу не поступившись ни верой своею, ни убеждениями.

Сердце обливается кровью, когда видишь в разрозненных бумагах его то там, то сям душу терзающие восклицания: «Христианин есмь! Слышите ли вы все?.. Аз христианин есмь!»...

Так восклицали только мученики первой зари христианства в ответ на подобные и жестокие крики торжествующего язычества: «Christianos ad leones!» – «Христиан – ко львам!»

Велика же была эта мука человеческая, что бумаге одной поверялась в таких криках душевного терзания! Воздадут они за Мотовилова в страшный день судный!..

Близость к Антонию, общение с ним в духе, враждебно настроенный к исповеднику міръ заставляли Мотовилова все свободное от хозяйственных забот и хлопот о быстро развивающемся Дивееве[1] время отдавать вы-

[1] Значение Мотовилова для Дивеева достаточно выяснено в летописи. Приложенный к этой летописи его портрет с надписью: «Благодетель Дивеевского монастыря» с достаточною силой указывает, что завет о. Серафима был им исполнен до конца.

сокопреосвященному. Шестьсот верст от Симбирского его имения, Цыльны, до Воронежа не были для него препятствием, да и вообще его душа не признавала никаких препятствий в исповедании своей любви и веры.

XXIII

Однажды, в конце шестой недели Великого поста, Мотовилов был в Сарове у игумена Нифонта. Приближалась ни ранняя, ни поздняя Пасха. На дворе стояло в разгаре весеннее распутье, но вода еще в реках и озерах не трогалась. Чего-то добившись для Дивеева от игумена (тогда Саров принимал еще материальное участие в его судьбах), Мотовилов на радостях с места собрался в Воронеж к Антонию встречать Пасху.

– Безумие! Куда едешь в этакую непогодь? Ведь тебя зальет по дороге водой! – воскликнул ужаснувшийся игумен, добро расположенный к Николаю Александровичу.

– Меня Антоний будет ждать. А лошади-то у меня вы сами знаете какие[1], – объявил Мотовилов, и тут же велел запрягать, и уехал в Воронеж.

Мотовиловские кони не выдали, и в Великую Субботу часам к двум или трем дня он уже был верстах в сорока или пятидесяти от Воронежа, в селе Княж-Байгора. Для сокращения пути ему надо было переезжать ниже прудовой плотины. Вешняя вода уже ломала лед и напирала на плотину. Крестьяне отговаривали переезжать по этому месту, утверждая, что плотину сейчас спустят, и советовали ехать в объезд. Ехать в объезд – значило опоздать к заутрени...

[1] Мотовиловский конный завод был в свое время весьма известен в Симбирской губернии. Шестерик был им поднесен Государю Николаю I в подарок, за что Мотовилов был отдарен чудным бриллиантовым перстнем из Государева кабинета.

– Чего раздумывать! С Богом, пошел под плотиной! – крикнул Мотовилов. – Да пошел скорей!

Кони рванулись и стрелой помчались к другому берегу.

Не успели сани долететь до половины опасного пути, как спустили воду, и вода отвесною стеной сажени в три вышиной налетела на Мотовилова и покрыла его, кучера и тройку; Мотовилов успел только крикнуть:

– Святитель Митрофан, спасай! – И больше уже ничего не помнил.

Очнулся он уже на другом берегу. Взмыленная тройка тяжело косила боками, с которых ручьем текла вода. Кучер весь мокрый стоял около саней и расталкивал потерявшего сознание барина. Сани были полны воды.

Опрокинули сани, отлили воду, обтерли чемодан и опять:

– Пошел скорее – к заутрени опоздаем!

Но к заутрени Мотовилов не опоздал. Обмерзлый и обледенелый, он входил в покои архиепископа как раз в тот момент, когда владыка уже шел в церковь.

Владыка его встретил словами:

– Святитель Митрофан мне возвестил чудесное спасение ваше, и что вы прибудете к нашей заутрени. Переодевайтесь скорее и идем вместе воздать хвалу Господу Богу за избавление ваше от наглой смерти!

Чемодан с вещами Мотовилова оказался внутри сухим.

XXIV

Эта заутреня памятна осталась Мотовилову. За литургией, которую служил архиепископ Антоний, он с умилением и ужасом видел его окруженным светом немерцающего сияния и, когда владыка выходил из алтаря

благословлять народ и произносить молитву о вышнем благословении насажденного Господнею Десницей Его винограда, видел из уст Антония исходящий пламень в виде огненного языка, устремляющегося на служащих и на молящихся и окутывающего каждого из них своим неизреченным светом. Но не все удостаивались прикосновения этого дивного пламени: некоторые, до которых пламень касался, светлели и начинали сиять тем же светом, что и владыка; других этот Божественный пламень обходил, и они чернели, как уголь. В числе сослужащих был один протоиерей – его Мотовилов видел как бы всего опоясанным, как свивальниками, черными полосами. «Вид его, – пишет Мотовилов, – был как зебра, и впоследствии вскоре этот протоиерей был изобличен в каких-то дурных деяниях и извергнут из сана».

«На небе был я или на земле в эту Божественную службу – того я не знаю, – Бог знает», – вспоминает в великом восхищении Божий раб, Николай Александрович.

Во время богослужения архиепископ Антоний раза два проникновенно взглядывал на Мотовилова, и милостивый его взор точно вопрошал его:

«Видишь ли ты явления Божественной благодати, подаваемые истинно верным?»

И взор Мотовилова отвечал:

«Вижу, устрашаюсь и в велием благоговении безмерно радуюсь!»

Кто же мог верить в то время свидетельствам Мотовилова?! Надвигалось преддверие шестидесятых годов: дух материализма уже зрел в воздухе – для него подвижников не существовало, и Мотовилов для него был или лжец, или сумасшедший. Но лжеца все же надо было опровергать, а сумасшедшего стоило ли?

После этой службы на Светлое Христово Воскресение оба сотаинника – великий архиерей и мирянин

Мотовилов – две ночи не спали, проведя их в духовной беседе о совершившемся и о других тайнах дивного о грешных людях Божественного смотрения.

Куда девались записки об этих полных благодати ночах, мне неизвестно. В ворохе бумаг, доставшихся мне для рассмотрения, я этих записок не нашел. А они должны были быть...

XXV

Настало наконец время исполнения пророчеств преподобного Серафима о сочетании браком Николая Александровича с преднареченною ему от Бога невестой. В хлопотах о Дивеевском монастыре, часто его посещая, он в одну из своих поездок заболел и вынужден был около года пролежать в своем доме в селе Дивееве, вблизи монастыря. За эту болезнь он узнал свою невесту. Это была, как уже мы выше говорили, племянница двух великих духом дивеевских монахинь, Марии Семеновны и Прасковьи Семеновны Милюковых, в то время семнадцатилетняя красавица, Елена Ивановна. Она жила в монастыре, носила «черненькое», но обетов послушания и монашества не принимала.

Как произошло это сближение, мне неизвестно, да я и не допытывался узнавать, несмотря на то что имел возможность в беседах с Еленой Ивановной расспросить ее об этом: любовь – цветок нежный, касаться его может только близкая и тоже нежная рука; тем более нежен засушенный цветок пережитой старой любви, – как легко неосторожным движением осыпать его поблекшие лепестки!..

Но нетрудно догадаться, на какой почве произошло это сближение: любовь к Серафиму, любовь к Дивееву – эти два чувства соединили в одну супружескую

любовь сердца Николая Александровича и Елены Ивановны, и свадьба их состоялась в 1840 году при обстоятельствах, во всем согласных с предсказанием преподобного Серафима.

Желание Мотовилова исполнилось – Елена Ивановна была в полном смысле слова «как монастырка воспитана».

Эта свадьба еще больше прикрепила Мотовилова к Дивееву: воспоминания детства и вся родня Елены Ивановны остались в этом дивном приюте Царицы Небесной, и он стал еще милее, еще ближе сердцу Николая Александровича.

Но мір не простил ему этой свадьбы, как не прощал ему ничего в его жизни: Николай Александрович с Дивеевым и нарождающейся семьей остался совершенно одинок на белом свете.

Так Серафим с отеческою любовью искоренял в нем все светское, жалостливо, но неуклонно ведя его к одному духовному.

А міру было над чем посудачить и было чем по поводу этой свадьбы оттолкнуть от себя Мотовилова. Зато в лице жены он нашел себе полноту радости жизни, – это была ему «истинная и по праотцу Адаму, и по Господе Иисусе Христе сестра».

XXVI

После свадьбы молодые переселились на постоянное пребывание в Цыльну, симбирское имение Мотовилова.

Душевная болезнь, как теперь принято называть тяжкий недуг, которым страдал Николай Александрович, ни в чем не проявлялся, по крайней мере не проявлялся в той мучительной форме, которою он страдал в

Воронеже. Только какая-то неотступная тоска грызла его по временам, всякий приступ которой облегчался Святыми Таинами и благочестивыми поездками в дальние и ближние монастыри – в Киев, Воронеж, Задонск, Саров и Дивеев. Это были излюбленные места его усердных паломничеств. Но и другие святые места Святой Руси привлекали его боголюбивую душу. Недаром преподобный Серафим его называл «ваше Боголюбие». Где только не пребывал за свою христианскую жизнь, кого только не перевидал этот горевший верою человек!.. Второй его благодетель, Антоний Воронежский, мирно почил о Господе. Но, сирота в міру, Мотовилов не оставался сирым в міре духовного совершенствования: в тесном общении он жил, можно сказать, со всеми истинными столпами Православия того времени.

Не на высотах иерархии искал он их, а в пустынях, вертепах и пропастях земных. Там, в сокровенной, таинственной тишине, незримой враждебному міру, во внутренней пустыне монастырской ограды, находил он тех безвестных тружеников великого христианского духа, которых весь мір недостоин и которыми еще и доселе сияют мало кому видимые, скромные насельники и насельницы православных русских монастырей.

В свободное от разъездов по делам Дивеева или по богомольям время Мотовилов отдавался воспоминаниям о Серафиме: и если в настоящее время могло быть так подробно и тщательно составлено житие преподобного, то этим Православие более всего обязано Николаю Александровичу. Служа Дивееву, он не уставал служить и Серафиму.

В таинственной глубине века между тем зарождались тяжелые для России события – приближалась Севастопольская война.

Мотовилов по-своему отнесся к народному бедствию: кто хотел и кто не хотел слушать, он всем говорил, что настало время покаяния, что «фиал гнева Господня» готов излиться на Россию за измену всем отечественным устоям, и, главным образом, за измену Православию. На него смотрели как на безумного, в глаза и за глаза высмеивали и как могли оскорбляли.

При первом выстреле, направленном на севастопольские бастионы с вражеских кораблей, он послал Государю, для отправки в Севастополь, копию иконы Божией Матери «Радости всех радостей», перед которою всю жизнь молился и в молитвенном подвиге скончался преподобный Серафим, и в горьком предчувствии ждал гнева Божьего.

События доказали, что Мотовилов не ошибался.

В записках Мотовилова мне пришлось найти чрезвычайно интересный эпизод из эпохи Севастопольской обороны, оставшийся совершенно неизвестным. Дух времени пытался утаить его от служащего ему рабски міра.

Умер великий Государь Николай Павлович.

Севастопольская война уже кончилась. Настали великие дни коронации Императора Александра II. Мотовилов был в числе других дворян выбран в депутацию от нижегородского дворянства на коронационные дни в Москву. На одном из вечеров у князя Ивана Феодоровича Звенигородского ему довелось встретиться с одним из героев Севастопольской обороны, адмиралом Петром Ивановичем Кислинским. Мотовилов не преминул поинтересоваться, что сталось с посланною им покойному Государю иконой и была ли она доставлена в Севастополь. Кислинский ему ответил:

– Икона Божией Матери была от Государя прислана, но наш светлейший[1] на нее не обратил никакого

[1] Князь Меньшиков.

внимания, и она долгое время хранилась в каком-то чулане, пока сам Государь не запросил, куда она помещена. Тогда ее разыскали и поставили на Северную сторону, и только Северная сторона, как вам известно, и не была взята неприятелем. Да чему вы удивляетесь? У нас еще и не такие дела делывались... Как-то раз я был у светлейшего, и мы с ним засели играть в шахматы. Вдруг входит адъютант и докладывает, что явился гонец от архиепископа Херсонского Иннокентия и хочет видеть главнокомандующего. Не отрываясь от игры, светлейший сказал:

– Спросите у него, что ему нужно?

– Гонец сказал, что ему нужно лично видеть вашу светлость!

– Ну, зовите!

Вошел гонец.

– Что тебе нужно? – спросил главнокомандующий.

– Владыка прислал меня доложить вашей светлости, что он прибыл к Севастополю с чудотворною иконой Кашперовской Божией Матери и велел просить встретить ее как подобает у врат Севастопольских. Владыка велел сказать: се Царица Небесная грядет спасти Севастополь.

– Что, что? Как ты сказал? Повтори!

– Се Царица Небесная грядет спасти Севастополь!

– А! Так передай архиепископу, что он напрасно беспокоил Царицу Небесную – мы и без Нее обойдемся!

Так закончил светлейший свой разговор с гонцом архиепископа. А дальше вот что было: ответ этот был передан Иннокентию во всей тяжести его грубой и кощунственной формы.

Тогда владыка решил: «Нас не принимают, так мы сами пойдем!» – и велел везти святую икону впереди себя на бастионы.

Вдруг ему объявляют, что икона нейдет, что лошади стали. «Понесем тогда», – сказал владыка. Но икона не дала себя нести дальше Северной стороны. Ее нельзя было сдвинуть с места. Видя это чудо, отслужили Царице Небесной молебен на Северной стороне, и владыка увез икону обратно.

Каково это было слышать пылкому сердцем Мотовилову![1]

XXVII

Пришли наконец и шестидесятые годы. Состоялось долгожданное православно верующею Россией торжество открытия св. мощей святителя Тихона Задонского.

В день открытия, за литургией, Мотовилов стоял в алтаре, молился и горько плакал о том, что Господь ему не посылает того исцеления, которого, по обещанию преподобного Серафима, ждала его измученная душа. Во время пения Херувимской он взглянул на горнее место и увидел на нем святителя Тихона. Святитель благословил плачущего Мотовилова и стал невидим.

Мотовилов сразу почувствовал себя исцеленным.

Кто опишет радость исполнившейся веры?!

С этого момента Мотовилов уже не принадлежал себе, а отдал всего себя на служение Богу. Сменявшиеся на его глазах события внутренней русской жизни хоть и огорчали его, хоть все по-прежнему он ненавидел ото всей своей души возмущавший его дух времени, которого он никогда иначе не называл как «духом антихриста, близ грядущего в мiр», но мiру уже он почти перестал до-

[1] Нечто подобное совершилось и в минувшую несчастную Японскую войну с иконой Царицы Небесной «На двух мечах», предназначенной видением и верою жертвователей для защиты Порт-Артура. Порт-Артур так и не видал в стенах своих этой иконы.

саждать своими обличениями и пророчествами. Только один раз не вытерпело горячее мотовиловское сердце.

Справляли «лучшие люди» открытие новых тогда земских учреждений, конечно, справляли, как водится, пышным обедом. Мотовилов был на этом обеде. Слушал он, слушал витиеватые речи только что народившихся ораторов губернских парламентов да вдруг как вскочит с бокалом в руке:

– Высоко поднимаю я свой бокал за скорейшую погибель того учреждения, которого основание вы так торжественно празднуете. Не погибнет оно, так погубит оно Россию. Высоко поднимаю я бокал, чтобы мельче разбить его оземь, чтобы не мог никто сказать – я пил из мотовиловского бокала за гибель России!

Разбил бокал и ушел с праздничного обеда.

Так завершилась вся политическая карьера последнего из могикан старого дворянского русского духа.

XXVIII

Последние годы своей жизни Мотовилов окончательно предался странничеству.

По всему простору Руси великой видели его красную шубку. Так и звали его – «барин в красной шубке». От Тихона к Митрофану, от Серафима к канавке Царицы Небесной в Дивеев, от Антония и Феодосия к Александру Невскому – по всем святым местам, с жаждой, неутолимою жаждой святыни, переходил и переезжал этот служка Божией Матери и Серафимов.

С годами то, что люди называли в нем странностями, увеличивалось все более и более. По Дивееву, который он любил до самозабвения, во всякую погоду – в мороз ли, в дождь, в солнцепек – всегда ходил он с непокрытою головой, считая священным долгом

хоть раз в сутки обойти всю канавку Царицы Небесной. Когда случалась гололедица и ходить по довольно высокому валу этой канавки было невозможно, он становился на четвереньки и так на четвереньках и шел по этому святому для него месту, по которому, как говорил преподобный Серафим, прошли Стопочки Самой Царицы Небесной.

Одни над ним смеялись, и таких было много, чересчур даже много; ну а были и такие, которые умиленно плакали. Кто как понимал, конечно.

Христа ради юродивая, дивеевская блаженная, великая раба Божия, Пелагея Ивановна Серебреникова, его считала своим и звала его Николкой.

– Безумный ты, Николка! Такой же безумный, как и я! – говаривала ему блаженная. И любила же она его!

В марте или в апреле 1878 года, как-то утром, Мотовилов рассказал Елене Ивановне свой сон:

– Видел я сегодня, матушка, во сне Царицу Небесную. Милостиво Она так на меня взглянула да и говорит мне: напиши-ка в Задонск к Зосиме[1], чтоб он выслал тебе точную копию Моей иконы, которая служит запрестольным там образом. Когда ты ее получишь, то Я тебя поведу по таким святым местам, которые ты еще не видал, и покажу тебе таких святых угодников Божиих, о которых ты и не слыхивал.

– Вот, матушка, и думаю я написать наместнику и игумену Задонскому – пусть вышлет мне эту икону.

– Куда ж ты ее денешь? Ведь у нас вся образная увешана иконами! – отвечала ему Елена Ивановна.

– Куда-нибудь да денем!

Так и написал Зосиме. На это письмо Зосима, приятель Николая Александровича, отвечал так:

[1] Зосима – наместник и игумен Задонского монастыря в семидесятых годах прошлого столетия.

«Знаю я, что у тебя места в образной уже нет. Образ большой и, прости, выслать тебе его не могу».

«Опечалился тут мой Мотовилов, – рассказывала мне Елена Ивановна. – Но не прошло и недели, опять письмо от Зосимы: просит прощения за отказ и пишет, что не успел он отправить письма своего с отказом, как в следующую же ночь увидал во сне Царицу Небесную, с угрозой ему выговаривающую, как он смел не исполнить мотовиловской просьбы. "Икона, – так пишет он, – тебе вышлется, как только мы ее напишем".

Получили мы икону эту в июле месяце. Место ей нашел-таки мой Мотовилов. Смотрю – начал он класть под икону эту деньги. Завернет в бумажку и положит. Так и день, и другой, и третий. Ну, думаю я, собирается, стало быть, к святым местам, денег набирает. Так прошло времени немало, а он все никуда не едет. Както раз вошла я в комнату, где висела эта икона: глядь – на полу валяются те деньги, что он столько времени собирал. Я и кричу ему:

– Николай Александрович, а Николай Александрович! Так будешь собирать деньги, ехать будет ко святым местам не на что!

Пришел он на мой зов, собрал деньги, пересчитал; как будто побледнел немного, но не сказал ничего и спрятал деньги в стол. Прошло после этого немного времени, заболел мой Мотовилов, лег в постель и стал все хиреть и хиреть – доктора и болезни никакой определить не могли, – а через девять дней и умер; не умер, а заснул тихо-тихо, как ребенок. В день кончины и Таин Святых причастился. Тут только поняла я, что это были за святые места и Божии угодники, которых обещала ему показать Царица Небесная.

За три дня до смерти застала я его утром такого веселого, такого радостного.

– Видел я, – говорит, – наш двор полон – все мои святые благодетели у нас на дворе собрались. Вот радость-то!

А на третий день скончался. Похоронили мы его в Дивееве, и, кажется мне, сколько собрал Мотовилов мой денег под образом, столько и стоили мне его похороны».

Такой рассказ я слышал от Елены Ивановны.

А вот что я слышал от келейницы покойной дивеевской игумений Марии, матери Елизаветы: «Николай Александрович, уезжая перед своей смертью в Симбирскую губернию в свое имение, был совершенно здоров. Прощаясь с нами, сказал: “Ну, прощайте, матери! Бог даст, хоть бочком, да протащите меня к себе”. Мы в этих словах усмотрели, что Николай Александрович говорит о жизни будущего века, про уготованные Богом Дивееву обители. А вышло, что он свою смерть предрекал. Привезли его хоронить к нам, по его завещанию. Хотели внести в наш Рождественский храм, а гроб-то был большой и не мог войти в двери храма – они ведь у нас, знаете, узкие, – и пришлось внести “бочком”; так бочком и протащили».

Кончина Мотовилова случилась 14 января 1879 года. К этому времени в Дивееве ждали икону Нерукотворенного Спаса, которую должен был прислать с войны брат одной из дивеевских монахинь. Монахиня эта все бегала к блаженной Пелагее Ивановне узнавать, скоро ли привезут икону. О мотовиловской болезни в Дивееве не знали.

– Вот подожди: сперва Николку привезут, а там и икону, – отвечала блаженная.

Так и вышло. Тело Николая Александровича Мотовилова, служки Божией Матери и Серафима, привезли для погребения в Дивеев, а за ним привезли и икону.

Так окончилась многострадальная жизнь. Такова история Мотовилова.

Блаженный он был, блаженно и умер.

Кто посмеется над этой историей, а кто, может, и горько задумается.

О, как бы я желал задуматься над этой историей моему читателю!

ПИСЬМА Н. А. МОТОВИЛОВА ИМПЕРАТОРАМ НИКОЛАЮ I И АЛЕКСАНДРУ II

Письмо Н. А. Мотовилова Императору Николаю I[1]

Всеавгустейший Монарх

Всемилостивейший Государь!

Вследствие верноподданнического желания моего иметь счастие всенижайше лично доложить Вашему Императорскому Величеству о словах пророчественных великого старца Серафима господин министр высочайшего двора Вашего граф Владимир Федорович Адлерберг поручил мне отнестись к графу Алексею Феодоровичу Орлову[2], а им передано мне, чтобы я, нимало не стесняясь никаким опасением, все, что знаю по сему предмету изложил на бумаге во всем пространстве и полной сущности оного в словах, сколько мож-

[1] На письме резолюция Николая I. Собственною Его Величества рукою написано карандашом: «15 марта 1854 года. Ежели он как верноподданный не забыл своей присяги, то должен исполнить мое приказание и донести на бумаге, что мне сказать имеет: тогда решу, стоит ли мне его призвать или нет» Н[иколай].

[2] Доверенное лицо императора Николая I, впоследствии шеф жандармов и начальник III отделения (1844–1856).

но более коротких, и если могу, то не искал бы счастия лично всеподданнейше докладывать о том Вашему Императорскому Величеству. Вот смысл того, в каком виде передана мне Высочайшая воля Ваша, Всемилостивейший Великий Государь Император, но как сообразить пространство с краткостию, безопасную нестеснительность устного всеподданейшаго доклада с неизбежною осторожностию изложения тех же мыслей на бумаге и наконец, что думать о предложении не искать возможности хотя на одно мгновение насладиться столько желанным для каждого верноподданного Вашего и превожделенным счастием видеть пресветлое лицо Высочайшей Особы Вашего Императорского Величества, когда великодушная доступность Ваша, Всеавгустейший Монарх, столь велика, что не скрывает Вас и от самого последнего из Ваших верноподданных. Мне говорят, что смутность современного положения нашего Отечества невольно делается главнейшею причиною того, что едва ли можно будет мне удостоиться величайшего для меня счастия лично видеть Вас, от всего сердца моего нелицемерно любимый мною Монарх. Но неужели две-три, а много четыре минуты достаточны, быть может, на Высокомонаршее благосклонное выслушание слов великого старца Серафима – слов едва ли только лишь не в современном состоянии Отечества нашего и долженствующих быть приведенными в известность Вашему Императорскому Величеству – так много отнимет времени от великих забот Ваших о непоколебимости державы Вашей, и каким образом слова великого старца могут быть помехою счастию Русской земли, когда они от него-то лишь, ибо Высочайшей Особы Вашей, без коей и счастия на земле Русской быть не может, и относятся только. Да и было ли когда-нибудь на бумаге излагавшееся мною доведено до Всеавгустей-

шего сведения Вашего хотя одно слово правды моей без того, чтобы оно было или превратно истолковано, или и вовсе предано совершенному умолчанию, в чаянии, что я никогда и никак не сподоблюсь счастия лично видеть Вас, Государь, и обо всем всеподданнейше доложить Вам по сущей справедливости. И не извольте подумать, что я дерзаю так всеподданнейше изъясняться, не имея на то никакого основания. Нет, Ваше Императорское Величество, никто более моего не имеет права неоспоримого на таковый образ мышления, хотя и весьма для меня неотрадный, но тем не менее неотвратно вынужденный из меня неизбежностию.

Чтоб доказать настоящие слова мои, мне следовало бы только хотя в кратких очертаниях да рассказать постепенно все обстоятельства жизни моей, послужившей как основными и сопутствующими, так и завершающими побудительными причинами к тому, но, чтобы действительно не употребить во зло благомилостивейшее Высочайшее внимание Ваше, осмелюсь только привести один пример:

Вашему Императорскому Величеству, вероятно, известно дело о двух Дивеевских женских общинах – сущность того дела, официально изложенная, имеется в Святейшем Правительствующем Синоде, дело это началось по моей просьбе, но так ли оно официально представлено, как на самом деле все, до него относящееся, было излагаемо мною на бумаге; вот самый короткий отчет, мой собственный, об истинной и действительной его сущности.

Ярославская помещица, полковница Агафья Симеоновна Мельгунова, урожденная Белокопытова, постриженница Киево-Фроловского женского монастыря, в монахинях Александра, сподобилась во сне получить от Божией Матери извещение, что не в Киеве должна

окончить она жизнь свою, но идти на Север великой России, и там Царица Небесная укажет ей место, где по кончине ее, благоволением Божией Матери, устроится обитель девическая, на которую Она с Иверии, Афона и Киево-Печерской лавры низведет Свое благословение, равное тем трем святым местам Ея небесным благословением[1]. Монахиня Александра видела второе явление Божией Матери в Нижегородской губернии Ардатовского уезда, в селе Дивееве, на том самом месте, где потом великим старцем Серафимом устроена двухпрестольная церковь Рождества Христова и Рождества Пресвятой Богородицы. Старица Божия после многолетних трудов монашеских, около того места проведенных, наконец за полгода до смерти своей поселилась с тремя при ней сестрами противу сего места, про которое Царица Небесная сказала ей в видении, что оное есть именно то, которое будет принадлежать великой обители, предреченной ей во Фроловском Киево-Печерском монастыре, и, умирая, дала заповедь иеродиакону Саровской пустыни Серафиму попещись о благоустроении духовном имеющей некогда по предречению Божией Матери основаться той великой обители.

После кончины ее на месте ее жительства к тем сестрам, к ней пришедшим и после нее оставшимся, собрались другие, и основалась община, содержавшая устав и молитвенное правило, одинаковое с правилом Саровской пустыни. Между тем иеродиакон, впоследствии иеромонах Серафим, преуспевая в духовных и монашеских подвигах в пустынножительстве семнадцатилетнем, где сподобился перенести посты – 3-дневный и 7-дневный, двух-, трех-, четырех- и шестинедельный

[1] Благословение Ея общее для всех сих четырех мест состоит в том, что Она по три часа каждодневно обещалась быть Сама лично в каждом из сих мест – и ни одного из жителей их не допустит до погибели.

и наконец 72-дневный – и после того борьбу с бесами в течение 1001 дня и 1001 ночи и получил совершенную победу над ними, о чем мне самому из уст в уста передал. И после всего того пятилетним безмолвием в затворе достигши полного, подобно пророку Моисею Боговидцу, благодатного внутреннего и внешнего озарения, решился заняться благоустроением помянутой выше общины, бывшей под начальством Ксении Михайловны Миловановой, и желал научить их простоте жизни и легчайшему приобретению благодати Духа Святаго именно тем же способом, коим он из многолетней собственной благодатной опытности научился, но она его мало стала слушаться, говоря, что уже им дан устав строителем Пахомием, начальником Саровской пустыни, и она не согласна на нововведения, чая, что чрез соблюдение и прежнего устава того она и сестры ее спасутся; и великий старец Серафим, ища не своих сил, а еже ближнего, оставил их в покое и обратился к прежнему, совершенно отлученному от всякого сообщения с любыми, пустынножительству, но Божия Матерь явилась ему, приказала завести новую и вторую в Дивееве общину в поле возле села того из одних только девиц с условием, чтобы никогда вдовицы в ней не жили, дала этой общине новый и нигде не бывалый, а Ею Самою изобретенный и законоположенный устав, сообщенный устно во время явления Своего великому старцу Серафиму, и в основание новой обители приказала ему самому из Саровского леса срубить двухпоставную мельницу и к ней пристраивать в порядке Ею Самою указанном кельи; из прежней же общины взять 8 сестер, поименно Ею Самою указанных, и к ним лишь тех потом присовокуплять, которых Она Сама изволит ему указать, а на месте, помянутом выше, где было Ее явление второе монахине Александре, устроить в честь

Рождества Сына Ея, Господа нашего Иисуса Христа, и Ея собственного двухпрестольную церковь, в коей диакониссами для прислуживания алтарю избрать из новейшей общины Ея девической сестер, и самую церковь подчинить ведомству сей девической общины, обещав, что его собственные мощи, равно как и мощи первоначальницы Александры, будут некогда почивать в нижней Рождества Ея церкви – и, другие многие прибавив к тому о сей второй девической Дивеевской общине предречения, повелел, чтобы место усадьбы этой общины обведено было канавою и валом, сделанным трудами сестер общинских – что все великим старцем Серафимом исполнено, – и в Дивееве со времени заведения сей новой, Мельничною прозванной, общины стало существовать две, совершенно отдельные друг другу, немало не подчиненные, хотя и не лишенные, однако же, христианского общения обители; и из сих-то двух общин по особому явлению Божией Матери, в ночь с 3 сентября ему бывшему, он 4 сентября заповедал мне от лица Самой Божией Матери служить его собственной девической общине и, сложив руки мои с руками двух сестер сей общины, сказал мне: «Как Божия Матерь предала мне из рук в руки общину сию, так и я тебе по Ея же повелению передаю служение мое сей Ея великой обители по смерть твою, служи же Царице Небесной во всю жизнь твою и сохраняй в ней все, как сама Божия Матерь в ней через меня, убогого Серафима, устроить изволила. А в грядущее лето мы на сих трех грядочках поработаем с тобою». Объявив сестрам всем, что Божия Матерь меня назначила им быть питателем во всю жизнь мою, отпустил в Воронеж.

По возвращении откуда узнал я по кончине его, что в Дивееве существуют две общины, а в Куликове, Тамбовской губернии Темниковского уезда, начинается третья,

по благословению того же великого старца, и, приняв на себя по заповеди его служение его собственной общине, Мельничной девической Дивеевской, а по моему собственному, не без воли, впрочем, Божией, о чем бы долго было здесь пояснять, и двум другим, я писал к господину обер-прокурору Святейшего Правительствующего Синода графу Николаю Александровичу Протасову от 14 января 1838 года о существовании трех различных общин, поименованных выше, и о различном в пользу их отдельном для каждой пожертвовании земель моих; и наконец, будучи особенным благодатным исцелением в ночь с 1 на 2 июня 1842 года, дарованным мне от тяжкого ушиба во всем теле и вывихе левой ноги и двух ребр в левом боку, удостоверил, что просьба моя от 1 июня того 1842 года справедлива и угодна Богу с приказанием послать ее непременно на имя преосвященного Иоанна, епископа Нижегородского и Арзамасского; я не только послал ее тогда, – а преосвященный немедленно в Святейший Правительствующий Синод, но и после того неоднократными просьбами о соблюдении всех моих условий при пожертвовании земельных, положенных мною и клонившихся лишь только к соблюдению заповеди великого старца Серафима и непременной воли Самой Божией Матери через него мне сначала, а потом уже и непосредственно чрез последнее, третье, благодатное наделение объявленные, неоднократно настаивал о возвращении обоим общинам Дивеевским их прежней самобытности, а чрез то о непременном навсегда непорушенном, чрез их устроение таковое, воли Божией всесовершенном исполнении, нарушенных несправедливым соединением; и все то не на словах, но на бумаге изъявлял, ссылаясь и на самые законы – в пользу мою говорившие – и делал то не через какое-нибудь низшее и светское место, но чрез Святейший Правительствующий Синод. И чрез

столько-то великое место и всех моих вышепомянутых благодерзновенных и справедливых настаиваниях, единственно лишь только страхом Божиим и любовью к Божьей Матери из меня вынужденных, старался довести до Высочайшего сведения Вашего, но чем же увенчались все таковые многолетние и неотступные хлопоты мои? Условия мои осмеяны, я сам выставлен хлопочущим не знай о чем, соединение общин приписано не превратному о существовании их донесению, вынужденному несправедливым о том настоянием одного из членов Святейшего Правительствующего Синода, но Высочайшей воле Вашего Императорского Величества, хотя от Вас, однако же, вся правота настоящего положения дел Дивеевских двух общин совершенно закрыта разнообразными превратными толкованиями воли великого старца Серафима и клеветами на меня; и чрез кого же все то сделано? Через Святейший Правительствующий Синод, а клевета на меня взводимая взведена – через сенатора! Как же после всего того, простите такому вопросу моему, Ваше Императорское Величество, я осмелюсь через письменное изложение на бумаге всеподданнейше доводить до Высочайшего сведения Вашего тайну Божественных предречений о Вас и России Вашей, тогда как и заповедано мне верноподданнически доложить оную лишь только усты к устам.

Если же во мне изволите сомневаться, не изменник ли я какой и не со злым ли умыслом дерзаю утруждать Ваше Императорское Величество, то осмелюсь нижайше представить Всеавгустейшему вниманию Вашему, Великий Государь, какая кровь переливается в жилах моих с отцовской стороны, мотовиловской. Предки мои – славянские властители, равные в правах нынешних дворян, удостоились участвовать вместе с Гостомыслом в призвании Рюрика, Синеуса и Трувора на княженье зем-

лею Русскою, что хотя известно только мне по семейным нашим преданиям, однако никакому сомнению не подлежит, а с Пожарским и Мининым были тоже двое Мотовиловских. Предки мои при избавлении Москвы и России от поляков и потом при возведении на Всероссийский престол Всеавгустейшего Дома Романовых, из них от Евсевия Семеновича Смирного-Мотовилова, воеводы иркутского или тобольского, по прямой линии происходит прадед мой, надворный советник Михаил Семенович Мотовилов, трудившийся вместе с фельдмаршалом Минихом в свержении Бирона и открывший в Саровской пустыни тот акт, который нужен был Государыне цесаревне Елисавете Петровне при восшествии ее на престол Всероссийский, и во все время почти тысячелетнего дворянства своего в государстве Российском Мотовиловы, служа стольниками и полковниками, сотниками стрелецких полков и воеводами передовых полков и в областных городах, что ныне губернские, ни разу не изменяли ни Богу, ни Государю, ни Отечеству, служа и Тому, и другому, и третьему всегда верою и правдою, а с материнской стороны я осмелюсь, указав на покойного бригадира Николая Алексеевича Дурасова и всех от сестер его происходящих, заключить, что она из одного и того же рода и, в доме его быв воспитана, имела счастие неоднократно пользоваться высоким благоволением и всеавгустейшим вниманием великой бабки Вашей Государыни Императрицы Екатерины Великой, каковым удостоен был и родитель мой, начавший службу свою при высочайшем дворе Ее Величества и только по тяжким болезням своим, и во всю потом жизнь удручавшим его, принужденный выйти в отставку.

Простите безумью моему, Ваше Императорское Величество, если дерзнул помянуть о заслугах предков моих, а сам ничего дельного не удостоился сделать для

Вас, Великий Государь, и еще раз благомилостивейше извольте сделать один вопрос, что если бы и всякому из великих сановников, окружающих престол Ваш, было положено в жизни хотя половина препятствий, коими меня устраняли от возможности быть полезным Вашему Императорскому Величеству, то могли ли бы они хотя что-нибудь доброе для Вас сделать? И если им никто не препятствовал в служении Вам, Великий Государь, то за что же такое меня не только 14 лет сряду не пускали на государственную службу, но даже теперь, и во вторичный приезд мой в северную столицу Вашу, предлагают мне не добиваться личного всеподданнейшего представления Вашему Императорскому Величеству, тогда как Вы сами и от последнего из солдат Ваших себя скрывать не изволите?

Простите же великодушно чистосердечному простодушию верноподданнической речи моей, и если можете, то не отриньте, еще раз умоляю Ваше Императорское Величество, моей неотступной просьбы всемилостивейше дозволить мне изустно доложить Вам слова великого старца Серафима, сказавшего мне про Вас, Великий Государь, что Вы в душе христианин, чего не смеют сказать про себя очень многие, того Серафима, коему возвещено от Бога, что смерть его будет подобна смерти семи отроков, спавших в Ефесской пещере. А о нем прояснено мне то, что он воскреснет прежде общего всех воскресения из мертвых в царствование Вашего Императорского Величества и единственно лишь только для Вас, Великий Государь, о чем всем в полноте всего и вышеизложенного, изъяснив по сущей справедливости, по долгу православно христианской верноподданнической совести, что готов и присягою подтвердить, вполне предаю себя Всеавгустейшей воле Вашего Императорского Величества, и если Всемилостивейше соблаговолите дозволить мне от-

крыть Вам тайну, которой не преувеличивал цену лишь потому, что единственно Вашему Всеавгустейшему суду высокомонаршему желал и желаю всеподданнейше предоставить сделать настоящую и справедливую ей оценку, то буду непрестанно благодарить Господа, положившего Вам по сердцу, вовремя благоприятно послушать верноподданническую речь мою о ней. Если же нет, то, двадцать два года терпевши и не открывши ее никому, унесу ее с собою во гроб с совестию, неукоризненною тем, что я скрывал талант, вверенный мне от Господа через великого раба Своего Серафима.

Вашего Императорского Величества верноподданнейший раб, титулярный советник, почетный смотритель Корсунского уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета и кандидат в должность симбирского совестного судьи Николай Александров сын Мотовилов.

7 марта 1854 года

Жительство временное имею в Санкт-Петербурге, 1-й адм. част. 1-го квар. в Большой Миллионной улице в доме графини Зубовой, у Мозалевского № 4.

Письмо Императору Николаю I [Слово великого старца Серафима]

Всеавгустейший Монарх Всемилостивейший Государь!

Имев щастие лично моими глазами видеть собственноручное Вашего Императорского Величества Высочайшее повеление о всеподданнейшем докладе слов великого старца Серафима на бумаге, спешу немедленно исполнить священнейшую для меня Всеавгустейшую волю Вашу.

Вот содержание его беседы в четверток на Пасху 1832 года:

– Рассказав подробно о Илии Фесвитянине и об Авессе, военачальнике Давидове, о Гедеоне, вожде израильского народа, он заключил, что в России много есть еще верных Богу людей, хотя разврат духовный и многих от Бога отвлекает, и, сказав, что надобно царям служить так, как Авесса, который за жизнь Давидову стократно готов был своею собственною пожертвовать, и прибавив, что, подобно Гедеону, людям Божиим надобно призыва и избрания Божьего ожидать, и тогда, действуя по Боге, не отчаиваться, если б их усердие к Отечеству и не получило надлежащей оценки, ибо любовь к Царю и Отечеству угодна Богу, и если бы люди не поценили, то Бог воздаст, – он спросил меня, что именно влечет меня в Петербург; я сказал, что желание служить там Вашему Императорскому Величеству; почему же там, а не в другом месте, я ответил, чтобы, находясь ближе к Вам, в случае нужды быть немедленно готову пролить до последней капли кровь свою, если б то понадобилось за Ваше Всеавгустейшее здравие, и быть, если можно будет сколько Богу угодно будет помочь, полезным Церкви Христовой. Он отвечал: «Усердие твое угодно Богу, и Он не оставит тебя за оно, но так как по слову пророка – во время благоприятно послушах тя и в день спасения помогох ти, – то ревность хотя и по Богу, да не по разуму (то есть преждевременно), то не только неугодна Богу, но и грех есть. Так и теперь поездка твоя не по дороге – и ето самое усердие твое к Государю, если преждевременно узнают о нем люди недоброжелающие ему, то может повредить тебе, а ты себя береги. О Государе же не пекись, Его Господь сохранит. Он в душе христианин, чего не могут про себя сказать иные даже и из духовных великих особ. Велик был Государь Император

Петр I Алексеевич, за что Великим и отцом Отечества справедливо наречен, а по вере в Господа с верою Его Императорского Величества и сравнен быть не может; сами рассудите: Петр Великий жил во времена такие, когда и одним взглядом дорожили царским первейшие бояре, как милостию Божиею, и все безмолвно Царю покорялись, так ему легко было управлять. А ныне не тот народ уж стал, и если и за всею етою переменою слушаются Государя и трепещут враги его, то уж Сам Господь наш Иисус Христос и Божия Матерь помогают во всем за нелицемерную веру его Православную, вот ею-то он и выше Петра Великого и за нее-то и помогает ему Бог во всем и возвеличит во дни его так Россию над всеми врагами ее, что она станет превыше всех царств земных, и не только нам у иностранцев уже не придется учиться ничему, а еще и им доведется бывать в нашей Земле Русской да учиться у нас и Вере православно-христианской и жизни благочестивой по етой вере; а много-много будет сначала до того всякого горя Государю и неоднократно станут искать его освященной Богу главы и живота Царской фамилии, но Господь всегда будет защищать и его и весь Августейший Царский Дом его; праведника ради единого целый род спасается, что речет триех ради, а в его государевом роду, посмотрите-ка, ваше Боголюбие, сколько святых мощей от его венценосной плоти и крови, мню, что не один десяток угодников Божиих, так все они молитвенники за род его и его священную Особу Императорскую; вот хоть бы и августейшая родительница его, благочестнейшая Государыня Мария Феодоровна, она как мать родная для всех сирот и бедствующих, а ето ведь святых только жен богомудрых дело, и если то велико в простом человеке, тем более в священной венценосной Царской особе угодное Богу, а Государь, в Бозе почивший Всеавгустейший родитель его,

император Павел Петрович, как любил Церковь святую, как чтил святые уставы ее и сколько сделал для блага ее, немногие из царей русских, подобно ему, послужили Церкви Божией; а Его Императорскому Величеству и еще гораздо более поможет Господь сделать и для Церкви святой Православной нашей и единой во всей вселенной истинной, непорочно Апостольской Вселенской Церкви Христовой, но до етого еще много должно будет горя и Государю, и Земле Русской перенести; восстанут на него не только враги внешние, но и внутренние и вот как это будет: **бунтовщики-то, восставшие на Государя при восшествии его на престол, похвалялись, что хотя и скошена трава, да корни остались,** – то хотя и не по Боге они хвалились тем, **а ето, однако же, правда, ибо главные начальники** етого злого умысла, выдавши тех, которых сами же вовлекли в злой етот умысел свой, **а сами остались в стороне, и вот они-то и ищут и будут искать погибели Государя** и всей Фамилии его Царской, и неоднократно **будут подыскиваться, нельзя ли как-нибудь извести их,** а когда неоднократные их покушения не удадутся, то они примутся за другое – **и будут стараться, что если можно им будет, то бы во всех должностях государственных были все люди или согласны с ними,** или по крайней мере не вредные. И будут всячески восстановлять Землю Русскую противу Государя; когда же и то им не будет удаваться, так как им хотеться будет, ибо по местам ими заводимые частные возмущения будут по милости Божией скоро прекращаемы, **то они дождутся такого времени, когда и без того очень трудно будет Земле Русской и, в один день, в один час заранее условившись о том, поднимут во всех местах Земли Русской всеобщий бунт;** и так многие из служащих тогда будут и сами участвовать в их злоумышлении, то некому будет унимать их. И на

первых порах много прольется неповинной крови, реки ее потекут по Земле Русской, много и вашей братьи, дворян, и духовенства, и купечества, расположенных к Государю, убьют; но когда Земля Русская разделится и одна сторона явно останется с бунтовщиками, другая же явно станет за Государя и целость России, вот тогда, ваше Боголюбие, усердие ваше по Боге и ко времени. И Господь поможет правому делу: станет за Государя и Отечество и святую Церковь нашу, а Государя и всю Царскую Фамилию сохранит Господь невидимою десницею Своею и даст полную победу поднявшим оружие за Него, за Церковь и за благо нераздельности Земли Русской; но не столько и тут крови прольется, сколько тогда, как когда правая за Государя стоявшая сторона получит победу и переловит всех изменников, и предаст их в руки правосудия. Тогда уж никого в Сибирь не пошлют, а всех казнят – и вот тут-то еще более прежнего крови прольется, но ета кровь будет последняя, очистительная кровь, ибо после того Господь благословит люди Своя миром и превознесет рог помазанного Своего Давида, раба Своего, мужа по сердцу Своему, благочестивейшего Государя Императора Николая Павловича – его же утвердила и паче утвердит десница Его святая над Землею Русскою. Так что же унывать нам, ваше Боголюбие; аще Бог за ны, кто на ны – их же Бо предъуведе, сих и предъизбра, их же предъизбра, сих и освяти, их же освяти, сих и прослави – сих и блюдет; что ж унывать нам, ваше Боголюбие, аще Бог за ны, кто на ны – разумейте языцы и покоряйтеся, яко с нами Бог, могущие покоряйтеся, яко с нами Бог, и аще паки возможете, паки побеждени будете, яко с нами Бог – так-то, ваше Боголюбие, с нами Бог и унывать нам нет никакой дороги».

Я в неизреченной радости лишь только хотел было сказать: «Так благословите же, батюшка, я сейчас поеду

в Петербург и постараюсь видеть Государя и всеподданнейше доложить ему слова ваши», а он, закрывши мне рукою своею рот, сказал:

– Как вы не понимаете: не теперь, а после; теперь еще не время, а после, когда по пророку узрите Иерусалим, обстоим вои. Господь вас Сам приведет тогда и сам положит по сердцу вашему возглаголать благая о Иерусалиме. А теперь беречись надобно вам, а **Государя Господь сохранит и благословит его и Землю Русскую** всяким благословением, и в земных и в небесных; во время же свое усты ко устом все слова мои его Величеству доложи – тогда и то, что теперь думаешь, скажи.

Я спросил, что же; он отвечал: «Все что ко благу Государя, святой Церкви и Земли Русской, Бог тогда по сердцу тебе положит – то ты не убойся и все возвести его Императорскому Величеству, а каково тебе и прежде неоднократно говорил: Господь и Божия Матерь Сами устроют путь твой во благое, и убогого Серафима молитвы к Ним за тебя всюду будут с тобою».

Вот все, Ваше Императорское Величество, **что батюшка отец Серафим в эту незабвенную беседу для меня изволил говорить** о Вашем Императорском Величестве и **прибавил, «что Господь на многие лета еще продлит дни живота Вашего и в старости маститой дарует Вам кончину мирную и святую,** как тем из всеавгустейших предков Вашего Императорского Величества, которые верою и правдою благоугодили Богу».

Здесь бы следовало еше мне помянуть о том, каким образом после кончины великого старца Серафима сказано было мне самому о его воскресении из мертвых – и подтверждено о том троекратно: в 1835, в 1847 и в 1851 годах, но не знаю, угодно ли будет Вашему Императорскому Величеству знать о том.

Затем всеподданнейше изъяснив в самых коротких, сколько мог, словах о беседе отца Серафима и припадая к высокоосвященным стопам ног Ваших до лица земли, всеуниженнейше, верноподданически, рабски умоляю Вас, Великий Государь, что дерзал утруждать Вас всеподданнейшею просьбою усты ко устом возвестить все то Вашему Императорскому Величеству – таково действительно было и на деле желание великаго старца Серафима. Всемилостивейше простите меня.

Вашего Императорскаго Величества верноподданнейший раб, титулярный советник, почетный смотритель Корсунского уездного училища, член Нижегородско-Ардатовского тюремного комитета и кандидат в должность симбирского совестного судьи Николай Александрович Мотовилов.

9 марта 1854 года

Жительство временное имею в Санкт-Петербурге, 1-й адм. част. 1-го квар., в Большой Миллионой улице, в доме графини Зубовой, у Мозалевского № 4.

Докладная записка императору Александру II

По секрету

Оригинал черновой, писанный 15 апреля
1866 года, в тяжкой болезни моей, в селе
Рождественском, Цыльне тож
Его Императорскому Величеству Благочестивейшему
Самодержавнейшему Великому Государю
Императору Александру Николаевичу, Самодержцу
Всероссийскому, Государю Всемилостивейшему

В 1854 году, в бытность Вашего Императорского Величества Государем Цесаревичем, Наследником Все-

российского престола, я имел щастие всеподданнейше подавать Вам докладную записку о некоторой части бедствий моих пожизненных, преимущественно же по делам моим тяжебным с татарами деревень Малой и Большой Цыльн и деревни Бестюрлеева Врага, Тланка тож, и о жалованных предкам моим, арзамасцам Кириллу и Даниилу Мотовиловым, земель, в 1703 и 1704 годах. И собственноручно Вы, Великий государь, начертали на той записке: «Помоги Мотовилову».

Но Высочайшее Вашего Императорского Величества повеление, поставленное мною на вид и Межевой канцелярии по тем делам, и до сих пор еще не исполнено.

А по ходатайству моему докладною запискою от 20 октября 1861 года на имя господина министра внутренних дел о дозволении мне открыть действия моего Спасопреображенского банка и по тому же предмету другою докладною запискою от 13 августа 1861 года на имя митрополита Исидора Святейшему Правительствующему Синоду о дозволении мне строить на мое, из польз сего банка, иждивение собор Божией Матери «Радость всех радостей» в Дивееве ни полслова мне еще ни тем, ни другим не отвечено. А о прочих делах и говорить нельзя – так всякое мое усердие к пользе Вашего Императорского Величества заглушают, что, например, по бумагам моим: 1-е – генерал-адъютанту барону Врангелю на одном листе о возможной подати и насущной потребности погорелому городу Симбирску, и 2-е – сенатору Жданову о действительно существеннейшей и главнейшей причине симбирского пожара и неутомимом подготовлении известною партиею той всероссийской революции, о коей великий старец Серафим еще в 1832 году, в четверток на Светлую Пасху, сказал, что она чрез реформы, декабристическим заговором устроеваться в России имеющая, произойдет

и о чем на двух листах собственноручная моя, в 1854 году в мартирие месяце поданная Его Императорскому Величеству записка должна храниться в III Отделении Собственной Его Величества Канцелярии, то по бумаге на одном листе барону Врангелю и сей последней, на 4 листах, господину сенатору Жданову, ровно ничего до сих пор не отвечено. Тогда как последняя бумага моя – высокогосударственной важности, ибо на вопрос его превосходительства, чем я докажу, что и польский бунт и все другие, мелочные, но, тем не менее, всепагубные русские бунты суть подстройка лишь одной декабристически-русской агитации и кто суть главные декабристы, я отвечаю, что о них в точной и ясной отчетливости изъяснено в издании 1862 года жизни Рылеева, напечатанной в Лейпциге. И что всего удивительнее то, что и сам великий старец Серафим мне в 1832 году, в четверок на Святую Пасху, говоря о декабристах, прямо всех их поименно поминать изволил и поэтому, собственно, и не пустил меня в Санкт-Петербург, что эти люди, узнав мою великую преданность Государю Императору, всеавгустейшему родителю Вашему, и совершенную несолидарность мою с их церкве- и монастыреразорительными, цареубийственными и антихристиански-аболюционистическими направлениями, не только не допустят меня до Государя, не дадут ходу мне никакого по службе, но и вовсе сотрут с лица земли. Ибо хоть они вполне окружили Престол его величества Государя Николая Павловича, но он в душе христианин, и вот лишь ета великая истинная вера его в Бога и есть его единственная от всех их защита.

Долгом всеподданнейшим щитаю доложить, что и к подаче господину сенатору Жданову последней, на 4 листах, черновой докладной записки (ибо ему неугодно было допустить меня почему-то к переписке ее набело)

я возбужден был не прелестным, но истинным мне явлением во сне в Бозе почившего Государя Императора, родителя Вашего, обещавшего и Вам о сем мне явлении сказать священнотайно. Видением крайне знаменательным и не менее того важным, каковое видел я много лет назад тому в ночь накануне взятия войсками Вашего Императорского Величества знаменитой крепости Карс. Когда он, великий Государь, изволил утешить меня уверением, что он не только совсем прощен, помилован, спасен, благословлен от Господа Бога, но и близ великого старца Серафима помещен. И о декабристических всепагубных действиях от него самого и, еще того подробнее, от самого отца Серафима слышал.

Пред подачею же господину сенатору Жданову бумаги, как из прилагаемых описаний сих видений всемилостивейше благоусмотреть соизволите, он приказал мне действовать так, как отец Серафим в 1832 году предрек, о чем на двух листах моей записки о декабристах, изобличенных великим старцем Серафимом, двенадцать лет тому назад чрез графа Орлова всеподданнейше представленной.

Да еще уже и после того по особому, от великого старца Серафима священнотайному извещению, данному мне в 1 день апреля 1865 года, о гибели Линкольна, хоть и неярого, но все-таки аболюциониста. А как выражался он, великий отец Серафим, Господу и Божией Матери не только не угодно такое страшное угнетение, разорение и неправедное уничижение, которое возобладавшими над всем декабристами, ярыми аболюционистами, творится повсюду у нас в России, но и самые обиды Линкольна и североамериканцев, Южных Штатов рабовладельцев, всецело неугодны благости Божией. А потому на образе Божией Матери «Радость всех радостей», имевшей по тому повелению его, батюшки

отца Серафима, послаться президенту Южных, а именно рабовладельческих Штатов, велено было скрепить подписью: «На всепогибель Линкольна».

Но я признаюсь откровенно, что, высокопреосвященного Филарета просьбу вспомнив о смягчении слов в моей докладной записке 1 июня 1861 года противу обид епископа Нектария, заключавшихся в апостольском выражении: «Дыша прощением и убийством – ни слова в весьма гневном настроении», дерзнул ослабить силу боговдохновенной, священнотайно глаголанной ко мне речи б[атюшки] о[тца] Серафима и подписал: «На всепобеду над змией, Линкольном, и северными аболюционистами», или полное всеобладание над всем Севером и пр.; в подробности точные списки с обеих священноповеденных подписей под обоими образами Божией Матери и президенту рабовладельческих Штатов, и Пию IX при сем всеподданейше представляются в точных копиях.

Итак, буду продолжать, что кроме того им же, б[атюшкой] о[тцом] Серафимом, священнотайно, но для меня вполне ясно повелено от лица Господня Вашему Императорскому Величеству всеподданнейше доложить, что по поводу Восьмого Вселенского Собора крайне насущно в настоящее время, как, во-первых, для соединения святых Божьих Церквей под единую главу Христа Жизнодавца и под единый Покров Пресвятой Богородицы, так, во-вторых, всецелое и всеполное анафематствование всей мерзости отступления от святой вселенской веры Христовой, или аболюционистического нивелированья всего на свете, то есть, по-русски – декабризма, а по-вселенски – масонства, франкмасонства, иллюминатства и всей их якобинской престолов церковных и монастырей святых разорительной и цареубийственной барегонительной правительственно-

сти – всеподло безбожной и всецело антихристианской, сосредоточенной преимущественно в ложах: Симбирской, Московской, С.-Петербургской – по России, Нью-Йоркской – по Северной Америке, Калькуттской – по Ост-Индии, Лондонской, Франкфуртско-на-Майнской, кроме мелких лож шведских, прусских, германских, австрийских, итальянских и прочих, всемирно возглавляемых в Клубе Юнион в Париже, – как во вселенской централизации всего богопротивного, антимонархического и панреволюционернейшего в мире.

То хоть бы и следовало в апреле месяце 1865 года к Вашему Императорскому Величеству послать мне еще третью икону Божией Матери батюшки о[тца] Серафима «Радость всех радостей», но что у Вас уже есть таковые две, 1854 года, Вам мною всеподданнейше представленные. И одна в Севастополе, а другая в большом соборе Зимнего Вашего Императорского дворца, то велено мне лишь с приличным сыновним верноподданническим благоговением всеподданнейше умолить Ваше Императорское Величество, не соблагоугодно ли будет Вам извлещи ее из небрежного хранения где-то в ризнице[1] и благолепно в приличном киоте поставить в Вашей церкви сего Богосшественского собора, против местной главной, возле царских врат иконы Пресвятой Богородицы, в подобие с таковым в отдельном киоте, противу местной же Христа Спасителя иконы. А так как грядет язва на Санкт-Петербург (то есть холера, а может быть, и язва заговорничества, проявившего себя выстрелом 4 апреля[2], о чем я сего 27 июля объяснил), то не благоугодно ли будет Вам всемилостивейше вы-

[1] И как я ныне по разрешению сокеллария Собора сего видел ея надтреснутою, но превосходно и затем всеблагодатно сохранившеюся под № 537 (*Прим. Мотовилова*).

[2] Покушение террориста Каракозова на Императора Александра II. – *Сост.*

сочайше повелеть соизволить с приличным священнослужением и повсюду литией и водоосвящением, и окроплением святою водою и Зимнего дворца Вашего и всего С.-Петербурга обнести сею иконою, обойти всю Вашу столицу и резиденцию. И Господь, как в 1854 году, так и ныне и от всегубительной язвы сокрыть и Вас, и Вашу северную столицу всецело соблагоизволит, а при священнослужении и обходе и дворца, и Санкт-Петербурга, чтобы были петы в честь Божией Матери те же оба параклисисы Ей, Владычице нашей Приснодеве Богородице Марии, о коих я еще в 1854 году поведал и откровенно чрез его сиятельство господина министра Императорского Двора всеподданнейше докладывал.

И потом еще более нижайше и от лица самого батюшки отца Серафима, им великим старцем тогда, в 1 день апреля 1865 года, явльшимся и потом.

Все ето до сих пор писано было мною в тяжкой болезни моей, лежа действительно на предсмертном одре. И ночь с 15 на 16 апреля прекратила ету черновую мою рукопись. А назавтра, 16 апреля, из рассказов мирового посредника князя Николая Николаевича Ухтомского узнал я о подлом и гнусном поступке мерзавца, именующего себя Каракозовым. Кто он действительно, я не могу сказать, но мне до бесконечности грустно было, что его свидетельствовали, в своем ли он уме. И весь шум празднований, речей и прочего до бесконечности по глубокому чувству, внутренне не одобряющему все ето, до бесконечности не нравится.

Что бы я далее написал в последней моей короткой записке от 14 или 15 апреля 1865 года, всеподданнейшей, теперь не могу сказать, но два сна мои, или лучше, видения, о почившем в Бозе Государе Императоре Николае Павловиче утром сего 27 июля, и простите, что таким дурным пером, но все-таки напишу.

1-й сон был накануне взятия Карса.

Те же агитационно-революционерные партии стали после кончины Его Величества всевозможные клеветы на него распускать. И хотя я глубоко был убежден, утверждаясь на словах о нем великого старца Серафима, что все это ложь, но тем не менее сердце мое до бесконечности грустило о моем незабвенном царе Императоре, благодетеле.

И вот я вижу сон: Государь Император Николай Павлович и Государыня Императрица Александровна Феодоровна будто бы входят в маленькую столовую Зимнего дворца, куда и я по высочайшему повелению имел счастье быть приглашенным. И Государь сказал мне: «Давно, еще при жизни моей, я хотел тебя хлебом-солью нашею царскою попотчевать, да не удалось, то поешь с нами теперь». Его Величество Государь Император посадил меня по правую сторону за круглым столом, а Ее Императорское Величество Государыню Императрицу Александру Феодоровну посадил по левую сторону. И когда стал кушать, то я увидел, что он, подобно архиепископу Антонию, стал быстро жевать, и подумал: «А как Государь за обе щеки уписывает». А умерший Его Величество улыбнулся, оборотившись ко мне, и сказал

– Хорош же молодец! Во-первых, про царя и повелителя своего и думать так невежливо и не следует, но я знаю, что ты не в злобе подумал. А во-вторых, ты сам же сказал мне от лица великого старца Серафима, что я – христианин *в душе.* А разве христиане умирают – они по Христе Жизнодавце и сами живые всегда, так и я почил на время, до будущего всех общего Воскресения из мертвых плотию, но душою и духом моим жив, здоров и в милости Божией нахожусь и не только прощен во всех грехах моих, ибо несть человек, иже поживет и не узрит смерти греховныя, – но и спасен, и помилован,

и во всем разрешен навеки. И не только благословлен от Господа Бога, но за великую любовь мою к великому старцу Серафиму и помещен близ него в Царствии Божием. И что ты написал мне о цареубийственной жажде революционерства декабристического, то о всем том старец Серафим еще более и в подробнейшем виде ныне передал (значит, до взятия Карса). Но что же ты-то мне подробно так не передал тогда?

И я отвечал:

– Ваше Императорское Величество! Если бы, презрев клеветами на меня графа Орлова и плюнув на его предостережения, Вы изволили тогда всемилостивейше допустить меня до тайной аудиенции, то я тогда бы безбоязненно имел возможность всеподданнейше передать Вашему Императорскому Величеству не только то, что богооткровенно я имел щастие узнать из уст святого Серафима о декабризме, но и то, что, руководим будучи его божественными наставлениями и непрестанною помощиею Божиею во время многолетних странствований по России, я имел возможность не словом, но делом узнать о дальнейшем ходе етой богомерзкой и царедушительной агитации. Ибо после выпуска, всемилостивейше Вами пожалованного в 1833 году мне, из-под ареста симбирского, чрез министра юстиции Дашкова, все христиане истинные принимали меня как мученика за веру Христову. Ибо я несправедливо был арестован за мое исцеление в Воронеже в 1 день октября 1832 и за написание полной службы и акафиста святителю [Тихону] Митрофану, и доселе не допущенного Святейшим Синодом к печати, и за мнимое, короткое будто сообщничество мое с Алексей Петровичем Ермоловым, и с Михаилом и Александром Николаевичами Муравьевыми, и Андреем, их братом, коего с Норовым, бывшим потом, с 1854 года моим личным начальником, министром народного просвеще-

ния, я в простоте сердца называл моими сотоварищами в путешествиях по святым местам. То, повторю, рабы Христовы считали меня мучеником за веру, а рабы антихристовы и революционеры, реформаторы без реформ, считали меня за заговорщика великого, но отделавшегося от ареста, тоже принимали меня за своего собрата-революционера и были со мной донельзя откровенны.

– Да, – изволил отвечать мне Его Императорское Величество, – и об этом великий старец Серафим сказал мне. Но что до того стало, что ты в письме своем написал мне, что ты будто бы никому о том никогда до 1854 года не говаривал, то это не совсем так.

– Да, – отвечал я, – простите меня, Государь. Я погорячился и в горячности забыл, что когда заговорщики иные, тоже разгорячась и ошибаясь, заявляли нередко охоту свою истребить весь Ваш августейший императорский род, то я словами великого старца, которого они и при революционерности своей все-таки уважали, имел щастие отмежевывать их от их царедущительных замыслов.

– То-то же, – сказал Государь, – мне и об этом великий старец Серафим тоже сказал. И мы с ним тебя помним и часто говорим о тебе, и желаем тебе во всем ради пользы Церкви Христовой, нашего императорского Дома и всей России блестящего и всеполнопобедоносного, непреоборимого во всем успеха.

Вот весь, во всей его замечательной подробности, великий сон накануне сдачи Карса, о коем краткую записку я дал в 1861 году чрез княгиню Варвару Аркадьевну Горчакову вместе с некоторыми анекдотами о Суворове, слышанными мною в детстве почти что от дядьки моего, суворовского полковника Тищенки, сообщил и бывшему генерал-губернатору Александру Аркадиевичу Суворову-Рымникскому.

Но вот описание и другого, тоже замечательного сна, накануне 30 дней до расстреляния второго, расстрелянного за симбирские пожары, перед прибытием в Симбирск сенатора Жданова.

Я видел, что будто бы я в Симбирске (живши, однако же, по поводу погорения Симбирска в имении моем и месте родины, Симбирского уезда селе Рождественском, Цыльне тож). И что будто бы по высочайшему повелению зовут меня к почившему в Бозе Государю Императору Николаю Павловичу в симбирский Покровский монастырь. И я прямо пошел в маленькие покои деревянные покойного преосвященного Анатолия, где потом по некоторому случаю помещался преосвященный Евгений, предполагая, что Государь Император, вероятно, уже изволил остановиться, но мне указали за кладбищем маленький, чистоопрятный флигелек, вроде пустынной отшельнической кельи, против коего в палисаднике, прекрасно украшенном великолепными цветами, изволил сидеть Государь Император Николай Павлович, на том самом кресле императора Петра Великого, находящемся в Санкт-Петербурге в Монплезире, с коего Его Величество приказал во время царствования своего поделать все [*неразб.*], потом в сем и Его любимом месте Петра Великовского уединения.

Когда я имел щастие подойти к Его Императорскому Величеству, то Государь изволил мне сказать;

– Что это значит, Мотовилов, что при жизни моей ты сам вызывался мне служить, а теперь уж и я сам тебя зову-зову, да все не дозовусь. Неужели и ты, подражая другим, вздумал нам тоже изменить?!

Я спокойно сказал:

– Нет, Ваше Величество. Но мне и не говорил никто, чтоб Вы изволили меня требовать.

– А, – сказал Государь, обращаясь к окружающим его, – вот не справедлив ли мой спор с вами, что вы лже-

те на Мотовилова, будто бы он забыл меня и мой Императорский Дом, святую Церковь и нашу святую Русскую землю. Ну спасибо, что как раз немедленно явился. Я знал тебя и твердо верил, что не ошибаюсь в тебе.

Как только это выговорить изволил Государь Император, то как раз наискосок от етого места, возле собора Покрова Божией Матери, заколебалась земля над усыпальницей последнего нашего юродивого Андрея Ильича (о коем и жизни его есть в журнале «Странник» повесть), и он из-под крышки чугунной памятника своего вышел, из гроба воскресший, и, творя свое обычное юродство, переваливаясь с боку на бок, в своей пестро-красной рубашке и произнося обычные звуки: «А-аа-а», стал подходить прямо к Его Императорскому Величеству. А Государь, изволивши встать и сложивши три перста первые правой руки православно-христианским сложением перстов, и перекрестившись правильно, а не горстью, обычному некоторых примеру, изволил сказать: «Ну, слава Богу, эти двое (значит, и меня в числе Христа ради юродивых считая) ныне во всем помогут».

И лишь только он изволил всемилостивейше выговорить эту монаршую речь, как докладывают Его Величеству, что от его Императорского Величества, благочестивейше царствующего Императора Александра II Николаевича, к нему прибыл фельдъегерь с депешами. И подают ему четыре мои рукописи, наполовину листа свернутые и четырех цветов – белого, розово-красного, голубого и зеленого, шелковыми широкими лентами крестообразно перевязанные.

И Государь, на меня оборотись, изволил мне сказать:

– А ето твои бумаги, ты знаешь их сущность. А я, как тебе сказывал некогда, и еще лучше твоего их знаю из рассказов о них великого старца Серафима и сам за-

ймусь с сыном моим разбором их. Ну а ты начинай же действовать, как тебе великий старец Серафим в пользу нашу действовать заповедал.

Я сказал Его Величеству:

– С наивеличайшей радостью, от всей души моей готов на службу Вашего Императорского Величества. Но не в том одном дело. Надобно, чтоб мне не только высочайше разрешено было, но чтобы уже никто из господ министров, подобно министру финансов Броку, не мешал уже более мне ни в чем в службе Вашему Императорскому Величеству. Вы и всеавгустейший сын Ваш, и вся Ваша императорская фамилия, кого из них в тайны Ваши допустить изволите, должны знать, что я для Бога, для Вас и России намерен сделать. И сделать постараюсь даже более, чем обещал и обещаюсь при помощи Божией. Но министры ваши не имеют на это, кроме графа Владимира Феодоровича Адлерберга, никакого права, и если бы так было, то давным-давно все богопротивное и злое истреблено было бы богоуказанными мне чрез великого старца Серафима, благодатными средствами.

Но со времени кончины Вашего Императорского Величества, вопреки всей любви и всей милости Вашей ко мне, и вместо того, как Вы, передавая мне Ваши два поклона чрез господина министра императорского двора, переданы мне и слова, что вспоминаете обо мне, как об одном из первых деятелей в войне по Восточному вопросу, а я уничижен, отвержен. Меня гнетут, обрывают, как собаку, и жизнь моя в звании совестного судьи хуже всякой каторги – то как же я смогу хоть чем-нибудь послужить Богу и Вам, и России по богоуказанным мне чрез Серафима словам Господним. Ведь подобно Илии пророку, и моей души ищут жрецы революции, декабристы, царедушители, враги Бога, Царя и царства Русского.

– Ну, об этом уже не горюй. Я сам все это исправлю. И сам за тебя скажу сыну моему Александру. Смотри же, исполни и бесстрашно служи нам верою и правдою.

– Готов и буду при помощи Божией служить Богу, Вам и России. Служить, как великий старец Серафим меня богооткровением напутствовал и великий Серафим убедительно просил.

Кончено 28 июля – в день Одигитрии Божией Матери и именин б[атюшки] о[тца] Серафима. 1866

ИЗ ПРОРОЧЕСТВ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Известно, что Саровский Чудотворец обладал великим даром пророчества. Эти пророчества относятся как к судьбе Дивеевской обители, так и к грядущим судьбам России. Многие из них собраны в книгах митрополита Серафима (Чичагова) «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря» (1896; 1903) и Сергея Александровича Нилуса «Великое в малом» (1903; 1905), «На берегу Божьей реки», т. 2 (Сан-Франциско, 1969). Однако и поныне открываются новые тексты, существенно дополняющие собрание пророчеств Преподобного. Одной из последних находок явились два документа, обнаруженные в бумагах священника о. Павла Флоренского. При рассмотрении их оказалось, что попали они к о. Павлу не без помощи С. А. Нилуса (1862–1929), близко знавшего Елену Ивановну Мотовилову († 1910), вдову служки Серафимова Николая Александровича Мотовилова (1808–1879), много работавшего в архиве Дивеевской обители. Н. А. Мотовилов, ныне широко известный читателям как

собеседник Преподобного, доверившего ему сокровенные мысли о цели христианской жизни, оставил многочисленные записки, в которых излагал содержание бесед и высказываний старца Серафима.

Самым пристальным читателем и притом самым авторитетным публикатором записок Мотовилова был С. А. Нилус. Именно ему в 1902 году вдова Мотовилова передала для разбора короб рукописей своего покойного мужа. Из этого короба были извлечены и опубликованы знаменитые теперь беседа «О цели христианской жизни» и «Великая Дивеевская тайна».

Ниже мы публикуем новый вариант «Великой Дивеевской тайны» из бумаг о. Павла Флоренского, который несколько отличается от уже опубликованного в книге Нилуса «На берегу Божьей реки»; он более соответствует жанру беседы, здесь к минимуму сведены посторонние рассуждения. На наш взгляд, эти материалы были на время даны С. А. Нилусом о. Павлу для снятия копий. О. Павел перепечатал ниже публикуемый текст (в его архиве сохранился второй экземпляр машинописи), первый же, по нашему предположению, был взят Нилусом и несколько расширен его собственными рассуждениями.

Также публикуется и ранее неизвестная записка Н. А. Мотовилова, озаглавленная нами «Антихрист и Россия». Первая половина записки переписана рукой о. Павла Флоренского, остальное – почерк неизвестного лица. Можно предположить, что и этот текст переписан из тетради Мотовилова, привезенной С. А. Нилусом из Сарова. Преподобному Серафиму, без сомнения, принадлежат рассуждения, содержащиеся в первом абзаце публикуемого документа (это подтверждается письмом княгини Н. В. Урусовой (см. приложение) и соответствует ранее опубликованным пророчествам Преподобного);

остальное в этой записке, вероятно, принадлежит самому Мотовилову и является его попыткой истолкования высказываний Преподобного.

Знакомство Флоренского и Нилуса, скорее всего, состоялось в дореволюционную пору, когда оба они сотрудничали в изданиях Троице-Сергиевой Лавры. Сохранился отзыв о. Павла о Нилусе, относящийся к их первой встрече. По своим книгам Нилус представлялся о. Павлу «светским старцем», что называется, человеком «Господи помилуй». Но, когда они увиделись, перед о. Павлом предстал глубокий духовный мыслитель, даровитейший церковный писатель. После Октябрьского переворота они снова встречались и, возможно, обменивались материалами. Публикуемые материалы, скорее всего, были переданы Флоренскому в это время.

А. И. Стрижев

Великая Дивеевская тайна

Часто слыша от великого Старца, что он плотью своею в Сарове лежать не будет, я однажды осмелился вопросить его: «Как же, Батюшка, вы изволите все говорить, что вы плотию своею лежать не будете. Неужто вас Саровские отдадут?» И на сие Батюшка, приятно на меня взглянув и улыбнувшись, изволил мне ответить следующее: «Ах, ваше Боголюбие, ваше Боголюбие. Какие вы. Уж на что царь Петр, то был Царь из Царей, а захотел мощи святого благоверного князя Александра Невского перевести из Владимира в Петербург, а святые мощи того не пожелали, и в Петербурге их нет». – «Как же нет? – осмелился я возразить великому Старцу. – Как же нет, когда он почивает там в Александро-Невской Лавре». – «В А.-Н. Лавре, говорите вы, – ответил мне

Батюшка. – Как же так, во Владимире они почивали на вскрытии, а в Петербурге под спудом. Почему же так, а потому, ваше Боголюбие, что их там нет». И, много распространившись по сему предмету, батюшка отец Серафим изволил мне открыть великую тайну. «Мне, – сказывал, – убогому Серафиму, от Господа Бога положено жить гораздо более ста лет. Но так как к тому времени архиереи русские так онечестивятся, что нечестием своим превзойдут архиереев греческих во времена Феодосия Юнейшего, так что даже и важнейшему догмату Христовой веры – Воскресению Христову и всеобщему Воскресению веровать не будут, то посему Господу Богу угодно до времени меня, убогого Серафима, от сея привременныя жизни взять и затем во утверждение догмата воскресения воскресить меня, и воскрешение мое будет, яко воскресение седми отроков в пещере Охлонской во времена Феодосия Юнейшего. По воскрешении же моем я перейду из Сарова в Дивеев, где буду проповедовать всемирное покаяние. И на сие великое чудо соберутся в Дивеев люди со всех концов земли, и там, проповедуя им покаяние, я открою четверо мощей и сам между ними пятым лягу. Но тогда уж настанет и конец всему».

Таково сказание, которое я (С. А. Нилус. – *А. С.*), сложил в своем сердце со времени 1902 года из записок Мотовилова и которое решился сказывать лишь ближайшим мне по духу лицам, которых всегда было не очень много. Косвенным подтверждением сему из тайников Дивеевских я слышал лично от великой старицы, 85-летней игумении Марии, предреченной преподобным Серафимом как 12-й начальницы, на которой, сказывал Батюшка, «у вас и монастырь устроится». Поздравляя ее в августе 1903 года с оправданием ее великой веры открытия мощей преподобного Серафима (она в своем Со-

боре не освящала с 1879 года ни одного престола, веруя, что доживет до прославления Преподобного и освятит престол в честь его и славу, и услышал от нея следующие высокознаменательные слова: «Правда Ваша, батюшка мой, Сергей Александрович, это чудо. Но вот будет чудо так чудо, это когда крестный ход, что теперь из Дивеева шел в Саров, пойдет из Сарова в Дивеев, а народу-то, как сказывал нам Батюшка угодник Божий, что колосьев будет в поле. Вот это так будет чудо чудное, диво дивное». – «Как понимать это. матушка?» – спросил я ее, совсем на ту пору забыв, что я знал из рукописей Мотовилова. На это ответила матушка, загадочно-ласково улыбнувшись; «Кто доживет – увидит».

Приложение к «Великой Дивеевской тайне»
(Из семейного архива Флоренских)

Будет время, когда все словеса предречений Господних, сказанные великому старцу Серафиму о судьбах Четвертого жребия во вселенной Божией Матери, вполне сбудутся. Ибо по обетованию Господню воскреснет на некоторое время и восстанет из гроба великий старец Серафим и пешком перейдет из Саровской пустыни в село Дивеево – и при сонме Высочайшей фамилии, Великокняжеской, Царской, Императорской и русских и иностранных бесчисленного множества людей, уверив всех воскресением своим в непреложности и всех людей в конце веков всеобщего воскресения, понеже, наконец, там вечным опять до времени сном смерти почиет, и тогда-то, после сего вторичного батюшки отца Серафима Успения, село Дивеево, соделавшись Домом всемирным, просветится паче всех, не только русских, но и всех градов на свете – ибо свет веры Христовой че-

рез это воскресение из мертвых великого старца Серафима утвердится вселенной всей. Тогда с какой жадностью все обратятся ко всем источникам православным для узнания о начале и ходе сего дива истории, сего 4-го жребия вселенского Божией Матери, нового света Афонской Женской Дивеевой Горы; сего места спасения всего мира во времена Антихриста.

Писано было Мотовиловым 8 ноября 1867 года.

Антихрист и Россия

До рождении Антихриста произойдет великая продолжительная война и страшная революция в России, по точному выражению о. Серафима, превышающая всякое воображение человеческое, ибо кровопролитие будет ужаснейшее: бунты Разинский, Пугачевский, Французская революция – ничто в сравнении с тем, что будет с Россией. Произойдет гибель множества верных Отечеству людей, разграбление церковного имущества и монастырей; осквернение церквей Господних; уничтожение и разграбление богатства добрых людей, реки крови русской прольются. Но Господь помилует Россию и приведет ее путем страданий к великой славе...

Неизменный счет войны всемирной и русской будет 10 лет... Так как мне самому (Н. А. Мотовилову. – *А. С.*) сказано еще в 1834 году, здесь, в Воронеже, что я не умру прежде, как узнаю лично, как самого себя, того человека, который доживет до рождения Антихриста, чтобы подобно Симеону Богоприимцу, давшему знать о рождении Истинного Христа, дать знать о рождении истинного Антихриста. Проповедь эта будет официально объявлена всем людям, не только русским, но и все-

ленским, во всесовершенное известие. Тогда легко будет предузнать воцарение его вселенным в старом Иерусалиме, на всей поверхности земного шара, кроме нынешней территории России и Внутренней Азии, где живут 10 колен царства Израильского. Россия сольется в одно море великое с прочими землями и племенами славянскими, она составит одно море, или тот громадный вселенский океан народный, о коем Господь Бог издревле изрек устами всех святых: «Грозное и непобедимое царство всероссийское, всеславянское – Гога Магога, пред которым в трепете все народы будут». И все это, все верно, как дважды два четыре, и непременно, как Бог свят, издревле предрекший о нем и его грозном владычестве над землею. Соединенными силами России и других Константинополь и Иерусалим будут полонены. При разделе Турции она почти вся останется за Россией, и Россия соединенными силами со многими другими государствами возьмет Вену, а за домом Габсбургов останется около 7 миллионов коренных венцев, и там устроится территория Австрийской империи. Франции за ее любовь к Богородице – Св. Мадонне – дастся до семнадцати миллионов французов со столицей – городом Реймсом, а Париж будет совершенно уничтожен. Дому Наполеонидов дастся Сардиния, Корсика и Савойя. Когда Империя Русская получит сто восемьдесят миллионов и свое владение, до́лжно ожидать явления Антихриста. 1) Антихрист родился в России между Петербургом и Москвой, в том великом городе, который по соединении всех племен славянских с Россией будет второй столицей царства Русскою и назван будет «Москво-Петроградом», или «Градом конца», как именует его Господь Дух Святой, издалече все предусматривающий. 2) До явления Антихриста должен состояться Восьмой Вселенский Собор

всех Церквей под Единую Главу Христа Жизнодавца и под единый Покров Божией Матери, Единой по Бозе Всемогущей, с оставлением за первым патриархом его царственной власти, как первообраза вечного царства Иисуса Христа, также для объединения и воссоединения всех святых Христовых Церквей против назревающего антихристианского направления под Единую Главу Христа-Жизнодавца и под единый покров Его Пречистой Матери и для окончательного проклятия всего масонства и всех подобных партий (под какими названиями они ни появлялись бы), главные руководители которых имеют одну общую цель: под предлогом полного равноправного благоустройства на земле с помощью фанатизированных ими людей вызвать анархию во всех государствах и разрушить христианство во всем мире и, наконец, силою золота, сосредоточенного в их руках, подчинить весь мир антихристианству, в лице единовластного самодержавного царя, царя богоборного, одного над всем миром.

Сатана был первый революционер и чрез это спал с неба. Между учением последователей его и учением Господа Иисуса Христа нет ничего общего, здесь – огромная пропасть. Господь через делание данных Им заповедей призывает человечество на небо, где обитает правда. Дух тьмы обещает устройство рая на земле.

Так все революционные общества, тайные и явные, под какими бы названиями они ни появлялись и какой бы благовидной видимостью ни прикрывались, имеют одну общую цель – борьбу и общее разрушение христианства, подготовляя почву антихристианству в лице грядущего в мир Антихриста.

Евреи и славяне суть два народа судеб Божиих, сосуды и свидетели Его, ковчеги нерушимые; прочие же все народы как бы слюна, которую извергает Господь

из уст Своих. За то, что евреи не приняли и не признали Господа Иисуса Христа, они рассеяны по лицу всей земли. Но во времена Антихриста множество евреев обратится ко Христу, так как они поймут, что ошибочно ожидаемый ими Мессия не кто иной, как тот, про которого Господь наш Иисус Христос сказал: «Я пришел во имя Отца Моего, и не приняли Меня, иной придет во имя свое, и примут его». Итак, несмотря на великое их пред Богом преступление, евреи были и есть возлюбленный пред Богом народ. Славяне же любимы Богом за то, что до конца сохраняют истинную веру в Господа Иисуса Христа. Во времена Антихриста они совершенно отвергнут и не признают его мессией, и за то удостоятся великого благодеяния Божия: будет всемогущественный язык на земле, и другого царства более всемогущественного Русско-Славянского не будет на земле.

Во Израиле родился Иисус Христос, истинный Богочеловек, Сын Бога Отца наитием Св. Духа, а среди славян и русских родится истинный Антихрист-Бесочеловек, сын жены-блудницы Данова поколения и сын диавола через искусственное перенесение к ней семени мужеского, с которым вместе вселится в утробу ея дух тьмы. Но некто из русских, доживши до рождения Антихриста, подобно Симеону Богоприимцу, благословившему Отрока Иисуса и возвестившему о рождении Его миру, проклянет рожденного Антихриста и возвестит миру, что он есть истинный Антихрист.

ПРИМЕЧАНИЯ

РАЗДЕЛ I. ЖИЗНЬ И ТРУДЫ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Протоиерей Димитрий Троицкий.
Житие преподобного Серафима Саровского

Публикуется по материалам составителя.

Жизнь, подвиги и кончина Саровской пустыни иеромонаха и пустынножителя отца Серафима, родившегося в 1754 году, скончавшегося в 1883. В монашестве подвизался 47 лет, всей же жизни сего добродетельного мужа было 74 года

Публикуется по материалам составителя.

Житие преподобного Серафима Саровского (современный извод)

Публикуется по материалам составителя.

РАЗДЕЛ II. О ЦЕЛИ ХРИСТИАНСКОЙ ЖИЗНИ

О цели христианской жизни. Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни (с предисловием и двумя послесловиями С. А. Нилуса)

Публикуется по: Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни. Сан-Франциско, 1968. С. 7–47. Публикация Глеба Подмошенского. Последующие уточнения публикатора воспроизведены согласно «Русскому Паломнику» (1990. № 2. С. 72–92).

Архиепископ Вениамин (Федченков).

Откровение преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни

Публикуется по: Примечания архиепископа Вениамина // Преподобный Серафим Саровский. Откровение о цели христианской жизни. По записи Н. А. Мотовилова и с приложением его же рассказа: Есть ли адския муки? Париж: Православное издательство, 1933. С. 30–35.

Архиепископ Вениамин (в миру Иван Афанасьевич Федченков; 1880–1961) – известный иерарх Русской Православной Церкви, архиепископ, впоследствии митрополит. Прошел долгий и сложный жизненный путь. После окончания Тамбовской семинарии поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию, которую окончил в 1907 году. Тогда же пострижен с именем Вениамин и вскоре рукоположен в иеромонаха. Занимался библейской историей при своей же Академии. В 1910–1911 годах исполнял обязанности доцента при кафедре пастырского богословия, гомилетики и аскетики все в той же Санкт-Петербургской духовной академии. В 1911 году назначен ректором Таврической семинарии, возведен в сан архимандрита. С 1913 по 1917 год – ректор Тверской духовной семинарии.

На Всероссийском Поместном Соборе представительствовал от низших клириков. Осенью 1918 года избран членом Хер-

сонского Церковного Собора. 10 февраля 1919 года хиротонисан во епископа Севастопольского, с согласия Патриарха Тихона поставлен викарием Таврической епархии. 1920 год ознаменовался для епископа Вениамина вступлением в Белое движение, он становится «епископом Армии и Флота» на Юге России, от Крымского Синода назначен в Совет министров при генерале Врангеле. В ноябре 1920 года началась эвакуация войск генерала Врангеля и присоединившегося к ним населения. Вместе со своей паствой покинул Русскую землю и владыка Вениамин. Впоследствии жил в Болгарии, Сербии и в других западноевропейских странах. Председательствовал на Предсоборном Совещании в Константинополе перед Карловацким Собором. В 1921 году подготовил Карловацкий Собор. Состоял членом Русского совета при генерале Врангеле, оставаясь епископом эмигрировавшей Армии, рассеянной по разным странам.

В 1922 году епископ Вениамин во исполнение указа Патриарха Тихона вышел из состава Украинского Синода и поселился в основанном им монастыре Петковице в Сербии. В обители собралось 25 человек русской братии, среди которой были и новопостриженные монахи из солдат армии Врангеля. Следующие два года был епископом Карпатской Руси, находившейся тогда в составе Чехословакии, исполняя должность викарного архиерея.

В Сербию возвратился в 1925 году. Служил законоучителем при Русском и Донском кадетских корпусах с местожительством в Петковицах. Вскоре епископа Вениамина вызвал митрополит Евлогий в Париж, назначив инспектором и преподавателем в Православном Богословском институте, носящем имя преподобного Сергия Радонежского. В 1925–1927 и в 1929–1931 годах он преподает в этом институте.

Не соглашаясь с уклонением владыки Евлогия от Русской Православной Церкви, епископ Вениамин создал в Париже и других городах зарубежья приходы Патриаршей Православной Церкви. В 1933 году епископ Вениамин был возведен в сан архиепископа и стал управлять епархией в США, с 22 ноября 1933 года – экзарх Русской Православной Церкви в США, архи-

епископ Алеутский и Североамериканский; 14 июля 1938 года получил сан митрополита.

После Второй мировой войны, в 1947 году, владыка Вениамин вернулся в Россию и был назначен на Рижскую и Латвийскую кафедры. В 1951–1955 годах управлял Ростовской епархией. 20 декабря 1958 года уволен на покой с пребыванием в Псково-Печерском монастыре. Скончался владыка 4 октября 1961 года.

О своей жизни митрополит Вениамин рассказал в книге «На рубеже двух эпох» (М.: Отчий дом, 1994).

Н[иколай Петрович] П[опов].

Богословское рассмотрение «Беседы преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни»

Публикуется по: Серафимово послушание. Жизнь и труды Н. А. Мотовилова / Сост. А. Н. Стрижев. М., 1996. С. 215–246.

Н. П. [Николай Петрович Попов] (ск. после 1935) – археолог, историк культуры; заведующий Синодальной библиотекой в Кремле, магистр богословия. Автор большого числа научных публикаций: Рукописи Синодальной библиотеки. Вып. 1. Новоспасское собрание. М., 1906; Автографы митрополита Макария, собирателя Великих Миней. СПб., 1913; Афанасиевский извод повести о Варлааме и Иоасафе. Б.м., 1926; и др. Рукописные версии «Беседы» преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым Попов, возможно, получил от синодального ризничего, архимандрита Арсения (Леонида Ивановича Денисова, ск. после 1932), известного духовного писателя, автора капитального труда о жизни и чудотворениях Саровского подвижника, либо от Н. Потапова, лично общавшегося с Еленой Ивановной Мотовиловой в 1906 г. и составившего о ней воспоминания (Душеполезное чтение, июль–август 1912). Версии «Беседы» приведены в книге Николая Попова «О цели христианской жизни». Беседа преподобного Серафима Саровского с Николаем Александровичем Мотовиловым. (По собственноручным

записям последнего с предисловием Н. П.). Сергиев Посад, 1914. Публикатор выставил тогда криптоним «Н. П.».

И. М. Концевич. **Стяжание благодати Божией**

Публикуется по: *Концевич И. М.* Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси. Париж, 1952. С. 53–54, 127–130.

Иван Михайлович Концевич (13.10.1893–06.07.1965) – духовный писатель, историк. Будучи студентом Харьковского университета, Концевич часто посещал Оптину пустынь, беседовал с ее старцами. В Гражданской войне участвовал на стороне Добровольческой армии, под огнем был контужен. Затем – долгий путь изгнанничества. В Галлиполи (Турция) окончил Военно-инженерное училище, после чего произведен в офицеры. Позже, после переезда во Францию, Ивану Михайловичу удалось окончить физико-математический факультет Сорбоннского университета. В 20-е годы Концевич непрерывно поддерживал духовное общение с оптинским старцем Нектарием. Богословское образование получил в Парижском Богословском институте в годы Второй мировой войны. Первая большая публикация И. М. Концевича – монография «Стяжание Духа Святаго в путях Древней Руси» – вышла в Париже в 1952 году. Восемь лет спустя увидела свет вторая книга Концевича «Истоки душевной катастрофы Л. Н. Толстого» (Мюнхен, 1960). После кончины Ивана Михайловича его жена, Елена Юрьевна, при содействии Глеба Подмошенского (в монашестве игумен Герман), издала капитальный труд Концевича «Оптина пустынь и ее время». Это поистине настольная книга каждого благочестивого читателя. Ныне все основные произведения духовного писателя размножены либо переизданы в России.

М. А. Новоселов. **Свидетельства о Духе Святе**

Публикуется по: *Новоселов М. А.* Письма к друзьям / Публикация и примечания Е. С. Полищука М., 1994. С 230–240.

Михаил Александрович Новоселов (01.07.1864–17.01.1938) – религиозный мыслитель, церковный публицист. Родился в Тверской губернии, в семье педагога. В студенческие годы – учился на историко-филологическом факультете Московского университета – Новоселов серьезно увлекался толстовством. Позже порвал с этим лжеучением и прекратил личное общение с писателем-еретиком. Круг исканий замкнулся, Михаил Александрович встал на истинный путь познания Бога Живаго. В 1902 году Новоселов энергично развернул издательскую деятельность по выпуску книжек и листков «Религиозно-философской библиотеки», распространяемых по всей России. Один из выпусков книжной серии (XXI, 1909) был посвящен беседе преподобного Серафима Саровского «О цели христианской жизни». Впоследствии выпуск религиозных книжек издатель перенес из Вышнего Волочка в Сергиев Посад. За свою полезную деятельность в деле просвещения народа светом Христовым М. А. Новоселов в 1912 году был избран почетным профессором Московской духовной академии. Его издательский опыт оказался нелишним и в работе по совершенствованию образовательной программы Училищного совета при Святейшем Синоде, в состав которого его избрали. Для этих же целей Новоселов привлекался к участию в работе Всероссийского Поместного Собора 1917–1918 годов. В разгар революционного самочиния и общей смуты М. А. Новоселов призывает верующих сообща защищать храмы от осквернения. Репрессивные органы безбожной власти, разумеется, не могли оставить на свободе столь ярого поборника Православия. Летом 1922 года в квартире Новоселова чекисты учинили обыск в отсутствие хозяина, и, чтобы спастись, Михаилу Александровичу пришлось перейти на нелегальное положение, проще сказать, уйти в «катакомбы». Скрываясь в тверских и иных краях, Новоселов пишет своим друзьям обширные письма, в которых раскрывает широкий спектр богословско-философских проблем, выдвинутых современностью. За шесть лет «пребывания в катакомбах» (1922–1928) им было разослано не менее двадцати писем – предназначались они для распространения в среде ве-

рующих людей. Религиозный самиздат той поры сохранил для потомства ряд разнообразных копий с новоселовских писем.

Публицист был арестован властями в конце 1928 года, осужден как политический преступник (не принял «Декларации» митрополита Сергия, вдохновлял движение «непоминающих») на три года лагерей. Отбывал срок в Ярославском политизоляторе, где ему потом добавили еще десять лет тюрьмы.

Подводя злополучные итоги за 1927 год, Михаил Александрович Новоселов писал своим друзьям 31 декабря из пересыльной тюрьмы: «Святые дни дорогих нам воспоминаний совпадают ныне с особенно значительными событиями церковными. Не ошиблись те, кто год тому назад предсказывал, что 1927 год будет чрезвычайно тяжек для Церкви Божией. Из множества ударов, нанесенных ей в этом году, достаточно указать два, чтобы признать правильными эти предсказания: кощунственный разгром Сарова и жестокое опустошение Дивеева. Нужно ли разъяснять, что потеряли православные русские люди с уничтожением этих обителей? Кто хоть однажды побывал там и в прилегавшей к ним, также опустошенной, обители Понетаевской, тот сердцем чувствует, какого источника религиозного воодушевления, духовной бодрости, особенно необходимых в наше тяжкое время, он лишился.

Насколько мне известно, лица, предрекавшие исключительную бедственность для Церкви Христовой в 1927 году, разумели бедствия именно подобные указанным. Но нас постигло в истекшем году испытание значительно, можно сказать, несравненно тягчайшее: накренился и повис над бездной весь церковный корабль. Небывалое искушение подкралось к чадам Церкви Божией. Новые сети раскинул князь мира сего – и уже уловил множество душ человеческих». (Автор письма имеет в виду «Декларацию» митрополита Сергия о лояльности священноначалия и паствы к безбожной власти большевиков.)

В июне 1937 года М. А. Новоселова перевели в Вологодскую тюрьму, там 17 января 1938 года и объявили приговор о расстреле. Так в мучениях окончил свою жизнь один из двигателей русской церковной жизни, видный деятель православ-

ной культуры. Упорно держится молва, не подтвержденная пока документальными свидетельствами, что М. А. Новоселов будто бы еще в начале 20-х годов принял тайный монашеский постриг с именем Марк, а в 1923 году был тайно поставлен во епископа; хиротонию в Даниловом монастыре над ним совершали архиепископы Феодор (Поздеевский), Арсений (Жадановский) и епископ Серафим (Звездинский). Так ли это все было – должно со временем проясниться.

«Свидетельства о Духе Святом» являются фрагментом семнадцатого письма М. А. Новоселова, посланного им из подполья в день Крещения Господня 1926 года.

Протоиерей Георгий Флоровский. **Подвиг и радость**

Публикуется по: *Прот. Георгий Флоровский.* Пути русского богословия. Париж, 1937. С. 391–392.

Протоиерей Георгий Васильевич Флоровский (28.08.1893–11.08.1979) – богослов, философ, историк культуры. Из потомственной семьи священника. Окончил историко-филологическое отделение Новороссийского университета (1916). Преподавал исторические и философские дисциплины в Одессе; с января 1920 года вынужден скитаться на положении беженца, сначала в Болгарии, затем в Чехословакии. В 1926 году переехал в Париж по приглашению Свято-Сергиевского православного Богословского института, чтобы занять кафедру патрологии. Читанные в институте курсы составили фундаментальные труды: «Восточные Отцы IV века» (Париж, 1931) и «Византийские Отцы V–VIII веков» (Париж, 1933). Эти творения заняли видное место в русской богословской и патристической науке. Но главная книга протоиерея Георгия Флоровского (сан принял в 1932 году), вобравшая в себя все стороны жизни и культуры русского народа, связанные с Православием, – «Пути русского богословия», изданная в Париже в 1937 году.

В сентябре 1948 года отец Георгий Флоровский (к тому времени уже протоиерей) переезжает в США, где семь лет занимается плодотворной педагогической деятельностью, явля-

ясь профессором и деканом Свято-Владимирской духовной семинарии; одновременно преподает в Колумбийском университете. В 1956–1964 годах возглавлял кафедру истории Восточной Церкви в Гарвардском университете. Оставил заметный след в религиозной жизни Америки.

Преподобный Силуан Афонский. **О несозданном Божественном свете и образах созерцания его**

Публикуется по: *Архимандрит Софроний (Сахаров)*. Старец Силуан. Жизнь и поучения. Москва–Минск, 1991. С. 161–170.

Первое издание книги вышло в Париже в 1952 году. Оно с небольшими изменениями повторяло авторские копии, размноженные на ротаторе в количестве 300 экземпляров и распространявшиеся почитателями старца Силуана на Афоне и в странах рассеяния.

Рассмотрения поучений старца представлены также в книге: *Архимандрит Софроний (Сахаров).* Видеть Бога как Он есть. Бирмингем, 1985.

Старец Силуан Афонский (в миру Семен Иванович Антонов; 1866–24.09.1938) – схимонах русского Пантелеимонова монастыря. Происходил из крестьян Тамбовской губернии. Постриг принял на Афоне в 1896 году, схиму – в 1911 году. Подвижник, известен как составитель многочисленных молитвенных размышлений, напоминающих псалмы. В этих размышлениях выражена его истинно христианская душа.

Архиепископ Нафанаил (Львов). **Влияние преподобного Серафима в русской церковной истории**

Публикуется по: *Архиепископ Нафанаил.* Беседы о Священном Писании и о вере и Церкви. Т. 3. Н.–И., 1992. С. 190–195.

Архиепископ Нафанаил (в миру Василий Владимирович Львов; 30.08.1906–08.11.1985) – сын «революционного» оберпрокурора при Временном правительстве Владимира Никола-

евича Львова (прокурорствовал с 3 марта по июль 1917). После Октябрьского переворота оказался в Томске, затем с остатками семьи бежал в Харбин, где принял монашеский постриг в 1929 году. Там же учился на богословских и пастырских курсах, позже на богословском отделении Свято-Владимирского института. Состоял келейником архиепископа Нестора (Николай Александрович Анисимов; 09.11.1885–04.11.1962), камчатского миссионера, апостола Камчатки и видного деятеля Русской Православной Церкви. В эту пору иеромонах Нафанаил совершил ряд миссионерских путешествий, в частности в 1935–1936 годах он побывал у христиан Южной Индии. По возвращении был возведен в сан архимандрита, а в 1939 году вступил в братство преподобного Иова Почаевского в Ладомировой на Карпатах (Чехословакия). После войны архимандрит Нафанаил, нареченный в епископа владыкой Анастасием (Грибановским), назначен на Брюссельскую и Западноевропейскую святительскую кафедру. Его пастырская деятельность распространялась тогда и на приходы в Мангейме и в Берлине, где Преосвященный, как выдающийся проповедник и церковный публицист, много сделал для оживления нравственного благочестия среди соотечественников, заброшенных волею судеб на чужбину.

С 1966 года владыка Нафанаил – настоятель монастыря Преподобного Иова в Мюнхене, а пять лет спустя ему было вверено управлять Австрийской епархией. В сан архиепископа возведен в 1981 году. По слабости здоровья престарелый святитель уже не мог по-прежнему окормлять зарубежные приходы и все свое время теперь проводил в мюнхенском монастыре. Погребен на русском кладбище в Висбадене.

Творения архиепископа Нафанаила изданы Комитетом русской православной молодежи за границей в пяти томах (Нью-Йорк, 1991–1992).

Иеромонах Серафим (Роуз). **Бог есть Огнь**

Публикуется по: *Иеромонах Серафим (Роуз).* Бог есть Огнь // Московский Церковный вестник. 1991. № 2 (январь).

Короткой была постническая и молитвенная жизнь иеромонаха Серафима Роуза (1934–1982): на 48-м году призвал его к Себе Господь. Чистокровный американец, Роуз пришел к Православию после трудных поисков истины и ученых занятий. Своим обращением он обязан блаженному Иоанну (Максимовичу). Хорошо усвоив учение древних подвижников Церкви Христовой, отец Серафим стремился подражать их аскетическим подвигам. Любитель безмолвия, он построил для себя небольшую келию у подножия горы на севере Калифорнии (Платина), где и прожил семь лет, занимаясь в уединении молитвой, богословскими трудами и переводами.

Протоиерей Валентин Свенцицкий.
Предречение о временах последних

Публикуется по: *Протоиерей Валентин Свенцицкий.* Монастырь в миру. Проповеди и поучения 1927–1928 гг. Т. 2. М., 1996. С. 176–183.

Протоиерей Валентин Павлович Свенцицкий (1882–20.10.1931) – пастырь-мученик, духовный писатель. После окончания историко-филологического факультета Московского университета увлекался «христианским социализмом», участвовал в создании Московского религиозно-философского общества имени Владимира Соловьева. Пребывая в состоянии глубокого духовного кризиса, Валентин Свенцицкий пишет и издает ряд крайне дерзких брошюр, за что подвергся полицейскому преследованию. Тайный побег во Францию в 1909 году, скитания на чужбине пробудили в молодом человеке порыв к нравственному очищению, к переосмыслению всей его предыдущей жизни. Вернулся он на Родину другим человеком. Первым желанием Свенцицкого было поехать на Кавказ к монахам-отшельникам, прикоснуться к православной святости. Свои впечатления об увиденном и прочувствованном он изложил в книге «Граждане неба», пронизанной глубоким пониманием христианского подвига. Книга увидела свет в Петербурге в 1915 году.

Революционный кошмар окончательно развеял иллюзии Свенцицкого о «христианском социализме». Путь спасения теперь ему видится лишь в воцерковлении общества. В том же 1917 году Валентин Павлович по благословлению своего духовного отца, оптинского старца Анатолия, принимает священнический сан. Рукополагал его митрополит Петроградский Вениамин (Казанский), впоследствии расстрелянный большевиками. Посвящение происходило в Иоанновском монастыре, основанном батюшкой Иоанном Кронштадтским. В Гражданскую войну о. Валентин выступал на стороне Добровольческой армии.

В 1920 году Свенцицкий приехал в Москву, где проповедовал по разным храмам и часто сослужил Святейшему Патриарху Тихону, которого благоговейно почитал. За разоблачение антицерковного поведения обновленцев о. Валентин в 1923 году был арестован и сослан в Среднюю Азию. По возвращении в Москву стал служить в храме Священномученика Панкратия, что в одном из переулков на Сретенке. В этом же храме бесстрашный пастырь продолжал произносить проникновенные проповеди, а в свободные от служб часы им были налажены духовные беседы с прихожанами. В обширном цикле бесед центральное место заняли восемнадцать поучений о святости преподобного Серафима Саровского.

Уже во вступительном слове к намеченному кругу затрагиваемых вопросов о. Валентин подчеркнул необыкновенную близость Саровского подвижника народу: «Образ преподобного Серафима – это есть образ святости русского народа. Он близок нам так потому, что мы в нем чувствуем лучшее, что есть в самом русском народе. Преподобный Серафим – наш национальный русский святой.

Ни в одном угоднике Божием так не воплощается дух нашего Православия, как в образе убогого Серафима, молитвенника, постника, умиленного, всегда радостного, всех утешающего, всем прощающего Старца всея России.

Он близок нам потому, что он кровь от крови нашей и плоть от плоти нашей. Он – это мы сами, но поднятые из грязи,

очищенные подвигом, просветленные благодатию Божией. Он не только близок нам, он нам родной».

В Великий пост 1926 года о. Валентин вместе со своими почитателями совершил паломничество в Саров и Дивеев. Великая прозорливица, дивеевская блаженная Мария Ивановна, предсказывает ему скорейший переход в другой московский храм – «Никола Большой Крест», что на Ильинке. Так оно и произошло – вскоре протоиерей Свенцицкий стал настоятелем этого храма. Здесь он создал крепкую церковную общину из прихожан, ищущих путь нравственного и духовного совершенствования вопреки невиданным гонениям на верующих.

Через два года Валентина Павловича вновь арестовали. На этот раз поводом к аресту послужило его открытое выступление против соглашательской Декларации митрополита Сергия (Страгородского) от 16/29 июля 1927 года. Сибирская ссылка длилась долго, до самой кончины о. Валентина в глухой деревушке под Тайшетом 7/20 октября 1931 года. Хлопотами родных гроб с телом страдальца был переправлен в Москву. Отпевание проходило в Троицкой церкви на Сретенке. Покоится духовный писатель на Введенском кладбище, куда многие приходят к нему на могилу, чтобы отдать дань почтения его трудам и его мученическому жизненному подвигу.

К настоящему времени издано несколько книг протоиерея Валентина Свенцицкого, среди них впервые «Диалоги» (М., 1995) и «Беседы о духовной жизни» (СПб., 1995).

Пастырский разбор поучения старца Серафима о цели христианской жизни представляет собою седьмую беседу, проведенную отцом Валентином с прихожанами храма Священномученика Панкратия (начало 1928 г.).

В. Н. Лосский. **Дары Святого Духа**

Публикуется по: *Лосский В. Н.* Очерки мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 122–130. Заглавие фрагмента дано составителем, примечания автора.

Владимир Николаевич Лосский (25.05.1903–07.02.1958) – выдающийся отечественный богослов. Родился в семье известного философа. В Петербургский университет поступил 17-летним юношей, но окончить курс не удалось: в ноябре 1922 года семья была вынуждена покинуть Россию, и, как оказалось, навсегда. Поначалу обосновались в Праге, где Владимир Лосский продолжил свое образование под руководством видного византиниста Н. П. Кондакова. Позже будет Париж, Сорбонский университет, защита магистерской диссертации по специальности историка Средних веков. Усвоив основные духовные ценности Запада, молодой ученый решил посвятить себя богословию, укреплению позиций святоотеческого Предания, свидетельствованию истины Православия. Деятельно включился В. Н. Лосский в работу Фотиевского братства при Трехсвятительском подворье в Париже, поставившего целью предотвратить церковный раскол в среде русских беженцев.

Первый богословский труд В. Лосского «Спор о Софии» вышел на русском языке в 1936 году в Париже; посвящен критическому разбору «софиесловия» протоиерея С. Н. Булгакова. Здесь же был раскрыт догматический смысл Указа Московской Патриархии, направленный на опровержение еретической доктрины софианства. Этот труд Лосского заметно пошатнул позиции еретичествующих богословов и во многом до сих пор считается образцовым в догматическом споре по данному предмету. В военное лихолетье Владимир Николаевич создает свой выдающийся ученый трактат «Очерк мистического богословия Восточной Церкви», изданный на французском языке в 1944 году. Именно этот труд способствовал лучшему пониманию Православия инославными учеными, привлек к святоотеческому Преданию внимание западных богословов, положил начало полезному обмену мыслями.

После окончания Второй мировой войны в Париже возник Институт имени святого Дионисия, в котором В. Н. Лосский начал читать курсы догматического богосло-

вия и церковной истории. Позже он успешно преподавал на Пастырских курсах при Западноевропейском Патриаршем Экзархате, охотно участвовал в межконфессиональных богословских и философских конференциях. Один за другим появляются труды ученого богослова: 1945 год – «По образу и подобию Божию»; 1948 – «Исхождение Святаго Духа в православном учении о Пресвятой Троице», «О третьем свойстве Церкви»; 1950 – «Соблазны церковного сознания», «Всесвятая»; 1952 – «Смысл иконы» (совместно с Л. Успенским); «Мрак и Свет в познании Бога»; 1953 – «Искупление и обожение»; 1954 – «Элементы отрицательного богословия в мысли св. Августина», «Господство и Царство»; 1955 – «Преображение», «Богословское понятие человеческой личности»; 1957 – «Преполовение Пятидесятницы», «К вопросу об исхождении Святаго Духа», «Успение Божией Матери», «Проблема “видения лицом к лицу” в патристической традиции Византии»; 1958 (последний год его жизни) – «Предание и предания», «Богословие образа».

После кончины В. Н. Лосского состоялись посмертные публикации ряда его трудов. В России православному читателю работы Лосского стали доступны лишь с конца 60-х годов, когда их начал в переводах В. А. Рещиковой печатать «Журнал Московской Патриархии». В 1972 году вышел в свет восьмой выпуск сборника «Богословские труды», целиком посвященный публикациям произведений В. Н. Лосского. Ныне труды отечественного богослова изданы на Родине отдельными книгами, но осознание его наследства в полной мере еще только предстоит осуществить.

РАЗДЕЛ III. ПИСЬМЕННЫЕ НАСТАВЛЕНИЯ СТАРЦА СЕРАФИМА

Письменные наставления старца Серафима

Публикуется по материалам составителя.

РАЗДЕЛ IV. ПАЛОМНИКИ

С. Нилус. Служка Божией Матери и Серафимов (Симбирский совестный судья Николай Александрович Мотовилов)

Публикуется по материалам составителя.

ПИСЬМА Н. А. МОТОВИЛОВА ИМПЕРАТОРАМ НИКОЛАЮ I И АЛЕКСАНДРУ II

Письмо Н. А. Мотовилова Императору Николаю I

Публикуется по материалам составителя.

Письмо Императору Николаю I [Слово великого старца Серафима]

Публикуется по материалам составителя.

Докладная записка императору Александру II

Публикуется по материалам составителя.

ИЗ ПРОРОЧЕСТВ ПРЕПОДОБНОГО СЕРАФИМА САРОВСКОГО

Великая Дивеевская тайна

Публикуется по материалам составителя.

Приложение к «Великой Дивеевской тайне» (Из семейного архива Флоренских)

Публикуется по материалам составителя.

Антихрист и Россия

Публикуется по материалам составителя.

СОДЕРЖАНИЕ

Институт русской цивилизации создан для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева).

Целью Института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 30-томной «Энциклопедии русского народа» (вышло 14 томов), а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей и ученых, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма (вышло более 160 томов).

Редактор Д. В. Орлов
Корректор Г. А. Островская
Компьютерная верстка Е. Е. Поляков
Институт русской цивилизации. Тел.: 8-495-605-25-35

Подписано в печать 05.09.2013 г. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура «Times». Объем 19,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Тверской полиграфический комбинат».

ISBN 978-5-426-10069-5

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ ВЫПУСКАЕТ БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ РУССКОГО НАРОДА

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие в трех томах *(вышли)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русская икона и религиозная живопись в двух томах *(вышли)*
Русская архитектура и скульптура
Русская живопись
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

ВЫШЛИ В СВЕТ КНИГИ, ПОДГОТОВЛЕННЫЕ ИНСТИТУТОМ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ:

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ»

Митр. Иоанн. Самодержавие духа, 528 с.
Киреевский И. Духовные основы русской жизни, 448 с.
Гиляров-Платонов Н. П. Жизнь есть подвиг, а не наслаждение, 720 с.
Аксаков И. С. Наше знамя – русская народность, 640 с.
Гоголь Н. В. Нужно любить Россию, 672 с.
Тихомиров Л. А. Руководящие идеи русской жизни, 640 с.
Филиппов Т. И. Русское воспитание, 448 с.
Григорьев Ап. Апология почвенничества, 688 с.
Данилевский Н. Я. Россия и Европа, 816 с.
Хомяков А. С. Всемирная задача России, 800 с.
Самарин Ю. Ф. Православие и народность, 720 с.
Катков М. Н. Идеология охранительства, 800 с.
Булгаков С. Н. Философия хозяйства, 464 с.
Аксаков К. С. Государство и народ, 680 с.
Концевич И. М. Стяжание Духа Святого, 864 с.
Флоровский Г. В. Пути русского богословия, 848 с.
Гильфердинг А. Ф. Россия и славянство, 496 с.
Страхов Н. Н. Борьба с Западом, 576 с.
Мещерский В. П. За великую Россию. Против либерализма, 624 с.
Свт. Филарет митр. Московский. Меч духовный, 720 с.
Зеньковский В. В. Христианская философия, 1072 с.
Ламанский В. И. Геополитика панславизма, 928 с.
Черкасский В. А. Национальная реформа, 592 с.
Достоевский Ф. М. Дневник писателя, 880 с.
Солоневич И. Л. Народная монархия, 624 с.
Валуев Д. А. Начала славянофильства, 368 с.
Фадеев Р. А. Государственный порядок. Россия и Кавказ, 992 с.
Лешков В. Н. Русский народ и государство, 688 с.
Иван Грозный. Государь, 400 с.
Лобанов М. П. Твердыня духа, 1024 с.
Безсонов П. А. Русский народ и его творческое слово, 608 с.
Леонтьев К. Н. Славянофильство и грядущие судьбы России, 1232 с.
Щербатов А. Г. Православный приход – твердыня русской народности, 496 с.
Шафаревич И. Р. Русский народ в битве цивилизаций, 936 с.
Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства, 896 с.
Коялович М. О. История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям, 688 с.
Погодин М. П. Вечное начало. Русский дух, 832 с.
Шишков А. С. Огонь любви к Отечеству, 672 с.
Хомяков Д. А. Православие. Самодержавие. Народность, 576 с.

Кошелев А. И. Самодержавие и Земская дума, 848 с.
Черняев Н. И. Русское самодержавие, 864 с.
Победоносцев К. П. Государство и Церковь в 2-х томах, т. 1 – 704 с.; т. 2 – 624 с.
Венелин Ю. И. Истоки Руси и славянства, 864 с.
Преп. Иосиф Волоцкий. Просветитель, 432 с.
Преп. Нил Сорский. Устав и послания, 240 с.
Трубецкой Е. Н. Смысл жизни, 656 с.
Ломоносов М. В. О сохранении русского народа, 848 с.
Митр. Иларион. Слово о Законе и Благодати, 176 с.
Ильин И. А. Путь духовного обновления, 1216 с.
Тютчев Ф. И. Россия и Запад, 592 с.
Святые черносотенцы. Священный Союз Русского Народа, 1136 с.
Шарапов С. Ф. Россия будущего, 720 с.
Св. Иоанн Кронштадтский. Я предвижу восстановление мощной России, 648 с.
Суворин А. С. Россия превыше всего, 912 с.
Меньшиков М. О. Великорусская идея в 2-х томах, т. 1 – 688 с.; т. 2 – 720 с.
Розанов В. В. Народная душа и сила национальности, 992 с.
Архиепископ Аверкий (Таушев). Современность в свете Слова Божия, 720 с.
Иларион Троицкий. Преображение души, 480 с.
Митр. Антоний (Храповицкий). Сила Православия, 688 с.
Соловьев В. С. Оправдание добра, 656 с.
Бердяев Н. А. Философия неравенства, 624 с.
Киреев А. А. Учение славянофилов, 640 с.
Феофан Затворник. Добротолюбие, 752 с.
Кожинов В. В. Россия как цивилизация и культура, 1072 с.
Миллер О. Ф. Славянство и Европа, 880 с.
Архиепископ Никон (Рождественский). Православие и грядущие судьбы России, 640 с.
Пушкин А. С. Россия! встань и возвышайся!, 976 с.
Князь Александр Васильчиков. Русское самоуправление, 960 с.
Святитель Игнатий (Брянчанинов). Особенная судьба народа русского, 752 с.
Нилус С. А. Близ есть, при дверех, 576 с.
Кавелин К. Д. Государство и община, 1296 с.
Белов В. И. Лад. Очерки народной эстетики, 512 с.
Карамзин Н. М. О любви к Отечеству и народной гордости, 736 с.
Аскоченский В. И. За Русь Святую! 784 с.
Будилович А. С. Славянское единство, 784 с.
Повесть Временных Лет, 544 с.
Преп. Серафим Саровский. Стяжание Духа Святого, 480 с.
Ростопчин Ф. В. Мысли вслух на Красном крыльце, 704 с.
Магницкий М. Л. Православное просвещение, 528 с.
Домострой, 448 с.

СЕРИЯ «РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ»

Ильин И. А. Национальная Россия: наши задачи, 464 с.
Нилус С. А. Царство антихриста «Близ есть при дверех...», 528 с.
Шарапов С. Ф. После победы славянофилов, 624 с.
Грингмут В. А. Объединяйтесь, люди русские!, 544 с.
Вязигин А. С. Манифест созидательного национализма, 400 с.
Пасхалов К. Н. Русский вопрос, 720 с.
Платонов. О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Почему погибнет Америка, 528 с.
Бутми Г. Кабала или свобода, 400 с.
Жевахов Н. Еврейская революция, 480 с.
Никольский Б. В. Сокрушить крамолу, 464 с.
Величко В. Л. Русские речи, 400 с.
Архимандрит Фотий (Спасский). Борьба за веру. Против масонов, 400 с.
Булацель П. Ф. Борьба за правду, 704 с.
Дубровин А. И. За Родину. Против крамолы, 480 с.
Бондаренко В. Г. Русский вызов, 688 с.
Марков Н. Е. Думские речи. Войны темных сил, 704 с.
Шмаков А. С. Международное тайное правительство, 944 с.
Чванов М. А. Русский крест. Очерки русского самосознания, 608 с.
Осипов В. Н. Возрождение русской идеологии, 720 с.
Нечволодов А. Д. Император Николай II и евреи, 400 с.
Бабурин С. Н. Возвращение русского консерватизма, 832 с.
Крупин В. Н. Книга для своих, 512 с.
Шиманов Г. М. Записки из красного дома, 1024 с.
Жеденов Н. Н. Гроза врагов русского народа, 704 с.
Книга Русской Скорби. Памятник русским патриотам, погибшим в борьбе с внутренним врагом, 1136 с.
Сенин А. А. Служить правде, 416 с.
Личутин В. В. Размышления о русском народе, 576 с.
Куняев С. Ю. Русский дом, 912 с.
Замысловский Г. Г. В борьбе с ненавистниками России, 720 с.
Проханов А. А. Слово к народу, 896 с.
Хатюшин В. В. Вехи окаянных лет, 608 с.
Ганичев В. Н. О русском, 832 с.

СЕРИЯ «РУССКАЯ ЭТНОГРАФИЯ»

Максимов С. В. По Русской земле, 960 с.
Зеленин Д. К. Русская этнография, 672 с.
Коринфский А. А. Народная Русь, 944 с.
Сахаров И. П. Сказания русского народа в 2-х томах, т. 1 – 800 с.; т. 2 – 928 с.
Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах, 880 с.
Калинский И. П. Церковно-народный месяцеслов на Руси, 384 с.
Риттих А. Ф. Славянский мир. Историко-географическое и этнографическое исследование, 576 с.

Пассек В. В. Очерки России, 448 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских царей в XVI и XVII столетиях, 1056 с.
Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях, 704 с.

СЕРИЯ «ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ»

Лебедев С. В. Слово и дело национальной России, 576 с.
Платонов О. А. Экономика русской цивилизации, 800 с.
Антонов М. Ф. Экономическое учение славянофилов, 416 с.
Каплин А. Д. Мировоззрение славянофилов, 400 с.
Романов И. Стратегия восточных территорий, 320 с.
Евдокимов А. Ю. Биосфера и кризис цивилизации, 480 с.
Крыленко А. К. Денежная держава, 368 с.
Черная сотня. Историческая энциклопедия, 640 с.
Славянофилы. Историческая энциклопедия, 736 с.
Морозова Г. А. Третий Рим против нового мирового порядка, 272 с.
Троицкий В. Ю. Судьбы русской школы, 480 с.
Русские монастыри и храмы. Историческая энциклопедия, 688 с.
Русские святые и подвижники Православия. Историческая энциклопедия, 896 с.
Васильев А. А. Государственно-правовой идеал славянофилов, 224 с.
Игумен Даниил (Ишматов). Просветительская и педагогическая деятельность преподобного Сергия Радонежского, 192 с.
Сохряков Ю. И. Русская цивилизация: философия и литература, 720 с.
Олейников А. А. Политическая экономия национального хозяйства, 1184 с.
Черевко К. Е. Россия на рубежах Японии, Китая и США (2-я половина XVII – начало XXI века), 688 с.
Виноградов О. Т. Очерки начальной истории русской цивилизации, 544 с.
Олейников А. А. Экономическая теория. Политическая экономия национального хозяйства. Учебник для высших учебных заведений, 1136 с.
Каплин А. Д. Славянофилы, их сподвижники и последователи, 624 с.
Бухарин С. Н., Ракитянский Н. М. Россия и Польша. Опыт политико-психологического исследования феномена лимитрофизации, 944 с.
Ягодинский В. Н. Космология духа и циклы истории, 320 с.
Очерки истории русской иконы, 592 с.
Мокеев Г. Я. Русская цивилизация в памятниках архитектуры и градостроительства, 480 с.
Стогов Д. И. Черносотенцы: жизнь и смерть за Великую Россию, 672 с.
Евдокимов А. Ю. Русская цивилизация: экологический аспект, 672 с.
Синодикъ, или Куликовская битва в лицах, 736 с.
Русский государственный календарь, 728 с.
Пецко А. А. Великие русские достижения. Мировые приоритеты русского народа, 560 с.
Русская артель, 672 с.
Русская община, 1376 с.
Платонов О. А. Русский народ. История. Душа. Победы, 816 с.
Катасонов В. Ю. Капитализм. История и идеология «денежной цивилизации», 1072 с.

Минаков А. Ю. Русская партия в первой четверти XIX века, 528 с.
Кикешев Н. И. Славянская идеология, 704 с.
Катасонов В. Ю. Экономическая теория славянофилов и современная Россия, 656 с.
Прохоров Г. М. Древнерусское летописание. Взгляд в неповторимое, 416 с.

СЕРИЯ «ТЕРНОВЫЙ ВЕНЕЦ РОССИИ»

Платонов О. История русского народа в XX веке в 2-х томах, т. 1 – 804 с.; т. 2 – 1040 с.
Платонов О. Тайная история масонства, 912 с.
Платонов О. История масонства. Документы и материалы в 2-х томах, т. 1 – 720 с.; т. 2 – 736 с.
Платонов О. Пролог цареубийства, 496 с.
Платонов О. История цареубийства, 768 с.
Платонов О. Святая Русь. Открытие русской цивилизации, 816 с.
Башилов Б. История русского масонства, 640 с.
Шевцов И. В борьбе с дьяволом, 656 с.
Лютостанский И. Криминальная история иудаизма, 992 с.
Платонов О. Тайна беззакония. Иудаизм и масонство против христианской цивилизации, 880 с.
Платонов О. Загадка сионских протоколов, 800 с.
Платонов О. Заговор цареубийц, 528 с.
Платонов О. Николай II в секретной переписке, 800 с.

ПЛАТОНОВ О. А. СОБРАНИЕ ТРУДОВ В 6 ТОМАХ

Платонов О. А. Русская цивилизация. История и идеология русского народа, 944 с.
Платонов О. А. Россия и мировое зло. Труды по истории тайных обществ и подрывной деятельности сионизма, 1120 с.
Платонов О. А. Масонский заговор в России. Труды по истории масонства. Из архивов масонских лож, полиции и КГБ, 1344 с.
Платонов О. А. Разрушение Русского царства, 912 с.
Платонов О. А. Война с внутренним врагом, 1296 с.